

АРКАДИЙ МАЦАНОВ

*Детям, внукам и правнукам
с верой, надеждой и любовью.*

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том XXIII

Ростов-на-Дону
2012

АРКАДИЙ МАЦАНОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том XXIII

ООО «КОВЧЕГ»
2012

АРКАДИЙ МАЦАНОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том XXIII

•

НАХИЧЕВАНЕЦ

•

БАКИНЦЫ

•

КРЫМСКИЕ КАНИКУЛЫ

•

ДВЕ БОЛЬШИЕ РАЗНИЦЫ!

•

ПРОСТИ МЕНЯ, ДЕДУШКА...

•

НОВОЧЕРКАССК.

ИЮНЬСКИЕ ЗАМОРОЗКИ

•

ПО УЛИЦЕ МОЕЙ...

•

ОЧЕВИДНОЕ И ВЕРОЯТНОЕ

•

ООО «КОВЧЕГ»

2012

ББК 84-44

М 36

М 36 Мацанов А. К.

Собрание сочинений, том XXIII.

Ростов-на-Дону: ООО «Ковчег», 2012 – 400 с.

ISBN 978-5-91011-064-3

© Аркадий Мацанов, 2012

© ООО «Ковчег», 2012

НАХИЧЕВАНЕЦ

Повесть

*...Я тот, чьи мучения измерялись
десятками столетий, а жизнь
– лишь несколькими десятками
лет... Тот, кто веками страдал от
войн и истребления...
Я тот, кто всегда жил среди смер-
ти, но неподвластен ей.
Я есть сама жизнь, бессмертие.*

Геворг Эмин. «Путник вечности»

Перевод с армянского А.А. Гамбарян.

Пролог

Конец апреля выдался тёплым. Прекратились дожди, очистилось и стало голубым небо, и солнышко уже припекало совсем по-летнему. Всюду на деревьях и газонах молодой зелёный цвет. Расцвела сирень, разнося пьянящий аромат. На клумбах радовали и удивляли многообразием цветов тюльпаны, и только лёгкий ветерок, шелестя листочками, говорил, что ещё всё может измениться. Ведь это только конец апреля!

Григорий Рубинович Левин, невысокий старик с орлиным носом, большими чёрными глазами, коротко подстриженными усами и седой головой, стоял у открытого окна гостиничного номера и задумчиво смотрел на вечерний Ростов. Как всё здесь изменилось! Теперь можно и заблудиться. Там, где теснились друг к другу старенькие, покосившиеся, словно во хмелю, домишки, выросли монстры из стекла, стали и бетона, один другого выше. Красиво... только такое есть везде, а того, близкого сердцу Ростова уже почти нет... Узнает ли он свою родную Нахичевань? Когда-то это был самостоятельный городок, но кто-то в Москве

решил объединить его с Ростовом... И теперь это Пролетарский район города. Вроде как бы понизили статус Нахичевани... Родная Нахичевань... Жива ли она? Хранит ли свои традиции? Сохранила ли свою самобытность, свою историю?

В этом году весна наступила сразу. Стало солнечно и тепло. В садах зацвели абрикосы и вишни... Цветущий сад – что может быть прекраснее! А во Владивостоке, откуда он приехал и где работал на судоремонтном заводе инженером-конструктором, весна не торопилась, ползла по-пластунски, словно боялась чего-то. Хулиганистый март дул холодными ветрами, подсыпал снежка, собирая его в сугробы. И апрель грустил, прощаясь с зимой и плача дождями. Иногда так разревётся, разбухнет грозой с молниями и громами, что невольно и у Григория Рубиновича на душе становилось слякотно и вспоминал он тогда снежную зиму, морозы, низкое белое небо... Он приехал в город своего детства с внуком. Парень вернулся из армии, где прослужил, как и его дед, во флоте. Ему довелось служить недалеко от дома, чему он был очень рад. Когда случались увольнительные, шёл домой, чтобы увидеть родителей, деда. Родители работали на том же судоремонтном заводе, на котором много лет работал дед. Что ни говори, а так и возникла династия судостроителей. Видимо, и у него такая же судьба. Только сначала нужно поступить и окончить институт. Нет, в самом деле, не в торгоша же ему идти!

Но придя из армии, Михаил мечтал повидать мир.

– Это нормально: дожил до двадцати одного года, а до сих пор дальше Хабаровска ничего не видел?!

Тогда-то дед и решил сделать то, о чём мечтал уже долгие годы, – поехать в город своего детства и внука взять с собою.

– Мешать не буду, а может, и сгожусь на что... У тебя по возрасту и по чину должен быть ординарец!

– Ладно... Только, боюсь, не очень-то будет интересно. Впрочем, и тебе неплохо узнать свои корни. Тогда лучше понимать станешь, зачем живёшь на свете, какого народа частичка!

Сборы были недолгими. Григорий Рубинович сказал, что едут они ненадолго, потому что внуку в этом году нужно ещё поступить в институт.

Все вещи легко вместились в один чемодан. Билеты взяли сразу в два конца. Оказалось, что так – существенно дешевле.

Нужно ли говорить, какое впечатление на парня произвёл многочасовой перелёт из Владивостока в Москву?! Из иллюминатора было видно крыло. Оно всё время подрагивало, и Михаилу казалось, что оно оторвётся и они упадут. Думал: «Почему пассажирам не выдают парашюты? Меньше было бы жертв...» Потом он с интересом наблюдал за облаками, которые были едва видны где-то далеко внизу. Самолёт летел на высоте одиннадцати тысяч метров!

Стюардессы, стройные белокурые девушки, разносили напитки. Кто-то из пассажиров читал журнал, кто-то слушал музыку. Дед сидел рядом и, кажется, дремал...

«Дед у меня ещё ничего, – думал Михаил. – Форму держит... Молоток! Вот только в последнее время стал часто говорить о “родине”. Для меня Владивосток – родина... Может, если бы уехал куда, и меня бы тянуло взглянуть на родные места. Но пока я этого не чувствую. Наверное, это приходит с возрастом. А его тянет, хотя и жил там всего-ничего! Как уехал после школы, так и не возвращался, кажется... Кого он там увидит? Да и узнает ли? Разве что на кладбище сходим, цветы положим...»

Потом была Москва. Михаил часто думал о ней, представлял себе огромный город, множество людей, машин... но такого представить себе не мог. Здесь легко можно было потеряться. Толпы людей куда-то торопились, кричали, тащили тяжёлые чемоданы... К ним подходили какие-то мужчины, занимающиеся извозом, тихо, чтобы не привлекать внимание, предлагали свои услуги, называли цену, пытаясь подхватить у пассажира чемодан и тут же отнести к машине.

Им нужно было переехать из одного аэропорта в другой. Выстояли очередь и сели в такси, потом на метро, наконец, на

автобус... Расстояние по владивостокским меркам огромное, и на всём протяжении в несколько рядов машины, автобусы... Знаменитые московские пробки. Но они не торопились. До вылета добрых четыре часа.

Потом снова самолёт. И снова какое-то предательское чувство страха. «Неужели я всё-таки трус? – подумал Михаил. – Но здесь, кажется, недолго: час с небольшим лёту».

Когда прилетели в Ростов, был уже вечер. Дед предусмотрительно заказал номер в гостинице. Мраморные лестницы, ковровые покрытия, бронза, хром... всё блестит, сияет. Швейцар в роскошной ливрее, коридорные с бейджиками на груди.

На первом этаже – ресторан, через этаж – кафе.

«Жить можно!» – подумал Михаил и прошёл за дедом в лифт. Так высоко Михаилу ещё не приходилось забираться. Шутка сказать, двенадцатый этаж! А ведь это не самый верхний!

Номер из двух комнат. В первой – диван, кресла, плазменный телевизор, бар... Во второй – две кровати, прикроватные тумбочки, зеркала, письменный стол... Ванная комната, туалет...

Михаилу ещё не приходилось жить в таких апартаментах. И город вечерний ему понравился. Дома совсем не так... Родной город деда! Значит, и его корни отсюда! Хотя бы следы родни какой отыскать...

Михаил посмотрел на деда, стоящего у окна.

– Смотришь и не узнаёшь родной Ростов? – спросил он. – Судя по постройке, и гостиницы этой в твоё время не было.

– Мой родной город – Нахичевань. Там я родился, школу окончил. Оттуда и в армию ушёл... А Ростов действительно изменился, не узнать... Дома огромные, улицы широкие... Если смотреть из окна, трудно понять, в каком ты городе. Чем отличается этот вид из окна от вида, скажем, любого большого города России? Те же огни рекламы, те же пёстрые машины и люди с высоты – чёрные точки. Бегут в разные стороны... Муравейник! В чём разница?

– Для случайного приезжего разницы, конечно, нет никакой, – ответил Михаил. – А ростовчанин, я думаю, сразу найдёт отличие. Я Владивосток с закрытыми глазами отличу от всех этих городов. Там всё другое! Там морем пахнет... Да, ты не узнаешь свой город! Он стал другим. Шутка ли, столько лет прошло! Вряд ли ты здесь знакомых встретишь.

Григорий Рубинович отошёл от окна и сел в кресло.

– В этом ты прав. Но я и не рассчитываю кого-то здесь встретить. А встречу, так вряд ли узнаю. Когда шли в гостиницу, видел какого-то старика. Вглядывался, не знакомый ли. А старик шёл по улице, раскачиваясь из стороны в сторону, пугая прохожих, и шевелил губами, что-то говоря сам себе. Моего примерно возраста, только уж совсем зачуханный. В руках торба. Из кармана бутылка торчит. Отвратительная фигура. Неужели и я так выгляжу?

– Да брось, дед! Ты у нас ещё о-го-го!

– Долго ли буду оставаться в форме? Нет, не дожить бы до такого... Не дай Бог! Жизнь пролетела, и не заметил. Детство вспоминаю отрывками. Дедушка Лёва и бабушка Женя по маминной линии погибли в двадцать пятом. Тогда в городе шли массовые аресты сионистов и членов организации «Гахалуц». Они не были ни сионистами, ни заговорщиками. Дед работал хирургом в больнице. Но их расстреляли как врагов народа... Потом и отца расстреляли в тридцать девятом. Он работал экономистом в Академии наук СССР. Обвинили в том, что был участником контрреволюционной организации. Хорошо, что с мамой они не успели расписаться, а то бы и её пристегнули к этому делу...

– Ты никогда об этом не рассказывал, – тихо произнёс Михаил и сел на диван.

– Мама как раз была беременна, когда узнали о его смерти... В тот год я и родился...

– Странно... Почему ты никогда об этом не говорил?

– Время, внук, было такое. Да и не интересовало это тебя. У тебя были свои заботы. Лишнее говорить отучился...

– Лишнее! Я хочу знать свою родословную! А что потом?

– Дедушка Лёва, твой прапрадед, работал когда-то здесь в еврейской больнице, построенной на пожертвования и названной в честь императора «Александровской». Еврейское кладбище давно перепахали, и на его месте стоят высотные здания.

– Интересно! Живут на костях...

– Все мы живём на чьих-то костях... Не это самое страшное. Память живёт, пока есть люди, которые помнят... Ты подумай: одно-два поколения людей посещают могилы своих предков. Памятники ставят, за могилами ухаживают. Третье поколение на эти могилы уже почти никогда не приходит. Потом могилы запускаются... И всё это совсем недолго. Через пятьдесят-сто лет кладбище становится старым... И только тех могилы сохраняются, кто оставляет в истории хоть какой-то след.

Михаил встал, приоткрыл окно и достал сигареты.

– Ты бы не курил здесь...

– Я в окно... Расскажи. Мне интересно.

Михаил шире открыл окно и жадно закурил.

Комната наполнилась городским шумом и свежей вечерней прохладой.

– Жизнь пролетела... Маму почти не помню... В тысяча девятьсот сорок втором её расстреляли в Змиёвской балке. Мне тогда было чуть больше трёх. Какая-то сволочь донесла... А вскоре после войны умерла моя бабушка Соня, мать отца. Мне тогда исполнилось восемь. Хотели забрать в детский дом, но меня взяла к себе их домработница – баба Варсеник. Она и заменила мне и мать, и отца, и дедов...

– А что с твоим дедом по отцовской линии?

– Дед по отцовской линии – особ статья. Это был замечательный человек. Он-то оставил след в истории. Только и его могила, боюсь, не сохранилась... Дед умер от разрыва сердца прямо на улице, узнав, что четырёх его сыновей расстреляли в НКВД. Это случилось в тридцать девятом году. У мамы случились роды... Меня назвали в его честь.

– Он как мне приходится, прапрадедом?

– Точно. А звали его Григорием Христофоровичем Чалхушьяном.

Михаил смотрел на своего деда, широко раскрыв глаза, пытаясь выговорить труднопроизносимую фамилию:

– Чал-хушь-ян... Странно. А мы – Левины...

– Мама не была зарегистрирована с отцом, и это её спасло в тридцать девятом, но погубило в сорок втором...

– Ну и фамилия была бы у нас! Сразу и не выговоришь!

– Напротив нашего дома была школа, и я часто из окна наблюдал за Люськой из 9б, которая мне очень нравилась. Вообще-то её звали Люсинэ. Как-то сказал ей, ничего плохого и не думая:

– Ну, у вас, у армян, и имена. Всё не как у людей.

Люська холодно посмотрела на меня, резко повернулась и пошла в сторону своего дома. Я поплёлся за ней, но она только у самых дверей повернулась, показала язык и вбежала в дом, с шумом захлопнув калитку.

– Здорово! А вдруг ты её встретишь? Правда, и она уже давно не девчонка!

– Много лет назад приезжал в Нахичевань. Было это, кажется, в семидесятом. Встретил её случайно. Сначала, как всегда, поспорили о чём-то, а потом выяснили, что все эти годы и она была в меня влюблена! Но что было делать? У каждого семья, дети... Вернулся во Владивосток... Вот так иногда в жизни бывает, внук!

– А после армии ты...

– Пока служил, а служил я, как и ты, во флоте, умерла бабушка Варсеник, заменившая мне родителей. Но я не смог даже её похоронить. Письмо шло долго, да и она мне по документам – чужая. Могилу её тогда едва отыскал на кладбище. Поставил оградку, памятник... Теперь, наверное, и не найду... Она была когда-то чёрной как смоль. А когда в пятьдесят четвёртом уходил в армию, волосы её поредели и стали белыми, а глаза – бледными настолько, что и не угадаешь, какого были цвета изначально.

Она всегда носила чёрную одежду и говорила по-русски с акцентом. Всю жизнь в России прожила, а толком сказать двух слов по-русски не могла. Я любил её очень. Сколько помнил себя, она всегда была рядом. Защищала, кормила, шлёпала, если было за что, песенку на армянском языке пела перед сном. В детстве, помню, очень любил эти бабушкины «концерты». Потом, когда стал постарше, помню, бабушка Варсеник учила меня песенке-заклинанию, чтобы вызвать дождик:

*Чоли, Чоли, нет Чоли!
Чоли упал в море;
Нет верёвки, чтобы вытащить Чоли.
Принесите яйца, положим на лапку.
Принесите масла связать волосы.
Принесите верёвку, вытащим из моря Чоли...*

Жили мы трудно. На её пенсию и зарплату дворничихи не разгуляешься, но голодным я никогда не был...

А потом жизнь закрутила, завертела... После армии поступил в судостроительный. Знал, что Люся вышла замуж. Женился...

К ночи подул прохладный ветер и неожиданно пошёл дождь. Крупные капли выбивали дробь по стеклу. Природа не хотела проявлять фантазию и разразилась предмайской грозой. Поэт любил грозу в начале мая... «Ну что ж, – подумал Григорий Рубинович, – всё, как и положено быть».

Михаил молчал. Столько впечатлений на него обрушилось в эти дни! «Странно, – подумал он. – Ведь я всего этого и не знал... Раньше было как-то не до того...»

– Твоего папу мы назвали именем моего отца – Рубеном. Так ты получился Михаил Рубинович Левин!

– Как подумаю, – грустно ответил юноша, – сколько здесь намешано... Удивляюсь националистам, рассуждающим о чистоте

крови. Жизнь так всё и всех перемешала, что и не поймёшь, кто есть кто. Баба Маруся – русская...

– Ну да, если не считать, что у неё есть все признаки примеси восточных или северных народов... Лицо широкое, и глаза щёлочкой...

– Вот-вот! Ты – наполовину армянин, наполовину – еврей...

– Какая разница, внук, что в тебе намешано. Будь, главное, Человеком!

– А как было раньше? – не унимался Михаил. – Жили в хатёнках, вкалывали, как зяблики... Я говорю даже не о времени твоей молодости, а до революции. Что ни говори...

– Что ты знаешь, как тогда жили?! – воскликнул Григорий Рубинович. – Кто-то жил тяжело, кто-то хорошо. Разве сейчас не так?

– Но раньше была сплошная безграмотность... Люди голодали...

– Это ты повторяешь то, чему нас учили. А я недавно читал, что налоги тогда были самыми низкими в Европе. Ежегодно открывались школы, где бесплатно учились дети, и к тысяча девятьсот двадцать пятому году царь планировал полностью покончить с безграмотностью!

– Но ты же не можешь возражать, что рабочий день был длинным, да и условия труда были страшными! Недаром же одним из лозунгов тогда был: «Даёшь восьмичасовой рабочий день»! Неужто народ пошёл бы за большевиками, если бы было всё так хорошо?

– Ерунда всё это. Умелая пропаганда... Рабочий день действительно был большим, но никто почему-то не говорит, что рабочие имели до двух часов перерыва на обед и отдых. На предприятиях же, имеющих непрерывный цикл работ, всегда был восьмичасовой рабочий день. Владельцы заводов давали многим рабочим «хозяйские квартиры». И детские сады, больницы и поликлиники были бесплатными. Врали нам много, вот что я тебе скажу.

– Но разве можно сравнить то, что было, с тем, что есть?!

– Конечно, нельзя! Так времени сколько прошло! Социальные проблемы и тогда решали, только потом стали всё это приписывать большевикам. Россия была мощной и богатой страной. Но, видимо, именно в этом и заключается одна из главных причин революции – сытая и мощная Россия многим была не нужна... Но хватит об этом. Пора спать...

Григорий Рубинович встал и пошёл в спальную комнату.

– Завтра встаём рано, завтракаем, и начинаем наши поиски. Я всё же надеюсь хоть кого-то отыскать. В церковь зайдём, что на территории армянского кладбища. Может, там помогут отыскать могилки наших родственников...

1. XIX век принято называть «серебряным», полагая, что он был благоприятен для развития искусства и литературы. Двадцатый же является «золотым» для биологии и медицины. В первый же год нового XX века венским бактериологом были открыты группы крови. Чуть позже появились работы Павлова об условных и безусловных рефлексах. Исследования Зигмунда Фрейда и Карла Юнга расширили наши представления о возможностях человека. Были изучены рентгеновские лучи, естественная и искусственная радиоактивность... Наконец, в двадцатом веке открыли антибиотики! Всё это полностью изменило жизнь человечества. Раньше человек мог умереть от малейшей царапины или какой-то инфекции. Средняя продолжительность жизни с сорока лет увеличилась до семидесяти пяти!

Но в 1905 году всё только начиналось, а новейшие аппараты и методики ещё робко применялись в крупнейших медицинских центрах России, тогда как в далёких губерниях о них только читали в медицинских журналах.

Огромные, можно сказать, революционные изменения в медицине понуждали врачей, жаждущих приносить пользу больным, ездить в крупные столичные клиники и изучать новые мето-

ды лечения, чтобы потом использовать их в своей практике.

Именно поэтому в сентябре 1905 года Лев Маркович Левин, хирург еврейской больницы в Ростове, предварительно списавшись с Николаем Александровичем Вельяминовым, выдающимся хирургом Императорской Военно-медицинской академии, и испросив его разрешения, выехал с женой в Петербург, чтобы познакомиться с новейшими методами хирургического лечения заболеваний брюшной полости. Его интересовали работы Николая Александровича о влиянии ультрафиолетовых лучей на бактерии. Он намеревался выяснить, возможно ли приобрести для больницы рентгеновский аппарат, необходимый для диагностики переломов костей. Свою пятилетнюю дочурку Олечку они оставили на попечение родителей Льва Марковича, живущих в том же доме.

Марк Моисеевич, старик с пышной седой бородой, ещё работал зубным врачом, а его жена Мария Абрамовна была слишком слаба, чтобы работать, и едва справлялась с внучкой. Девчужка была любознательной и весёлой. Осень в том году была тёплой, и они иногда гуляли в городском парке. Благо жили совсем недалеко от него.

Но в октябре в Ростове стало твориться что-то неладное. Толпы подвыпивших молодчиков громили магазины, небольшие мастерские, принадлежащие евреям, избивая стариков и женщин. Через некоторое время погромщики стали врываться и в квартиры, избивая всех, кто попадался им под руку.

Полиция безмолвствовала. Было件нятно, что хулиганы действуют с её молчаливого согласия.

Такая же волна погромов прокатилась по всей России.

Однажды, это было в середине октября, к Левиным зашёл Дмитрий Фёдорович Вдовин, старый фельдшер, живший по соседству. Обеспокоенный тем, что творится в городе, он пришёл предупредить коллегу.

– Уважаемый Марк Моисеевич, – обратился Дмитрий Фёдорович к соседу. – Настоятельно рекомендую вам с супругой и

внучкой уехать куда-нибудь, пока всё это не закончится. Как говорится: бережёного Бог бережёт. Или пойдёмте ко мне. И на работу не выходите. И вы, сударыня, с внучкой не выходите гулять. В городе ужас что творится.

Марк Моисеевич был растроган таким участием коллеги. Пригласив в дом, усадил в кресло и только потом ответил, вытирая непрошеную слезу:

– Спасибо, дорогой Дмитрий Фёдорович! Очень тронут вашим участием... У нас нет большого богатства... Незачем нас грабить... А соседи к нам хорошо относятся, давно нас знают... Заступятся, если что... Страшное время, что говорить, но я всё же не думаю, что к нам придут...

– Придут! Они по квартирам ходят. Не щадят ни стариков, ни женщин, ни детей. Позавчера доктора Фельдмана Абрама Яковлевича так измордовали. Не знаю, выживет ли. Дочь изнасиловали. Вам оставаться здесь нельзя! Хорошо, что Лев Маркович с супругой уехали. И вам уезжать нужно! – настаивал Дмитрий Фёдорович. – Эти... даже не знаю, как их назвать... они же нелюди...

– Да куда же я поеду! У меня больные на завтра назначены... Не могу я...

Все замолчали, словно устали друг друга уговаривать. Потом, видя, что Марка Моисеевича не переубедить, Дмитрий Фёдорович умоляюще проговорил:

– Хотя бы супругу с внучкой отпустите... Пусть уезжают... В Нахичевань. Там, говорят, спокойно. Этих безобразий нет...

– В какую Нахичевань?! У нас там и знакомых ни-кого нет!

– Не беда. Есть у меня там знакомый. Юрист. Прекрасный человек. Поезжайте к нему! Он что-нибудь придумает. Вам необходимо переждать эту смуту.

– Хорошо, – наконец, согласился Марк Моисеевич. – Пусть едут, а я останусь. Стар уже от всякой сволочи бегать, да и неловко чужих людей обременять своей персоной...

– Так! Собирайтесь! – заторопил Марию Абрамовну Дмитрий Фёдорович. Он резко встал, всем своим видом показывая, что нельзя терять ни минуты. – Я сам вас отвезу, познакомлю с Григорием Христофоровичем. Он – гласный городской Думы, уважаемый, порядочный человек.

Марк Моисеевич попрощался с женой, поцеловал на дороге внучку. Провожать их не вышел – не было сил.

Дмитрий Фёдорович остановил проезжающий свободный фаятон, помог сесть старушке и Олечке, сел на облучок к кучеру, и они направились в Нахичевань. Ехали быстро, словно за ними кто-то гнался. Остановились у дома Чалхушьяна, когда небо стало серым от низких облаков. Дул холодный ветер, и казалось, вот-вот хлынет дождь.

– Вы посидите, а я пойду переговорю с Григорием Христофоровичем.

Через несколько минут к фаятону подошёл Дмитрий Фёдорович в сопровождении невысокого круглолицего человека с большим лбом мыслителя, большими усами, скрывающими верхнюю губу, и с бородкой клинышком.

– Добрый день, сударыни, – сказал незнакомец. – Милости прошу в мой дом. Здесь вы найдёте приют, сможете переждать тревожное время. Я согласен с Дмитрием Фёдоровичем: и вашему супругу тоже следовало бы на время сюда переехать. Здесь вас никто не тронет...

Он помог выйти из фаятона Марии Абрамовне, потом Олечке.

– Ты, голубчик, подожди, – сказал Дмитрий Фёдорович кучеру. – Мы сейчас поедem обратно.

Взял небольшой чемодан и направился следом.

В доме Григория Христофоровича было шумно и весело. Разновозрастная детвора бегала по комнатам, во что-то играя и совершенно не обращая внимания на вошедших людей. Сюда часто приходили посторонние, и все привыкли к этому. И только жена Григория Христофоровича Софья Андреевна растерянно стояла у

входа, с жалостью глядя на старушку и маленькую девочку. Потом наклонилась к Олечке и, взяв её за руку, ласково спросила:

– Как звать тебя, красавица?

– Оля! Мне уже пять лет! – ответила девочка.

– О! Так ты у нас уже совсем большая! Пойдём, я тебя познакомлю с такой же девочкой. Её Сусанной зовут. У неё есть куклы. Вы вместе будете играть!

И они пошли в комнату, откуда доносился весёлый смех.

Григорий Христофорович позвал мальчика лет семи и строго сказал:

– Леон, ты с Рубеном несколько дней будете спать в другой комнате. В вашей – поживут наши гости. Забери свои и Рубена вещи. Где его только носит?!

Мальчик, ни слова не говоря, собрал вещи и молча ушёл. В этом доме не принято было обсуждать распоряжения отца.

Григорий Христофорович проводил Марию Абрамовну в комнату, сказал:

– Здесь есть всё, что вам нужно. Сейчас вам перестеляют постель. Располагайтесь. Через полчаса будем обедать...

Дмитрий Фёдорович попрощался с Марией Абрамовной и направился к ожидающему его фэзтону.

– Уважаемый Дмитрий Фёдорович, – попросила старушка, – вы уж там присмотрите за Марком Моисеевичем. Он, наверное, не очень понимает всей опасности. Пожалуйста, помогите ему, чем сможете!

За большим обеденным столом собралась почти вся семья Григория Христофоровича. Рядом с хозяином с одной стороны сидела его жена, а с другой – Мария Абрамовна. Дальше – дети. Леон – рядом с Олечкой и, как мог, ухаживал за нею. За столом было одно свободное место. Оно предназначалось Рубену. Но его всё не было, что вызывало недовольство Григория Христофоровича.

Учитывая, что за столом сидели гости, не знающие армянского языка, все говорили только по-русски.

Софья Андреевна заботливо ухаживала за гостями, представляя каждое своё блюдо.

Обычно плохо кушавшая Олечка уплетала за обе щёки удивительные и непривычные кушанья. Особенно ей понравился тонкий душистый лаваш. Леон научил гостью, и она заворачивала в него брынзу, зелень и с аппетитом ела «дудочку», показывая всем, что она хорошая и послушная девочка.

– Куда мог подеваться Рубен? – с тревогой спросил у детей Григорий Христофорович. – Никто не знает?

Но никто не знал, и только Степан опустил голову, стараясь избежать требовательного взгляда отца.

– Ты что-то знаешь?

Степан взглянул на отца и проговорил:

– Он взял маузер и с ребятами пошёл. Говорили, что к нам в Нахичевань хотели прискакать казаки. Решили не пускать их в город.

– Откуда эти сведения? – строго спросил Григорий Христофорович.

– Дядя Карапет Малхасян был сегодня в Ростове... Он говорил...

Григорий Христофорович отставил тарелку, извинился, надел пальто и спешно куда-то ушёл.

Вернулся он с Рубеном поздно, часов в десять. Дети уже спали, и только Софья Андреевна на кухне тихо беседовала с Марией Абрамовной, поджидая мужчин.

– Почему так долго? – набросилась она на мужа. – Что там случилось? И ты, – повернулась она к сыну, – думаешь – поступил в университет, так уже взрослый? Не обедал, где-то бродишь...

– Не шуми, мать! – успокоил её Григорий Христофорович. – И Рубен – молодец. Поступил, как и должен был поступить мужчина.

– Так что там произошло?

– Ничего. Человек двенадцать казаков хотели и в Нахичевани устроить погром. Так я собрал несколько наших ребят. Взяли ружья... и встретили их. Как надо встретили...

– Боже мой! Была стрельба? Вы их перестреляли? Что ты молчишь?!

– Да ничего не было. Они увидели, что и нас не меньше, да к тому же мы вооружены. Поговорили... Я им сказал, что Нахичевань была дана Екатериной, чтобы мы – армяне – способствовали благоденствию края, а не разграблению его. Гостям мы всегда рады. А вот гадить у нас дома не дадим. Вот они и повернули назад. Думаю, больше сюда не сунутся...

Всё это Мария Абрамовна слушала с замиранием сердца.

– А вы чего так побледнели, голубушка. Давайте лучше пить чай! – сказал Григорий Христофорович, обняв за плечи гостью и усаживая её за стол.

На следующее утро Мария Абрамовна проснулась рано. Тихо, чтобы никого не будить, оделась и села у письменного стола. Не могла спать: волновалась за мужа. Как он там? Как узнать? Что делать? Потом подумала, что попросит Рубена после университета зайти к ним домой, узнать, как там.

Потом встала Софья Андреевна. Она долго умывалась, возилась на кухне.

«Хорошая, дружная семья», – подумала Мария Абрамовна.

После завтрака она подошла к юноше и попросила:

– Если можно, после занятий зайдите к нам, узнайте, всё ли в порядке. Это недалеко от больницы. Адрес я написала... Пожалуйста! Я очень волнуюсь.

Юноша взял листок и успокоил старушку:

– Занятия у меня заканчиваются в четыре. Потом обязательно зайду, передам от вас привет... Вы не волнуйтесь. Всё будет хорошо...

Но, прийдя вечером домой, Рубен сказал, что в их квартире никого не было. Он стучал, но никто ему так и не открыл дверь.

Мария Абрамовна ещё больше заволновалась.

– Там что-то случилось... Я чувствую. Муж обычно никуда не выходит... Разве к Дмитрию Фёдоровичу пошёл или в больнице остался...

Сама мало веря своим предположениям, она совсем потеряла покой.

– Мария Абрамовна, расскажите, как вы готовите мясо с черносливом? Как-то мне приходилось быть в еврейском доме. Там нас угощали. Очень вкусно!

Софья Андреевна увела гостью на кухню, пытаясь отвлечь её от страшных мыслей.

После обеда Рубен некоторое время играл с детьми. Он взял красную мамину шаль, большую чёрную шляпу и... превратился в волшебника, показывал фокусы, рассказывал весёлые истории, вырезал из бумаги разные безделушки...

Олечке добрый волшебник подарил небольшое красное сердечко.

– А это тебе! – сказал он, протягивая камешек из красного кирпича. – Это моё сердце. Ты послушай, как оно бьётся! Я тебе его дарю, и пока ты будешь его хранить, с тобой ничего плохого не случится...

Олечка взяла из его рук камешек и, как бесценный подарок, прижала к себе крепко-крепко. В тот вечер и она отдала своё сердечко этому благородному юноше!

На следующий день Рубен повторил попытку достучаться в квартиру Левиных. На шум открылась дверь соседней квартиры.

– Чего стучишь? – спросила полная женщина в халате и тапочках.

– Мне к Левиным нужно. Не знаете, где они? – ответил Рубен.

– Не знаю... Молодые вроде бы как уехали. И старушка с внучкой уехала, кажется, третьего дня. А дед ходил здесь. Только я его вот уже два дня не видела... Может, дежурит в больнице? –

предположила соседка.

На шум открылась ещё одна дверь, и белокурая женщина уточнила:

– В той же вечер, коли поїхала Марія Абрамівна, сюди увірвалися погромники. І чого потрібно було відкривати їм? Старе, як мале! Але шуму великого чутно не було. Потім вони пішли. Двері замкнені – погромники навряд чи б замикали за собою двері... А може, помер старий?

Высказанное предположение возбудило соседей. Вызвали дворника, который в присутствии городского открыл дверь.

Старик лежал посреди комнаты в луже крови. Голова его было проломлена. Повсюду были разбросаны вещи, книги...

Когда Рубен ехал домой, он не знал, как сказать об этом Марии Абрамовне? Решил посоветоваться с отцом. Он должен что-нибудь придумать.

Поехал к нему на службу.

Григорий Христофорович долго молчал, думая, как сказать об этом старой женщине. Нужно помочь ей вызвать из Петербурга сына, организовать похороны... Телеграф? Для начала необходимо узнать адрес сына...

Мария Абрамовна тихо плакала. Она была растеряна, не знала, что делать, как вызвать детей, как похоронить мужа. Рядом с нею плакала Олечка. Ей никто не говорил, почему бабушка плачет, но плакала она, и горько плакала Олечка. Софья Андреевна увела девочку в детскую, наказав всем быть с малышкой как можно ласковее.

На следующее утро Мария Абрамовна стала собираться домой.

– Вы, голубушка, не берите с собой внучку. Не стоит ей этого видеть. Мала ещё. Пусть побудет у нас, потом приедете и заберёте девочку.

– Да не останется она, я думаю, – с сожалением сказала Мария Абрамовна.

– Рубен попробует с нею договориться, – успокоил Григорий Христофорович. – Он вроде бы нашёл к ней подход. – Потом, обращаясь к сыну, сказал: – Ты слышал, сынок. Попробуй уговорить малышку...

Григорий Христофорович телеграфом вызвал Льва Марковича и Евгению Наумовну из Петербурга, Дмитрий Фёдорович помог с организацией похорон. В последний путь старого врача пришёл проводить и Григорий Христофорович. Он волновался за Марию Абрамовну и решил уговорить её до приезда сына пожить у них. Кто-то пришёл и из синагоги...

Марка Моисеевича похоронили тихо на новом еврейском кладбище, что раскинулось между переулком Доломановским и улицей Скобелевской.

Когда телега, на которой везли гроб с усопшим, въехала на территорию кладбища, все вдруг почувствовали запах гари. Служитель тихо пояснил:

– Это третьего дня хулиганы пьяные здесь разгромили кладбище, какие были каменные надгробья – разбили, а деревянные – сожгли.

Всюду валялись разбитые плиты...

Мария Абрамовна едва шла. Её вели под руки Дмитрий Фёдорович и Григорий Христофорович.

Раввин прочёл молитву, гроб опустили в могилу...

– Вот что, голубушка, – сказал старушке Григорий Христофорович, – вам сейчас домой никак нельзя. Приедут дети, тогда и пойдёте к себе. К тому же у нас Олечка уже плакала за бабушкой.

– Конечно, – поддержал его Дмитрий Фёдорович, – поезжайте, уважаемая Мария Абрамовна.

Старушка уже плохо понимала, что происходит. Ей помогли сесть на конку, и они с Григорием Христофоровичем поехали в Нахичевань.

Через день приехали Лев Маркович с женой. Евгения Намовна стала приводить в порядок квартиру, а Лев Маркович поехал к Чалхушьянам по адресу, данному ему Дмитрием Фёдоровичем. Он сразу и не заметил мать. В тёмном углу комнаты сидела сторбленная старушка и смотрела на него подслеповатыми глазами, и только когда он заговорил, она встала и, протянув к нему руки, громко запричитала по-еврейски:

– Вейз мир! Готе ню! Как же это могло произойти?! На кого он меня оставил? Почему не поехал с нами?! Зачем мне жить?! Я не хочу жить!

Лев Маркович подхватил мать, прижал её к себе, стал что-то говорить и гладить по седой голове, словно ребёнку.

Потом в комнату прибежала Оленька. Она с детьми играла в саду. Увидев плачущую бабушку, тоже готова была разреветься, но в последний момент увидела отца. Ничего не понимая, девочка прижалась к отцу, обняла его...

– А где мама? – спросила она, крепче прижимаясь к ноге отца.

– Мама дома нас ждёт... – ответил Лев Маркович. Потом, взглянув на вошедшего в комнату Григория Христофоровича, сказал:

– Спасибо вам за всё. Не знаю, смогу ли и я когда-нибудь вернуть долг, но вы должны знать, что если, не дай Бог, вам когда-нибудь понадобится врач, я всегда к вашим услугам.

– Да будет вам... Мы поступили, как нормальные люди. Григорий Христофорович Чалхушьян, – отрекомендовался он.

– Лев Маркович Левин...

– Присядьте... Сейчас приедет моя конка. Старший сын уехал ненадолго. Он и отвезёт вас домой...

Лев Маркович сел на стул.

– Просто страшно подумать... Как будто мы вернулись в средневековье...

– Европа кичится своей демократией, своей терпимостью к другому мнению. На самом деле их демократия – лишь банальное

прикрытие главной Идеи, провозглашающей примат индивидуального над общинным.

Григорий Христофорович почувствовал в госте интеллектуала, сел в кресло и продолжал:

– Многие мыслители, духовные отцы, наши предводители, возлагают на Россию особую мессианскую надежду. Но пока, как мы видим, эта надежда не исполняется и Россия проявляет себя в таких извращённых формах... Армяне благодарны России. Она в своё время спасла нас от многих бед, и надежда у нас ещё теплится.

– Я вовсе не расист, – согласился Лев Маркович. – Убеждён в полном равноправии всех рас и народов, как и всех людей на земле, но... с реальностью не поспоришь... Страшно становится жить... Страшно!

– Тогда вот вам мой совет: у вас в Ростове четырёхкомнатная квартира?

– Да. В трёхэтажном доме на втором этаже. Дому не более десяти лет...

– Вот и продайте её. Сейчас квартиры в цене. Купите дом в Нахичевани! Поверьте: здесь того, что было в Ростове, произойти не может. На пролётке до вашей больницы – не более пятнадцати-двадцати минут езды. Кстати, здесь неподалёку от нас приличный дом выставили на продажу. Хозяина знаю лично. Собирается во Францию к сыну, вот и продаёт дом...

Через некоторое время Левины купили дом Ованеса Вартаняна и переехали в Нахичевань.

2. Зима в 1916 году была холодной и снежной. Дул сильный северный ветер, валил деревья, подметал улицы, собирая снег в сугробы. С раннего утра дворники лопатами очищали тротуары, посыпали дорожки золой, чтобы можно было ходить. Конки от угла Большой Садовой и Братского переулка

до Ростово-Нахичеванской межи ездили с большими перерывами. Богатые люди, имеющие свои выезды, пересели на сани...

В доме Чалхушьянов поселилась тревога. Шла война. Леона призвали на Западный фронт. Никаких вестей от него не было. Дела там были неважными. Войска отступали, мёрзли в окопах, голодали...

Ещё два года назад усилиями Григория Христофоровича и других энтузиастов был создан Нахичевано-Ростовский-на-Дону армянский комитет, который развил бурную деятельность. Собирали для беженцев деньги, вещи и продукты, снаряжали отряды добровольцев. На Кавказский фронт записался и Рубен.

– Сынок, ты же ничего не умеешь, – говорил Григорий Христофорович, понимая, что, если уж Рубен что-то решил, переубедить его будет непросто.

– Научусь... Не могу сидеть дома, когда такое творится. Мне уже двадцать семь. Стрелять умею. А что ещё нужно на войне?!

Но прошло более года, а от сыновей не было никаких вестей.

Григорий Христофорович много работал, летом пятнадцатого года ездил в Тифлис, в Эчмиадзин. Бывал даже в зоне боевых действий. Надеялся встретить сына.

Как-то у небольшого села их остановили всадники.

– Ваше благородие, гости к нам, – доложил солдат молодому холеному поручику.

– Кто такие? – остановил коляску, запряжённую двумя лошадьми, поручик. Потом, увидев солидного мужчину, продолжил другим тоном, стараясь быть строго официальным: – Откуда и куда путь держите, сударь?

– Я приехал из Ростова. Проскочили, чтобы сократить путь, через Эчмиадзинский монастырь. Вот мои бумаги, – сказал Григорий Христофорович, протягивая поручику документы.

Тот прочитал удостоверение личности и бумагу, подтверждающую полномочия Чалхушьяна.

– Дорога по нынешним временам нелёгкая. Здесь, между прочим, постреливают! Остерегайтесь курдов. Они режут всех, кого ни по́пада, и бумаг не спрашивают. Всё равно читать не умеют. Мать их в гриву! – неожиданно ругнулся поручик. – Идёт война! И вам бы, любезный, не угодить в эту молотилку!

К ним подъехала группа казаков. Есаул скакал на вороном жеребце и широко улыбался, радуясь встрече. У пояса его висела сабля в ножнах. Лихо помахивая нагайкой, он воскликнул:

– Барон?! Снова встретил вас! Везёт же: второй раз за день! Пойдёмте к столу, поручик. А с этим... – он небрежно показал на коляску, – пусть мой Афанасий разбирается! Впрочем, если он того стоит, и его пригласите с нами отобедать. Страшно жрать охота.

Лето было в том году жарким... Дождей не было. Солнце палило так, что иные солдаты падали в обморок. И, главное, спрятаться от него было негде. А в селе – надежда отдохнуть от знойного солнца и выпить холодной воды.

Поручик кивнул и, обращаясь к Чалхушьяну, весело произнёс:

– И правда, сударь! Пошли отобедаем. Неизвестно, когда ещё такой случай подвернётся. Вон в тот крайний домишко и зайдём... Времени займёт немного, надеюсь.

И он направил лошадь к домику, совершенно уверенный в том, что коляска едет за ним.

Они зашли в дом, по-хозяйски расположились за столом. Сел и Григорий Христофорович, мысленно убеждая себя только наблюдать и не высказывать эмоций.

Дверь отворилась, и девушка с печальными глазами взглянула на непрошенных гостей. Но, поняв, что это русские, улыбнулась и что-то залепетала по-армянски.

– Вы что-нибудь поняли, барон? – спросил есаул.

– Она сказала, – ответил Григорий Христофорович, – что рада гостям и сейчас принесёт нам вино и еду. А хозяин, говорит, ушёл с отступающими войсками, оставив её сторожить дом.

– Во, сволочь! Сам драпанул, а молодуху оставил на съедение волкам. – Есаул взглянул на Григория Христофоровича. – Кто такой, и откель по-ихнему кумекаешь?

– Он из нахичеванских армян, – пояснил поручик. – Приехал с доброй миссией с благословением князей церкви нашей. К тому же, как я понял, разыскивает сына. Здесь где-то служит.

– Земляк, значица. Это хорошо! Только где ж здесь можно кого сыскать?

– Сушая правда, – подал голос казак, стоящий у двери, но есаул на него так посмотрел, что тот сразу же замолк.

Вскоре девушка принесла кувшин с вином, другой с мацони, положила две лепёшки и с десяток яиц.

– И это всё? – воскликнул есаул, на что девушка виновато стала ему говорить, а Григорий Христофорович тут же переводить:

– У них больше нет ничего. Это всё, что есть в доме.

Есаул, не стесняясь, грубо выругался. Потом, обращаясь к Чалхушьяну, спросил:

– Как же она здесь осталась. Почему её не угнали турки?

Григорий Христофорович перевёл вопрос есаула, а потом и ответ:

– Говорит, что в их деревне всех армян погнали к большому ущелью, дна которого не видно, и только слышен грохот текущей где-то внизу горной речки. Несчастных поставили у края обрыва и штыками всех туда сбросили. Тех, кто сам не прыгал в пропасть, настигал нож. Говорит, что так погибли все армяне их деревни. Их было человек тридцать вместе с женщинами и детьми. Её спрятал сосед-турок. Пожалел... Раньше, до войны, в этой деревне армяне и турки мирно жили.

– А в долине Арарата, – сумрачно заметил поручик, – собираются курды в боевые таборы. Всех режут, сволочи, точно овец. Креста на них нет, басурманы проклятые, что тут скажешь!

То, что увидел в той поездке Григорий Христофорович, было ужасным, и он надолго потерял покой, вёл записи с надеждой, что ему удастся рассказать миру о тех зверствах. Сотни тысяч расстрелянных, повешенных. Людей продавали и покупали по лире за душу. Одичалые, истощённые люди... тысячи изнасилованных, замученных, обращённых в ислам мужчин, томящихся в гаремах женщин... Осквернённые храмы, поруганные очаги...

Обо всём этом вспоминалось, когда Григорий Христофорович шёл домой. Жена стала чувствовать себя плохо. После еды у неё возникала рвота, появились боли в животе. Пытались обратиться к знакомому доктору, но легче от его лечения не становилось. День ото дня было всё хуже и хуже.

Когда он пришёл со службы, его не встретила Софья Андреевна, как обычно делала.

– Софи-джан, ты где? – окликнул он жену, снимая пальто.
– Что случилось?

Софья Андреевна лежала в кровати, повернувшись на правый бок лицом к стене, и тихо постанывала.

– Что случилось? – встревоженно повторил Григорий Христофорович, присаживаясь на край постели.

– Сильные боли... За что мне такие мучения? Уж лучше – смерть!

Григорий Христофорович не знал, чем помочь жене. Куда бежать? Вечер на дворе. Зимой темнеет рано.

Потом вдруг, словно вспомнив что-то, надел пальто и вышел из дома. Неподалёку жил Лев Маркович Левин, с которым они в последние годы подружились. Он – врач, он поможет.

Под ногами хрустел снег, и он запыхался от быстрой ходьбы.

Через пятнадцать минут Лев Маркович уже осматривал больную. Он долго мял живот, что-то выстукивал, на что-то давил, наконец, окончив обследование, встал и прошёл в другую комнату, где ждали его Григорий Христофорович и дети.

– К сожалению, ничем обрадовать не могу. Больная нуждается в срочной операции. Воспаление жёлчного пузыря. Могло быть хуже, но ещё не поздно. Медлить нельзя.

Григорий Христофорович побледнел. Операция! Это серьёзно. Льва Марковича он знал как опытного и авторитетного хирурга...

Дети притихли. Сусанна отставила в сторону книгу, которую читала, и внимательно посмотрела на Льва Марковича.

– Что же делать, доктор? – спросила она.

– Нужно срочно оперировать! – повторил он. – Нельзя ждать! Прямо сейчас...

– Ночь на дворе... Завтра...

– Никаких «завтра». Срочно! Оденьте Софью Андреевну, и в больницу. Я еду с больной...

– А мне можно? – робко спросил Григорий Христофорович.

– Можно... Только это дело не быстрое...

Григорий Христофорович приказал служащему запрячь лошадей в сани, на которые был послан ковёр. Вывели Софью Андреевну, уложили и накрыли тулупом.

– Гони! – приказал Григорий Христофорович. – Скорее.

В больнице Софью Андреевну переодели и на носилках отнесли в операционную...

Григорий Христофорович сидел у входа и с тревогой наблюдал, как бегал персонал, суетились медицинские сёстры, готовя в палате место для «новенькой».

Дверь в операционную была чуть приоткрыта, и оттуда разносился густой сладковатый запах хлороформа – новейшего средства для обезболивания при больших операциях. Несколько флаконов этой драгоценной жидкости недавно привёз из Петербурга Лев Маркович.

Сколько времени прошло, Григорий Христофорович не знал. Он со страхом прислушивался к каждому шороху, звуку,

раздающемуся из-за двери, но так и не мог представить себе, что там происходит.

Наконец, дверь открылась и из операционной вышел хирург.

– Ну что, доктор? – с надеждой спросил Григорий Христофорович.

– Вовремя... Ещё бы немножко... Теперь надежда только на Бога...

– Что же это было?

– Калькулёзный холецистит... Вот эти камушки были в её пузыре. Один закрыл выход. Желчь нагноилась. Ещё немного, и пузырь бы прорвался, и тогда...

– Мне можно с нею поговорить?

– Что вы?! Она до утра теперь будет спать... Впрочем, уже почти утро. Приходите к вечеру...

– Может, принести что-нибудь?

– Пока ничего не нужно. Когда будет можно, я скажу. А теперь, честь имею. Мне нужно ещё взглянуть на больную... да и отдохнуть. Предстоит тяжёлый день... Прошу простить... И вы отправляйтесь домой, поспите... Вечером приходите...

Через три недели Софью Андреевну привезли домой. Она похудела, ослабла, но была счастлива: её не мучили боли, и она чувствовала, что поправляется.

А в воскресенье Григорий Христофорович пригласил Левиных к себе на обед.

Времена были трудными, но Григорий Христофорович сделал всё, чтобы выказать доктору свою благодарность. Он знал, что Лев Маркович не очень религиозный человек, но всё же, чтобы не вызвать у гостя неловкость, на столе не было свинины, сала и других продуктов, которые запрещает есть иудейская вера. Зато были шашлык из индюшатины, брынза, соленья, яйца... К чаю подали знаменитую нахичеванскую курабью.

За столом возник разговор о последних событиях на фронтах.

– О мальчиках есть какие-нибудь известия?

– К сожалению, нет. Молимся, усердно молимся, чтобы пришли они домой целыми и невредимыми.

– На всё воля Божья, – сказала Софья Андреевна.

– В мире такое творится, а мы в полном неведении, – ответил Григорий Христофорович. – На фронтах всё очень непонятно.

– Да и здесь не спокойнее, чем в окопах, – скептически заметил Лев Маркович. – Бурлит народ. В такие времена жди несчастий...

– В этом вы правы, уважаемый Лев Маркович. Потому-то я недавно и вступил в партию, чтобы не стоять в стороне.

– Это в какую же? Неужто в большевики подались? У нас поговаривают, купили их немцы, чтобы специально расшатать Россию изнутри.

– Не знаю, что кто говорит, но я вступил не в большевистскую партию. Не верю им! Призывают к радикальным переменам, а такие перемены не бывают без большой крови. Я вступил в партию конституционных демократов.

– Честно говоря, я очень далёк от политики и стараюсь её не касаться. Мне бы со своими больными разобраться...

Лев Маркович отстранил тарелку и откинулся на спинку стула. Григорий Христофорович снова наполнил бокалы вином.

– Вы не хотите касаться политики, – сказал он, даже не глядя на гостя, – так она вас коснётся. Жить вне общества не удастся.

– Так какие задачи ставит ваша партия? – полюбопытствовал Лев Маркович.

– Мы делаем ставку на реформы и компромиссы, на замену неограниченного самодержавия конституционно-монархическим строем. Демократия, свобода совести, равенство всех перед законом, вне зависимости от социального положения, национальности или вероисповедания. Если придём к власти, поверьте, мы сможем построить самое справедливое и передовое общество в Европе!

– И настанет рай на Земле! – улыбнулся Лев Маркович.

– И наступит рай... – кивнул Григорий Христофорович, игнорируя иронию доктора.

– Блажен, кто верует, – грустно заметил Лев Маркович. – А вы, голубушка, – обратился он к Софье Андреевне, – как себя чувствуете?

– Слава Богу, выздоровела. Спасибо вам.

– Последнее время газет я не читаю, – обращаясь к Григорию Христофоровичу, сказал Лев Маркович. – Больных много. А третьего дня десять раненых к нам привезли. Если знаете, расскажите, что там на фронтах творится?

– Что рассказывать? Всем надоела война. А сколько совершенно невинных жертв?! Когда был в Турции, видел такое, что на всю жизнь хватит. Если Бог даст сил, опишу всё, что там увидел...

– Вам хорошо бы документы собрать! Это очень важная и нужная будет книга! Чтобы знали... чтобы помнили... чтобы не повторилось никогда...

– Вы правы. Вот за это давайте, любезный Лев Маркович, и выпьем!

Григорий Христофорович снова наполнил бокалы.

– Недавно знакомый юрист прислал подборку немецких газет. Кружным путём, через Францию, морем, через знакомого старшего помощника капитана.

– И что в тех газетах?

– Третий год война. Поля сражения перепаханы взрывами и усеяны трупами.

– Так что в том нового?

– А рейхсканцлер распекал своего посла в Турции графа Вольфа Меттерниха, протестующего против массового убийства армян.

– Посол осмелился протестовать?!

– А что толку. Ему объяснили, что те зверства необходимы для того, чтобы связать как можно больше сил русских, чтобы на Западном фронте им было легче.

– Не очень понимаю, – удивился Лев Маркович, – при чём здесь армяне?!

– С военной точки зрения это понятно. Война есть война!

– Так можно оправдать любое преступление. Чтобы отвлечь народ от революции, устраивают погром. Есть же какие-то законы?! При чём здесь армяне, если им нужно сковать силы русской армии на Кавказском фронте?! Пусть себе там и ведут активные боевые действия!

Как оказалось, Лев Маркович не так уж плохо разобрался в политике.

– Как при чём? Они сочувствуют их врагам, русским! – воскликнул Григорий Христофорович. – Но уничтожают не конкретных людей, которые предпринимали какие-то действия против Османской империи, а всех подчистую, стариков, женщин, детей. В Константинополе всю армянскую интеллигенцию уничтожили. Обезглавили народ!

– У сильного всегда бессильный виноват!

– Вот именно, – грустно улыбнулся Чалхушьян. – Досуг им разбираться... Виноваты уж тем, что хочется им создать мусульманское государство, а тут христиане под ногами крутятся! Потому и задумал я книгу написать. Вы правы, это должна быть книга-свидетельство, книга-обвинение! И основываться она должна на беспристрастных фактах и документах.

– И как же вы эту книгу назовёте?

– Я долго думал над этим. Это будет «Красная книга»!

– «Красная»? – удивился Лев Маркович.

– Да! Именно «Красная книга»! Я видел красные от крови камни. Земля была красной от неё. Говорят, и вода в реках была красной от крови... Просто «Красная книга»!

– Точное название, – кивнул в раздумье Лев Маркович.

– И вы правильно сказали: она должна быть свидетельством обвинения.

Григорий Христофорович взял бутылку вина.

– Мы с вами заговорились. Давайте лучше выпьем за то, чтобы не было на земле войн, обездоленных и униженных...

– Чтобы не было нигде никаких погромов... – эхом отозвался Лев Маркович, поднимая бокал.

После обеда все перешли в гостиную, где Софья Андреевна спросила у Евгения Наумовны:

– А как ваша Олечка? В следующем году она оканчивает гимназию.

– Будет пытаться поступить в Московский университет на медицинский факультет. Хочет, как отец, лечить людей.

– А чего же не в наш, Ростовский?

– Не знаю... – ответила Евгения Наумовна. – Втемяшится в башку какая блажь, колом её оттудова не вышибешь! Упрямая. Но учится хорошо, слава Богу! А Сусанна ваша как? Они же в одной гимназии.

– Не знаю, – смущённо ответила София Андреевна. – Ленивая. Ничего делать не хочет. Только книжки и читает...

Девушки сидели здесь же, слышали, что о них говорят их матери, но в разговор не вмешивались. Не принято было детям вступать в разговор взрослых.

3. Август в горах – коварный: днём жарко – солдаты обливались потом, ночью – холодрыга такая, что зуб на зуб не попадает.

Унтер-офицер Рубен Григорьевич Чалхушьян пользовался среди солдат особым уважением, считался бывалым воином. Грудь его украшали два Георгиевских креста и нашивка о ранении.

Вот и сейчас, после тяжёлых боёв, в которых их основательно потрепали, для приведения в порядок полк отправили в прифронтовой тыл, чтобы солдаты немного отдохнули, отъелись, пополнили боеприпасы. Должно было прийти и пополнение.

Их тридцать пятый армейский корпус был переброшен на

Кавказский фронт с Запада, имел уже большой боевой опыт. Пулемётная команда остановилась в небольшом горном селе, почти пустом после того, как русские войска заняли эту территорию.

Мусульманское население ушло с отступающими турецкими войсками. С армянами же турки жестоко расправлялись: вырезали целыми семьями, насиловали женщин, издевались над стариками. То тут то там видны были почерневшие остовы сожжённых домов. Земля была красной от крови. Небольшую христианскую церквушку разрушили до основания. Всюду бродили одичавшие собаки.

Нужно ли говорить, что творилось в душе унтер-офицера Чалхушьяна.

Рубен Григорьевич лежал в землянке и смотрел в темноту. Перед ним всё время стояли страшные картины зверств.

Вокруг него расположились солдаты.

После того как из части в буквальном смысле украли командира пулемётного взвода прапорщика Щукина, его назначили командовать взводом. Алексея Щукина через два дня нашли в одном из аулов распятым на кресте. Глаза его были выколоты, на теле порезы, кровоподтёки. Видно, перед тем как распять, офицера пытали.

– Когда же это кончится?! – воскликнул Тимофей, пулемётчик из Екатеринодара. В его глазах горел огонь ярости.

Чалхушьян ничем не отличался от простого солдата, не требовал к себе особого отношения и считался своим. Всем надоела эта война. Всё чаще можно было услышать что-то вроде:

– Паны дерутся, а у холопов чубы трещат. Боже, когда же это кончится?! Вчера спал, а мне снились тяжелые подсолнухи и цветастые сарафаны баб на лугу...

Сначала Чалхушьян не обращал на эти разговоры внимания, думал: устали люди. Но среди вновь прибывших появился образованный паренёк Кукушкин, ефрейтор первого расчёта, его прозвали Интеллигентом, и кличка та за ним закрепилась. Он рас-

сказывал о том, что такое демократия. Потом говорил о несправедливостях, творящихся в России, о большевиках и их борьбе...

Чалхушьян слушал и молчал. Когда было уже совсем поздно, заметил:

– Хватит лясы точить. Пора на боковую. Завтра не бабы вас ждут...

Спали недолго. Часа в три его разбудил паренёк из пополнения.

– Ваше благородие, конвой казачий!

Рубен вышел навстречу гостям.

Из-за поворота в направлении их домика скакали два всадника.

– Унтер-офицер Чалхушьян? – спросил казак, сходя с лошади. Мужчина улыбался, поправляя большие усы.

– Так точно! С кем имею честь?

– Хорунжий Григорьев. Вы – командир пулемётного взвода?

– Так точно! А вы – мой сосед слева?

– Так оно и есть. В шесть выступаем. Я надеюсь на твои пулемёты, унтер, а то у меня многих хлопцев покосило. Давай выпьем за знакомство, – предложил хорунжий, доставая откуда-то из-под седла флягу с самогоном. – Только закусить, извиняй, нечем.

Он протянул флягу. Рубен, отпив несколько глотков мутного самогона, вернул её хозяину.

– Нужно хоть часок покомарить, а то буду чумным, – кивнул хорунжий, вскочив на коня. – Какое-то нехорошее у меня предчувствие... Жалко помирать при такой красе! Ты на небо взгляни! У нас на Дону в это время такого неба нет...

– Вы с Дона? Мы – земляки?! Я из Нахичевани! Небо и у нас красивое. Вы, господин хорунжий, поэт, а своим предчувствиям верить нельзя. Если думать о плохом, можно сойти с ума!

Хорунжий взглянул на унтер-офицера, улыбнулся, и, бросив: «Рад знакомству», – ускакал с сопровождающим его казаком в темноту.

Утром был бой. Армия, в которой воевал унтер-офицер Чалхушьян, прорвала турецкий фронт и вышла в тыл противника, взяв крепость Эрзерум. Перед ними был Курдистан. Корпус с боями продвигался в глубь Турции. Горы для них, привыкших сражаться на равнине, были непривычны. Карабкались неумело, шли по бездорожью. Противник то и дело исчезал из поля зрения.

Как-то казак, огромный подвыпивший верзила, привёл дезертира. Тот был невысокого росточка, плешивый. Оружия при нём не было.

– Кто такой?

– Шишкин я, второго взвода рядовой, – ответил дрожащий от страха солдатик.

– Чего же бежал, сволочь, – допытывался казак. – Изрублю как капусту, заячья твоя душа! Пошто за камнем прятался, ублюдок?

– Так не дезертир я... Заблудился. Вчера выпил маненько и заснул. А проснулся, наши уже убёгли. И где их чёрт носит, не знаю...

– Да я тебя!..

– Оставь его! Мы разберёмся...

Казак замахнулся и хотел было ударить незадачливого солдата, но Чалхушьян перехватил руку и спокойно повторил:

– Разберёмся...

По дороге протрусил ишак под грудой дров. За ним шла пожилая горянка, не обращая внимания на стоящих неподалёку русских солдат. Это отвлекло казака. Он грубо выругался, недовольно взглянул на Чалхушьяна и пошёл в сторону, куда шла женщина.

Донцы, природные конники, в эту войну впервые выставили из своей среды пехоту. Это был пеший казак, и было непонятно, кто он есть и не является ли дезертиром. Пьяный, плохо понимал, где находится, но Рубен не стал его задерживать...

После боя, когда ночь накрыла горы тёмным покрывалом, солдаты поужинали и Чалхушьян уже дал команду выставить охранение, а остальным отдыхать, вдруг к ним прискакал знакомый хорунжий. Поговорили, выпили, как полагалось. Хорунжий и рассказал историю, от которой Рубен долго смеялся.

– Ты знаешь, унтер, что у нас есть выючный обоз из ишаков для переноски боеприпасов, продуктов, особенно туточки, в этих проклятых горах. Ночью ишаки поднимают такой рёв, что в пору давать команду «По коням!» Не отличишь: то ли турки артиллерией нас накрыли, то ли ещё что. Даже турки иной раз начинали стрелять, думали – наступление началось! Хлестали их плетьюми, ничего не получалось. Орут!.. И вот однажды сидим мы вечером, баланды травим, и вдруг, не понимаю, что за чудеса, мать твою! Тишина! В чём дело, спрашиваю. Так мне мой казак, Матвеем кличут, и говорит, он давно заметил, что ишаки задирают головы и одновременно поднимают хвосты, как говорится, трубой. Вот он и придумал: к каждому хвосту привязал верёвкой большой камень. Почувствовав, что что-то им мешает поднять хвосты, ишаки успокоились!

Слышавшие эту историю пулемётчики Чалхушьяна громко засмеялись. Кто-то из сопровождающих хорунжего казаков, после боя испытывая уважение к пулемётчикам, уже изрядно выпивши, завёл песню:

*Из Донских степей привольных
Через Клыч-Гайдукский перевал
Идут стройными рядами
Донцы в Турцию на «бал»...*

Продвигаясь в глубь Турции, корпус, в котором воевал Чалхушьян, вышел к Эр-зинджану, за которым были владения кочующих курдов. Поднимались по козьим тропам, ведя нагруженных выючных лошадей на поводу. Затем, разгрузив лошадей, солдаты

отводили их вниз, в долину, за следующей партией боеприпасов, продуктов... Долина была в цвету, в то время как на высотах лежал старый снег.

Какое-то время противник вёл себя пассивно. Но предстояло сражение за Эр-зинджан. Чалхушьян ещё раз проверил своих пулемётчиков. Битва обещала быть жаркой.

На ночь, выставив охранение, Рубен Григорьевич прилёг отдохнуть. В прошлую ночь курды вырезали целый пост: троих солдат и офицера.

Как только небо стало сереть, началось наступление.

Унтер-офицер Чалхушьян привычно залёг в окопчике у первого номера и вёл корректировку огня. Противник отвечал залпами пушек. Снаряды рвались в непосредственной близости от позиции, где укрылись пулемётчики, и Чалхушьян отдал приказание сменить позицию. В разгаре боя и был ранен командир пулемётного взвода. Подоспевшие санитары утащили его подальше от рвущихся снарядов, наложили жгут, перевязали руку, усадили на лошадь и отправили в лазарет. За этот бой унтер-офицер Чалхушьян Рубен Григорьевич был награждён третьим Георгиевским крестом и представлен к званию фельдфебеля. К этому времени он был уже убеждённым большевиком...

Три месяца фельдфебель Чалхушьян провалялся в госпиталях и встретил февральскую революцию в Баку. Там он и познакомился с девушкой, которая стала его женой. Звали её Ануш. Она окончила курсы медицинских сестёр и работала в госпитале, где лечился Рубен.

– Рубен, сердце моё, – говорила Ануш мужу, – плохо мы с тобою сделали... женились без благословения родителей. Моих уже давно нет. Остался старший брат, но я не знаю, где он, жив ли. Но твои-то родители, слава Богу, живы. Хоть бы написали им, а то без благословения я чувствую себя просто падшей женщиной!

– Что ты такое говоришь, Ануш!? Почему падшей? И как мне написать письмо, когда идёт война и почта не работает?! Я

тебя люблю! Лю-блю! – повторил он. – Это чувство должно нас возвышать! К тому же у нас будет ребёнок! Разве это может быть грехом? Впрочем, мы живём в новое время, и никакого благословения ни от кого не нужно брать! К тому же ты же знаешь: я не верю в Бога!

– Тише, глупый! Можешь в Бога не верить, только зачем же кричать об этом?!

Девушка прижалась к нему. Рубену казалось: вот оно – счастье! И больше ничего не нужно! Но потом вспомнил разрушенные армянские села, сожжённые церквушки и встал.

– Я покурю.

Он насыпал из кисета табак в квадратик газеты, свернул самокрутку и стал выбивать огнём искру.

– Ты бы вышел во двор... В последнее время почему-то не выношу запаха дыма.

После госпиталя фельдфебеля Чалхушьяна комиссовали и они с женой некоторое время снимали комнату.

Баку того времени был провинциальным восточным городом. Небольшие покосившиеся домишки, спускающиеся к морю, серые люди, боявшиеся лишней раз выйти на улицу. По городу расхаживали мужчины в замысловато повязанных чалмах, в духанах шипели жаровни, а кофейни распространяли вокруг сладковатый запах кофе. Бродяги и цирюльники стояли у дверей, ожидая посетителей. Их было мало. Редко по пыльной улице промчится всадник, и из-под копыт его лошади с громким кудахтаньем вылетают перепуганные куры, утки. Собаки ошалело бежали по захламлённым улицам за возмутителем спокойствия, но вскоре отставали и, недовольно продолжая лаять, поворачивали назад. Старик таскал за поводок упрямого осла, громыхала арба, гружённая домашним скарбом.

В марте 1918 года власть в Баку захватила Бакинская коммуна, при этом дашнаки, мстя за резню армян в Турции, устроили

резню мусульман. Лилась кровь ни в чём не повинных людей.

А в июле власть перешла к Диктатуре Центрокаспия. Теперь новые власти потворствовали резне армянского населения города. В сентябре в Баку вошли турецкие войска. В это время Чалхушьян, вступив добровольцем в русскую армию, служил командиром пулемётной команды. Ануш осталась в городе, так как была на шестом месяце беременности.

Паника в городе усиливалась. То и дело были слышны крики и зовы о помощи. Турецкие регулярные войска в союзе с разбойничьими бандами заняли город, подвергая его разграблению, расстреливая или подвергая всевозможным насилиям христианское население.

Во время этого кошмара в комнатку к Ануш ворвались двое турок. Они изнасиловали и убили беременную женщину. Об этом Рубен узнал лишь когда в городе снова поменялась власть и он смог приехать, чтобы навестить жену.

Партия Дашнакцутюн приняла решение убивать организаторов геноцида армян. Был убит бывший премьер-министр Азербайджана, руководивший резнёй армян в Баку в сентябре 1918 года. В Константинополе убили бывшего министра внутренних дел...

Позже Рубена и его братьев обвинят в принадлежности к партии Дашнакцутюн и расстреляют. Но это случится много лет спустя...

А пока Рубен служил командиром пулемётной команды, судьба его бросала по стране, и только на Дон он попасть никак не мог.

В 1918 году Рубен Григорьевич Чалхушьян вступил в партию большевиков и продолжал служить теперь уже в Красной армии.

Во второй половине 1918 года Красная Армия освободила территории Поволжья, часть Урала. После Ноябрьской революции в Германии Советское правительство аннулировало Брестский мир, освободило Украину и Белоруссию...

Но в одном из боёв уже совсем недалеко от своего дома, у Азовского моря, был снова тяжело ранен командир пулемётной команды. Его отправили в Мариуполь. Оттуда перевезли в Москву, где он провалялся около года.

Потом была работа при штабе РККА, когда полностью исчезло понятие дня и ночи. Работал, засыпая на стуле за столом. По партийным делам ездил в различные округа, организовывал начальные школы пулемётчиков... Но ранение всё время давало о себе знать. Он снова ложился в госпиталь. Несколько раз его оперировали. Наконец, убедившись, что пулемётчик Чалхушьян по состоянию здоровья больше не может служить в РККА, его окончательно комиссовали и, учитывая образование, направили работать экономистом в Академию наук. Это было в 1925 году.

Перед тем как приступить к работе, он получил отпуск и поехал навестить родителей в родную Нахичевань. Дома застал поседевшую мать. Отец был на работе. Со слов матери – Леон работает в Харькове, строит тракторный завод, Серафим и Степан – в районах Северо-Кавказского края. Домой приезжает нечасто. Младшие сёстры вышли замуж. Сусанна учится в Москве.

Когда вернулся с работы отец, Рубен удивился переменам, которые с ним произошли. Когда-то это был очень энергичный моложавый человек, умеющий принимать решения и активно участвующий в политической жизни страны. Теперь в дом вошёл располневший пожилой человек. Голубые глаза помутнели. Огромный лоб мыслителя обрамляли седые волосы. Под глазами – мешки. Голос его был с хрипотцой и тихим.

– Отец! – бросился к нему Рубен. – Наконец я тебя вижу! Ты всё работаешь...

Григорий Христофорович обнял и расцеловал сына. Потом прошёл в комнату и сел в своё кресло. Рубен помнил, что это кресло всегда было местом отца.

– Ты садись, садись, сынок, и расскажи, где тебя носило? Знаю, что воевал, что награждён Георгиевскими крестами. Потом был ранен. Расскажи. Я должен всё знать...

Подошла Софья Андреевна и сказала, вытирая руки полотенцем:

– Гриша, может, сначала поедите? Рубен с утра ничего не ел. Мы ждали тебя!

– Как, ты не накормила до сих пор сына?! На тебя не похоже! Ну, что ж, давайте обедать. Поговорить можно и за обедом.

Они сели за стол, и Рубен во всех подробностях рассказал о себе всё, что случилось с того момента, как в пятнадцатом году добровольцем пошёл на Кавказский фронт и оказался в тридцать пятом армейском корпусе.

Софья Андреевна подробно расспрашивала сына об Ануш. А Григорий Христофорович достал заветную бутылку вина.

– Давайте выпьем за упокой душ моей невестки и нерождённого внука! Я так мечтал дожить до твоих детей, но при той жизни, что у нас сейчас, вряд ли смогу...

– Давай прекратим эти разговоры, отец, – попросил Рубен и перевёл тему: – Как наши соседи? От мамы я узнал, что её оперировал Лев Маркович. Как они там? Как их маленькая Олечка?

Григорий Христофорович долго не отвечал на вопросы сына. Молчание затягивалось, и Рубен уж подумал, не поссорился ли он с соседом?

– Льва Марковича и Евгению Наумовну в январе расстреляли. Обвинили в каком-то заговоре, в сионизме, принадлежности к организации «Гахалуц». Как видишь, можно погибнуть, не выезжая на фронт.

– А их дочурка?

– Какая она дочурка? Двадцать пять скоро, кажется, в ноябре. В Москве училась, на медицинском факультете. Больше я о ней ничего не знаю. Сусанна её видела. Тяжко все это. Какое сердце выдержит... Не знаю...

Больше до конца обеда он не проронил ни слова.

Несколько лет назад Григорий Христофорович опубликовал свою «Красную книгу», которую не мог не написать. Долгими вечерами, пока Рубен отдыхал в отчем доме, он внимательно читал её, делал какие-то заметки, размышлял, беседовал с отцом.

– Зло рождает зло, – говорил Григорий Христофорович. – Мне одинаково больно, когда издеваются и мучают, грабят и убивают невинных людей, какой бы национальности они ни были! Народы должны создать международный трибунал, который бы призывал этих извергов к ответу, какой бы веры они ни были, в какой бы стране ни жили.

– Аналог Высшего суда? – серьёзно спросил Рубен.

– Может, и так... Нельзя прощать преступников, убивающих стариков и детей, беременных женщин... вообще мирных граждан! Уверен, что рано или поздно народы мира создадут такой суд! Только, жаль, я уже до этого не доживу. Потому и написал эту книгу, как свидетельство того, что было. В ней собрал все документы, которые смог. Может, она пригодится такому суду...

– Ладно, отец... Теперь расскажи что-нибудь весёлое. Как твои дела? Чем ты занят? Какие вести у тебя от всех наших?

Их беседы затягивались до глубокой ночи...

Через три недели Рубен поездом выехал в Москву на новое место работы. По возвращении сразу же разыскал Сусанну.

Это была стройная брюнетка с голубыми, как летнее небо, глазами. Она уже успела побывать замужем, а теперь снимала квартиру и готовилась второй раз вступить в брак с поэтом и переводчиком Иваном Аксёновым.

Сусанна обрадовалась встрече, рассказала о своей жизни в Москве, обещала познакомить с женихом. Она вся светилась, говоря о своих друзьях – Анатолии Мариенгофе, Сергее Есенине, Иване Аксёнове... Читала свои стихи.

*...Только дни навсегда потеряны,
Словно скошены травы ресниц,
Наверное, так дерево
Роняет последний лист.*

Рубен плохо понимал в поэзии. Но, видя, с каким восторгом, даже упоением сестра читает свои стихи, он улыбался и гладил её по голове, словно она совсем маленькая.

– Между прочим, – вдруг сказала Сусанна, – в Москве учится Ольга Левина. Помнишь, они жили с нами по соседству?

Рубен равнодушно поинтересовался: где именно учится. Узнав, что на медицинском факультете, отвернулся. Не хотел, чтобы сестрёнка заметила его грусть. Он вспомнил свою Ануш и заторопился. Хотелось побыть одному.

4. Ольга Левина окончила медицинский факультет Московского университета и стала работать педиатром. Работы было много: кроме ежедневных приёмов в поликлинике, под её опекой было два сиротских дома, подчиняющихся Народному комиссариату государственного призрения. Как молодому специалисту, ей выделили комнату в Ермолаевском переулке. В квартире проживали ещё две семьи: рабочий московского автомобильного завода имени Ферреро с женой и дочкой пяти лет и безногий герой Гражданской войны со старухой-матерью. Соседи были спокойными, все жили дружно, и никаких неприятностей с этой стороны у неё не было.

Ольга с утра и до позднего вечера была занята работой. Она любила детей. В подшефный сиротский дом не шла без конфет, игрушек. Дети ждали её, и когда она приходила, не отходили от неё, цеплялись за платье, малыши просились на руки и были счастливы, если «тётя Оля» обратит на них внимание, скажет ласковые слова, погладит по головке.

Сиротский дом занимал невысокое старое здание, давно требующее капитального ремонта. Беднота и убогость были такими, что у Ольги просто разрывалось сердце. Часто она подолгу засиживалась у ребят, читала им сказки, рассказывала весёлые истории...

Однажды, возвращаясь вечером домой, в задумчивости переходя дорогу, чуть не попала под колёса быстро мчавшейся коляски. Кучер натянул вожжи и с трудом остановил разгорячённых быстрым бегом лошадей. К Ольге подбежал вихрастый парень, и, обеспокоенно спросив, не сильно ли они ушибли гражданку, предложил подвезти её домой.

– Сильно ушиблись? – спросил он.

– Нога болит, но перелома нет... Сама виновата... Нечего ворон ловить, когда переходишь улицу. Я – врач, сама себя вылечу!

Парень взглянул на девушку и представился:

– Иван Конюхов... А вас-то как звать-величать?

– Ольга я, Левина.

Так они познакомились...

После того случая Иван несколько раз навещал Ольгу, приносил цветы. Это было так необычно, что сердце её дрогнуло...

А через три месяца Иван и Ольга расписались в загсе и стали жить вместе.

Иван служил в НКВД, уходил рано, приходил поздно, а иногда и вовсе не приходил ночевать. Ольга понимала – работа такая...

Родители её сухо отнеслись к выбору дочери, но ничего не сказали. Приехав на свадьбу, Лев Маркович почти не разговаривал с зятем. Впрочем, и жених сильно в друзья не набивался, но к невесте относился с нежностью и всякий раз говорил, что счастлив и верит, что у них всё будет хорошо.

– Всё в наших руках, – говорил Иван. – И это просто замечательно, что Оленька моя – детский врач. Я люблю детей, и у нас будет много детишек!

О себе не распространялся или повторял фразы газетных передовиц.

Нельзя сказать, что Ольга была счастлива, но понимала, что пора... Пора строить семью, рожать детей... Иван нравился ей своей открытостью, жадной знаний и гордостью за то, что делает. Импонировала его категоричная убежденность в правоте того, что делает партия большевиков...

– Кто не с нами, тот против нас! Врагов революции нужно безжалостно уничтожать! Ещё, кажется, Ленин говорил, что свершить революцию это лишь полдела! Самая важная и самая трудная задача – это её защитить...

Через год Ольга забеременела, и, казалось бы, всё было хорошо. Но однажды Иван прислал сотрудника сообщить жене, что ранен и лежит в госпитале. У Ольги случился выкидыш.

Потом она ежедневно навещала мужа, приносила домашние вкусности. А однажды, когда ему уже стало лучше и они сидели у корпуса госпиталя в скверике, Иван рассказал, что ранен был, когда задерживали знаменитого грабителя Фролова.

Потом, понизив голос до шёпота, признался, что бандит тот был внедрён в воровской мир ЧК в качестве секретного агента. Но очень скоро стал дерзким налётчиком и грабителем...

Уже в те годы шли аресты политических противников Советской власти. Арестовали и выслали членов «Комитета помощи голодающим Поволжья», закрыли «Общество помощи политическим заключенным», созданное бывшей супругой писателя Горького Екатериной Пешковой...

Когда Иван вышел из госпиталя и приступил к службе, его словно подменили. Он стал грубым, всем и всеми недовольным. Приходил домой часто пьяным, зло ругался и кого-то проклинал. А после того как в 1925 году арестовали родителей Ольги, стал ещё разнузданнее и грубее.

Однажды, застав Ольгу плачущей по родителям, вместо утешения цыкнул:

– Прекрати мне тут нюни распускать! Ты понимаешь, что вся эта история может нам жизнь испортить? Мне сразу не понравился твой папаша! Не наши они, нет, не наши! Буржуи недобитые...

– Что ты такое говоришь?! Отец всю жизнь хирургом работал! Какой он буржуй?!

– Враги в любую личину рядятся... Если кто у нас прознает, считай, и мне каюк! Но я ведь предан революции... а тут, из-за жениной родни, из-за каких-то... пархатых всё полететь может к чёрту?!

– Тогда давай разойдёмся, – предложила Ольга. – И мне, и тебе будет лучше...

Иван посмотрел на неё тяжёлым взглядом и с сожалением сказал:

– В том-то и штука, что у нас и разводы не приветствуются...

– А мы тихо... Ты говорил, что тебя хотели направить в Ленинград? Вот и поезжай! А я в Москве останусь.

Он встал, оглядел комнату и начал собирать вещи, приговаривая:

– Я и здесь что-нибудь придумаю. В воскресенье приеду, заберу остальное... Будем считать, что договорились с тобой любовно...

После того разговора Ольга год Ивана не видела, ничего о нём не слышала, впрочем, и не хотела ни видеть, ни слышать. У неё появилось неприятие мужчин. Общаюсь целыми днями с чужими детьми, находила в этом счастье. Относилась к сиротам, как к своим детям.

А в 1930 году неожиданно вечером к их дому подъехала машина. Из неё вышел Иван. Он был важный, в форме и с пистолетом на ремне. Ольга побледнела, думая, что муж пришёл её забирать к

себе. Они ведь так и не развелись официально, и она продолжала носить его фамилию. Но что-то говорило – всё не так.

«Значит, всё-таки пролез в высокие чины, раз на машине приехал», – подумала Ольга, словно школьница стоя перед мужем.

Иван прошёл в комнату, с каким-то презрением оглядел всё вокруг, отказавшись присесть, холодно сказал, что оформил развод и Ольга теперь снова Левина. Ей следует зайти в районный загс за новым паспортом.

Прошло ещё шесть лет... Однажды, в июне 1936 года, на Моховой у магазина Ольга случайно встретила Сусанночку Чалхушьян. Было жаркое лето, и женщины, прячась от палящего солнца, зашли в небольшой скверик, что на углу Воздвиженки. Присев в тени на скамейку, подруги детства принялись расспрашивать друг друга о своей жизни. Сусанна рассказала Ольге, что дважды была замужем. Второй муж умер в сентябре прошлого года.

– Теперь я вдова, – печально проговорила Сусанна, – впрочем, по-прежнему увлечена поэзией, печатаюсь под псевдонимом Сусанна Мар, работаю в издательстве переводчицей. Но что обо мне да обо мне. Рассказывай, Оленька! Ведь когда-то мы с тобой были закадычными подружками! Я так рада, что мы встретились! С ума сойти, живём в одном городе и ни разу не повстречались...

Когда Ольга рассказала ей о своей семейной драме, Сусанна принялась успокаивать подругу:

– Не стоит расстраиваться. У тебя всё впереди! Тридцать пять – ещё не возраст! И у меня не всё так гладко, как хотелось бы. Замужем была за одним, любила другого, но понимаю, что с ним никогда мы не сможем быть вместе. Что мне остаётся?! Живу... Ты в Нахичевани давно не была?

– Кто меня там ждёт? Родителей нет... Страшное время... Кто бы мог подумать?!

– Но жить нужно, – сочувствуя подружке, произнесла Сусанна. Потом, вспомнив о чём-то, вдруг предложила: – Ты

приходи-ка двадцать четвёртого ко мне в гости! Это воскресенье. Посидим... Я всегда отмечаю день рождения своего любимого.

– Что, и он будет? – удивилась Ольга.

– Вряд ли. У меня же с ним любовь лишь платоническая. Духовная близость. Но кто нам, девушкам (Сусанна улыбнулась и обняла Ольгу), мешает посидеть, помечтать... – Она достала блокнот, который всегда носила с собой, и карандашом написала адрес. – Приходи часам к семи... Буду рада...

Когда спустя несколько дней Ольга пришла к Сусанне, в её небольшой квартирке за столом уже сидел стройный черноволосый мужчина с аккуратными усами и такими же, как у сестры, голубыми глазами.

Ольга вошла в комнату, морщась от яркого света.

– Рубен, не узнаёшь свою королеву?! Это же Оленька Левина, моя верная подружка далёкого детства... наша нахичеванская соседка! – воскликнула Сусанна.

Мужчина смотрел на Ольгу с видимым замешательством, не узнавая её. Он хорошо помнил маленькую забавную девчушку, которая смотрела на него с восторгом и верила всем его сказкам. Но в этой женщине он не находил ничего общего с той розовощёкой смешной девчушкой.

– Ты её называл «моя королева», – с улыбкой и удивлением подсказывала Сусанна, – за что я, признаюсь, очень ей завидовала...

Рубен с удивлением и восхищением смотрел на Ольгу. Чёрные волосы её ниспадали до плеч. Ровный тонкий нос. Огромные тёмно-зелёные глаза, и ямочки на щеках, когда она улыбалась.

«Действительно королева...», – подумал он.

«Почему он здесь один? Или не женат до сих пор? Вряд ли», – подумала в свою очередь Ольга.

После небольшой паузы Рубен спросил:

– Олюшка, почему одна? Где твоя вторая половина?

– Была, да сплыла, – ответила она, удивляясь, что и он думал о том же. – Не сошлись характерами... А ты почему один?

– Был женат... Убили мою Ануш... Беременную... В Баку... Турки... – Рубен на минуту замолчал, опустив голову. – Привык к одиночеству...

– Ну хватит душу себе рвать... – прошептала Сусанна и уже громко, с деланной веселостью в голосе, воскликнула: – Рубен, кто мужчина у нас за столом? Разливай вино. Специально в Торгсине купила на последние деньги, что остались после смерти моего Ивана Александровича. Выпьем за встречу. За то, что мы нашли, наконец, тебя, Оленька!

Потом каждый рассказал о себе, ведь не виделись много лет. Сусанна подошла к этажерке, на которой теснились книги и журналы, достала томик и стала читать, предварив чтение такими словами:

– Эти стихи я написала давно и посвятила человеку, чей день рождения мы сегодня отмечаем...

– Он что, – усмехнулся Рубен, – ушёл из жизни?

– Нет, он жив и пусть живёт ещё долго... Он никогда здесь не был, но я его очень... – Она на секунду замялась. – Очень уважаю... Вы послушайте!

И она стала читать распевно, как обычно читают поэты свои стихи:

*Осушить бы всю жизнь, Анатолий,
За здоровье твоё, как бокал.
Помню душевные дни не за то ли,
Что взлетели они, словно сокол...*

Ольга почти не слышала её. Сердце её колотилось в груди, в голове звенели колокола Успенского собора: «Он один... Его беременную жену убили турки в Баку... Боже мой, как схожи наши судьбы!».

Потом откуда-то издалека снова возник голос Сусанны:

*...Только дни навсегда потеряны,
Словно скошены травы ресниц,
Наверное, так дерево
Роняет последний лист.*

Она снова подняла бокал с вином и предложила:

– Давайте, выпьем за его здоровье! Поверьте, он стоит того.

Никто с нею не стал спорить. Выпили.

Рубен пошёл провожать Ольгу.

– Я рад, что встретил тебя, будто в юность вернулся, а мне ведь уже сорок восемь!

– И я рада... Ведь маленькой девочкой я в тебя была влюблена, – тихо призналась Ольга.

Рубен, ведший её под руку, вздрогнул. Он остановился и, слегка прижавшись к ней, сказал.

– Мы должны быть вместе! Хочу, чтобы ты была счастлива!

Он обнял её и поцеловал в губы. Ольга ответила на его поцелуй.

– Голова кружится! Только не торопи события... Я должна привыкнуть к мысли, что для меня ещё возможно счастье!

Через полгода Ольга переехала из своей комнатки в квартиру Рубена... Он написал родителям, что встретил Ольгу Левину и они собираются объединиться, но свадьбы не будет. Уж очень беспокойно и тревожно на душе. Обещал, что в первый же отпуск приедут и в Нахичевани отпразднуют это событие.

И действительно, этот год был каким-то чёрным. По всей стране проходили аресты. Взяли нескольких учёных и технических сотрудников Академии наук. Напуганные люди перестали

улыбаться, рассказывать анекдоты. Каждый ждал, что следующим будет он.

– Страшно становится жить, – говорил Рубен вечерами Ольге. – Поверишь, мне приходилось бывать на фронте, где в любой момент могли убить. Разрывы снарядов, пулемётные очереди, турецкие ятаганы. Но такого чувства тогда не испытывал... Проклинаю себя за трусость, но ничего с собой поделать не могу!

– Напрасно ты себя клянёшь! Там ясно было, где враг и за что вы воевали. Теперь всё иначе. Ты только будь осторожен. Не говори лишнее... Береги себя, ты нам очень нужен.

Сказала и вдруг покраснела.

– Нам? Кому это нам? – удивился Рубен.

Потом вдруг понял, о ком говорит Ольга, и обнял её. В его глазах было столько радости, что, казалось, нет в мире сейчас счастливее человека. Он вопросительно заглянул в её глаза.

– Да, – ответила на немой вопрос Рубена Ольга. – Нам уже четыре недели!

Он на радостях не знал, что сказать любимой, целовал её губы, глаза, волосы, прикладывал ухо к животу, будто мог услышать, как бьётся сердечко его сыночка. В том, что будет сын, он нисколько не сомневался. Потом вдруг отстранился и внимательно посмотрел на Ольгу.

– Знаешь, о чём я сейчас подумал, родная? – грустно спросил он. – Может, и хорошо, что мы ещё не оформили свои отношения...

Ольга побледнела.

– Ты что-то чувствуешь? Тебя могут арестовать?

– Я ничего не знаю... Работаю экономистом, никуда не лезу. Но у нас арестовали людей, в честности и порядочности которых я совершенно не сомневаюсь.

Ольга со страхом посмотрела на Рубена. Потом тихо проговорила:

– Наши отношения – секрет полишинеля. Если тебя арестуют, мне не избежать участи жены врага народа... Но я без тебя не хочу жить... Я люблю тебя, люблю с самого детства...

– Подожди, подожди меня хоронить. Даже арест, он тоже не на всю жизнь... Но ты права. Как только что-то произойдёт, ты сразу же уедешь! Дай мне слово!

– Я же работаю... И куда мне ехать?!

– К родителям в Нахичевань! Они не дадут тебя в обиду...

Но проходили недели, а Рубена никто не тревожил. Он стоял, чтобы Ольга ушла с работы «по семейным обстоятельствам»:

– Проживём на мою зарплату. Тебе нужно больше отдыхать, бывать на свежем воздухе...

А когда живот у Ольги округлился и ей стало тяжело ходить, однажды ночью (это было в конце ноября 1938 года) к ним постучали.

Дверь открыла Ольга. Перед нею стояли двое мужчин со стеклянными глазами.

– Рубен Григорьевич дома?

Ольга почувствовала, что сейчас потеряет сознание. Кровь отлила от её лица, и она стала бледной как бумага.

– Он ещё спит. Вчера поздно вернулся из госпиталя, где до сих пор залечивает раны, полученные на Гражданской войне, – слукавила Ольга, думая, что члена партии, заслуженного фронтовика эти люди пожалеют, извинятся за беспокойство и уйдут! Но они не ушли. Равнодушно взглянули на её выпирающий живот и поторопили:

– Будите! Позже поспит. Мы ненадолго его заберём...

«Ненадолго?! – подумала Ольга. – Может, это и не арест?! Рубен – опытный командир. Экономист. И назвали они его по имени и отчеству... Может, срочно нужно с ним посоветоваться?!».

Она пошла в спальню и разбудила Рубена.

Он сразу всё понял. Быстро оделся, поцеловал Ольгу, тихо бросил:

– Будешь у наших, скажи, чтобы не волновались. И береги сына...

Прошёл день, прошла неделя, а о Рубене никаких сведений не было. Отчаявшаяся Ольга решила пробиться на приём к своему первому мужу. Она пошла к месту его службы и спросила Конохова. Часовой с недоверием взглянул на неё, потом позвонил по внутреннему телефону и доложил кому-то:

– Здесь беременная, говорит, что жена товарища Конохова... Нет, фамилия её – Левина. Бюро пропусков? Так она же его жена...

Часовой слушал, и лицо его становилось красным. Потом он сказал: «Есть!» и положил трубку.

– Зачем же, гражданочка, врать-то, что жена комиссару? Шли бы, от беды... Неровен час, и вас могут арестовать! Могёт быть, вы его убить собираетесь...

Ольга поняла, что ей не пробиться к Ивану. За эти годы он сделал карьеру. Шутка ли – комиссар! Она собралась было уходить, как вдруг двое часовых, стоящих у дверей, распахнули их, давая пройти полному и почти лысому мужчине с тремя ромбами на фоне голубых петлиц. За ним, неся какой-то пакет, стараясь не отставать, шёл его адъютант.

Ольга с трудом узнала в этом важном начальнике того паренька, который был когда-то её мужем.

– Иван! – громко крикнула она, когда он уже стал подниматься по мраморной лестнице.

Комиссар остановился и посмотрел на Ольгу. Потом, узнав её, удивлённо воскликнул:

– Ольга?! Кто тебя сюда пустил? – Зло взглянув на вытянувшегося перед ним часового, бросил ей: – Ладно, зайди... Мне, правда, не до тебя, но раз пришла... Только имей в виду, я очень занят... – И, повернувшись, не оглядываясь, пошёл вверх по лестнице.

В кабинете Ольга коротко объяснила суть своей просьбы, характеризуя Рубена как заслуженного, преданного партии большевиков человека.

– Кто он тебе, что ты так о нём печёшься? Муж?

– Не муж он мне... Мы жили когда-то рядом. Я знаю его с детства. Пожалуйста, если что-то в твоей власти, помоги... Во имя памяти о прошлом, о том хорошем, что было между нами...

Комиссар записал на листке фамилию, имя и отчество Рубена, уточнил, когда его арестовали, и хмуро сказал:

– У нас напрасно никого не арестовывают. Но судьбой твоего Чалхушьяна я поинтересуюсь. А тебе советую, во-первых, больше не лезть не в своё дело, а во-вторых, никогда сюда не приходить... Я не хочу вспоминать прошлое! – Он встал, давая понять, что беседа окончена. Вызвал адъютанта и приказал: – Проводите гражданку к выходу.

Придя домой, Ольга собрала самые необходимые вещи и поехала на вокзал...

5. Поезд пришёл в Ростов в три часа дня. Дул холодный декабрьский ветер. Серое тяжёлое небо висело над головой. Снег сугробами лежал на обочинах. Голые деревья, раскачиваясь на ветру, потрескивали ветками. Люди кутались в одежды. На перроне носильщики с большими блестящими бляхами на груди предлагали свои услуги, но ими почти никто не пользовался. Станционное радио ясным женским голосом равнодушно объявляло:

– Граждане пассажиры! Поезд номер сто тридцать четыре, «Ростов – Одесса», через пять минут отправляется с третьего пути. Провожаящих просим покинуть вагоны... – И почти без остановки: – Граждане пассажиры! Ко второму пути прибывает скорый поезд «Москва – Адлер». Будьте внимательны и осторожны...

Ольга вышла на привокзальную площадь, села в трамвай, идущий в центр города. У неё почти не было вещей: небольшой чемодан и сумка.

В вагоне было мало народа, и Ольга сидела на широком деревянном сиденье, закутавшись в пуховой платок, смотрела в окно. Трамвай дребезжал и грохотал, скрипел и звенел. Мимо проплывали дома и скверики, памятники и деревья. На остановках выходили и входили люди, а Ольга сидела у замёрзшего окна и смотрела в проделанную варежкой дырочку. «Как изменился город! – думала она. – Большие дома, трамваи, троллейбусы!..»

Проезжая площадь, отделяющую Ростов от Нахичевани, равнодушно отметила: «Какое странное здание драматического театра! Всё здесь теперь другое...»

Сошла, когда кондуктор объявил, что трамвай идёт в район Сельмаша, и медленно поплелась по привычной с детства дороге к дому Чалхушьянов.

На площади Карла Маркса задержалась, рассматривая бетонный памятник. Правая рука заложена за борт сюртука, а левой опирается на стопку книг... «Мудрец, перевернувший мир!» – подумала Ольга.

Рядом – театр, куда они девчонками часто ходили...

Немного передохнув, медленно пошла к Девятнадцатой линии. Шла медленно, стараясь не поскользнуться, не упасть. К тому же сердце сильно билось от волнения, и она несколько раз останавливалась, чтобы перевести дух.

Здесь, в Нахичевани, было меньше перемен. Те же квадраты кварталов, небольшие домики, улочки, спускающиеся к Дону. Проходя мимо здания гимназии, которую когда-то оканчивала, с сожалением подумала, что жизнь проходит, а счастье её было таким коротким...

Повернув на Девятнадцатую линию, пошла вниз, к Дону. Вот и восьмой номер! Здесь она часто бывала, здесь впервые увидела своего любимого!

Ольга остановилась. Нужно было успокоиться. Как молитву, произнесла шёпотом заклинание:

– Всё будет хорошо... Я иду к родителям Рубена не одна, а с их внуком...

Наконец, подойдя к дому, несмело постучала. Дверь открыла Варсеник, многолетняя домработница семьи, которую все давно привыкли считать родственницей. Она плохо говорила по-русски, хотя всю жизнь прожила на Дону.

– Здравствуйте, тётя Варсеник! Дома ли хозяева? – спросила Ольга, понимая, что она принесла им плохую весть.

– Ты – Ольга? Заходи в дом, дверь закрой, пожалуйста... холодно... Сейчас позову тебе Соню...

Через минуту в комнату вошла Софья Андреевна. Увидев Ольгу одну, сразу всё поняла. Подошла, молча обняла её и, ни о чём не спрашивая, села на стул. Лицо её побледнело, стало словно мраморным. Глаза со страхом смотрели на Ольгу. После недолгого молчания тихо спросила:

– Когда это случилось?

– Восемь дней назад... Увели, а он мне сказал, чтобы я ехала сюда... У нас будет ребёнок...

Софья Андреевна внимательно посмотрела на Ольгу, отметив выступающий вперёд живот, и выражение лица её стало теплее.

– Ты раздевайся, раздевайся, дочка. Ставь свои вещи. Теперь здесь твой дом! – Потом, помолчав, добавила: – Не знаю, как мужу сказать. У него сердце слабое... – Отвела Ольгу в комнату, говоря: – Это твоя, дочка, комната! Хачатур в прошлом году уехал в Сочи... Он же у нас на скрипке играет. Там нашёл работу... Разлетаются наши мальчики... Да и дочери давно замужем. Одни мы остались, так что ты нам будешь в радость. Иди с дороги умойся, и я тебя покормлю. Григор нес скоро придёт. Вместе ужинать будем...

– Я не голодна, – сказала Ольга, но Софья Андреевна возразила:

– Теперь, дочка, ты должна думать не только о себе, но и о малыше!

– Хорошо... Но, если вы меня дочкой называете, можно, я вас буду называть мамой?

Софья Андреевна подошла к Ольге и крепко обняла её.

– Называй... Кто ж я тебе? У тебя других родителей нет...

Вечером пришёл с работы Григорий Христофорович. Узнав о случившемся, сел в кресло и, уставившись в пол, о чём-то напряжённо думал. Потом тихо сказал, ни к кому не обращаясь:

– Прав был Павел Николаевич Миллюков, когда говорил, что они зальют Россию кровью... Из пяти сыновей четырёх арестовали! Хорошо, Хачатур уехал. Может, его минет эта участь...

– Не рви душу ни себе, ни мне... Пошли ужинать!

Софья Андреевна помогла мужу встать и пошла в столовую. Она была волевой женщиной и как могла поддерживала Григория Христофоровича.

– Варсо! – позвала она домработницу. – Пошли ужинать! Давно пора...

За ужином Ольга подробно рассказала о своей жизни, о встрече с Рубеном...

– Мне уже тридцать семь! – сказала Ольга, словно оправдываясь. – Первые роды. Волнуюсь...

– Не волнуйся, дочка, – сказал Григорий Христофорович. – Завтра я поговорю со знакомым врачом, он посмотрит тебя. Всё будет хорошо... Проживём как-нибудь...

– Не могу эти макароны больше есть. Я и так толстая! – сказала Варсеник, отстраняя тарелку.

– Это потому, – заметила Софья Андреевна, – что все едят их вдоль, а ты – поперёк!

Варсеник что-то ей ответила по-армянски и встала из-за стола.

В ту ночь Ольга впервые за последние дни спала спокойно.

Григорий Христофорович постарел. С трудом вечером шёл из своей нотариальной конторы домой. Вроде бы и не так далеко: она располагалась на Большой Садовой, и путь домой обычно занимал у него не более двадцати пяти минут. Раньше даже радовался:

– Пешочком... вместо зарядки!

Теперь же шёл и сорок минут, и час, часто останавливался, чтобы передохнуть, собрать силы... Не работать не мог. Его доходный дом, который он с таким трудом построил, национализировали. Других источников дохода у него не было. От помощи детей отказался. «Что у них брать, когда им самим есть нечего», – думал он.

Старшая, Сусанна, жила в Москве, писала редко. Искуги замужем за хорошим человеком. Он работает на Ростсельмаше, получает сто двадцать рублей. Но можно ли на такие деньги прожить, если ещё и двое мальчишек у них?! Хорошо, хоть квартиру дали... А Изабелла так та и вовсе живёт с родителями мужа... Какая от них помощь?!

Ольгу посмотрел приятель Григория Христофоровича Сергей Ярославович, акушер-гинеколог родильного дома. Старый врач успокоил её:

– Беременность двадцать шесть недель, протекает нормально. Всё будет хорошо... – Узнав, что Ольга педиатр, предложил после родов, когда она сможет, поработать в их роддоме: – Наш детский врач уехал, и мы никак не можем найти человека на его место. Соглашайтесь, голубушка!

– Конечно, доктор... Только сначала нужно родить. Возраст у меня критический!

– Ну, что вы, милочка?! – воскликнул Сергей Ярославович. – У меня недавно родила дамочка сорока двух лет! Всё будет хорошо! – повторил он. – Поклон Григорию Христофоровичу...

К ней в доме Чалхушьянов относились, как к дочери, не позволяли поднимать тяжести, требовали, чтобы она больше

бывала на воздухе. Никогда в Москве Ольга не ела так вкусно и сытно, как здесь. Самый лучший кусочек – ей!

Зима в том году была морозной. Варсеник то и дело ходила в сарай, приносила в ведре уголь и подбрасывала его в печку. В доме было тепло и уютно...

Длинными зимними вечерами Софья Андреевна сидела в комнате и вязала. Теперь у неё появились новые заботы. Связала Ольге тёплые шерстяные носки, варежки. Принялась за кофту. Вязала, почти не глядя на спицы, при этом беседовала с Ольгой. Но о сыновьях не говорила. Это была запретная тема. Между тем, что бы ни делала и о чём бы ни говорила, она всё время думала о них.

Григорий Христофорович рассказывал Ольге об армянском народе, его истории, традициях.

– Оля-джан, армяне – один из древнейших народов мира. История наша насчитывает около трех тысячелетий, и, как и еврейский народ, армяне не раз переживали периоды расцвета и трагедий. Наш народ тоже рассеян по миру. И у нас есть выдающиеся мыслители и учёные, поэты и скульпторы. Впрочем, – заметил Григорий Христофорович, – в каждом народе есть чем и кем гордиться! Поверь, армяне – трудолюбивый, энергичный, жизнестойкий народ. У нас есть прекрасные ремесленники, и мы тоже любим учиться. Тяжкая доля досталась нам...

– Я знаю... Читала о геноциде армян в Турции, – откликнулась Ольга, присев на стул.

– Ты садись сюда, дочка, – сказала Софья Андреевна, подвигаясь к краю дивана. – Здесь и ноги можешь поднять. Отекают ведь...

– Немножко... Недолго осталось...

А Григорий Христофорович продолжал. Он не мог так быстро переключаться на другие темы:

– Это был первый в истории случай массового геноцида.

Он потряс весь цивилизованный мир. А читала ли ты, Оля-джан, наш национальный эпос о Давиде Сасунском, который боролся против арабского ига?

– Нет...

– Я достану тебе перевод на русском языке, считаешь. Многое поймёшь... Армянская культура главным образом развивалась за пределами Армении. Первая печатная книга на нашем языке вышла в свет в Венеции ещё в начале шестнадцатого века!

– А когда армяне появились в России? – заинтересованно спросила Ольга.

– В начале девятнадцатого века Восточная Армения вошла в состав Российской империи...

Беседа эта продолжалась бы до глубокой ночи, но в дверь постучали, и Варсеник пошла открывать дверь позднему гостю.

В дом зашёл рыжий верзила, живший неподалёку. Он стал громко и возбуждённо о чём-то просить Григория Христофоровича. Тот отвечал ему по-армянски, но потом вдруг перешёл на русский язык, словно подчёркивая этим, что он – официальное лицо и сделать дома то, о чём тот просит, не может:

– Сегодня воскресенье, да и печать у меня в сейфе на работе. Позвони мне в понедельник. Я постараюсь не задерживать.

– В том-то и дело, что в понедельник не могу, а ко вторнику может у этого еврея найтись другой желающий... Эти жидаы никогда ничего не уступят!

– Всё экономишь?

– А как же?! Копейка рубль бережёт. Экономлю!

– Экономь, это твоё дело. Приходи во вторник, и если все документы в порядке, я заверю сделку. Только нужен и продавец, имей в виду.

Григорий Христофорович постарался выпроводить бесцеремонного человека, но тот вдруг, посмотрев в открытую дверь комнаты, улыбнулся и произнёс:

– У вас, как я вижу, пополнение ожидается? Не доктора Левина ли дочка? Уж очень похожа. Я ведь с ним рядом жил...

– Она самая, – сухо ответил Григорий Христофорович. – Сына нашего, Рубена, жена...

– Вортэхиц? Откуда она взялась? Ваш же Рубен в Москве!

– А она в Ростов рожать приехала... Ладно... Жду во вторник...

Он выпроводил неприятного посетителя, не придав тогда никакого значения разговору.

Прошла зима 1939 года, но всё ещё выли ветры, шёл снег и мороз рисовал узоры на стёклах. Ничто не напоминало, что скоро станет тепло.

Поздним вечером Григорий Христофорович шёл домой, как обычно не торопясь, осторожно делая шаги по скользкому тротуару. Уже у самого дома к нему подошёл мужчина в чёрном пальто и в большой меховой шапке. Он протянул ему вчетверо сложенный листок и прохрипел:

– Это вам...

Не успел Григорий Христофорович опомниться, как человек растаял в темноте.

Он держал листок бумаги, который словно обжигал ему руку. Что это? Кто это? Почему такая таинственность?

У дома на столбе тускло светил фонарь. Он подошёл ближе к свету и развернул листок. На нём карандашом печатными буквами было написано:

«Ваши сыновья за активную контрреволюционную деятельность и участие в дашнакском движении приговорены к расстрелу. Приговор приведён в исполнение:

Чалхушьян Серафим – расстрелян в 1937 году,

Чалхушьян Степан – в 1938 году,

Чалхушьян Леон – в 1938 году,

Чалхушьян Рубен – 21 февраля 1939 года».

Земля закачалась под ногами Григория Христофоровича. Кровь отлила от сердца, и он рухнул на сугроб.

Это случилось первого марта, в первый день весны.

Проходивший мимо сосед узнал Григория Христофоровича, подошёл к нему, но тот был уже мёртв.

Не зная что делать, сосед подбежал к калитке его дома и заколотил двумя руками.

– Хазайка! Эй, кто дома есть?

На стук вышла Варсеник.

– Слушай, зачем так стучишь? Хозяин ещё на работе!

– Не на работе он, – возбуждённо крикнул сосед. – Умер Григор! Вай, умер! Вон там лежит...

Варсеник подбежала к столбу... Попыталась приподнять тело, потом увидела зажатый в руке листок, взяла его и автоматически положила в карман.

На крик выбежали Софья Андреевна, другой сосед. Кое-как они занесли Григория Христофоровича в дом.

Софья Андреевна, увидев мёртвого мужа, заголосила. Проснулась Ольга и вышла в комнату. Безграмотная Варсеник подала Софье Андреевне записку:

– В руке держал...

Софья Андреевна пробежала глазами записку и без чувств рухнула на пол.

Варсеник побежала в кухню за водой, что-то крича по-армянски. Перепуганная Ольга подняла с пола выпавшую из рук Софьи Андреевны записку, прочла и, застонав, присела... У неё отошли воды. Начались роды.

Присутствующий при этом сосед не знал, чем помочь несчастным женщинам.

Варсеник, брызгая холодной водой на лицо Софьи Андреевны, крикнула ему:

– Чего стоишь как истукан?! Зови скорее жену, не видишь, что ли, – у Ольги роды начались! Шутера-шутера! Скорее-скорее!

Ты что, русского языка не понимаешь?!

Через несколько минут в дом прибежала соседка. Она увела Ольгу в её комнату и приняла роды. Ещё через некоторое время раздался громкий плач новорождённого, возвещая о появлении на этом свете нового человека!

К этому времени дом Чалхушьянов уже наполнился людьми. Соседи помогали чем могли.

Софья Андреевна пришла в себя. Бледная, совершенно обессиленная, она лежала на полу рядом с мужем. Под её голову заботливая Варсеник подложила небольшую подушку.

– Аствац огнакан, Айр Сурб! Боже, помоги! Святой отец! Как Оля? – спросила она и, узнав, что та родила мальчика, запричитала.

Варсеник что-то говорила ей по-армянски, утешала как могла...

А в дом приходили и приходили люди. Сняли пальто и переложили тело Григория Христофоровича на кровать. Софью Андреевну уложили на диван.

Через полчаса, собрав последние силы, она попросила:

– Варсо, проводи меня. Хочу внука увидеть...

Варсеник помогла ей встать и, поддерживая за руку, провела в комнату Ольги.

– Это Григорий! Григорий Рубенович! – сказала Ольга, откинувшись на подушку.

Соседка поднесла к Софье Андреевне новорождённого.

Та посмотрела на внука и, положив руку на его лобик, проговорила:

– Пусть так. Только пусть он будет счастливым. А фамилию ему оставь свою. Сейчас вслед за Рубеном могут забрать и тебя...

Потом сказала по-армянски, где лежат приготовленные для малыша пелёнки, одеяльце... На большее у неё сил не было. Она попросила Варсеник отвести её к мужу.

Всю ночь, окаменевшая, сидела у тела мужа и смотрела на его бледное лицо.

На следующее утро пришёл священник из церкви Сурб Карапет, прочёл молитву.

Вызванный телеграммой, из Сочи прилетел Хачатур, высокий брюнет с аккуратно подстриженными усиками и голубыми глазами. Пришли дочери с мужьями. Только Сусанна не смогла приехать. Впрочем, вполне вероятно, что она не получила телеграмму...

Провожать в последний путь Григория Христофоровича пришло много народа... Похоронили на кладбище неподалёку от армянской церкви Сурб Карапет. На поминальной трапезе пили за упокой его души. Священник снова прочитал молитву, и люди шёпотом вторили ему.

6. Первой сорок первого года был светлым и радостным. Повсюду висели красные флаги, портреты вождя, членов Политбюро, звучала музыка, почти на каждом углу стояли лоточницы в красивых белых фартуках и продавали газированную воду, леденцы, сладкие пирожки... Люди целыми семьями шли к местам сбора, откуда колоннами отправлялись на демонстрацию. Вдалеке грохотал духовой оркестр, а у дома Чалхушьянов слышались звуки большого барабана: бум-бум-бум-бум!

Ни Софья Андреевна, ни Варсеник, конечно, на демонстрацию не ходили. Но всё же в честь праздника приготовили вкусный обед, зная, что к ним обязательно придут дочери со своими мужьями и детьми и через час их дом снова наполнится голосами.

Всё было как всегда, но уже тогда опытные люди говорили, что уж очень неспокойно в мире.

– Хорошо, что мы заключили союз с Германией, – говорил Карп Григорьевич, муж Искуги, откинувшись после сытного

обеда на спинку стула. – Теперь к нам мало кто сунется. И торговля с ними оживилась. Сам видел, как из Кубани эшелоны с хлебом шли к ним...

Софья Андреевна души не чаяла в маленьком Гришеньке, возилась, играла и гуляла с ним. Варсеник командовала в доме, ходила на рынок, покупала топливо на зиму, которое заносили в сарай нанятые рабочие, варила, пекла... Ольга работала педиатром в роддоме и была вполне довольна работой. Коллектив небольшой, но дружный. Одна семья. Вместе волновались, когда у кого-то из сотрудников возникали трудности, вместе отмечали дни рождения.

Второй роддом пользовался авторитетом в городе, и нередко приходили сюда рожать женщины из других районов. В минуты затишья дежурная смена собиралась в ординаторской, пили чай, угощая друг друга домашними пирожками.

– Что это вы сегодня так сияете, милочка? – спросил Сергей Ярославович, с удивлением глядя на возбуждённую Ольгу. Он выпил уже вторую чашку ароматного чая, приготовленного Ольгой «по своему рецепту». – Ваш Гришутка чем-то поразил?

– Нет, Ольга Львовна вчера в театр ходила, – сказала ему пожилая акушерка, приклеивающая в истории результаты анализов.

Ольга улыбнулась.

– Ходила. Смотрела «Любовь Яровую». Сильный спектакль... До сих пор под впечатлением...

Сергей Ярославович оживился:

– Однажды и мне довелось видеть театр Юрия Завадского. Правда, не здесь – в Таганроге. Приезжал он туда, кажется, прошлым или позапрошлым летом на гастроли. Спектакль назывался «Павел Греков». Там по ходу пьесы должны были исключить из партии хорошего парня. Секретарь парткома, карьерист и пройдоха, долго говорил обличительную речь и для порядка спросил:

«Кто против?». По пьесе на сцене должны были проголосовать против только двое, но вдруг весь зрительный зал поднял руки! И держали их, пока актёр, игравший Грекова, не обернулся к зрителям и не крикнул: «Спасибо, товарищи!». Грянули аплодисменты... Я запомнил тот спектакль надолго...

– Да... Прекрасный театр, и хорошо, что его построили на площади между Ростовом и Нахичеванью! Мне кажется это символично... Помню, раньше мы ходили в наш, Нахичеванский, что на Бульварной площади... Но это было давно. А в Москве ходила редко... Не до театров было...

Потом говорили ещё о чём-то. Был конец рабочего дня. Пришла новая смена. Ольга убрала со стола и сказала:

– Пойду ещё раз на новорождённых взгляну. Тревожит меня что-то ребяёнок Назаровой...

Приходила домой Ольга уставшая, но довольная. Переодевшись, принималась за домашние дела. Нужно было постирать и развесить во дворе бельё, искупать сынишку, помочь Варсеник по-хозяйству.

А 22 июня началась война...

Софья Андреевна настаивала, чтобы Ольга с сыном уехали куда-нибудь в глубь страны, но та категорически отказывалась:

– Куда я поеду? К кому? Никто и нигде меня не ждёт. Буду с вами. Да и в роддоме остались только две акушерки да мы с Сергеем Ярославовичем. А женщины меньше рожать не стали...

– Потом, продолжая гладить бельё, добавила: – Да и не дойдут немцы до Ростова! Нет, я остаюсь!

Софья Андреевна боялась за Ольгу. Как могла, Варсеник успокаивала хозяйку:

– Слушай, Софья, немцы тоже люди. Зачем Олье уезжать? Они уже были у нас в восемнадцатом. Звери они, что ли?! Что им

Оля сделала? А мы её спрячем... Будет с Гришей возиться, а я – по-хозяйству. Что с нас взять?

Но когда в ноябре на неделю в город вошла дивизия СС, все с ужасом ожидали: сейчас должно произойти что-то страшное. Варсеник проклинала себя за то, что отговорила Ольгу уехать. Но прошёл день, второй, и ничего страшного в доме Чалхушьянов не произошло.

Через неделю Ростов отбили наши войска.

– Они просто ничего сделать не успели, – говорила Софья Андреевна. – Простить себе не могу, почему я не настояла, чтобы ты, дочка, уехала. Нужно быть подальше от всего этого кошмара! Сейчас наши пришли. Уезжай! Ты – врач! Вы с Гришенькой не пропадёте... Прошу тебя!

Освобождению Ростова от фашистов радовались даже те, кто сильно пострадал от большевистского террора.

Ольга продолжала ходить на работу. Правда, никто никакой зарплаты персоналу не платил, но женщины как могли благодарили докторов и акушерок, помогающих им в такое неспокойное время.

Осень сорок первого была голодной и тревожной. Население гоняли на строительство оборонительных укреплений. Женщины и старики рыли окопы. Цены на рынке подскочили. Через знакомого Ольге удалось купить тонну антрацита. Его привезли двумя подводами, и она с огромным трудом перетаскала уголь вёдрами в сарай. Теперь можно было не бояться холодов!

Запасливая Варсеник ещё летом, продав по настоянию Софьи Андреевны хозяйское столовое серебро, купила мешок муки, два мешка картошки, сало. Всё это добро хранили в погребе, вырытом в сарае.

Новый год встретили тихо. В доме работало радио, и все с тревогой слушали последние известия и сводки из фронтов. Фашисты захватили Украину. Пали Одесса и Севастополь...

– Но Москву же отстояли! – рассуждала Софья Андреевна после таких передач. – Значит, можем!..

Сердце сжималось, как только по радио раздавались слова Левитана: «От Советского Информбюро»... Никаких радостных известий старая картонная тарелка, висевшая в комнате, не приносила... Все с ужасом думали: что же будет?

Радио рассказывало о зверствах фашистов на оккупированных территориях, и это тоже бодрости людям не прибавляло.

Зима и весна сорок второго года прошли в страхе и тревожных ожиданиях.

Пару раз Ольга, уступая настойчивым просьбам Софьи Андреевны, обращалась с просьбой зачислить её на службу.

– Я – педиатр, но готова служить медицинской сестрой, – говорила она начальнику госпиталя, усталому небритому майору. Гимнастёрка на нём висела как на вешалке, и было сразу видно, что он тоже недавно призван на службу и ещё не привык к такой жизни.

– Нет, гражданочка. Взять вас не могу. Вы работаете в родильном доме, вот и работайте. А мы Ростов больше фашистам не сдадим!

Но в конце июля сорок второго года в город вошла Семнадцатая армия вермахта.

Ростов замер. Улицы опустели. Даже собаки старались лишний раз не выбегать со двора. На Пятнадцатой линии подвыпивший солдат устроил стрельбу по кошкам и собакам, наделал шума и успокоился лишь после того, как на звуки выстрелов примчались на мотоциклах работники комендатуры.

Через несколько дней в городе был вывешен приказ, в котором говорилось, что все евреи должны зарегистрироваться. Софья Андреевна категорически запретила Ольге это делать.

– Какая ты еврейка? Ты – моя дочка, значит, ты – армянка! Подумай о Грише!

– Но я не могу подвергать вас опасности. Ведь и вам может нездоровиться. Я слышала, они убивают тех, кто прячет евреев!

– Аствац огнакан! Ну и зачем мне такая жизнь?! Сиди дома и даже во двор не выходи!

Софья Андреевна была совершенно растеряна, не знала что делать, не раз вспоминала мужа, который в любых ситуациях находил выход. Ольга тоже не знала что делать. Она боялась, что за укрывательство могут пострадать Софья Андреевна и Варсеник.

В газете «Голос Ростова» было опубликовано воззвание. В нём предписывалось всем евреям явиться к восьми часам утра одиннадцатого августа на сборный пункт для организованного их переселения в особый район. Сборный пункт для жителей Нахичевани был определён на 20-й линии, 14.

– Дождались! – воскликнула Софья Андреевна. – И что теперь делать? Они же изверги! – Потом повернулась к Ольге, обессилено выдохнула: – Спрячешься, и если придут, скажем, что ты уже ушла...

Но ранним утром в дом к Чалхушьянам постучали. У двери стоял тот самый рыжий верзила с белой повязкой на рукаве, который когда-то так бесцеремонно пришёл поздним вечером в их дом и что-то требовал у Григория Христофоровича. Выпивший, он едва стоял на ногах и громко кричал:

– Эй, давайте вашу жидовку. Я провожу её. Здесь недалеко... Сколько они у меня крови попили! Но теперь я им за всё отплачу. Не люблю быть должником!

К нему вышла Варсеник и стала по-армянски о чём-то просить. Потом сняла с пальца золотое кольцо, серёжки с ушей и протянула верзиле. Тот посмотрел на кольцо, определяя примерно его вес, на рубины серёжек и кивнул:

– Хорошо! Только пусть её шан тыһ? а (сукин сын) снимет штаны. Посмотрю, правда ли он необрезанный, а то я знаю вас...

Варсеник взяла Гришу на руки и сняла с него штанишки. Мальчик, не понимая, чего от него хотят, расплакался.

– Ладно! Оставляй этого ублюдка, а жидовка пусть идёт на сборный пункт! Где она? Или ты хочешь, чтобы я сюда пришёл с немцами?

Из своей комнаты вышла Ольга. Она была бледная как полотно. Огромные её глаза выражали ужас. Она взглянула на плачущего сынишку, но, убедившись, что он на руках у Варсеник, несколько успокоилась.

– Чего стоишь? Собирайся! Сегодня наша власть! – пьяно приказал рыжий. – Он попытался взять Ольгу за плечи, но она отстранилась.

На шум вышла Софья Андреевна. Женщины сначала стали верзилу умолять, предлагали деньги, золотые часы, которые когда-то подарил Григорий Христофорович Софье Андреевне, но полицай был неумолим. Он схватил Ольгу за руку и уже не отпускал её до самого сборного пункта. Ольга не упиралась, шла, совершенно смирившись со своей судьбой. Все мысли её были о сыне. Полицай вёл её за руку, а следом шли плачущие и проклинающие его две старые женщины.

Так Ольга оказалась в толпе людей, стоящих у сборного пункта. Потом приехали машины и автобус. Не вместившихся в машины полицаи погнали через весь город колонной к посёлку Вторая Змиёвка, где уже были вырыты огромные рвы. Не привыкшие к таким переходам старики едва плелись. Их поддерживали соседи. Кто-то падал замертво, люди, переступив через них, шли дальше. Вихрастый парнишка, шедший в соседнем ряду, рассказывал, что за несколько дней до этого в Змиёвской балке рвы рыли наши военнопленные, которых здесь же и расстреляли.

Ольга шла в середине колонны и смотрела на небо. Оно было белым, и на нём не было ни единой тучки...

В Змиёвской балке, что на правом берегу реки Темерник, за Зоопарком и Ботаническим садом, и закончила свою жизнь Ольга Львовна Левина...

В последующие дни полицейские ловили евреев, не явившихся на сборные пункты, отвозили в Змиёвскую балку и там расстреливали...

В конце войны Софья Андреевна сильно заболела. Это была сухая сгорбленная старушка, которой шёл уже девятый десяток. Варсеник была моложе её на десять лет, но и ей в срок пятом исполнился семьдесят один год. Шестилетний Гриша плохо понимал, что происходило вокруг. Целыми днями играл во дворе, возился в своём уголке, в котором стояла этажерка с самодельными игрушками. Их сделала Варсеник, мастерица на все руки. Здесь были и сшитые из тряпочек человечки, и старые довоенные кубики, и потерявший свой цвет, но всё ещё хороший резиновый мячик... Иногда к нему приходили друзья, и тогда они затевали танковые сражения, захватывали Гитлера в плен, а «танками» у них были пустые спичечные коробки, шестерёнки, случайно найденные на улице, камешки... И всё бы хорошо, но только очень хотелось есть. Но Гриша знал, что плакать нельзя и вечером тётушка Варсеник сварит кашу, испечёт лепёшку. А, может, картофелину. Что может быть вкуснее печёной картошки!

Родителей своих Гриша не помнил, но бабушка часто ему рассказывала о них. И мальчику они казались сказочными героями, а дедушка Гриша, так тот вообще богатырём – умным, сильным, справедливым.

Варсеник вызвала к Софье Андреевне доктора, который осмотрел больную, но так ничего и не прописал. Да и что он мог сделать? От старости лекарств ещё не придумали.

А в апреле 1947 года, на семьдесят третьем году жизни, Софья Андреевна умерла. Прилетевший из Сочи Хачатур держал плачущего Гришу и тихо говорил племяннику:

– Ты же мужчина! Мужчины не плачут!

А у самого слёзы текли по щекам.

Но Гриша всё не мог успокоиться, ведь Софья Андреевна была ему самым близким человеком. Правда, есть ещё у него и Варсеник, и тётушки, и дядя, но их Гриша видел редко. Когда умерла Софья Андреевна, тётя Искуги предложила ему переехать к ним, но Варсеник упростила не забирать от неё мальчика.

– Слушай! Что ты такое говоришь?! Ребёнок здесь в школу ходит! Ко мне привык... Я без него не могу... Он мне – сын...

– Внук! – улыбнулась Искуги.

– Пусть – внук! Слушай, зачем ты меня хочешь обидеть? Давай у него спросим, хочет к тебе ехать?

Муж Искуги вернулся с войны подполковником, при орденах и медалях, но без ноги. Раньше он работал на Ростсельмаше мастером сборочного цеха, а сейчас – в отделе кадров завода. Да и дети подросли. За ними глаз да глаз нужен. А жили они всё в той же двухкомнатной квартирке, которую получили ещё до войны. Их дом, среди немногих, остался цел.

Искуги понимала, что Гришу даже уложить в их квартире будет трудно.

А муж Изабеллы погиб при форсировании Днепра, дом их разбомбили, и она с дочкой жила в комнатке, выделенной с места работы. Переезжать в отчий дом не собиралась, во-первых, потому, что дочери от места, где они жили, было ближе к институту, а во-вторых, потому что она познакомилась с мужчиной, у которого была прекрасная квартира в центре города... Но все они пообещали помогать Варсеник и Грише.

Карп Григорьевич принёс Грише тёплую армейскую шапку с красной звездой. Правда, шапка была велика, но зато зимой в ней было очень тепло. Изабелла привозила иногда мясо, крупы, картофель... Она работала на базе, снабжающей продуктами больницы и детские учреждения, и ей удавалось всё это добро покупать дешевле, чем оно стоило на базаре...

Годы шли. В четырнадцать лет Гришу определили в ремесленное училище, где он осваивал специальность токаря и учился в вечерней школе. Потом какое-то время работал на Ростсельмаше, куда ему помог устроиться Карп Григорьевич.

А в 1955 году в их дом почтальон принёс повестку. Гришу призвали в армию.

Нужно ли говорить, как горевала Варсеник?! Одна во всём мире, в солидном возрасте, она не могла даже надеяться на чью-то помощь.

Перед тем как уехать, Григорий зашёл к своим тётушкам и попросил не бросать без помощи Варсеник, заменившую ему и мать, и бабушку.

Тётушки обещали...

Эпилог

Гостиница, в которой остановились Григорий Рубинович Левин и его внук – Михаил, располагалась на Большой Садовой, недалеко от Театральной площади.

Позавтракав, они вышли на улицу. Небо над головой было голубым, без единого облачка. Солнышко уже с утра начало припекать. Повсюду стоял пьянящий запах сирени, на клумбах цвели тюльпаны, щебетали птички, радующиеся солнышку. По улице медленно ползли машины.

– Дед! Куда мы направляемся? – спросил Михаил, щурясь от солнца.

– Поймаем такси и поедem в Змиёвскую балку. Хочу положить цветы на место гибели моей мамы... Я её почти не помню, но мне рассказывали бабушки, что она была очень красивой... Работала врачом...

– А потом?

– А потом поедem к дому, в котором я родился и жил

до армии. Нам ещё нужно будет на кладбище пойти, отыскать могилы родных...

– За день не успеем, – протянул Михаил.

– Должны успеть! Для того и приехали. Хочу отыскать могилку Варсеник. Я даже не знаю, где она похоронена.

– Но в администрации кладбища ведут какие-то книги! А где похоронены твои деды по материнской линии?

– Не знаю... Расстреляли в двадцать пятом, а где похоронены – не знаю. – Григорий глубоко вдохнул свежий утренний воздух и произнёс: – Хватит рассуждать. А вот и такси!

Они сели и поехали. На улицах было столько транспорта, что их машина медленно, словно крадучись, продвигалась вперёд.

Когда, наконец, подъехали к мемориальному комплексу и расплатились с водителем, солнце уже было высоко над головой. Людей почти не было. Видно было, что недавно здесь проводились ремонтные работы, но, несмотря на это, всё здесь выглядело запущенным и убогим.

Григорий Рубинович и Михаил возложили цветы, купленные ими по дороге, и молча стояли у памятной доски, на которой значилось: «11–12 августа 1942 года здесь было уничтожено нацистами более 27 тысяч мирных граждан Ростова-на-Дону и советских военнопленных».

– Я читал, – тихо проговорил Григорий Рубинович, – что сюда пригоняли людей колоннами, привозили на автобусах. Взрослых расстреливали, а детей убивали, смазывая губы сильнодействующим ядом.

Михаил молчал. Он с ужасом смотрел на застывшие в камне фигуры. Сердце его колотилось так, что он не мог понять: бьётся ли оно, или это он слышит автоматные очереди, последние крики несчастных... Возник дикий, не знакомый ему до сих пор страх. Взглянул на деда. Тот молча стоял у обелиска и о чём-то думал.

Потом они спустились со склона горы в балку, и с каждым шагом вниз им казалось, что всё громче слышатся стоны и крики убиенных. Это была братская могила, в которой покоилось двадцать семь тысяч евреев, людей других национальностей...

Но при этом Михаилу казалось, что вместе с ужасом, наполняющим его душу, к нему вливаются новые силы. Ему хотелось жить, чтобы доказать: жизнь сильнее смерти!

Возложив цветы и закончив осмотр мемориала, они молча вышли на дорогу, поймали попутную машину и поехали в Нахичевань, на Девятнадцатую линию. Сейчас всё здесь изменилось. То тут то там поднялись к небу высокие многоэтажные дома, но это почему-то не радовало Григория Рубиновича. Он с ностальгией вспоминал городок своего детства. А вот и Девятнадцатая! Повернув к Дону, он издалека увидел свой дом. Но и тот сильно изменился. Потемневшие от времени кирпичи, шиферная крыша, металлопластиковые окна... Нет, он мало напоминал дом, в котором прошло его детство!

Потоптавшись, несмело нажал на электрический звонок. Дверь открыла незнакомая старушка.

– Добрый день, – поздоровался Григорий Рубинович. – Вы извините... Кто сейчас живёт в этом доме?

– А зачем тебе? Кто ты? Почему интересуешься, кто здесь живёт?

– Вы не волнуйтесь, я всё объясню: когда-то в этом доме я родился и жил. Правда, это было давно.

Женщина недоверчиво посмотрела на Григория Рубиновича, потом перевела взгляд на Михаила, что-то пробормотала себе под нос и, повернувшись к открытой двери, громко позвала:

– Сирануш, ари, ари! Иди сюда! Может, ты помнишь? Этот мужчина говорит, что он здесь жил! Как тебе нравится?!

К ним вышла полная женщина лет пятидесяти с полотенцем в руках. Она вытерла им вспотевшее лицо и с удивлением взглянула на пришедших мужчин.

– Вы кто такие? Когда здесь жили? Мы уже здесь больше пятидесяти лет живём!

– Слушай, Сирануш, – вдруг вспомнила старуха. – Может, это кто-то из прежних хозяев? Не помню точно, но твой отец купил этот дом у Чалхушьянов. В нём никто тогда не жил, и его купили у детей, которым этот старый дом и не нужен был... Вы – Чалхушьян?

– Почти, – неохотно откликнулся Григорий Рубинович. – Извините... Просто хотелось взглянуть на дом, в котором провёл своё детство.

– Так вы заходите, заходите... Посмотрите... Мы здесь почти ничего не изменили...

– Как же не изменили?! – воскликнула Сирануш. – Газ провели, отопление сделали! Вместо сарая – гараж построили... Правда, это было очень давно! Вы заходите, посмотрите!

– Да нет, спасибо! – грустно сказал Григорий Рубинович. – Посмотрели, и ладно. Нам нужно ещё и на кладбище успеть...

– Слушай, дорогой! – сказала старуха, с уважением глядя на Григория Рубиновича. – На кладбище опоздать нельзя! Не торопись туда! Посмотри, посмотри... Здесь и в соседних домах давно живут новые люди. Свою Нахичевань ты не узнаешь!

– Вы правы... Извините за беспокойство...

Григорий Рубинович повернулся и тяжело пошёл наверх по направлению к улице Сарьяна.

– Теперь куда, дед? – спросил Михаил.

– Зайдём куда-нибудь пообедаем – и на кладбище!

– Тебе же та бабка сказала, что туда торопиться не нужно! – попытался пошутить Михаил. – Может, завтра?..

– Нет, Миша! Не хочу здесь долго задерживаться. Тяжело на душе. Положим цветы на могилы...

– Если мы их ещё разыщем...

– Разыщем... Потом ещё нужно будет поискать родственников. Хотя я на это мало надеюсь... И больше нас здесь ничто не держит!

– Но это уже завтра! – с надеждой сказал Михаил.

– Завтра! – кивнул Григорий Рубинович.

Пообедали они в небольшом кафе недалеко от площади Карла Маркса. Потом остановили проходящее такси и поехали на армянское кладбище.

– Здесь можно было и пешком пройтись, – ворчал таксист.

– Стар я уже, – ответил Григорий Рубинович. – Нашлись сегодня... Ноги болят... Вы только нас подвезите к армянской церкви, что стоит на кладбище!

– Понял... Значит, нужно подъехать к южным воротам...

Перед входом на кладбище возникло здание церкви, как потом они узнали, посвящённой Святому Иоанну Крестителю. Церковь эту местные жители так и называли: армянская апостольская церковь Сурб Карапет.

И хотя планировка кладбища была простой и ясной – в виде сетки, Григорий Рубинович решил для начала обратиться к кому-нибудь из служащих здесь священников, ведь, как ему рассказывали, дед его когда-то был известной фигурой в Нахичевани.

Из церкви вышел священник, одетый во всё чёрное. Увидев незнакомых людей, поздоровался и поинтересовался:

– Могу ли чем-то помочь? Вижу, вы в наших краях новенькие...

Узнав, что Григорий Рубинович – внук Григория Христофоровича Чалхушьяна, засуетился. Сказал, что попробует пригласить известного краеведа Багдыкова Минаса Григорьевича, который сможет помочь в их поисках.

Он достал из кармана мобильный телефон, набрал номер и сказал:

– Барев, дорогой Минас Григорьевич! Я знаю, что вы интересовались историей Чалхушьяна! К нам пришёл внук его... Да-да, настоящий живой внук! – Потом некоторое время слушал, что говорит Минас Григорьевич, и ответил: – Приходите! Вы сами сможете у него это узнать... – Положив трубку в карман, сообщил: – Обещал сейчас прийти. Живёт недалеко, минут через пятнадцать будет. А пока пойдёмте, я вам покажу могилу Григория Христофоровича. Она здесь рядом. Недавно община восстановила памятник. Ваш дедушка был очень уважаемым человеком в Нахичевани. Много сделал для нашего города, был настоящим нахичеванцем!

Они подошли к памятнику. На гранитном камне было выбито: «Григорий Христофорович Чалхушьян. 1.07.1861 – 1.03.1939».

Рядом – могила Софьи Андреевны с табличкой, на которой с трудом можно было разобрать: «Софья Андреевна Чалхушьян. 18.11.1864 – 28.04.1947».

– Я бы хотел оставить деньги, чтобы поправили могилки моих близких.

Священник в нерешительности взглянул на гостя, потом сказал:

– Вот придёт Минас Григорьевич, попросите его. Он наймёт людей... Я не могу брать деньги...

Вскоре к ним подошёл среднего роста мужчина с копной седых волос и заинтересованным добрым лицом.

Познакомились. Это и был Минас Григорьевич Багдыков, врач, учёный-краевед, автор статей и книг о Нахичевани.

Он много рассказал о Григории Христофоровиче, заметив, что урну с прахом его дочери Сусанны, известной поэтессы и переводчика, в 1965 году привезли из Москвы и подхоронили на могилу матери.

Он согласился взять на себя хлопоты по приведению в порядок могил Софьи Андреевны и Варсеник. Григорий Рубинович передал ему деньги и долго благодарил Минаса Григорьевича.

– Я буду вам очень благодарен за хлопоты. К сожалению, живу далеко и не могу сделать этого сам.

Они ещё долго стояли у памятника, молча размышляя каждый о своём. Потом неожиданно Минас Григорьевич сказал:

– Вы – потомок славного нахичеванца! Помните, как у Геворга Эмина?

*...Мне каждый новый век страданья приносил.
Кто сыновей моих по всей земле развеял?
Кто Арарат дождём кровавым оросил,
Под корень подкосил ростки, что я взлелеял?*

И ещё:

*...Мне наносил любой поднявшийся Аттила.
Я привыкал к резне, веками жил в плену,
Я был, как сирота, в борьбе за жизнь упорен.
На вспаханную новую целину
Упала горсть моих тысячелетних зёрен.
Благословен мой род, его величье свято,
Изгнанником я был – и Родину обрёл.
Я – древний армянин, ровесник Арарата,
Чьей седины крылом касается орёл.*

Григорий Рубинович слушал Минаса Григорьевича, и ему приятен был этот немолодой уже мужчина. От него исходила аура добра и человеколюбия.

– Вы знаете, уважаемый Минас Григорьевич, – грустно произнёс Григорий Рубинович, – я чувствую себя сыном двух

народов. Обоим довелось пройти много испытаний. Но выжить! И мне тоже вспомнились стихи Маргариты Алигер:

*...Я не знаю, есть ли голос крови,
только знаю: есть у крови цвет.
Этим цветом землю обагрила
сволочь, заклея́нная в веках,
и людская кровь заговорила
в смертный час на многих языках...*

Потом они с трудом отыскивали могилу Варсеник Вартановны Манукян. Она была у самого края кладбища. Креста на могилке не было, но табличка сохранилась.

– Не знаю, могу ли я вас спросить, – замялся Григорий Рубинович, – но здесь на армянском кладбище, наверное, захоронены и мои дедушка и бабушка по линии матери. Фамилия их – Левины. Дедушка работал врачом... Они были евреями...

– Левины? – удивился Минас Григорьевич. – Известная в Нахичевани фамилия. Может, и они ваши родственники? Евреи, говорите. Тогда, скорее всего, они могут лежать на другой стороне кладбища.

Они долго бродили вдоль могил, но отыскать захоронения Левиных так и не удалось.

Вернулись к могиле Чалхушьяна. Григорий Рубинович незаметно для себя стал раскачиваться, точно от боли. Он стоял у могилы деда-армянина, но в нём проснулись и его иудейские корни. Он будто читал кадиш. Только слова шли не по-писаному, а от изболевшейся, исстрадавшейся души. Багдыков ждал его чуть в отдалении. Потом, проходя мимо армянской церквушки, Григорий Рубинович, считавший себя до этих минут убеждённым атеистом, сказал внуку.

– Зайдём-ка в церковь, – и, не оглядываясь, направился к ступеням храма.

Спросил у служителя, где нужно поставить свечку об упокоении.

К ним подошёл священник, и Григорий Рубинович прошептал:

– Помолитесь за моих родных.

– Напишите на листке их имена, – попросил тер Татеос.

Михаил достал ручку и под диктовку деда на листке бумаги написал: «Григор, София, Лев, Евгения, Рубен, Ольга, Варсеник, Леон, Степан, Серафим, Хачатур, Сусанна, Искуги, Изабелла, Натан, Сара...» Он вспоминал всех Чалхушьянов и Левиных, вспомнил женщину, заменившую ему мать – Варсеник Манукян, вспомнил всех, с кем ему довелось «познакомиться», спустя много лет после того как эти две семьи сначала подружились, а потом и породнились. Всех, кто жил и любил, радовался, страдал в этом благословенном городе Нахичевани. В те минуты он ощутил себя истинным нахичеванцем.

БАКИНЦЫ

Повесть

1. Мы живём мгновеньем... «Есть только миг между прошлым и будущим». Но этого будущего мы можем не дожидаться! И о прошлом узнаём из тенденциозных источников, где всё перевернуто в угоду власти имущим. И правда может быть у каждого своя, а Истина, как известно, ведома только Богу. Время течёт... Оно, словно морская волна, изменяет рисунок на песке, и только сказания и легенды остаются в памяти народов. Но одну и ту же легенду можно услышать в тысячах вариантах. Иногда они настолько изменяют Истину, ставя всё с ног на голову, что плохое становится хорошим, чёрное – белым... Всё зависит от того, что кому-то было нужно. И правду нам не узнать никогда.

Май в Баку прекрасен. Молодой зелёный цвет, сирень, розы, солнце «в целом свете»... и к аромату весны примешивается привычный бакинцам запах моря и нефти... Такого сочетания, пожалуй, нигде больше нельзя встретить.

Недалеко от Университета и Академгородка в трёхкомнатной квартире обычной пятиэтажки собрались друзья, чтобы отметить предзащиту кандидатской диссертации Нины Чебонян, работающей в отделе петрологии НИИ геологии Академии наук Азербайджанской ССР.

Нина, в девичестве Соколова, была коренная бакинка. Её прабабушка вместе с двумя дочерьми приехала сюда из Ростова к дальним родственникам. Но началась война, мужа призвали в армию, а

родственники уговорили её пока не возвращаться на Дон. Она сняла комнату, устроилась работать... А потом муж погиб на фронте, дом их разбомбили, и она осталась здесь жить. Ей был по душе и гостеприимный дружественный народ, сравнительная дешевизна жизни, природа, наконец, работа в детском садике, где учли её педагогическое образование и назначили заведующей. Она привыкла к работе, к коллективу и не видела смысла уезжать. К тому же возвращаться в Ростов было не к кому. С родственниками мужа отношения у неё сложились прохладные... Вскоре дочери вышли замуж, у неё появились внуки... Проросли корни, закрепились на этой земле...

Отец Нины Васильевны работал на буровой. Мать – учительствовала. Но несколько лет назад при аварии погиб отец, а вскоре ушла из жизни и мать. Это случилось, когда Нина окончила университет и стала работать старшим лаборантом в отделе доктора наук Азизбекова.

Жизнь иногда преподносит людям неожиданные подарки. Так случилось, что однажды, в 1980 году, на «Скорой Помощи» её доставили в городскую больницу с острым аппендицитом. Там Нина и познакомилась с будущим мужем.

– Я не понимаю, – говорил Григорий через месяц после её выписки из больницы, – что со мною происходит, но утешает только, что даже сам Эйнштейн не все ферштейн, как говорит мой друг Валера. Ты мне нравишься, и я хочу всегда быть с тобою... Вот такая у меня идея...

– Понимаю, – улыбнулась счастливая девушка. – Ну, что ж... Признаюсь. И ты мне нравишься. Глаза твои меня, что ли, загипнотизировали...

– Хоп! Будем считать, что мы договорились. Но, выстраивая свою жизнь, нужно начинать с фундамента. Завтра подаём заявления в загс!

– Что значит завтра?! – воскликнула удивлённая девушка. Её с головой накрыла волна нежности и любви, но возникла тревога. – К сожалению, у меня уже родителей нет. Но у тебя...

– Так я же тебе об этом и говорю: сейчас идём к нам. Мама у меня хорошая и о тебе уже знает. А завтра...

– Может, не стоит торопиться, – сказала Нина, ныряя в его глаза. – Мы ещё мало друг друга знаем. К тому же, я – бесприданница.

– Много лет люди пытались создать формулу любви! – ответил юноша. – Но это невозможно. Поэтому и счастливы те, кто в любви являются нерасчётливыми математиками. Меня мало интересует твоё приданное...

Григорий Хачатурович Чебонян был старше Нины на пару лет. Окончив медицинский, он поступил в клиническую ординатуру и специализировался по хирургии.

Высокий, с гладкими, отливающими синевой блестящими волосами, он выделялся среди тех, с кем общалась Нина. Его орлиный нос, аккуратные усики, огромные чёрные глаза заворожили. Ей казалось, что он всё время смотрит на неё. Это было непривычно и приятно. Он был хорошим другом, знал множество весёлых историй и, как говорила Нина, «мог мёртвого уговорить».

На скромной свадьбе у молодых были немногочисленная родня Григория, его друг Валерий с женой Гульнарой, и друзья Нины, работающие с нею в одном отделе: Арсен Манукян и Наил Курбанова. Валерий, Григорий и Гульнара сдружились ещё на первом курсе института, их называли «мушкетёрами» за склонность ко всяким приключениям. При этом аристократичного Валерия называли Атосом, романтического Григория – Арамисом, а Гульнару – д'Артаньяном в юбке!

Через год у Григория и Нины родилась Анечка.

Друзья часто встречались, делились своими успехами и проблемами, проводили вместе время. Вот и сейчас, сидя на диване, Гульнара, преподающая в медицинском училище акушерство, рассказывала:

– Нет, вы послушайте, что у меня случилось на занятиях. Один парнишка должен был на муляже показать, как он будет помогать при родах: половина «беременной женщины» и тряпочный «младенец», которого нужно вытащить щипцами... Он так старательно тянул, что не рассчитал и «женщина» упала на пол, «младенец» полетел за «матерью». Я едва не расхохоталась, а его товарищ, выше меня на целую голову, буркнул: «А теперь папаше щипцами по башке – и, считай, ты разделался с этой семейкой!»

В аудитории несколько минут стоял хохот. Еле успокоила...

Арсен Манукян был безнадежно влюблен в красавицу Наилю и страдал. Девушка дала ему понять, что любит другого. Она как могла утешала юношу, но неизменно повторяла, что «я другому отдана, я буду век ему верна!».

Избранник Наиля работал в том же Институте геологии, но в другом отделе, защитил кандидатскую, и все ему пророчили большие успехи в науке. Лыстило Наиле и то, что её потенциальный жених из профессорской семьи, его отец вёл в Университете курс кристаллографии. Роман их был в полном разгаре, но Джафар уехал в экспедицию, и потому девушка пришла к подруге одна.

На балконе стоял чугунный мангал, в котором догорали специально купленные дровишки. Григорий возился с мясом. За огнём следил Арсен. А в комнате расположились Наиля, Валерий и Гюльнара. Нина неспешно накрывала на стол. Друзья в этом доме были не первый раз, и все чувствовали себя вполне свободно.

– Ты, подруга, расскажи, как проходила предзащита? – спросила Гюльнара и взяла в руки гитару. Она знала, что Нина увлекалась игрой на гитаре, неплохо пела.

– Что рассказывать? – ответила Нина. – Целый час отвечала на дурацкие вопросы... Шеф пригласил соседей из других отделов.

– Чего же они, мерзавцы, издевались над тобой? Не понимали, что ли, что и они могут быть на твоём месте?!

Гюльнара представила, как бедная Нина стоит и отбивается от злых и завистливых коллег.

– Предзащита – не защита, – скромно ответила Нина. – Считается хорошим тоном задавать соискателю вопросы. Но беда в том, что вопросы были разными: те, на которые приятно отвечать, и идиотские, никак не относящиеся к теме. Но я должна была с улыбочкой вежливо говорить о роли коммунистической партии и политики нашего государства в том, что структура пород Азербайджана существенно не отличается от тех, что распространены в Армении и Грузии! Идиотизм!

– И отвечала?

– Отвечала. Куда же мне было деваться?

– А потом после этого свинства ещё и поила их?

– Нет. Банкет сегодня не в моде... да и делают его, как правило, после защиты.

– Мы подождём... Бог терпел и нам велел, – откликнулся Валерий.

Валерий Гринберг – молодой человек с курчавыми волосами и карими глазами, был лёгким циником и любил поражать молодых женщин афоризмами «на грани фолы», считая, что гинекологу так и следует общаться.

– До сих пор не могу поверить, что всё уже позади! – продолжала Нина. – Словно ангел-хранитель подсказывал мне ответы на каверзные вопросы.

– Просто ты была хорошо подготовлена, – успокоил её Арсен.

– А я вспомнил байку про добрую фею, – сказал Валерий. – Супруги отмечают серебряную свадьбу. Цветы, музыка... Вино лилось рекой. Тогда ещё не было постановления Правительства... И тут появляется фея и говорит: «За то, что вы такие молодцы, я дарю каждому по одному желанию». «Хочу в кругосветное путешествие с любимым мужем», – воскликнула жена. Бах! – и два билета на роскошный лайнер у неё в руках. Очередь мужа

загадывать. Он подумал и говорит: «Это всё, конечно, хорошо, романтика и всякая фигня, но такой шанс выпадает только раз в жизни, поэтому извини, дорогая, но я хочу себе жену на двадцать лет моложе». Жена в шоке – но желание есть желание... Бах! – и муж стал стариком. Вот такие бывают феи!

– Все вы такие, – улыбнулась Наиля.

– Такие, такие, – кивнул Валерий.

С балкона доносился аппетитный запах шашлыков.

– А нас в этом доме собираются угощать? Я по такому случаю, назло врагам, – Валерий почему-то посмотрел куда-то наверх, – мечтал сегодня напиться!

– Не витай в облаках, тем более что на небе ни облачка, – заметила Гюльнара. Она перебирала струны гитары, потом оставила её в сторону.

– Ещё минут десять, – откликнулся Григорий с балкона.

Нина закончила накрывать на стол и села рядом с Наилей на стул. Взяла в руки гитару и пробежала пальцами по струнам.

Дом был построен давно. Такой тип построек называли сталинским. Высокие потолки обеспечивали прекрасную акустику.

Нина настроила гитару и вдруг затянула песню:

*Длинными ночами
Глеет костерок,
Закопчённый чайник,
В банке – чифирок.
Долго ли с горами
Зиму пурговать,
Золотые граммы
Родине давать?*

– Нет-нет! Ты не эту, – рассмеялась Наиля. – Давай лучше нашу любимую: «Издалека скучно...»

Нина тут же подхватила песню геологов:

*Издадека – скучно
Идём путём вьочным,
Над головой тучи
Раскинули свой плед.
А здесь подмок сахар,
И съели всё мясо.
Да что там всё мясо,
Неделю хлеба нет.*

Потом вдруг прекратила петь и объяснила Валерию и Гюльнаре:

– После полевого сезона геологические отряды съезжаются на базу экспедиции. Когда сданы и защищены полевые материалы, проводится «Вечер полевика». Встречаются геологи разных отрядов, делятся впечатлениями о сезоне и поют.

Потом снова запела:

*На наших дорогах не встретишь следов –
Мы первыми их пролагаем.
Из шумных, усталых, больших городов
Мы каждое лето сбегает.
Нам печь и камин заменяет костёр,
А ложе из хвои – перины,
Но сердце – кусочек живой, не мотор,
Тоскует порой без причины
По шумным усталым большим городам,
По лицам любимых и дому,
И мы отступаем по нашим следам,
Поскольку нельзя по-другому...*

Всех вдруг охватило бездумное веселье. Валерий стал руками выбивать в такт музыке восточные ритмы. Нина отложила гитару в сторону и встала, чтобы посмотреть, скоро ли будет готов шашлык. Арсен взял гитару и красивым голосом запел:

*Для нормального хозяйства
Нужны крупы, масло, яйца,
И сварить обед нельзя
Без кастрюли и огня.*

Потом вдруг сменил шуточную песню на лирический вальс:

*Как грустна осенняя вода,
Как печальны пристани пустые!
Вновь сентябрь на наши города
Невода кидает золотые.
И, ещё спеша и суетясь,
Всё равно – смешно нам или горько,
Трепыхаясь в лиственных сетях,
Мы плывём за временем вдогонку...*

*(В повести использованы стихи
Олега Ваулина, Александра Город-
ничкого, Анатолия Цепина.)*

Видимо, многие геологи дружат с гитарой. Арсен продолжал петь, а Валерий тихо спросил Нину, оглядывая комнату:

- А где моя любовь, Аннушка?
- В своём уголке играет, – ответила Нина.
- Удивительное дело. Сама играет?
- Ей никто не нужен. Живёт в своём мире, разговаривает с игрушками...

– Таких ребятят можно иметь дюжину, – улыбнулся Валерий. – И в садике ведёт себя так же?

– Нет. Там же детки. Её ровесники, – ответила Нина. – Там она бегаёт как угорелая...

Потом под звуки марша с балкона Григорий внёс в комнату шашлыки и началось пиршество.

– Первым делом мы должны выпить за Ниночку! Большому кораблю большое плаванье! Успехов тебе, дорогая, – провозгласил тост Валерий. Все дружно поддержали его. Некоторое время молча ели. Видно было, что проголодались. Как водится, пили вино, произносили тосты, рассказывали анекдоты, спорили...

Весна 1985 года была временем надежд и ожиданий. В апреле на пленуме ЦК была провозглашён курс на перестройку. За ним последовали антиалкогольная компания и курс на «ускорение», «борьба с нетрудовыми доходами» и введение госприёмки. Какие-либо радикальные шаги в этот период не предпринимались, внешне практически всё оставалось по-старому. Мало кто понимал, что происходит. Вино в общественных местах пили из чайников, имитируя чаепитие. Наконец, открыто были признаны недостатки существовавшей политико-экономической системы и делалась попытка исправить ситуацию. Политизация общества была огромной. Собирались группами, спорили до потери голоса. Кто-то отстаивал старые порядки, кто-то яростно защищал новые.

– О чём ты говоришь?! – воскликнул Арсен. – Я слышал, что в ряде районов виноградники, которые с таким трудом выращивали много лет, вырубали под корень!

– Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибёт, – резюмировал Григорий.

– Вот я и говорю: «Беда, коль пироги печёт сапожник...» Горбач видит, что у нас что-то не так, а как исправить положение, не знает. – Гюльнара всегда принимала активное участие в таких спорах.

– Они просто стараются подретушировать существующее положение! – сказала Наиля. – Ничего не изменится... Попомните мои слова.

– А я думаю, просто хотят отвлечь внимание. Выпускают пар. При такой жизни, когда всё в дефиците, очереди и взятки... пузырь может и лопнуть! – добавила Гюльнара.

– И болтают о демократии, – сказал Арсен. – Мой родственник шил прекрасную обувь. Но его отправили в места не столь отдалённые на два года. Говорят: «нетрудовые доходы»! Вот и вся демократия!

– О какой демократии ты говоришь?! – удивился Валерий. – У нас всё так: говорят одно, а делают ровно наоборот! Если показывать фигу – фикус не вырастить!

– К чему ты призываешь? Бросаться на амбразуру? Просто нужно потребовать соблюдать порядок. Это недемократично? – удивилась Наиля. – А нарушать порядок – это, по-твоему, демократично?!

Валерий грустно взглянул на девушку и сказал:

– Сегодняшняя ситуация похожа на демократию примерно так же, как варикозное расширение вен на вензаболевание! – Он, как всегда, был в своих суждениях категоричен.

– Муть всё это! – резюмировала Гюльнара. – Давайте лучше выпьем за Ниночку! Где ты умудрилась достать такое вино?

– Старые запасы...

– А что? Лиха беда – начало! Сейчас – кандидатская, а потом и докторская!

– Порядок в мире наступит тогда, когда каждый наведёт порядок в собственной душе, – продолжая думать о словах Наили, проговорил Валерий.

В возникшей паузе раздался голос Григория:

– И всё же я думаю, что такое положение вечно продолжаться не может. Наступит время, когда всё тайное станет явным и все поймут, что мы ехали не в ту сторону!

– Что ты имеешь в виду? – спросил Арсен.

– Чтобы утвердить проект несчастной пристройки к больнице, главный ездил в Москву! Это что, правильно?!

– Это – старая песня: говорили о демократии, а пришли к выборам без выбора. Говорили о земле крестьянам, о заводах рабочим, о мире народам... – сказал Арсен.

– В своё время, если мне память не изменяет, папа Карло, тот, что Марло, утверждал, что цель может быть достигнута лишь путём насильственного ниспровержения существующего строя. Ведь пролетариям нечего терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир.

В комнате повисла тишина, и тогда Валерий понял, что сказал лишнее.

– Ладно... проехали... Я, кажется, перебрал. Мир можно отразить лучше, но ясности от этого больше не становится.

– Ты прав, – кивнул Григорий. – И я, видимо, перебрал немного...

Когда друзья ушли, Григорий обнял жену и тихо сказал:

– Наконец-то мы одни! Я так рад за тебя, так счастлив...

Нина кивнула и улыбнулась:

– Сейчас я уберу со стола, умою Анечку и приду к тебе...

Завтра воскресенье, можно будет поваляться подольше...

– Я тебя жду, – сказал Григорий, взял журнал «Хирургия» и пошёл в спальню.

2. А потом опьянённый и обманутый красивыми словами о свободе народ Карабаха высказался за переход под юрисдикцию Армении, но Президиум Верховного Совета запретил это. Католикос Вазген I призвал всех к спокойствию, но к его голосу никто не прислушался. И в Азербайджане, и в Армении прокатилась волна насилия. Погибли люди.

В интернациональном Баку, родине Мстислава Ростро-

повича и Льва Ландау, Гарри Каспарова и Муслима Магомаева, Вероники Дударовой и Серго Закариадзе, славном, добром, интернациональном Баку среди азербайджанцев вдруг усилилась антиармянская пропаганда. Нарастало отчуждение. Всё чаще случались события, которые раньше никак возникнуть не могли. В городе ходили слухи, что где-то выгнали с работы хорошего специалиста-армянина, проработавшего там много лет. Ходить армянам по улицам города, особенно в вечернее время, стало небезопасно. Какие-то отморозки нападали, избивали до полусмерти, девушек насиловали, а доблестная милиция, неспешно прибывшая на место, не находила состава преступления...

В сентябре 1989 года мать Арсена стала свидетельницей того, как здоровые парни, называвшие себя представителями Народного фронта Азербайджана, выбросили из дома напротив старика Балаяна. Она с ужасом наблюдала, как его били ногами, выбрасывали из окон его вещи. Шёл мелкий осенний дождик, а сосед лежал на мокром тротуаре и тихо стонал. Дети его были в отъезде, и заступиться за несчастного было некому. Через час по её вызову приехала «Скорая помощь». Она забрали старика.

Под вечер у Анны Карповны случился сердечный приступ. Арсену, поздно пришедшему из института, сосед рассказал, что карета скорой помощи увезла мать в больницу. Он побежал туда... и узнал, что у мамы был обширный инфаркт, она умерла.

С огромным трудом Арсен похоронил мать на городском кладбище, а через неделю, взяв лишь свои вещи, первым же поездом уехал в Ростов с твёрдым намерением никогда больше сюда не возвращаться. Наила вышла замуж, мама умерла... Что его ещё держало в этом городе?! В Ростове жили родственники, он ещё молод и сможет найти работу...

Отъезд Арсена Манукяна сотрудники отдела петрологии восприняли с пониманием, и только руководитель, старик Азизбеков, то ли упрекая его в чём-то, то ли винясь, глухо проговорил:

– Торопитесь, да?! Здесь я никого не дам в обиду... Всё это – политические игры, пройдёт всё скоро, а нам работать нужно...

– Может, вы и правы, уважаемый Ариф Джафарович, но решение принято.

– И куда едешь? – спросила Нина, присутствовавшая при том разговоре.

– В Ростов. Там живут родственники. Здесь у меня уже никого не осталось...

– Но ты не забывай нас! Как приедешь – напиши, – сказала Нина, даже не подозревая, что очень скоро и она будет вынуждена уехать из родного города.

Зимой 1990 года начался вооружённый конфликт между Азербайджаном и Арменией. В это же время в Баку прокатились волны погромов армянского населения: грабежи, убийства...

Однажды, это было в начале февраля, Григорий, придя домой с работы раньше обычного, сообщил Нине, что он безработный!

– Финита ля комедия! Мне дали понять, что больше не нуждаются во мне.

– Дали понять? – удивилась Нина. – Или предложили уйти?

– Можно и так сказать... Но я точно знаю, что нигде не найду работу... Всё это время я старался не влезать в политику, прятался, как улитка, в свою скорлупу, так нет – и меня достали...

– Ты только не паникуй!

– Я не паникую. Констатирую факт. Нужно признать: не знаю, что делать.

– А что Валерий?

– Он же в другом отделении. Я его уже неделю не видел... Да и кто к нему придерётся! Гюлькин отец Мустафа Али-заде в городе не последнее лицо...

– Так, может, дядя Мустафа вмешается, поможет?

– В нынешней обстановке даже он вряд ли что-то сможет. Да и не собираюсь я к нему обращаться. Нужно уезжать. Знать бы только – куда...

Вопрос повис в воздухе.

– Вариант Армении я не принимаю, – впервые за время совместной жизни Нина произнесла это твёрдо и посмотрела на мужа, умоляя её понять. – Языка не знаю. К тому же там тоже несладко... Я устала находиться в обстановке с высоким напряжением. Ты должен меня понять! А вот в России...

– Что в России? Кто там у тебя?

– В Ростове когда-то жили мои дальние родственники... Арсен туда уехал. Тоже не чужой нам человек. Поможет на первых порах сориентироваться в новой обстановке.

– Я ничего не имею против Ростова, но давай рассчитывать на свои силы. В большом городе я, надеюсь, найду работу. Снимем жильё...

– За какие шиши?

Нина встала и нервно заходила по комнате.

– Сядь. Не заводись! Да и Анечке нужно в школу.

– Проблема будет уехать. Сейчас – всё проблема!

Снова в комнате стало тихо. Из своей комнаты вышла десятилетняя Анечка. С удивлением взглянув на родителей, она постояла немного и вернулась в свою комнату.

– Я думаю, нам помогут Наиля и её Джафар. Да и Валера с Гюлей нас не оставят...

– А что будет с квартирой? Может, та же Наиля с Джафаром купят хотя бы за полцены? Наиля, кажется, не очень ладит со свекровью. А нам на первое время очень быгодились эти деньги.

Нина взглянула на мужа и впервые за этот вечер улыбнулась.

– Я в прошлом году не была в отпуске. Мне отпускные положены. К тому же у меня есть какие-то золотые побрякушки...

– Это ты брось! Побрякушки можно будет продать и в Ростове!

– Но и возить их опасно. Говорят, в поездах грабят, сволочи...

– Я думаю, Валерка до границы нас проводит... Выедем из Азербайджана, и он вернётся в Баку. А вдвоём нам не страшно, тем более с Валеркой. Этот орангутанг – мастер спорта по боксу и толпу разметает...

Всю ночь Григорий и Нина говорили о предстоящем переезде.

На следующий день Григорий с утра начал паковать вещи, отбирая самые необходимые.

Пришла очередь и Нине зайти в кабинет к Ариф-муаллиму и положить на стол заявление об уходе «по семейным обстоятельствам».

Пожилой учёный долго молчал, потом наложил резолюцию.

– Я всё понимаю... Вы только не делайте скоропалительных выводов, Нина-ханум. Мы много лет с вами работаем, и я считаю вас своей ученицей. Здесь вы прошли путь от лаборанта до старшего научного сотрудника. Кстати, куда вы собираетесь уезжать?

– Скорее всего, в Ростов...

– Если нужны будут билеты, я могу помочь. На железной дороге работает мой зять...

– Спасибо Ариф-муаллиму... – Нина редко называла его на азербайджанский манер почтительным словом муаллим, что означает – учитель. Но тут захотелось именно так выразить свою благодарность за поддержку, за то благородство духа, которое она ощущала в старом Азизбекове постоянно.

Через неделю, купив с помощью шефа билеты и сдав в багажном отделении свои баулы, за десять минут до отхода поезда

Чебоняны подошли к вагону. По перрону прохаживались подозрительного вида типы.

Григорий подал билеты проводнику. Тот, даже не глядя на них, заявил:

– Местов нету.

– Как нет? У нас же билеты! – воскликнула Нина.

– Моя не знает. Твой место в седьмом купе заняты...

К проводнику подошёл Валерий. Ни слова не говоря, схватил его за лацканы шинели, приподнял от земли и зло прошипел:

– А ну, мерзавец, мигом освободи купе! А не то я пожалуюсь своему дяде Бонч-Бруевичу, он тебе покажет, где раки зимуют, мигом вылетишь с работы! Марш... И не заставляй меня ждать. Здесь холодно!

– Баш уста, товарищ начальник!

Перепуганный проводник вошёл в вагон, а ещё через несколько минут поезд отошёл от перрона. Григорий не мог поверить, что им удалось вырваться из охваченного сумасшествием города.

– Дяде твоему Бонч-Бруевичу обязательно привет передам. Расскажу, как он нас здорово выручил, – улыбнулся Григорий.

– Крайностей всегда больше двух. Нужно ещё выехать из этого ада. По дороге можно ждать всяких фокусов. На всякий случай запири изнутри дверь, до Дербента постараемся её не открывать.

– А у меня в сердце шторм, – сказала Нина. – Не могу успокоиться. – Она постелила дочери постель и сказала: – Лезь на верхнюю полку! Оттуда будешь смотреть в окошко.

Девочка, понимая, что сейчас не до расспросов, сняла обувь и полезла наверх.

После Сумгаита дорога шла вдоль берега. Нина смотрела на море и понимала, что прощается с ним надолго. Может, навсегда. Как и с городом, в котором прошла её жизнь.

– «Прощай Баку, тебя я не увижу». Странно, из всей школьной программы только эти есенинские стихи и запомнила когда-то. Наверное, не случайно, – проговорила она, глядя в окно.

Вагон раскачивало, словно кто-то специально их убаюкивал и успокаивал.

– Между прочим, я дала телеграмму Арсену. Просила встретить.

– Ты знаешь его адрес?

– Когда он уезжал, оставил адрес его родственников, но думаю, телеграмма до него дойдёт.

– Помните, как мы смеялись над фразой: «Ненавижу две вещи: расизм и ниггеров»! – грустно сказал Григорий. – Никогда бы не поверил, что такое может случиться в нашем интернациональном Баку! Казалось, с нами что угодно может произойти – голод, мор, война, но только не проблемы на национальной почве.

– Хватит скулить! – Валерий был деятелен и как мог старался отвлечь друзей от мрачных мыслей.

В дверь купе постучали. Валерий открыл, готовый в любой момент продемонстрировать своё мастерство боксёра.

Вошёл проводник.

– Ваш билет, пожалста! – попросил он вежливо, словно бы ничего и не произошло на посадке.

Нина и Валерий протянули ему билеты. Проводник аккуратно сложил их и положил в сумку.

– Принесите нам, пожалуйста, четыре чая. Только чтобы не бурда была, а мяхмяри! – сказал Валерий и грозно посмотрел на проводника.

– Хоп-хоп... Четыре истякан? С лимон? У нас всё есть, гагаш.

– Прекрасно... А что-нибудь выпить у вас найдётся?

– Почему не найдется? Всё у нас найдётся. Есть коньяк... конфеты.

– Вот и хорошо. Бутылочку коньяка и конфеты...

В Дербенте Валерий обнял друзей, поцеловал Анечку и вышел из поезда.

– Надеюсь, теперь доедете без приключений, – сказал он, прощаясь. – Если что, пугните его моим дядюшкой Бонч-Бруевичем! И не выходите лишний раз из купе, не светитесь...

В Ростове их встретил Арсен. Он ожидал, что у них много вещей, и попросил родственника поехать с ним.

– Это что, все ваши вещи? – удивился он, когда, обняв Григория и Нину, подхватил небольшой их чемодан.

– Ариф Джафарович помог отправить вещи багажом. У него на железной дороге зять работает каким-то начальником.

– А квартира? Сумели продать?

– Оформили доверенность на Наилю... Малая вероятность, но ждать не могли, – ответила Нина.

– Я так понимаю, что вам ехать не к кому.

Друзья кивнули.

– Может, удастся снять комнату... – сказал Григорий.

– Пока остановитесь у меня. Я снял квартиру в Нахичевани. Родственники помогли. Потом и вам найдём что-нибудь подходящее. Поехали. Машина ждёт.

На привокзальной площади у машины, подняв воротник дублёнки и переминаясь с ноги на ногу, курил мужчина лет пятидесяти пяти.

– Это и есть мои друзья, – сказал Арсен, указывая на гостей.

– Нина Васильевна, Григорий Хачатурович и Анечка Чебоняны.

– Очень приятно, – сказал мужчина, бросив окурок в сугроб. – Садитесь в машину, а то холодно. Я – Левон Маркелович Оганесян... Рад знакомству...

Мужчины пожали друг другу руки, все сели, и машина выехала с привокзальной площади.

– Левон Маркелович – мой добрый ангел, – начал было Арсен, но водитель его перебил:

– Не стоит, Григорий... Сейчас приедете, пообедаете... Си-рануш, наверное, заждалась...

– Обедать уже поздно. Поужинаем, – сказал Григорий.

– Ваш обед плавно перетечёт в ужин. Отдохнёте... – продолжал Левон Маркелович.

– А я в вагоне выспалась, – заявила Анечка и виновато посмотрела на папу. Она знала, что, когда говорят взрослые, дети должны молчать.

– Ты работаешь? – спросил Григорий Арсена, – какие перспективы мне найти хоть какую-нибудь работу?

За него ответил Левон Маркелович:

– Я слышал, что вы врач. Врачам легче устроиться. В поликлинике, на «Скорой помощи», в больнице, наконец... У нас в Нахичевани недавно открылся медицинский кооператив «Гиппократ»... А вот геологам труднее.

– Так ты работаешь не по специальности? – удивилась Нина.

– Пока работаю у хозяина, но не потерял надежду...

– У хозяина?! – воскликнули Григорий и Нина.

– Раньше они назывались «цеховиками» и их судили за «нетрудовые доходы». Теперь это – кооператоры, предприниматели, – ответил Арсен. – У хозяина цех по пошиву обуви, а я её продаю.

Машина ехала по широкой оживлённой улице, и Нина грустно подумала: «Неужели я не найду никакой работы и вынуждена буду торговать на рынке?!». Спросила:

– А какие специальности сейчас пользуются спросом?

– Точно не знаю, – ответил Левон Маркелович, – но слышал, большая потребность в бухгалтерях. Сейчас открывается много организаций, фирм, кооперативов, и везде нужен бухгалтер...

Нина промолчала, а Григорий спросил:

– А жильё снять здесь можно?

– Почему нельзя? – удивился водитель. – Всё можно!

Проехав всю Красноармейскую, они свернули и выехали на Театральную площадь.

– Папа, мама, посмотрите, какой интересный дом, – не удержалась Анечка.

– Это театр Горького. Мы скоро приедем... У нас большой город, есть что посмотреть, – сказал Левон Маркелович.

Машина подъехала к дому, все вышли, а водитель сказал Арсену:

– Вы идите, располагайтесь, а мне ещё нужно заехать в пару мест. Арсен-джан, не ждите меня. У Сирануш уже всё готово, накормите друзей с дороги...

Он улыбнулся гостям, кивнул, сел в машину и уехал.

– Кто этот Левон Маркелович? – спросила Нина у Арсена, – и кто такая Сирануш, которая уже нас заждалась?

– Сирануш – моя невеста, а Левон Маркелович – её отец. Не могу даже сказать, в каком мы родстве. Маминого троюродного брата племянник. Я по приезде поселился у них. Так и познакомились... Дядя Левон Маркелович помог мне найти работу, когда я было уже упал духом. Есть ещё мама Сирануш, Наталья Михайловна, но она сильно болеет и сейчас лечится в онкологическом институте.

– А что Сирануш? Сколько ей лет, и кем она работает?

– Она моложе меня на пять лет, преподаёт в музыкальной школе. Да идёмте, я вас познакомлю, и вы всё сами увидите!

Они прошли во двор. За забором стоял добротный кирпичный дом с высоким цокольным этажом и мансардой. На окнах кованые узорчатые решётки. В глубине двора в будке на цепи – мощный пёс. Он лениво тявкнул для порядка, но, увидев Арсена, ворча, недовольно вернулся в будку. Видимо, и ему, мохнатому и покрытому шерстью, было неприятно находиться на ветру... Дверь в дом широко распахнулась, и на порог вышла Сирануш, радостно кивая гостям...

Через неделю семья Чебонян сняла небольшую двухкомнатную квартиру, получила багаж, начала обустраиваться. Григория приняли на работу хирургом в поликлинику. Нина же никак не могла найти работу. Геологи, как и предрёк дядя Левон, не были нужны, и тогда, вспомнив его мудрый совет, Нина пошла на курсы бухгалтеров. Учиться она любила и умела. А ещё через некоторое время уже работала в большой бухгалтерии, набиралась опыта...

Жизнь была трудной и голодной. В магазинах – пустые полки. На рынке цены неподъёмные.

Изредка говорили по телефону с Наилей. От неё и узнали, что Валерий поссорился с Гюлей и собирается уезжать из Баку.

Однажды Наиля позвонила сама и сказала, что есть возможность продать их квартиру. Они согласовали цену, и через две недели Чебоняны получили сумму, которая позволила им выкупить квартиру. Жизнь постепенно налаживалась.

Григорий позвонил Валерию и пригласил его в Ростов. А ещё через некоторое время Григорий и Нина уже встречали на вокзале Валерия. Друзья обнялись, расцеловались, сели в такси и поехали домой. Не сговариваясь, Нина и Григорий решили ничего не спрашивать о Гюльнаре. Захочет – сам расскажет. Но Валерий не казался удручённым или несчастным. В нём, как обычно, пульсировала жизнь, он был весел и беззаботен, острил, шутил, рассказывая о последних годах жизни в Баку.

– Кто бы мог подумать, что такая страна развалится, как глиняный горшок!? – воскликнул Григорий, когда они уже после ужина сидели в комнате и обсуждали последние события. – Но, может, Украина и Белоруссия объединятся с Россией?

– Из двух разбитых чашек нельзя склеить одну вазу, говорит народная мудрость. Если это произойдёт, то очень нескоро. Советский Союз надолго отбил охоту к объединению. Знаешь, как писал в истории болезни один мой коллега: «отмечается улучшение состояния больного – он самостоятельно протягивает ноги». Им всем хочется самостоятельно протягивать ноги...

Валерий уселся в кресло и огляделся. «Квартира – не шик, но жить можно. Самое главное, что в их доме тишь да благодать! Молодцы».

– Что же касается того, что ты никогда бы не мог подумать, – продолжал Валерий, с удовольствием развалившись в кресле, – то развал страны предсказывали давно и мечтали об этом многие. Но, знаешь, как говорится, нет худа без добра, и если историю не проветривать, то аромат времени становится душком...

– Каким душком?! Мы давно завонялись! Были идиотами, ничего не знали и этим были счастливы. Сейчас всё заново придётся выстраивать...

Григорий истосковался по таким спорам и горячился:

– Не понял. Что выстраивать?

– Мироззрение! Ни хрена мы не знали! Недавно прочитал, что Ленин действительно был переправлен из Швейцарии в Россию в «запломбированном вагоне» вместе со своими соратниками, чтобы изнутри подорвать Россию. Успешно сработала германская разведка! В том вагоне под видом соратников Ленина ехали ещё два немецких разведчика, и вождь мирового пролетариата по сути выполнял план Германии по устранению одного из самых сильных противников в той войне. Большевики взяли власть, и был заключён позорный для России Брестский мир.

– Зачем ты мне всё это говоришь? Я всё это давно знал. Я, например, уверен, что тоталитарный режим России, установленный в семнадцатом году, послужил моделью фашистам. И что с того?!

– Ничего... Просто чувствую себя обманутым и идиотом...

– А мне кажется, что реальная малость лучше мнимой величины, – сказал Валерий. – Пусть сначала разъедятся, а потом на совершенно иных условиях, если захотят, объединятся... Впрочем, ну их в задницу! Стоит ли говорить о том, на что повлиять мы никак не можем?!

Помолчали, и вдруг Нина спросила:

– Что всё-таки произошло? Почему ты молчишь?

Валерий опустил голову. Помолчал. Потом тихо проговорил:

– Ошибки делают все. Она повела себя в той дикой ситуации во время погромов не так, как должен вести себя порядочный человек... Я не могу позволить себе «роскошь» называть своей женой человека, которого не уважаю.

Он снова замолчал. Молчали и друзья. Понимали, что говорить об этом ему непросто.

– Человеку необходимы умеренные дозы негатива, но когда он зашкаливает, это уже перебор, – продолжал Валерий. И кроме того...

– Так что всё-таки случилось? – продолжала настаивать Нина.

– Ничего особенного. Гюля во всём стала оправдывать азербайджанцев, увлеклась мусульманством. Даже не подошла к телефону, когда ей позвонила её школьная подруга-армянка. А та ведь даже не о помощи просила. Всего лишь попрощаться перед отъездом хотела... Последней каплей, переполнившей чашу, стало заявление о том, что я должен принять ислам. Общая пришибленность психики...

– Так, может, нужно было объясниться? – предположила Нина.

Григорий молчал. Он знал, что если уж Валерий решил, переубедить его невозможно.

– Не всё, что сверху, – поверхностно. Нет, я никого не принуждаю придерживаться своих убеждений, но всё хорошо в меру...

– Гюля – мусульманка? Её же папаша, если мне память не изменяет, был в горьком секретарём по идеологии! – воскликнул Григорий.

– Ну и что? Был, да сплыл! А теперь прилежный мусульманин, пять раз на дню совершает намаз, и даже слетал на хадж в Мекку... Нет, я не хочу иметь ничего общего с фанатиками!

Валерий разволновался, и уже жалел, что рассказал друзьям о жене.

– И вы разошлись по-настоящему?

– Что значит «по-настоящему»? Подали заявление в загс и развелись...

В комнате стало тихо. Каждый думал о своём. Григорий представлял Гюльнару в хиджабе. Нина думала о том, что Валерий с Гюлей прожили столько лет, но детей у них не было... Может быть, это и к лучшему...

– Ладно... Жизнь – сцена, в которой нет занавеса... – сказал Валерий, вставая. – Давайте спать. Завтра пойду искать жильё и работу. Вы не унывайте. Заседание продолжается! Сегодня тысяча девятьсот девяносто третий год, и мне только тридцать шесть лет! Будет у меня ещё и работа, и жильё, и жена на закуску... Куда вы меня определили?

Григорий проводил Валерия в комнату Анечки. В эту ночь дочка спала в их кровати.

3. Прошли сложные, страшные девяностые и первое десятилетие двадцать первого века. Валерий, как и обещал, женился, «родил» пару славных пацанов. Не отстали от него и Арсен с Сирануш, у которых тоже к тому времени успели подрасти дети. Нина работала главным бухгалтером на мебельной фирме. Григорий – хирургом в больнице. Анечка окончила институт, вышла замуж.

В конце февраля 2012 года совершенно неожиданно пришло письмо от Наили. До этого она ограничивалась телефонными звонками: поздравляла с праздниками, днями рождения. А здесь – письмо. Наила подробно описывала свою жизнь после внезапной смерти мужа, последовавшей от опухоли мозга. «Так трагически погиб наш Чингизик... Успокоиться не могу. Родители давно ушли из жизни, и я не знаю, зачем живу... К тому же появились проблемы. Гинеколог говорит, что у меня опухоль матки, но ле-

читься не хочу. Не доверяю врачам, может, боюсь, да и дать мне им нечего. Всё золото продала, когда болел муж. Потом похороны, памятник... А вчера меня выпроводили на пенсию... Теперь я и вовсе растерялась. Не знаю, что делать, как и зачем жить?.. Если бы вы были рядом, то подсказали бы, поддержали. А так одна – совсем одна в этом большом, но таком пустынном для меня городе. Простите, если я вас когда-то невольно обидела. Простите и прощайте, друзья!».

Нина снова и снова читала письмо подруги. Это было так на неё не похоже. Всегда весёлая, остроумная, улыбчивая, и вдруг такая безнадёга. Она понимала, что это – крик о помощи.

– Труби сбор наших, – сказал Григорий, прочитав письмо.

– Не помню, чтобы Наиля когда-нибудь на что-то жаловалась! Даже когда умер Джафар, у неё не было таких мыслей...

– Труп жалоб не предъявляет. Раз жалуется, значит, ещё живёт. Я не знаю, что там у неё за опухоль, но в помощи психолога она, безусловно, нуждается...

– И в помощи друзей...

Нина набрала номер Арсена.

Арсен Манукян в 1991 году женился на Сирануш, а через год у них родилась дочь, которую они назвали Майей, в честь мамы Арсена. Потом сын Левон. После долгих мытарств Арсен всё-таки был принят на геолого-географический факультет Ростовского университета преподавателем по специальности минералогии и петрографии. В 1998 году защитил кандидатскую диссертацию и, как он любил говорить, – учительствовал.

Жили они в том же домике в Нахичевани, в который когда-то привёз своих друзей, бежавших из Баку. После смерти жены Левон Маркелович сразу как-то постарел, осунулся, стал много курить и редко выходил из дома.

Сирануш по-прежнему преподавала в школе, а Майя окончила музыкальное училище по классу скрипки и теперь училась

в консерватории. Стройная и улыбчивая, с огромными чёрными глазами, она была не по-современному скромна и ни с кем не встречалась. Целыми днями играла на скрипке, благо жили они в отдельном доме. Ходила на концерты в филармонию, вместе с друзьями организовали трио и всё свободное время исполняли различные произведения, добиваясь чистоты звучания, сыгранности и выразительности.

Сирануш улыбалась, говоря мужу:

– Майя похожа на меня. Я была такая же... Надеюсь, ей также повезёт и она встретит свою половинку...

– А Левон – в меня! Смотри, как удачно обменял свою скрипку-четвертушку на боксёрские перчатки. Ты и глазом не успела моргнуть...

– Слушаю! – Арсен взял трубку, удивляясь, кто бы это мог звонить так поздно.

Нина рассказала ему о полученном письме и предложила в пятницу после работы собраться и подробно обсудить ситуацию, подумать, чем они могут помочь Наиле.

– Будем к шести...

Григорий позвонил Валерию.

Валерий Гинзбург вскоре после приезда устроился работать гинекологом в больницу, но три года назад перешёл в фирму, где стал заведовать гинекологическим отделением. Женился на своей медицинской сестре, у которой был от первого брака сынишка пяти лет. Он усыновил мальчика, а в прошлом году у них родилась двойня.

Елена, жена Валерия, быстро стала для друзей мужа своим человеком. Неприхотливая, мягкая, весёлая, она боготворила мужа, и ему было с нею хорошо. К тому же он всегда мечтал о детях, и теперь его мечты исполнились. Серёжу, своего приёмного сына, Валерий обожал. Всё свободное время проводил с ним,

водил в цирк, кукольный театр. И мальчик к нему привязался, называл папой, что приводило Валерия в восторг. Он купил машину, небольшой домик в районе Сельмаша, привёз старенькую мать из Луганска. Анна Давидовна была счастлива, что, наконец, дожидая до внуков. С женой старшего сына в Луганске у неё сложились трудные отношения, и чтобы не доводить дело до конфликта, с удовольствием приняла приглашение младшего сына.

Елена ещё кормила малышкой грудью и числилась в декретном отпуске. Анна Давидовна как могла помогала по дому, а Валерий с утра и до позднего вечера пропадал на работе. Работать в частной клинике было непросто.

– Привет! – сказал Григорий. – Есть необходимость встретиться.

– Что-нибудь случилось?

– Мы получили письмо от Наили. Нужно посоветоваться...

– Что пишет?

– Придёшь, сам прочтёшь. Будут все наши бакинцы.

– Когда сбор?

– В пятницу после работы.

– Баш уста, товарищ начальник! Буду...

Григорий положил трубку и сказал Нине:

– Валера тоже обещал быть.

Григорий Чебонян пользовался авторитетом среди больных и коллег. Современные порядки в медицине ему были не по душе. Он был убеждён, что теряется что-то очень важное. Страхование медицина пробуксовывает, а при нашем менталитете и низкой культуре всё заканчивается элементарным беспределом по отношению к больным. Жить на эту зарплату невозможно. Но и в этом случае, считал Григорий, всегда нужно оставаться Человеком и Врачом. В больнице работал на полторы ставки и был рад, что в последнее время они жили не-

плохо. Нина работала бухгалтером в крупной фирме, которая занималась производством мебели. Анечка окончила медицинский институт, вышла замуж и уехала с мужем работать в Новочеркасск.

– Надо бы купить мяса, приготовить долма... что-нибудь бакинское, – сказала Нина.

– Не возись, родная. Завтра после работы заеду в «Мир шашлыков»... Наши любят кебаб.

– Уговорил.

Февраль в том году был морозным, и люди кутались в тёплые куртки, шубы, дублёнки. Дворники скребли с тротуаров снег и посыпали дорожки золой. Машины осторожно пробирались по улицам, боясь поскользнуться. За последние годы Ростов сильно изменился. Город тянулся к небу. Красочная реклама приглашала, звала, предлагала...

В пятницу вечером в квартире Григория и Нины собрались друзья. Арсен пришёл с женой, Валерий – один. Его Елена ещё кормила малышкой и потому осталась дома.

Нина накрыла на стол. Все ждали Григория. Видно, в отделе что-то случилось, и он задерживался.

– Один наш ординатор, парнишка, только окончивший институт, недавно написал в истории болезни: «Большая находится в глубокой депрессии и постоянно плачет. Похоже, она чем-то огорчена», – сказал Валерий, как обычно, усаживаясь в кресло. – Чего это ему вздумалось задерживаться? Знал же, что я приду!

Он, как обычно, был шумным и любил, чтобы внимание было сосредоточено на нём.

– Звонил, – виновато оправдывалась Нина. – Сказал, что выехал...

– Выехал, – проворчал Валерий. – Через час будет. Сейчас на улицах пробки...

– Ладно тебе ворчать... Значит, не мог, – заступился за Григория Арсен. – Да и куда тебе торопиться?! У твоих пацанов Лена и Анна Давидовна!

– А я не ворчу... Просто есть хочу...

– Налить тебе кофе? – спросила Нина.

– Да нет... Подожду лучше... – проворчал Валерий. – Сказала тоже – кофе! Я есть хочу!

– Григорий обещал шашлыки привезти... Вот, возьмите письмо Наиля. Почитайте...

Нина передала письмо Арсену, а сама ушла на кухню. Она тоже не так давно пришла с работы и мало что успела приготовить.

Друзья прочитали письмо Наиля. Некоторое время молчали.

– Невесело ей живётся, – задумчиво проговорил Арсен. – Да и обстановка у них непонятно какая. Всё изменилось в нашем городе.

– Поиск внешних врагов, ненависть к иным, нетерпимость – симптомы внутренней ущербности, – задумчиво сказал Валерий. – Теперь понимаю: правильно сделал, что уехал...

– Кто бы мог подумать, что такое произойдёт?

– Советская империя развалилась потому, что не умела меняться.

– Старая песня на грустный мотив... – вставила Сирануш. – Вы, как только собираетесь, начинаете вздыхать по своему Баку.

– Ты права, дорогая, – улыбнулся Арсен и с плохо скрываемой иронией спросил: – А что нового у вас в музыкальном мире?

– Ничего хорошего... Музыкальный мир бурлит. В филармонии сменили директора. Поставили родственницу заместителя главы администрации, до этого работавшую в детском саду психологом...

– Маразм крепчает, – констатировал Валерий. – Ведь когда-то простую колхозницу хотели поставить управлять государством?!

– Сняли дирижёра симфонического оркестра, назначили человека, который думает, что руководить таким оркестром – только

руками махать...

Сирануш вдруг замолчала. Поняла, что музыкальные проблемы сегодня здесь мало кого интересуют.

Нина, сервирующая стол, произнесла:

– У этой вашей новой директрисы филармонии просто нет ни гордости, ни чувства собственного достоинства...

– О чём ты говоришь?! Какое достоинство? Музыканты бегут из оркестра. Она назначила себе семь заместителей, уволила неугодных людей, а новый дирижёр завёл драконовские порядки, понабрал студентов... И это – академический оркестр! Противно об этом думать.

– А ты не думай! – успокоил жену Арсен. – Ты работаешь в музыкальной школе, а не в филармонии...

– Да, но Майечка учится в консерватории. Я думала, потом она пойдёт в оркестр. А сейчас?

– Пока Майя окончит консерваторию, много воды утечёт... А вот, кажется, и Григорий!

Раздался звонок, и Нина пошла открывать мужу дверь.

Вошёл Григорий, снял куртку, стал выгружать содержимое кульков на стол: шашлыки в пластмассовой посуде, сыр, коньяк, вино, минеральную воду.

– Я всегда говорил, что мой друг обыкновенный агдамщик, пьяница, – констатировал Валерий, взяв со стола бутылку коньяка и внимательно изучая этикетку.

– Заткнись! – огрызнулся Григорий. – Как назло во второй половине дня привезли бомжиху с ножевым ранением брюшной полости. Возились до пяти...

– Сейчас как она? – спросила Сирануш.

– Как говорится, – вместо Григория ответил Валерий, – больная в постели активна, в контакт вступает легко!

– Пошляк!

– Ну, как может чувствовать себя больная после наркоза и полостной операции? – улыбнулся Валерий.

– Кончайте болтовню... Садитесь за стол и давайте обсудим, как помочь Наиле?

– Сначала выпьем по граммалечке, чуть-чуть поедим... Я с работы. А потом и обсудим это дело. Хотя, мне кажется, здесь и обсуждать нечего. Пусть приезжает. Мы здесь её поглядим. Я давно мечтал её погладить... А среди друзей у неё и настроение станет иным...

Все сели за стол, и Григорий, на правах хозяина, разлил в фужеры мужчинам коньяк, а женщинам вино и, как обычно, провозгласил первый тост за бакинское братство.

Потом заговорили все сразу.

– Её нужно вызвать в Ростов, – сказал Арсен.

– Может, у неё нет денег на самолёт, а поезд Баку-Одесса не ходит? – заметила Нина

– Сейчас два раза в неделю ходит пассажирский поезд. Купейный билет около четырёх тысяч рублей стоит, – задумчиво сказал Григорий.

Валерий был настроен более оптимистично:

– Я думаю, деньги на билет у неё найдутся.

– А здесь она может жить у нас, – сказала Сирануш.

– И у нас, – добавила Нина.

– Какая разница, где она будет жить! – воскликнул Валерий. – Важно организовать ей квалифицированное обследование и лечение. Это я беру на себя...

– Ёх ала! А я что – рыжий? Я тоже подключусь, – сказал Арсен. – У меня есть знакомый психолог. Ей в первую очередь нужна психологическая помощь.

– Знаешь, как говорят у евреев: Сара, выйди из машины! Нужно уговорить её приехать, а уж потом...

– Нина-джан! – обратился к Нине Арсен. – Ты же с нею дружила. Напиши ей!

– Нет, писать я не буду, – ответила Нина. – Завтра позвоню!

– Есть повод выпить, – сказал Григорий и разлил напитки.

Потом, как обычно, стали обсуждать ситуацию в Баку, в России, в мире.

– Это их выбор! – категорично заявил Григорий по поводу положения в Баку.

– Но за ним последуют тоталитаризм, убогость, нищета, беззаконие и коррупция, упадок. Баку тем и отличался, что был по-настоящему интернациональным. Не только по букве, но и по духу. И славу ему принесли люди разных национальностей, не только азербайджанцы, – сказала Нина.

– Национальная история во многом определяется национальным менталитетом, – заметил Валерий.

– Да, но они забыли, что за всё рано или поздно придётся расплачиваться. Тем, что произошло, они не смогут гордиться. Это будет их вечным проклятием! – настойчиво изрёк Григорий.

Сирануш, всегда сторонящаяся громких споров, вдруг прочла стихи:

*Вселенский опыт говорит,
Что погибают царства
Не оттого, что тяжёк быт
Или страшны мытарства.
А погибают оттого
(И тем больней, чем дольше),
Что люди царства своего
Не уважают больше.*

– Умница, Сирануш, – одобрительно улыбнулся ей Валерий. – Только это утверждение касается и России. Страна, нуждающаяся в диктаторах, – больная страна.

– Какая культура, такая и власть, – заметила Сирануш. – Вы посмотрите, что у нас в Ростове делается?! Ещё император Август изобрел технологию оболванивания людей с помощью искусства. С тех пор искусство – верное оружие власть имущих.

– А ещё говорят, что красота спасёт мир! – ехидно заметил Валерий.

– Спасёт... Только «жаль, в эту пору чудесную»... – скептически произнёс Григорий.

– Коль скоро здесь заговорили стихами, – сказал Арсен, – могу напомнить слова Фёдора Кони. Был такой драматург и поэт.

*Не жди, чтобы цвела страна,
Где царство власти, не рассудка...*

И дальше:

*Где в прихоть барства и чинов
Даны на жертву поколенья,
Где для затмения умов
Есть министерство просвещения.*

Сейчас у нас как? Нынче воры «в законе» рвутся в депутаты, мэры и губернаторы. Уважаемые люди!

– А те, кто когда-то сажал их, сейчас посыпают голову пеплом и винятся, – добавила Нина.

– Ну да! Теперь они вместе заседают, законы пишут, чтобы было всё «по понятиям!».

– А так как сегодня в моде толерантность и политкорректность, им разрешается всё! – резюмировала Сирануш, – впрочем, мы, кажется, собрались, чтобы обсудить, как помочь вашей Наиле. Надеюсь, что у неё не всё так серьёзно и ей будет небезынтересно послушать хорошую музыку. Трио, в котором играет наша Майечка, будет в октябре давать несколько концертов на разных площадках...

– Это здорово! – кивнула Нина.

– А как моя любовь – Аннушка? Как ей там, в столице донского казачества?

– Работает... Говорит: всё хорошо, – ответила Нина.

Потом друзья, как водится, пили чай с яблочным пирогом. Разошлись заполночь...

– Теперь нужно Наиле реально помочь... – сказал Арсен, подавая плащ жене.

– У меня из головы не выходит, что за опухоль у неё нащупали? – произнёс Валерий.

– Я тоже об этом думаю, – откликнулась Нина.

– А я вспоминаю ходившую у нас байку о мастерстве местных лекарей, – улыбнулся Григорий. – Бакинский врачеватель посмотрел больного и поставил предварительный диагноз: потёртость левой пятки. После дообследования, компьютерной томографии, эндоскопии, УЗИ консилиум поставил окончательный диагноз: перелом правой ноги...

– Чего только в жизни не бывает? – добавил Валерий. – Недавно мой молодой ординатор в истории написал: «Больная до приезда скорой помощи половой жизнью не жила». Ладно. Всем до свидания! Буду ждать, Ниночка, сведений от тебя!

Друзья ушли, и в доме Чебонянов стало тихо. Григорий помог Нине убрать со стола. Потом, пока Нина мыла посуду, сел в кресло и закрыл глаза. День был тяжёлым, да ещё эта бомжиха...

Он набрал номер дежурного врача:

– Привет! Как там наша больная? – Внимательно выслушал ответ, потом посоветовал: – Продолжай капать. И добавь антибиотики. Как она ещё выжила при таких колотых ранах, просто ума не приложу. Её спасло то, что была мертвецки пьяна. Добро! Только капайте. Она много крови потеряла... – Он положил трубку и закрыл глаза. Устал...

Вошла Нина и села на диван.

– Поздно уже... Идём спать.

Григорий встал с кресла и сладко потянулся.

– Боже, в какой стране мы живём?!

– В нашей стране! В России. Другой у нас нет! – отрезала Нина.

– Ты не заводись... Власть, выстроенная на принципах несменяемости и личной преданности, исторически обречена на насильственную смену. Смута – вот что меня страшит. Мы уже такого нахлебались.

– И с лихвой! Но это – наша страна, и нам больше некуда бежать! – Нина встала. – Хватит рассуждать. Завтра нам обоим на работу. Нужно подготовить для шефа справку о том, как мы сработали. У нас на складе скопилось неиспользованных материалов на огромную сумму. Он рвёт и мечет. Это же замороженные средства... К тому же Наиле нужно позвонить. В той карусели иногда я забываю, как меня зовут. Не забыть бы...

– Ты права, пора спать, – сказал Григорий. – Утро вечера мудренее...

4. Нина позвонила в Баку и уговорила подругу приехать. И вот в середине марта Арсен и Нина поехали на вокзал встречать Наилю. Поезд прибывал в восемь утра. Арсен рассчитал, где примерно должен остановиться седьмой вагон, и увлёк Нину за собой.

Наконец, показался электровоз. Он медленно, словно попластунски, выползал из-за поворота, изредка подавая короткие сигналы. По платформе бегали встречающие, катили свои тележки носильщики.

Наила, располневшая и поседевшая, вышла из вагона и растерялась, не увидев сразу своих.

– Мы здесь, дорогая! – окликнула её Нина, а Арсен подскочил и взял её чемодан.

– Привет-привет! – сказал он. – С приездом! Ты, как и прежде, – обворожительна!

– Здравствуйте, дорогие мои! В толпе встречающих сразу вас и не увидела. Пойдите, дайте-ка вас разгляжу получше! Ты, Арсенчик, изменился мало. Врёшь – и не краснеешь: моё лицо уже далеко от того, чтобы его называть обворожительным. Да и поправились так, что стала на слонику похожа. А вот Ниночка похорошела, подобрела...

– Это ты правильно сказала: подобрела. Нужно худеть, но нет силы воли.

*Тётя Песя прибавила в весе
И никак похудеть не могла,
– Ой, – сказала себе тётя Песя
И до моря топиться пошла...*

– Ладно, уговорила, пошли топиться...

Арсен направился к выходу. За ним двинулись женщины.

– Ты извини, – сказала Наиля, – я быстро идти не могу...

Центнер живого веса! Не всякая машина выдержит...

Они вышли на привокзальную площадь и сели в припаркованный там внедорожник.

– Судя по тому, на какой машине меня встречаете, живёте, слава Аллаху, неплохо, да?!

– Неплохо, неплохо... Сама всё увидишь...

Арсен помог Наиле сесть в машину, потом подал руку Нине и, сев за руль, лихо выехал с привокзальной площади.

Весна постепенно вступала в свои права. На ветках деревьев появились молодые листочки. На газонах зеленела травка. Небо над головой – без единого облачка.

Наиля и Нина о чём-то говорили и говорили, но Арсен почти их не слушал. Он думал о том, успеет ли в университет. Ему нужно быть к двенадцати. Хорошо, что поезд не опоздал. А ещё о том, что хотя и изменилась Наиля очень, а вот сердце всё равно её узнало – застучало так, как бывало прежде, когда встречал её по

утрам у порога института. ...

– Как ты, дорогая? – спросила Нина.

Она тоже с трудом узнала подругу. Когда-то яркая, весёлая, с горящими глазами... Вместо прежней Наиля рядом с ней сидела измученная женщина – потухший взгляд, серое лицо, нездоровая полнота...

– Как я? Мой вид тебе сам должен сказать... Болею... Ладно-да, не будем об этом. А город ваш мне нравится. Большой и красивый...

– Как там в нашем Баку? Даже странно: мы живём в разных государствах...

– Ничего нового... В отделе шеф, как и раньше, «берёт рога за быка!»...

Нина рассмеялась.

– А я помню его: «фига здесь, фига там!»... В экспедиции ездите? Как Расим? Защитился?

– Никто никуда не ездит. Никто не защитился. Наша Академия Наук влачит сейчас жалкое существование. Зарплаты мизерные. Если бы не родственники мужа, я к вам приехать не смогла бы...

– Так это они тебе билеты купили? От нас им пламенное сахол!

– Купили в оба конца. Сказали, что нашли спонсора. Ему, мол, за такую благотворительность уменьшают налоги... Так, по крайней мере, мне объяснил брат мужа. Придумал, конечно. Иначе бы не приняла от него помощи. У парня четверо детей. Когда болел Джахар, я продала квартиру на Торговой... Помнишь нашу квартиру?

– Конечно. Это же бакинский Бродвей. Как его забыть! Улица нашей молодости. А теперь где ты живёшь?

– Купила двухкомнатную квартиру в четвёртом микрорайоне. Много ли мне нужно? – Говоря это, Наила всё время смотрела в окно. – Красивые здания! – заметила она, выезжая с Большой Садовой на Театральную площадь.

– Успеешь ещё познакомиться с Ростовом. Всё покажем-расскажем. Вот только подлечим тебя немного...

– Кстати, куда мы едем?

– Ко мне, – откликнулся Арсен. – А вечером придут все наши. Сегодня же рабочий день...

– А ты пока отдохнёшь с дороги, – добавила Нина.

– Ой-да! Вот я добавила вам хлопот! – сказала Наиля.

– Приятные хлопоты, – сказал Арсен, останавливая машину. – Здесь мы и живём. Милости прошу.

Арсен познакомил жену с Наилей, показал комнату, в которой ей предстояло некоторое время жить. Потом друзья сели к столу... После завтрака Нина и Арсен заторопились на работу.

– Есть множество правил, что и сколько нужно есть, чтобы сохранить фигуру! Но одно – универсальное: есть меньше... После такого вкусного завтрака и бессонной ночи (не могла в поезде заснуть!) я бы отдохнула немного, – сказала Наиля.

– Пойдёмте, я провожу вас в вашу комнату, – сказала Сирануш.

Вечером к Арсену пришли Григорий с Ниной и Валерий. После застолья и тостов за бакинское братство и здоровье всех присутствующих стали расспрашивать Наилю о том, как сейчас живётся в Баку.

– Я не очень-то и знаю... Живут люди... кто как. Богатые богатеют, бедные нищают. Ничего нового. Разве у вас не так? – спросила Наиля. – Что же касается политики, я – не интересуюсь. Не до того было...

– Зато у нас весело, – сказал Григорий. – Прошли выборы, больше похожие на фарс. Впрочем, стоит ли жизнь тратить на доказательства очевидного?! Поэтому скажем так: и нам не до того... Работаем...

– Все понимают, кто у власти, – изрёк Арсен. – Но не жавшейся же московской тусовке решать вопрос о том, кто

должен править в России. Москва – это не вся страна.

– У нас такого нет... Все знают своё место, – заметила Наиля...

– Понятно, – кивнул Валерий. – «На кладбище всё спокойно-ненько...»

– Восток – дело тонкое, – дипломатично заметил Арсен.

– Ты прав, Валерия хлебом не корми, дай только поспорить, – можно противостоять врагу, можно остановить вражескую армию, но нельзя устоять перед напором идей, чьё время пришло.

– Сразу видно, что ты хорошо изучал марксизм-ленинизм. Только не нужно думать, что все эти митинги возникли стихийно, – возразил Арсен. – Американцы отлично знают, что никаких революций не будет, но вот создать обилие внутренних неурядиц в России вполне могут.

– Да брось ты приписывать «Госдепу» весь этот бардак. Неужели это они виноваты в том, что выборы прошли с приписками? – Валерий был настроен воинственно, считал, что его позиция самая верная.

– Но ты же не можешь возражать, что была реальная опасность «отмежевания» Кавказа. – Арсен был сторонником Путина, голосовал за него и считал, что, по крайней мере, сегодня ему альтернативы нет. – Шли даже разговоры о «Сибирской республике». Установка на дробление России была весьма внятно озвучена многими западными политиками. Путин остановил развал страны.

– К тому же, – добавил Григорий, – любая изоляция народа рано или поздно приводит к отсталости. Любой национализм не способствует развитию народа... Напротив, оглушает и, как следствие, озлобляет его.

– Ну, завелись. Теперь это надолго, – улыбаясь, произнесла Сирануш. – Не забывай, дорогой, что бесчеловечные режимы часто создают те, кто говорит, что знает, как построить «рай на земле».

Григорий и Нина не одобряли многого, что сейчас происходит в стране, но и понимали, что сегодня никто из тех, кто конкурирует с Путиным, не способен встать у руля страны.

Стараясь примирить спорщиков, Нина сказала:

– Успокойтесь, дорогие. Я знаю, кто, точнее что спасёт мир – красота. Это вам не Пушкин – Достоевский сказал.

– Красота, конечно, красота, – кивнул Арсен, поддерживая её уловку перевести русло разговора на другую тему. – Красота, наполненная смыслом, это абсолютный рецепт спасения! Сирануш, здесь только для тебя секрет то, что когда-то был я влюблён в Наилю, но она полюбила Джахара, и я...

Сирануш, улыбаясь, продолжила:

– С горя удрал из Баку.

– Признаюсь, долго всех девушек сравнивал с Наилей...

Пока не встретил тебя. Но это уже другая история...

Григорий, думая о чём-то своём, вдруг произнёс:

– Ненависть порождает только ненависть. Оскорбляя других, оскорбляешь себя.

Чтобы снова уйти от острых тем, Нина пропела, подражая Высоцкому:

*Подымайте руки, в урны суйте
Бюллетени, даже не читав, –
Помереть от скуки! Голосуйте,
Только, чур, меня не приплюсуйте:
Я не разделяю ваш Устав!*

– Мир не может быть лучше, чем он есть, – упрямо повторил Арсен. – Издавна повелось, что проигравший оспаривает правила. Подписные листы были размножены на ксероксах. Это по правилам?! И мы имеем то, что имеем, но мне всё равно кажется, это – лучшее из того, что было предложено.

– О чём ты говоришь? Ты что, не видел, насколько

тотальной была фальсификация? – Валерий, начавший было успокаиваться, снова стал в стойку. – Телевидение, газеты в руках у одного человека! Это справедливо?

– А в какой стране существуют «неподконтрольные» СМИ?! – парировал Арсен. – Вспомни «грузино-осетинский» конфликт: западные каналы транслировали нападение России на Грузию, показывая при этом грузинские «грады», утешившие осетин. Впоследствии признавать ошибки пришлось публично.

– Хватит спорить, – остановила спорщиков Нина. – Вы совсем забыли о Наиле. У вас тоже бывают такие споры?

– Может, кто-то и спорит, хотя у нас за такие речи... Впрочем, я не знаю, – ответила Наиля. – Но мне приятно слушать ваши словесные баталии. Они мне напомнили нашу молодость. Что касается сравнения, то и у нас, как по Пушкину: «Увы! Куда ни брошу взор... Везде неправедная власть...»

– Ну, что ж, с этим мы согласны, – примирительно заявил Арсен.

– Правительство на народ уже не надеется и о своём благополучии заботится само, – добавил Валерий.

– Обычное дело, – подвёл итог Григорий. – Как говорил Задорнов, народ ненавидит чиновников за то, что воруют. Чиновники ненавидят народ за то, что мешает воровать. Избиратели ненавидят власть за нечестные поступки. Власть ненавидит избирателей за то, что эти бандерлоги пытаются корчить гримасы и мнят, что им позволено тявкать на власть.

– Все «неплохо» устроились, – улыбнулась Наиля. – И как вы до этого дожили?

– Будто не знаешь! – воскликнула Нина. – Училась в советской школе! Триста лет татарского ига, триста лет династии Романовых, потом – социалистическое крепостничество! Репрессии, голодомор, военный коммунизм, превращение церквей в склады, железный занавес, ярлыки, запреты самых перспективных научных направлений... Но, как я понимаю, мы стараемся от этого

уйти, а те, кто старается сохранить старые порядки, по-моему, пытается затормозить ход истории...

– В Советском Союзе жило много народов. Все были равны, но при этом был старший брат – русский народ. Но и теперь пренебрежение ко всем другим народам у нас в России называют патриотизмом! Не видеть этого значит болеть куриной слепотой!

Наиля когда-то любила такие споры и умела отстаивать своё мнение. Но сейчас ей явно было не до баталий. Заметив это, Валерий прервал бессмысленный спор, сказав:

– Бог с ними... Ты лучше расскажи, что за «шишку» у тебя нащупал врач? Привезла бумаги? Медицинское заключение, анализы...

Наиля достала из сумочки два листка и подала их Валерию.

– Смотрела меня мой гинеколог, в квалификации которой очень сомневаюсь. А идти «под нож» – боюсь, да и средств нет...

Валерий внимательно прочитал заключение. Потом молча передал листы Григорию.

– Может, мой вопрос покажется тебе глупым и наивным, – сказала Наиля, глядя на Валерию, – но скажи, если можешь: долго мне ещё осталось жить?

– В науке нет наивных вопросов. Наивными бывают лишь ответы. А продлить жизнь ты можешь себе сама. Я где-то читал, что примерно двадцать – двадцать пять лет мы спим, три года – жуём, три года умываемся, одеваемся, раздеваемся, три года болтаем, пять лет просто убиваем время. Сократив хотя бы час непроизводительной траты времени, можно реально продлить свою жизнь!

– Но я же серьёзно!

Наиля поняла, что Валерий уже относится к ней как к больной.

– Завтра приедешь ко мне в клинику, там я тебя посмотрю, сделаю кое-какие анализы...

– Ой да! Снова анализы? Можно, чтобы меньше их было?!

– Можно... Диагностика будет минимальной. Хорош тот диагност, который малыми средствами получает максимум сведений.

– Ну да, – вставила Сирануш. – У нас, чтобы установить у больного насморк, требуют компьютерную томографию. Раньше было как? Лечили плохо, зато всех одинаково и бесплатно! А сейчас – лишь бы срубить деньги!

– Есть и такое, – кивнул Григорий. – Но Валера прав: искусство продления жизни в том, чтобы её не сокращать!

– Нет, вы всё-таки скажите, да?! У меня что-то серьёзное?

Наиля пыталась узнать у друзей, что там по латыни написала её врач, но те сказали, что всё прояснится после осмотра.

– Дорогая Наиля, твои жалобы на мочеиспускание плюс высокое давление ещё не позволяют поставить диагноз, – улыбнулся Валерий. – Не беги впереди паровоза! Я бы тебе мог с три короба наврать...

*На дурака не нужен нож,
ему с три короба наврешь
и делай с ним что хошь!*

Но ты – умный человек. Завтра посмотрю тебя, сделаю мазок, и всё станет ясно...

– Умный человек... Была когда-то... Сейчас доигрываю роль...

– Человек всегда играет свою роль, хочет он этого или нет. – Валерий хотел перевести разговор на другую тему. Потом, взглянув на часы, встал: – Мне пора... Завтра жду тебя не позднее десяти... и на голодный желудок... Арсен-джан, привезёшь Наилю? Я вас встречу...

После его ухода в комнате стало тихо. Наиля грустно проговорила, думая о своём:

– Французы говорят: если у вас всё нормально – не беспокойтесь, это ненадолго! Человек начинает понимать жизнь с той поры, когда начинает думать о смерти. Валера ушёл, не убежал от моих вопросов?

– О чём ты говоришь? Что у тебя за настроение?! – воскликнул Арсен. – У Валерки дети-груднички. Он приехал прямо с работы, потому и заторопился...

– Да я совсем не о том! – Наиля грустно обвела взглядом друзей. – За всё, что вы делаете, спасибо огромное! Но я... Я ведь не лечиться – скорее попрощаться приехала.

– О чём ты?! Прекращай даже и думать о смерти! – воскликнула Нина. – Запомни: смерть идёт за печалью. Весёлые погибают последними.

– Кстати, – добавил Арсен, – Солнце делает один оборот вокруг центра Галактики за двести миллионов лет! Это – галактический год. В прошлом «году» была мезозойская эра ящеров. Человечество существует «несколько суток», а жизнь наша длится «несколько секунд»!

– Утешил, да?! – улыбнулась Наиля. – Впрочем, вы правы, мои дорогие. Только не знаю, как я смогу вернуть вам свой долг...

– Счтёмся, да? – сказал Григорий, и все рассмеялись.

– Ты, Наиля, лучше расскажи, как там наш Баку? – спросила Нина, обняв подругу за плечи. – Как живут люди? Они-то жизнью довольны?

– О чём ты? Шутишь, да? Чем мы можем быть довольны?! Народ нищает, мужчины едут на заработки в Россию. Зарплата позорная, пенсия унижительная, а наша правда на самом деле оказалась неправдой!

Довольный тем, что удалось перевести разговор на другую тему, Арсен сказал:

– Наш симпозиум продолжается. Тихую деградацию экономики и науки мы называли развитым социализмом. Но если со-

циализм это то, что у нас получилось, то им можно пугать детей!

– Это я уже где-то слышал, – заявил Григорий.

– Хорошая мысль, откуда бы она ни была взята, гораздо лучше собственной глупой! – весело парировал Арсен.

– Это точно, – улыбнулась Сирануш. – Наличие оппозиции свидетельствует о широте взглядов руководителя. Я за то, чтобы семейную монархию преобразовать в республику и обеспечить свободу и демократию женской части электората!

Вдруг Наиля опустила голову и тихо проговорила:

– После смерти Джахара жить не хотела. Это можно было сравнить только со смертью нашего мальчика или мамы... Когда уходят близкие, только тогда по-настоящему и начинаешь понимать, как часто мы их огорчали, причиняли боль. И эта боль не даёт покоя... Но говорят же – мёртвые учат живых. Мне кажется, после всего что произошло за последние годы, я стала, как та старуха, мудрой... ничего уже от жизни своей не жду... Мачеха-жизнь меня не жалела, учила жёстко...

Друзья засиделись до глубокой ночи. Прощаясь, Григорий сказал, что постоянно будет на связи.

– Слава Богу, сегодня у всех мобильные телефоны...

5. Ночью Наиля долго не могла уснуть, вспоминала весь этот суматошный день: приезд, встречу, друзей... Они не изменились, такие же шумные, остроумные, весёлые... Да и чего им печалиться? Нина за своим Гришей как за каменной стеной. Кто бы мог подумать, что кандидат геолого-минералогических наук станет бухгалтером?! Арсенчик такой же умница, тихий... А его Сирануш – симпатичная и хозяйка неплохая... Только мясо она, конечно, готовить не умеет. Разве можно класть столько чеснока?! Впрочем, может у них так принято? А Валера... что Валера? Он совсем не изменился... Огромный, мускулистый, остроумный. Всё тот же в нём цинизм, за которым он прячет

свою ранимость. Интересно, какая у него жена? И у всех есть дети... Всё у них хорошо. Слава Аллаху, хоть друзья не бедствуют... Все с крышей над головой, работают... «Просто не представляю, как я лягу на кресло перед Валеркой! – подумала она. – Сколько себя ни настраиваю, решиться не могу. Интересно, есть ли у них в отделении женщина-гинеколог? Не понимаю, чего мужчины идут в гинекологи?! С другой стороны, мужчина-врач, как правило, хороший специалист. А что?! У женщины в голове дети, дом... заботы: что купить, что сварить на обед... Когда ей медициной заниматься?! А Валера... Впрочем, я давно уже не в том возрасте, чтобы стесняться...»

Наиля повернулась на другой бок и постаралась заснуть. Сознание её мерцало. Какие-то видения вдруг появлялись и исчезали. Она думала о предстоящей консультации, рисовала себе страшные картины, потом вспоминала улыбку Нины, и ей становилось легче. «Как было бы здорово, чтобы всего, что произошло тогда, – никогда не было... Всё было бы постарому... А наш «рога за быка» так и не понял, что судьба научных открытий не решается голосованием, а труд без радости – подёнщина! Продолжает забивать гвозди хронометром... Впрочем, о чём это я?! Завтра будет решаться моя судьба... судьба... судьба...»

Утром она проснулась, когда все ещё спали. По крайней мере, не было слышно, чтобы кто-то встал. Во дворе лаяла собака, пропел побудку петух. Это было так непривычно!

Наиля, стараясь не шуметь, набросила халатик и пошла в ванную. Она долго приводила себя в порядок, а выходя, встретилась с Сирануш.

– Встали? Вот и хорошо. Арсен сейчас приедет.

– Сирануш, почему ты называешь меня на «вы»? Мне будет приятнее, если ты будешь говорить мне «ты». А куда Арсен поехал?

– На базар... Он уже должен быть... У Арсена в университете сегодня занятий нет. А мне в музыкальную школу только к одиннадцати. Так что ты можешь ещё полежать... не торопись.

Наиле Сирануш показалась такой родной, такой близкой, что ей захотелось обнять её, но она сдержалась.

– Почему так рано встали? Вчера поздно легли, да?

– Всё нормально... Мы привыкли. Если бы они ещё затеяли турнир в нарды, разошлись бы ещё позже... Но сегодня рабочий день. Нельзя было долго засиживаться... Разве это поздно? Двадцати ещё не было!

– Пойду одеваться, а то приедет Арсен, а я ещё не готова.

Через полчаса приехал Арсен, выложил на кухне покупки, спросил вошедшую Наилю:

– Проснулась?

– Давно... Поедем, да?

– Нам к десяти, – ответил Арсен. – Через полчаса выедем. В это время на улицах пробки. Нам ехать не меньше часа...

– Ой, что же такое делается?! – воскликнула Наиля. – Пробки из-за транспорта! А что метро у вас не построят? Это так удобно!

Они ещё о чём-то поговорили. Наконец, вышли, сели в машину и поехали в клинику.

Пробираясь медленно по забитым машинами улицам, Арсен внимательно следил за дорогой, а Наиля говорила ему, словно извиняясь:

– Я понимаю, что веду себя, как йыхылнутая... Глупая я, да? Но мне отчего-то страшно неловко, что приехала, оторвала всех вас от дел...

– Да что ты говоришь? Действительно глупости мелешь! Мы твои друзья! Иногда друзья ближе родственников!

– Я понимаю, Арсенчик! Меня с таким теплом встретили... Джан-джигяр... Я это понимаю, но, веришь, да? Я очень волнуясь... К тому же Валера...

– Что Валера?

– Он... Он мужчина, как-никак.

– Ну, это легко исправить, – улыбнулся Арсен. – Сейчас операции по изменению пола – обычное дело...

– Ты всё смеёшься, да? К тому же я не знаю, сколько всё это будет стоить? Никогда не копила деньги... была к богатству равнодушна и почувствовала, что их у меня мало, только после смерти Джахара...

– Вот... Ты лучше расскажи, как ты жила, когда был Джахар?

– Жила и ни о чём не думала. В душе был мир, тепло и свет. Порхала по жизни, как бабочка... А потом ушли сначала наш сынок Чингиз, потом и Джахар, и свет погас, и мир рухнул... Я потеряла интерес к жизни. Ни солнца, ни звёзд, только серый мрак... Для меня уже никогда не будет радости в этой жизни... А теперь ещё появились проблемы со здоровьем... Я бы не цеплялась за жизнь, но... страшно, да?!

– Понимаю, Наиля... Но ты не бойся! Ты ведь всегда была отважной. Помнишь, какие сложные были маршруты во время экспедиций?! Хоть бы раз пожаловалась, что трудно идти наравне с мужчинами. Всё будет хорошо! Это я тебе говорю! А деньги... Говорят же, что за деньги можно купить постель, но не сон; лекарства, но не здоровье; женщин, но не любовь; учителей, но не ум... Всё будет хорошо! – повторил Арсен. – Валера – прекрасный специалист...

– Спасибо тебе, Арсенчик... Спасибо вам всем...

Машина подъехала к медицинскому центру, стоящему в глубине парка.

Арсен позвонил по телефону, и к ним вышел Валерий. Его трудно было узнать. В белом халате и докторском колпаке он казался ещё больше, чем был.

– Сдаю тебе Наилю... – сказал Арсен.

– Понял... Пост принял! Всё будет хорошо. Пошли, дорогая Наиля-ханум!

Он приобнял Наилю за плечи, отчего ей стало спокойно, и они вошли в здание.

После осмотра предположение азербайджанского врача подтвердилось. Опухоль, исходящая из тела матки, быстро росла, что вызывало подозрение на саркому. Но от предложения поехать в онкологический институт Наиля категорически отказалась. В её памяти ещё были свежи воспоминания о муже, его болезни.

Валерий пригласил коллег, устроил консилиум... и, наконец, согласился оперировать её в медицинском центре.

– Хорошо... Считай, что ты меня уговорила... Сейчас тебя оформят... ляжешь в палату, сделают кардиограмму, анализы... Как говорится, у каждого резонанса свой резон... Знаешь, на вопрос, как я отношусь к нынешней власти, я всегда отвечаю: как к жене: немножко люблю, немножко боюсь, немножко хочу дружить... Но ты другого не хочешь... Пусть будет по-твоему!

Молоденькая сестричка повела Наилю на второй этаж в отдельную палату. Туалет, душевая кабинка, телевизор, холодильник, письменный стол...

– В такой палате и жить можно, – сказала Наиля, ни к кому не обращаясь.

– Обычно здесь долго не задерживаются, – откликнулась медсестра. – Вы переоденьтесь... Сейчас придёт лаборант, возьмёт у вас кровь и мочу на анализ... Вы не завтракали?

– Нет, меня предупредили...

– Сделаю вам кардиограмму и позову анестезиолога...

Всё, что происходило потом, Наиля вспоминала с трудом. Приходили какие-то люди, брали из вены кровь, ставили капельницу... А потом она уснула... и проснулась уже после операции. Лежала на спине, внизу живота была широкая наклейка, рядом стояла капельница, возле неё сидел Валерий. Она увидела его и улыбнулась...

– Что, уже, да?

– Уже! И считай, что ты выиграла миллион! Никакой злокачественной опухоли у тебя не было. Была банальная, только больших размеров, миома...

– И можно было не оперировать, да?

– Нет... Ты всё сделала правильно, и что к нам приехала, и что настояла на срочной операции... Ты – молодец!.. Но спи... Пару дней у нас ещё полежишь, а потом отвезу тебя к Арсену. Домой к тебе будет каждый день приходить медсестра, делать уколы, если нужно, и капельницы ставить. И я буду приходить... После работы, часов в шесть... Спи!

Валерий вышел, а Наиля закрыла глаза и заснула быстро и легко... Странное дело, впервые за много месяцев ей ничего не снилось.

На следующий день в медицинский центр, где работал Валерий, приехала Нина. Привезла кисель из чёрной смородины.

– Привет, подруга! Как ты? Уже ходишь?

– Смеёшься, да?

– Почему смеюсь? Валера по телефону нам сказал, что сегодня ты уже должна вставать, а завтра я тебя отвезу к Арсену. Потом, если захочешь, поживёшь у нас.

Нина села на стул и перелила из термоса в чашку кисель.

– Утром приготовила. Свеженький. Как лекарство... Валера сказал, что тебе можно...

В это время вошла медсестра.

– Наиля Гейдаровна, укол, – сказала она.

– Будет больно, да? – спросила Наиля, оголяя ягодицу.

– Больно не будет, – сказала сестра и подошла к больной.

– Вот и все дела. Сейчас приду ставить капельницу, так что кушайте скорее.

Наиля пила кисель, не забывая нахваливать подругу.

– Спасибо тебе, Нина-ханум! А здесь такие врачи, такой

персонал... А у Валеры такой авторитет! Я слышала, как о нём говорила одна больная...

– Авторитет врача нужен в первую очередь для успешности лечения.

Некоторое время Наиля молчала. Потом вдруг повернулась к Нине, сказала:

– Как только вспомню, что тогда происходило в нашем Баку, мне становится стыдно. Стыдно за тех, кто творил тот ужас... Боялась к вам ехать...

– Ты-то при чём? Помнишь, как бегала с обедами по своим друзьям, когда им невозможно было выходить на улицу, страшно было даже за хлебом пойти? Ты забыла. А мы помним. Всегда это помнили! Хорошее запоминается легче. А история всё рассудит...

– Какая история, Ниночка? Нам – коренным бакинцам, оставшимся в городе и изгнанным из него – как с этим жить?

– Ты очень добрая, Наиля! Я люблю тебя...

В палату вошёл Валерий. Он был в зелёной хирургической пижаме.

– Ну, как здесь наша больная? – спросил он, улыбаясь.

– Хорошо, Валера. Спасибо тебе, вам всем...

– Ладно, ладно... К чему эти реверансы? Кстати, ты уже вставала?

– Страшно, да?

– Ну-ка, вставай! – Валерий осторожно помог Наиле встать с постели. – Ничего страшного нет. Только, когда будешь вставать, с недельку живот подвязывай полотенцем... Я тебе выпишу лекарства, и будешь принимать.

– Только выписывай на латыни. На русском языке лекарства на меня не действуют!

Валерий рассмеялся.

– Шутишь, значит, выздоравливаешь. – Потом, обращаясь к Нине, сказал, что больную можно будет забрать домой

завтра часов в шесть. – У меня сегодня тяжёлая операция, и когда я освобожусь, не знаю. Сейчас её прокапают, потом она отдохнёт и пусть спит. Сон сейчас для неё – лекарство! Всё, выздоравливай!

Валерий вышел, и в палате стало тихо.

– Ты сегодня не работаешь? – спросила Наиля.

– Как не работаю. Квартальный отчёт на носу. Сейчас побегу. Завтра за тобой придет Арсен. А я к тебе после работы приеду...

В палату вошла медсестра и стала налаживать капельницу.

– Я поехала... Выздоровливай!

Нина поцеловала подругу и вышла...

Три недели прошли быстро. Наиля вполне оправилась от операции. Настало время прощания. Её поезд отходил в пять дня, потому уже в двенадцать все собрались у Арсена и Сирануш.

Апрель в том году был тёплым и солнечным. Друзья расположились в беседке за столом. Ели шашлык, запивая его красным вином, и, как всегда, спорили, горячились, доказывая свою правоту.

– Да кто об этом говорит?! У нас богатая история, но мы живём здесь и сейчас! – говорил Арсен, наполняя бокал Наили вином.

– Спаиваешь, да?

Арсен кивнул, и продолжал:

– Тот, кто не помнит прошлого, переживёт его вновь.

– Главные «борцы», – добавил Григорий, – побежали в американское посольство не таясь, уповая на близкую победу.

– Ну, завелись... Теперь это надолго, – сказала Сирануш, подкладывая в тарелку Наили жареные баклажаны.

– Наша огромная территория, – сказала Нина, – всегда вызывала раздражение у наших а ля друзей.

– Нестрашно с умным враждовать. Страшнее дружить с

дураком, – откликнулся Валерий. Он сквозь бокал посмотрел на Наилю, подмигнул и продолжал: – Кончайте спорить. Давайте лучше вспомним наш Баку! Помните:

*На город наглядеться
Вновь я не могу.
И я вхожу, как в детство,
В город мой, Баку!*

Все с радостью приняли предложение Валеры.

А Наиля взяла гитару и, мастерски перебирая струны, приятным грудным голосом тихо запела:

*Напевает вода,
тихо плещет волна у причала.
Знаю я города,
но подобных тебе не встречала...*

Ей стали подпевать Нина и Арсен. В геологических экспедициях у них единственным развлечением была игра на гитаре, и вечерами у костра они часто пели.

*Да, Баку, ты таков:
И судьба невозможна иная,
Сколько здесь языков!
Сколько наций – и все понимают
Вечной дружбы язык.
Вот в чем сила твоя и богатство...*

– Было когда-то, – грустно сказал Григорий.

Потом гитара оказалась в руках Арсена. Он любил такие посиделки со спорами до хрипоты, с песнями под гитару. Чуть подстроив струны, запел:

*Верните нас домой, в Баку,
В прозрачно-розовую давность.
В купальню, Шихову Косу,
Морской бульвар, новрузбайрамность.
Туда, где жили мы в ладу,
Где всюду – дружеские руки,
Там в Губернаторском саду
Оркестра духового звуки.
Там круглый год тепло, весна,
Там нас встречал всегда приветно
Английский парк, где ель, сосна...
Росли мы с ними незаметно.
Чем дальше, тем моложе сны,
Судьба нас лихо разбросала...
Рыдал Будаговский базар
У Сабунчинского вокзала.
В Баку верните нас из строк...*

Но вдруг, отставив гитару в сторону, сказал: – Не будем о грустном.

– Тогда, – сказала Нина, – спой мою любимую!

Арсен взглянул на Нину, подстроил гитару и запел. Ему самому нравилась эта песня, и пел он с удовольствием:

*Нам нелёгкие достались времена,
Да и нравы невесёлые достались.
Мы от злобы и безумия спасались
Потреблением дешёвого вина.
Собирались вечерами у огня,
Пели песни, развлекались, как умели.
Канонады непонятные гремели
Всё грознее и страшней день ото дня.
И раскачивалась люстра над столом,*

*А наутро допоздна не рассветало.
Птица чёрная к нам в форточку влетала,
Опрокидывала вазочку крылом.*

Арсен опустил низко голову, делая проигрыш, и Валерий, не глядя ни на кого, выпил свой коньяк до дна и наполнил бокал снова.

*Провожая уходящие года,
От тревоги, от предчувствий, от испуга...
Как отчаянно любили мы друг друга,
Как цеплялись друг за друга иногда.
А потом, конечно, жизнь пошла вразнос,
Налетела, разбросала, закружила,
Так что было нам в ту пору не до жира,
Не до стога, не до смеха, не до слёз...
Мы очнулись через сотню зим и лет
В Филадельфии, на Кипре, в Тель-Авиве,
Кто в квартире, кто в лачуге, кто на вилле,
Кто в полётах, кто в заботах, кто в земле...*

Очередной проигрыш Арсен сделал в полной тишине. Все понимали: он поет об их судьбе, и это не могло их оставить равнодушными.

*Только надо ли печалиться о том
И постылой предаваться ностальгии?
Времена не то что лучшие, но другие,
И неведомо, что сбудется потом.
Но как прежде просыпаюсь поутру,
От тревоги и предчувствий умирая,
Я осколки старой вазы собираю...
Собираю, да никак не соберу...*

Арсен закончил петь и отставил гитару в сторону. Некоторое время все молчали.

– Давайте лучше выпьем, – сказал он и стал разливать в бокалы вино.

– Ты же за рулём! Хватит, да?

– А я верю, что рано или поздно, но в нашем Баку всё нормализуется! Не может это продолжаться вечно...

Нина, понимая, что этот разговор особенно печален для Наили, сказала бодро:

– Болтовня о будущем – удобный способ бегства от ответственности за настоящее.

– А я чем больше думаю о том, что произошло, тем лучше понимаю, что не всё так просто, – упрямо проговорил Валерий. – Подобное рано или поздно должно было произойти.

– Чем тоньше взгляд, тем больше полутонов, – кивнул Григорий.

– Нет, дорогой, не в этом дело, – возразил ему Арсен. – Просто кому-то захотелось власти и денег. Вот и натравил народы друг на друга... Впрочем, не стоит об этом. Мы сегодня провожаем нашу Наилю. Пусть она будет здорова и счастлива...

Арсен снова выпил и грустно посмотрел на гостью.

– Наверное, ты в чём-то и прав, – сказал Григорий, – но Наилю на вокзал повезу я. У меня машина больше, все поместимся.

В четыре часа Валерий, которого срочно вызвали в клинику, и Сирануш попрощались с Наилей.

– Поехали! – торопил Григорий, приглашая в машину. – Поезд нас ждать не будет.

– Поезд нас ждать не будет... – эхом отозвался Арсен, посмотрев на Наилю. – Но разве поезд виноват в том, что мы снова разлучаемся.

– Чтобы встретиться вновь! – откликнулась Нина, изо всех сил постаравшись придать бодрость своему голосу. Но все понимали, что новой встречи ждать придётся долго. Очень долго...

КРЫМСКИЕ КАНИКУЛЫ

Повесть

1. Косте было уже десять, но он ни разу в жизни не видел моря. Разве только по телевизору. И это несмотря на то, что Ростов стоит в сорока километрах от ближайшего моря. Казалось бы, вот оно – рядышком! Садись на поезд или на автобус, и в этот же день будешь купаться, загорать на песочке! А вечером вернёшься домой, словно бы ты живёшь на морском курорте.

Но так ни разу не получилось: Вера Николаевна, тридцатилетняя светловолосая женщина с большими голубыми глазами и маленькой родинкой на левой щеке – Костина мама, – работала фельдшером на скорой помощи, много работала и не имела ни малейшей возможности никуда вырваться. Костин папа жил где-то далеко-далеко у какой-то незнакомой тётки, которая, по словам мамы, женила его на себе, и ему теперь было не до сына. И вот он уже дорос до десяти лет, но ни разу не видел ни отца, ни моря...

Между тем, десять лет – ведь это совсем немало для жизни человека.

Всё началось с того, что прошлым летом к ним в Ростов приехала в гости из Украины мамина сестра-близнец тётя Надя. С мужем, дядей Володиёв, и дочерью Варенькой.

– В детстве, – рассказывала сыну Вера Николаевна, – даже наша мама, твоя бабушка, нас иногда путала.

Увидев тётю Надю, Костя удивился: она была до такой степени похожа на его маму, что он подумал: «А может, у меня

две мамы – основная и запасная? Запасная приехала откуда-то и разговаривает со мной так, словно бы всю жизнь меня знала». Двоюродная сестра Варя ему не очень понравилась: светловолосая, даже чуть рыжеватая, курносая, с веснушками на лице. И всё бы ничего, только уж слишком она задиралась. Варя была старше Кости на три года и считала, что по этой причине намного умнее и вообще – главнее. Больше всех ему понравился дядя Володя: высокий, мускулистый, с аккуратными рыжеватыми усиками и с красивой курительной трубкой во рту. Настоящий морской волк! Именно таким, по мнению Кости, и должен быть настоящий папа: сильный, красивый и весёлый.

Дядя Володя был капитаном и плавал по морям-океанам, но однажды, когда они выходили из Красного моря в Индийский океан, на их корабль напали. Пираты полезли на палубу, как тараканы, а дядя Володя, зная, что за этим последует, организовал умелое сопротивление бандитам, и моряки под его руководством побили незваных гостей и сбросили их в воду. Дядя Володя получил ранение в ногу, из-за чего его списали на берег. Потом специальная комиссия проверяла действия команды при нападении пиратов. Дядю Володю наградили за умелую организацию обороны судна и почему-то ругали. Как оказалось, сбрасывать людей за борт нельзя. Они могли и утонуть! По счастью, им не удалось доказать, что кто-то из пиратов утонул, и дело замяли.

Костя никак не мог понять, что означает «замяли дело». Оно что – бумага, которую можно помять? Но спрашивать не решился и продолжал слушать с открытым ртом.

Короче говоря, дядя Володя вышел на пенсию раньше времени, но сидеть дома без дела не собирался и искал новую работу, да только безуспешно. И вот, пока он ещё не определился с работой, они решили навестить ростовских родственников, которые живут хоть и в другом государстве, но совсем не далеко. И вообще, разве это правильно, что родные сёстры так долго не видели друг друга?!

– Да, – вздохнула мама. – Пришлось тебе помотаться по свету...

– Было дело, – кивнул дядя Володя и вдруг улыбнулся, что-то вспомнив. – Мы как-то оказались в Таиланде, в Бангкоке. Видал я там храм Золотого Будды. Помню, от буддийских молитв у меня голова разболелась. Был я и в пантеоне этого Будды. Его отлили из чистого золота. Представляете, громадина более трёх метров в высоту! Такая вот страна...

Косте было непонятно многое из того, что рассказывал дядя Володя: группа инвалидности, пенсионное обеспечение, проблемы с трудоустройством. Да и при чём здесь Золотой Будда и туризм? Его больше волновало другое:

– А что, – спросил он, – у тех пиратов был чёрный флаг с черепом и костями?

Дядя Володя в ответ рассмеялся, а стоявшая рядом Варя фыркнула.

– Зачем же показывать всем, что они пираты? – воскликнула она. – Они притворялись, будто обычные моряки! Правильно я говорю, пап?

– Правильно. Не было у них никакого чёрного флага, – сказал дядя Володя.

– Ну, как же, – не унимался Костя, – всем пиратам положено иметь такие флаги, а иначе как же тогда узнать, что они пираты. Вот подплыли они к вам на своём корабле, а вы ведь сразу поняли, кто они?

– Ну да, – подтвердил дядя Володя. – Как же тут не поймёшь?

– Ну и как вы поняли, если у них не было чёрного флага? – не унимался Костя.

– По их намерениям, – пояснил дядя Володя. – Подплыли они к нам на быстроходном катере. Сразу закинули крюки и стали взбираться по канатам на борт. Вот тут-то мы их и стали бить чем попало.

– А что же, они были безоружными? – удивился Костя.

– Почему же... У них были автоматы.

– И они стреляли?

– Когда подплывали, стреляли в воздух, чтобы запугать нас, но когда стали взбираться вверх по канатам, автоматы держали у себя за спинами, а иначе как бы они смогли влезть? А те, кто остался на катере, стреляли, конечно. Там-то меня и ранило.

– А почему вы сами не стреляли?

– На гражданских судах оружия у экипажа никогда не бывает, – пояснил дядя Володя.

– Но почему? – не унимался Костя.

– Мы же не военные моряки, а торговые, нам не положено...

Всё это было очень интересно, хотя и не всегда понятно, и Костя сам представлял себя на месте моряков: пираты лезут и лезут, а он их дубиной по башке, по башке! А те так и падают, падают в воду вместе со своими автоматами... «Эх, меня там не было, а то бы я им показал!».

Прошлогодний визит был недолгим, и гости на прощанье пригласили Костю и его маму приехать к ним летом, отдохнуть на берегу моря.

И вот сейчас Костя ехал в поезде с мамой к этому далёкому и прекрасному Чёрному морю.

Весь год Костя мечтал о том, как они с мамой приедут к дяде Володе и тёте Наде, как они будут ходить на море и он обязательно научится плавать. А потом они поедут в Севастополь, где, как рассказывала мама, погибли его прадедушки. Их звали Сашей и Костей. Давно это было, в первой половине прошлого века, шутка ли сказать! Но он слышал, что память о тех событиях, о той войне в Севастополе хранят. Нужно будет обязательно сфотографировать все памятники, посвящённые обороне Севастополя, и показать в классе, когда вернётся домой. Он для этого взял с собой фотоаппарат. Костя вообще хорошо подготовился к поездке.

Даже песню, посвящённую обороне Севастополя, аккуратно записал в блокнот, который всегда носил с собой. Там были слова, которые ему особенно понравились:

*...Когда покидал я родимый утёс,
С собою кусочек гранита унёс,
Затем, чтоб вдали
От крымской земли
О ней мы забыть не могли...*

Нет, конечно же, его каникулы и мамин отпуск обещают быть интересными!

Костя проснулся ночью. В купе было душно и все спали – мама и двое пожилых соседей, которым Костя почему-то сразу же очень не понравился. Противная бабка, похожая на бабу Ягу, с седыми волосами, острым, выступающим вперёд подбородком и скрипучим голосом, как только увидела его, сразу же сказала ехавшему с ней деду:

– Смотри-ка, старый! Опять здесь ребёнок! Когда же это кончится? Как ни сядем в поезд, так непременно – дети. И будут они всю дорогу прыгать и мельтешить туда-сюда, туда-сюда! Покою от них нету!

Дед что-то пробурчал в огромные усы, пригладил свою длинную бороду и стал утешать бабку, а Костина мама спросила:

– Чем это вам так не понравился мой сын? Он вроде бы не шумит, не проказничает.

Бабка не удостоила её ответом, но через некоторое время спросила маму, кивая своим острым подбородком на Костю:

– Он у вас хоть не буйный?

Но тут мама показала характер и ничего не ответила противной бабке. Так и ехали молча. Перед сном старики выяснили, что очень проголодались, и, разложив на столике многочис-

ленные припасы, стали поглощать их, громко чавкая.

– Если не поесть на ночь, в животе так урчит, что и не зашёшь, – сказал дед, отламывая пулечку от жареной курицы. – Я в поезде всегда начинаю с того, что сажусь и ем. Особенно люблю жареную курицу, крутые яйца и, конечно, чай сладкий с лимоном. Красота!

– Ты только не передай! – предупредила его баба Яга.

По всему купе распространился запах жареной курятины, огурцов, помидоров и лука.

Костя тихо шепнул маме на ухо:

– Я тоже кушать хочу!

Мама удивилась:

– Да мы ж с тобой уже поели. А на ночь есть вредно – ты разве не знаешь?

Костя прекрасно это знал, но уж больно аппетитно пахло у бабы Яги и Карабаса-Барабаса. Они так громко чавкали, что Костя не выдержал и вышел из купе.

В темноте мелькали огни, и можно было смотреть в окно, как в зеркало. Костя долго разглядывал своё отражение, но так ничего и не найдя в нём незнакомого, вернулся в купе.

Карабас-Барабас и баба Яга пили чай, шелестя фольгой шоколадных конфет. Костя знал, что прихлёбывать так шумно чай некультурно, и с удивлением смотрел на эту парочку сказочных героев. Неужели они не понимают таких простых вещей?!

А потом бабка стала громко возмущаться, что у них одно место верхнее. Они, мол, просили кассиршу дать им два нижних места, но та «крашенная кукла» так и не дала, и теперь деду придётся взбираться на верхотуру. Сначала они громко обсуждали это между собой, видимо, ожидая, что Костиной маме станет стыдно и она сама предложит им нижнюю полку в обмен на верхнюю. Но маме стыдно не стало, она молча стелила постели. А Костя удивлялся: «Странные люди, ведь всем известно, что наверху ехать приятнее!».

– Бегом в туалет, и спать! – скомандовала мама.

Костя пошёл в туалет, а когда вернулся, она уже лежала на своей полке.

– Полезай наверх!

Костя снял шорты, аккуратно повесил их на специальный крючок и полез на вторую полку. Сначала он разглядывал потолок, потом пытался смотреть в окно, но мешали шторы, и тогда он повернулся к стенке и закрыл глаза. Засыпая, представил себе, как на поезд напали пираты, а он отстреливается от них. Ему снилось, что поезд едет вдоль реки, а пираты плывут по ней на быстроходном катере. На мачте – чёрный флаг. Потом они стали бросать верёвки с большими крючками, пытаясь зацепиться за вагоны. Но почему-то получилось так, что пираты скачут на конях рядом с поездом, а он стреляет в них из автомата...

Когда Костя проснулся, было раннее утро и за окном проплывали однообразные пейзажи: поля, деревья, одинокие домики... Небо стало светлеть.

Проснулась и мама.

– А когда будет море? – спросил шёпотом Костя. – Не терпится уже его увидеть.

– Вот приедем, тогда и увидим, – утешила она его.

– А за окном? За окном разве не будет моря?

По телевизору он видел однажды, как люди едут на море, а оно – прямо за окном поезда.

Мама стала объяснять, что когда на поезде едешь в Крым, то моря за окном не видно. Море видно только когда едешь на кавказское побережье.

Баба Яга проснулась и стала ворчать, что им не дают спать. Мама не стала спорить и молча вывела Костю из купе в коридор.

– Не хочешь спать, тогда смотри в окно, а людям спать не мешай.

Потом пассажиры стали просыпаться и вереницей потянулись к туалету со своими полотенцами на плечах и зубными щётками в руках.

Поезд остановился, и слышно было, как по радио на перроне сообщили, что скорый поезд номер двести двадцать четыре прибыл на первый путь. На здании вокзала крупными буквами было написано: «Запорожье». Посмотрел на висевшее перед их купе расписание. В Запорожье поезд прибывал в шесть часов двадцать одну минуту. Подумал: «Рано я проснулся. Можно было бы ещё поспать»...

Потом были остановки в Мелитополе, в Новоалексеевке, в Джанкое, и Костя подумал: «Ещё называется поезд скорым, а сам ползёт как черепаха! Когда же, наконец, будет этот Симферополь?!».

Было уже десять часов утра, когда они, наконец, прибыли в Симферополь. Дядю Володю мама увидела ещё в окно и стала махать ему рукой, а Костя – кричать, но дядя Володя ничего не заметил и только шёл рядом с медленно ползущим вдоль перрона поездом.

Они вышли из вагона. Воздушный белый вокзал сверкал на солнце. Приехавшие и встречающие сразу заполнили перрон. В потоке пассажиров они пошли навстречу дяде Володе.

– С приездом! Очень рад, что, наконец, собрались! – Он обнял и поцеловал маму, потом обратился к Косте: – Ну, парень, здорово ты за этот год вырос! Надеюсь, в школе у тебя всё отлично? – Приподнял его, поцеловал и поставил на перрон. – Ну, что ж, пошли к выходу. Там моя машина стоит.

Он взял у мамы тяжёлый чемодан, хотел взять и сумку. Но мама не дала:

– Куда тебе такие тяжести таскать?

– Так это ж у меня нога покалечена, не рука, – сказал он, прихрамывая на раненую ногу. – В руках-то сила осталась.

Но маму он не сумел переубедить, и она так и оставила сумку при себе.

Протиснувшись через толпу, они, наконец, вышли на привокзальную площадь. Дядя Володя подошёл к бежевой «Волге», на капоте которой сверкала хромированная фигурка бегущего оленя. В ответ на удивлённый возглас мамы он сказал:

– А ты как думала, Верочка? Раритет! Эту «Волгу» я купил, когда ещё плавал, но езжу мало. Она у меня как новенькая, и я её ни на какую иномарку не променяю! И имя у неё есть...

– Какое же?

– Это моя Манечка! Люблю её...

– А Надя не ревнует?

– Ревнует. Иногда... Но я стараюсь повода не давать...

– Я вижу, ты уже гарем завёл...

Дядя Володя положил чемодан и сумку в багажник, усадил гостей на заднее сиденье, и они поехали.

Симферополь, как оказалось, большой и красивый город. Высокие дома, ровные проспекты, зелёные скверики, много цветов... Наконец, выехали из города и покатали по широкой асфальтовой дороге.

– У нас между Симферополем и Ялтой троллейбусы ходят. Здесь недалеко. Только машин уж очень много.

Сначала за окном тянулись какие-то унылые степные пейзажи, от которых Косте делалось не по себе, но потом начались возвышенности, холмы и даже настоящие горы, а потом и скалы. Ничего подобного Костя раньше не видел. Только по телевизору, который никогда не заменит настоящей жизни.

А дядя Володя стал рассказывать про события, которые происходили здесь много лет назад. Шла страшная война с фашистами. Они напали на нас внезапно, без объявления войны, и мы должны были защищать свою Родину. Небо было чёрным от их самолётов. Бомбы разрушали города и сёла. На море свирепствовали их подводные лодки. Танковые громады и полчища

фашистов несли смерть нашему народу. Но мы защищали свою землю, как могли. Поначалу не хватало оружия, умения воевать. Но все стояли насмерть!..

Он ещё что-то говорил, но впечатлительный Костя уже представлял себе, как с неба падают бомбы, стреляют пушки и на него медленно наползает фашистский танк.

А дядя Володя говорил какие-то непонятные слова, но мама ему кивала:

– Гитлер получил неограниченную и бесконтрольную власть и завоевал почти всю Европу.

– Фашизм ужасен. Хорошо, что народы объединились и дали ему отпор, – откликнулась мама.

– Мы потом поедem в Севастополь, походим по городу, зайдём в музей, – сказал дядя Володя. – Это в Симферополе смотреть особенно не на что, а Севастополь – необыкновенный город, во всей России нет второго такого.

Костя удивился:

– Так ведь это же Украина, а не Россия!

Дядя Володя, внимательно следя за дорогой, многозначительно проговорил:

– Севастополь был, есть и будет городом нашей славы. Здесь база военно-морского флота России, значит, и город русский!

За Алуштой дорога шла вдоль берега моря. По обочинам тянулись к небу пирамидальные тополя. Пахло акацией и свежескошенной травой. Чёрное море ослепительно блестело на солнце и тянулось до самого горизонта, где сливалось с ярким голубым небом, на котором не было ни облачка. Проехали Гурзуф, Ялту, Ливадию...

– Как здорово! – воскликнул Костя. – А можно мы сейчас остановимся и искупаемся?

– Да погоди ты! – возмутилась мама. – Вот приедem, тогда и будешь купаться сколько душе твоей угодно. Недолго осталось!

Но дядя Володя остановил машину возле берега и сказал:

– Купаться и в самом деле будем дома. А сейчас можешь выйти из машины и подойти к воде. Просто посмотри на неё, какая же она красивая.

Костя стоял на берегу и смотрел, как волны тихо плещутся у его ног. Он зачерпнул воду сначала одной рукой, потом другой. Умылся. Солёная вода, противная на вкус, попадала в рот, но всё равно было замечательно.

Мама сняла босоножки и прошлась немного босыми ногами по мокрому песку.

– Смочишь ноги в морской воде, и усталость как рукой снимает! – сказала она. – Чудо какое-то!

Пролетавшая мимо чайка прокричала им что-то. Она парила над водой, потом села на воду и стала покачиваться на волнах. Косте казалось, что этому счастью не будет конца – вот так бы и стоял у воды. Море словно переходило в небо, и полоска горизонта была едва различима.

– Ну, всё! – скомандовал дядя Володя! – Полюбовались, и хватит. Пора домой!

И они снова сели в машину и поехали. Сразу за Алушкой дядя Володя круто свернул влево и по грунтовой дороге поехал вниз к морю. Их небольшой посёлок раскинулся на восточном склоне горы, которая заканчивалась обрывом. Внизу была видна узкая полоска песка, скалы, выступающие из воды, и синее, искрящееся на солнце море!

– Боже! Красиво-то как! – воскликнула Вера Николаевна. – А ещё кто-то говорит, что рая нет!

– Эт точно! – кивнул дядя Володя. – Рай! У каждого из нас есть своё самое любимое место отдыха. Кому-то нравится просто, ничего не делая, сидеть дома и смотреть телевизор, кому-то по душе отдых за границей, некоторые любят побродить подальше от цивилизации в горах и полях, ну, а я люблю море! Несколько лет назад отдыхали мы здесь с Надей, а когда вышел на пенсию,

приехали, купили домик, чтобы жить в этом раю! Климат здесь прекрасный! Много ясных солнечных дней, и зимой теплее, чем в других местах Крыма. Ветры мягкие, осадков и туманов меньше, чем даже в соседней Алушке и Мисхоре. Особенно хорошо здесь осенью. Солнце припекает, но в тени уже чувствуется приятная прохлада, и нет духоты. А если соскучился по цивилизации – до Ялты автобусом пятнадцать минут! Чем не рай?!

Подъезжая к дому, они услышали радостный лай Шарика.

2. Небольшой кирпичный дом, крытый черепицей, большие металлопластиковые окна, веранда. «В таком доме можно жить, – подумал Костя, разглядывая его. – Но всё уж очень непонятно. У нас в Ростове всё просто и ясно: моя комната, где я сплю и учу уроки, мамина спальня, зал и всё. Ничего необычного. А здесь всякие пристройки, гараж, сарай, куры, собака... Нет, пожалуй, здесь жить интереснее».

Дом окружал старый тенистый сад с плодовыми деревьями, грядками и цветочными клумбами; ограда была из высокого и прочного штакетника. В конце двора – колодец. Костя уже видел такой. Из него можно доставать воду ведром, которое прикреплено к барабану большой цепью. Крутишь ручкой, на него наматывается цепь, и ведро с водой поднимается. Нужно ещё суметь его подхватить и перелить в посуду, с которой пришёл. А вода чистая и очень холодная! У гаража – собачья будка. Большая пушистая лайка, увидев хозяина и посторонних людей, подбежала, помахилая хвостом, и стала дружелюбно принюхиваться к гостям.

– Свои, Шарик, свои, – сказал дядя Володя и погладил собаку по голове. – Это и есть наши владенья! Живём скромно, но со вкусом! Всегда мечтал иметь что-то в таком роде. Домик небольшой, но нам в самый раз. И сад-огород! Никогда не думал, что буду получать удовольствие, возясь с виноградной лозой или деревьями... А Надюша больше цветами занимается! Вон сколько роз в прошлом году посадила!

От калитки к дому надо было идти под сводом виноградных лоз, и это было так непривычно, что Костя даже присвистнул. Над головой свисали грозди ещё не созревшего винограда.

– Действительно рай, – резюмировала Костина мама.

За фруктовыми деревьями открывался вид на море. Костя подбежал к забору, надеясь посмотреть на море, но штакетник был высокий, и он ничего не увидел. Но у забора лежало огромное бревно. Он встал на него, и с удивлением отметил, что море, оказывается, не так-то близко. Дом стоял на высоком холме, и сразу за забором начинался крутой обрыв, поросший ежевикой, а внизу блестело на солнце море и серой лентой тянулась узкая полоска мелкой гальки. В воде и на берегу громоздились огромные скалы. Он хотел спросить, далеко ли до моря, но услышал, как его зовёт мама:

– Костя! Где ты там?

– Здесь я! – неохотно отозвался мальчик. Он прекрасно понимал, что поступил невежливо – сначала нужно было поздороваться со всеми, потом только бежать к забору. – Иду, иду! Хотел на море взглянуть...

– Потом будешь любоваться, – строго сказала мама. – Иди в дом, поздоровайся с тётёй Надей и Варей.

Костя, оглядываясь назад, пошёл в дом. Увидев тётю Надю, сильно смутился. Он всякий раз удивлялся, до чего же похожа она на его маму. Даже одевались они как-то одинаково! Ну, просто вторая мама, и всё! А Варю он ещё с прошлого их приезда в Ростов невзлюбил – что-то в ней было задиристое и насмешливое. «Воображала!» – подумал Костя. Вот и сейчас она смотрела на брата сверху вниз и будто чуть-чуть посмеивалась.

– Привет! – пробурчал ей Костя.

– Привет-привет, братишка, – проговорила Варя так многозначительно, словно бы знала за ним какую-то важную тайну, которую могла бы при желании раскрыть всем окружающим.

Тётя Надя просто обняла и поцеловала, сказав сестре:

– Смотри-ка, за год как он вырос у тебя.

– Так и Варенька тоже подросла.

– Я самая высокая в классе, – хвастливо вставила Варя и, выразительно посмотрев на Костю, зачем-то высунула язык – дескать, знай наших, малявка!

– Учишься как? – спросила Вера Николаевна.

Варя ответила с гордостью:

– Нормалёк. Проблем с этим у меня нет!

– А где лучше: во Владивостоке или здесь? – спросила Вера Николаевна.

– Ой, Верочка! И не спрашивай, – сказала Варина мама. – Здешнее школьное образование – наша боль... Давайте лучше с дороги помойте руки да сядем за стол. Обедать пора...

– А я есть не хочу, – заявила Варя. – Можно, пойду погуляю?

Дядя Володя проявил строгость:

– Есть не хочешь, и не надо! Нам больше достанется! Но просто посиди с нами за столом, дочка, это обязательные правила гостеприимства. Тем более что гости к нам приехали долгожданные и желанные...

– А что там мама приготовила? – спросила Варя, словно бы раздумывая.

– Увидишь, – сказала тётя Надя. – Иди руки мыть. Я видела, как ты с Муркой бесилась...

– А я что-то проголодался, – честно признался Костя. – Уже давно есть хочу... Так и умереть можно от истощения!

Все уселись за стол, и тётя Надя стала носить с кухни то, что наготовила: салат, вареники, сметану, компот... Пахло очень вкусно, и Костя вспомнил бабу Ягу и Карабаса-Барабаса, с которыми ехал в одном купе. Тёти Надины угощенья пахли вкуснее. Запах той жареной курицы, которую ели старики, до сих пор возбуждал аппетит у Кости.

Вскоре он уплетал за обе щёки тётины вареники с картош-

кой и жареным луком, запивал компотом из свежих яблок и вишен. И Варя не удержалась, съела вареники, обильно полив их сметаной.

– Всё хорошо в меру, – сказала тётя Надя, отставляя от Вари банку со сметаной. – Ты же боялась поправиться!

– А ты не готовь так вкусно! – возмутилась Варя, запихивая в рот последний вареник.

Дядя Володя тщательно вытер льняной салфеткой рот и, довольный, промычал:

– Гм!..

Начались разговоры о том, как доехали, что там новенького в Ростове. Разговор струился неторопливо, и Костя особенно не прислушивался. Варя заявила, что ей нужно беречь талию и съеденные вареники – это в последний раз. Она докажет всем, что у неё есть воля! – Потом взглянула на Костю, и добавила: – А ты можешь есть сколько хочешь...

– Это почему? – не понял Костя.

– Потому что ты шкиля! Просто удивительно, как ты до сих пор не переломился.

– Не переломлюсь... Я худой, но жилистый и в нашем классе самый сильный, – похвастался Костя.

Варя ещё раз взглянула на брата, словно бы испытывая его на прочность. Подумала: вполне возможно, что он и не такой дотряп, как кажется.

– Посмотрим... – сказала она.

– Посмотришь! – пообещал Костя.

И вот мама задала вопрос, ответ на который очень заинтересовал Костю, после чего он стал внимательно прислушиваться к беседе старших:

– Ну что? Не жалеете, что переехали сюда?

– Да чего уж жалеть? – ответил дядя Володя. – Я никогда не жалею, если принял решение. А что Владивосток? Здесь и вы ближе к нам, и вообще – Европа!

После того как дядя Володя, получив ранение, прошёл курс лечения, выяснилось, что в море его уже больше не возьмут. Ему полагалась пенсия по инвалидности. Предстояло решить, что делать дальше.

Жить во Владивостоке казалось бессмысленным: жена постоянно жаловалась, что из-за такой страшной удалённости она не может видеть сестру, с которой они были «не разлей вода!». Вместе учились в школе, окончили медицинское училище. И вообще были очень дружны. Она всегда мечтала жить вдали от большого города. Городская жизнь ей казалась невыносимой: людей много, и все куда-то торопятся... Как в той миниатюре одессита Карцева: Все бегут, всё делают на ходу... Нет, здесь ей нравилось больше.

– Жить у моря – такое счастье, – сказала тётя Надя.

Дядя Володя тогда поехал в Таганрог на «разведку». Подробностей Костя не понял, но, судя по всему, ему там не понравилось. То ли сам город, то ли Азовское море? А может, домика подходящего никто не продавал?! Он побывал и на черноморском побережье Кавказа. А потом отправился в Крым, который встретил старого морского волка очень неласково. Шёл сильный дождь, сверкали молнии, раздавались раскаты грома. Гроза! Он тогда подумал: и чего это поэты любят грозу в начале мая?! Что в ней хорошего?! В оконные стёкла его номера в гостинице хлестал косой дождь, а по стальным ржавым карнизам стучали крупные градины... «Ну и погодка, чёрт побери! – подумал он. – Здесь, пожалуй, тоже я вряд ли что-нибудь найду». И вдруг совершенно случайно узнал, что срочно продаётся участок с домиком на берегу моря. Так они оказались в Крыму.

– Конечно, Украина не Россия, но здесь я себя чувствую россиянином, – сказал дядя Володя. – И вообще – патриот: это дело и правда! А у многих наших так называемых «патриотов» это болтовня и ложь. Они ездят на иномарках, предпочитают валюту, которую хранят в зарубежных банках, детей учат в американских, английских или французских университетах, жёны их

едут рожать за границу. Недвижимость приобретают у себя, а страхуют за рубежом и налоги платят кому угодно, но только не своему народу. Они открыто над нами издеваются, потешаясь над честностью с вытекающей из неё нищетой. Нет, здесь я чувствую себя россиянином больше даже, чем живя в России! – повторил дядя Володя. – Тем более что и гражданство у нас российское. Надюша работает на «Скорой» в Алушке, а я – механиком в авто-сервисе. На пенсию мою не проживёшь. А когда Варюша окончит школу, учиться пусть едет в Россию. Ростов недалеко.

– Но я всё-таки не понимаю, – сказала Костина мама, – ты столько лет отдал морю, и плавал не простым матросом. А тебе даже спасибо не сказали. Других награждают, звания всякие дают. Ты же защитил судно от пиратов, спас команду и груз, а у них не нашлось для тебя даже добрых слов?!

– Да что об этом? – улыбнулся дядя Володя. – Сложные были у меня отношения с начальством. Впрочем, я не очень-то переживаю. Люди тешат себя, выдумывают титулы, знаки отличия... Наградами, званиями, премиями приманивают, а главное, отвлекают от настоящей работы и проблем, которые ставит жизнь. К тому же общеизвестна тенденциозность при любом награждении.

– Ладно! Не будем о грустном, – сказала тётя Надя. – Пойду быстренько посуду помою, и пойдём на море.

– Я тебе помогу...

Вера Николаевна тоже встала из-за стола, но её остановила сестра:

– Сиди! Сегодня ты – гость.

Помыв на кухне посуду, тётя Надя вернулась в солнечную столовую, и все собрались идти на море.

– Ты, Костя, плавать умеешь? – спросил дядя Володя.

Костя смутился.

– Плохо, – промямлил он, глядя на Варю, которая тут же показала ему язык!

– А вот я отлично плаваю! – похвасталась она.

– А ты, Верочка, плавать умеешь? – спросил дядя Володя Костину маму.

– Я-то умею, – ответила она, – да вот Костика не смогла научить.

– Чего ж ты так? – попенял ей дядя Володя.

– Так ведь учить сына плавать – это обязанность отца, я одна со всем не могу управиться.

– Не огорчайся, – тихо сказал дядя Володя. – Когда Костя будет уезжать, он станет отличным пловцом – я это беру на себя.

– Даже в группе из двух человек всегда должен быть командир, – добавила Варя. – Иначе неизбежен кавардак! И командиром буду я. Во-первых, я старше его, а во-вторых, знаю здесь каждый кустик... К тому же плаваю как рыба и его научу!

В жизни каждого мальчика есть вещь, которая ему очень дорога. И у Кости была такая вещичка: фотоаппарат, купленный мамой, когда ему исполнилось десять лет. Костя то и дело смотрел в специальное окошко, выбирая кадр. Этому его научила мама. Он бы никогда на свете не променял его ни на что, даже на настоящий футбольный мяч. И когда он собирался кого-то фотографировать, даже взрослые относились к этому серьёзно и прихорашивались, чтобы на снимке выглядеть получше.

Вот и сейчас Костя первым делом полез в рюкзак, чтобы достать свой фотоаппарат. Хотел запечатлеть на нём первое свидание с морем.

Варя собралась быстро и вышла во двор. Через некоторое время вышел и Костя. Варя сидела на бревне и разглядывала в большой морской бинокль дом соседа. Костя огляделся. У сарая в специально огороженном месте ходили курочки и петух строго следил за тем, чтобы никто не потревожил его царство. «Наверное, он по утрам кричит, – подумал Костя, – спать не даёт». У гаража – собачья будка. Возле неё дремал Шарик. «Спокойный пёс. С ним можно поладить...»

Он хотел пройти мимо Вари, но она его остановила:

– Кот! Иди сюда! У меня есть идея!

Костя не удивился, что Варя к нему обратилась так же, как и его товарищи в классе. Он привык к этому прозвищу.

– Какая идея? – спросил он с показным равнодушием. – Убить дворника и вывезти мусор?

Эту фразу он слышал от Жоры-одессита, жившего в их подъезде.

– Иди, говорю, – настойчиво позвала его Варя. – Прекрасная идея... Видишь дом нашего соседа?

– Дом как дом. Что в нём особенного?

– А то, что в нём есть какая-то тайна. Не исключено, что там живут привидения! А ещё, может, на их участке зарыт клад! Это очень загадочный, я бы сказала, таинственный дом.

Варя старалась подражать учительнице русского языка и литературы, вставляя её обороты речи: «я бы сказала», «видимо»...

– С чего ты взяла? – спросил Костя.

– Я за нашим соседом уже давно наблюдаю. На работу не ходит. Наверное, нигде и не работает, а дом у него огромный, два этажа! Это тебе не наш сараюшко. И машина у него – иностранный джип. Это тебе не наша «Манечка». Но и этого мало. Он часто ездит на своей тарахтелке...

– Тарахтелке?

– Ну, на мотоцикле. Такой огромный, с хромированными багажником и рулём. На руках у него перстни, браслеты, а сам – настоящий бандит! Одевается в кожаный костюм. Когда приезжает или уезжает, наш Шарик просто беснуется... Лаает... – Но договорить она не успела. Из дома вышли родители.

Свернув по улице в левую сторону, стали спускаться по длинной деревянной лестнице, которая, зигзагообразно ломаясь и обходя скалистые выступы, неуклонно вела к морю.

Вера Николаевна спросила:

– Должно быть, тем, кто живёт пониже, легче ходить на пляж?

– В Греции или на Индийском океане жилые дома строят у самой воды, – ответил дядя Володя. – На Чёрном море такое невозможно. Здесь – чем выше, тем лучше. Потому что Чёрное море имеет буйный характер и здесь бывают такие волны, что любой дом смоят, если он будет стоять слишком близко к воде. Нет уж, лучше сверху наблюдать его в штормовую погоду, чем ждать, что твой дом накроет огромная волна и унесёт в бездну... Крымские чудеса, – продолжал дядя Володя, – это не только побережье, дворцы, горы, перевалы и пещеры... Мы обязательно посмотрим, что они из себя представляют. А водопады! Можно искупаться в ледяной воде и получить вечную молодость! От пьянящего воздуха и запаха леса здесь может закружиться голова. Покой и умиротворение, щебет птиц и журчание чистой реки в ущелье...

– А ты – поэт! – улынулась Костина мама. – Впрочем, может, ты и прав. У нас за те деньги, за которые вы купили этот домик, вряд ли что-нибудь приличное купишь. А природа здесь и правда прекрасная. Воздух, море, тишина!..

Они подошли к воде. Вера Николаевна сразу же сняла с себя лёгкое ситцевое платье и осталась в голубом купальнике. Она подошла к воде и прислушалась к мелодии плеска волн, по которым прыгали солнечные блики. Ветерок шевелил её русые волосы. Она не знала, сколько времени прошло с их приезда. Здесь время теряло своё значение.

К ней подошла Варя. Она тоже сбросила платьице и осталась в пёстром купальнике. Взглянув на небо, помахала рукой облаку, шуря глаза от солнца.

– День сегодня жаркий. Вода тёплая, – сказала тётя Надя. – В Ялте или в Алушке на городских пляжах народа много, негде ступить. А здесь раздолье! Поэтому я и люблю наш посёлок...

Она бросилась в воду и быстро поплыла. Следом – Варя.

Костя с завистью смотрел на них. «Мне бы так научиться!» – подумал он.

Через некоторое время Варя вышла на берег и стала прыгать на одной ножке, наклонив голову, чтобы попавшая в уши вода вылилась.

– А я знаю одно место на скалах, где особенно хорошо, – сказал дядя Володя и увлѣк всех за собой.

И в самом деле: место, куда привѣл дядя Володя компанию, было прекрасным. На огромной скале, выступающей в море, на самом верху была удивительно ровная площадка. Здесь можно было прекрасно расположиться, а виды моря и узкой ленты пляжа отсюда были просто изумительные! Костя тут же стал видеоскателем высматривать кадр. Варя смотрела в морской бинокль вдаль, а женщины расстелили одеяло, спрятали от солнца провизию. Предусмотрительная тѣтя Надя взяла в сумке и что поесть, и что попить. На море аппетит хороший!

– На берегу у скал есть вход в катакомбы, – сказал дядя Володя. – Во время войны, говорят, здесь прятались партизаны. Отсюда они выходили на задания...

Огромные валуны, выросшие в берег, лежали, должно быть, не один миллион лет специально для того, чтобы любители купания располагались на них, перед тем как войти в воду.

На следующий день Костя проснулся в прекрасном настроении под пенье жаворонка и иволги. На мгновенье быстро и широко раскрыл слипавшиеся веки и, глянув на распахнутые окна, снова закрыл. И вдруг его приключения вспомнились ему с необычайной яркостью. В кишках у него заурчало, и он подумал: «Хорошо бы сейчас пирожное с мороженым... да только разве здесь дадут?».

Он сбросил с себя одеяло и в трусах вышел во двор. Солнце уже было высоко и припекало. Шарик лежал у своей будки и даже не взглянул на него. Куры мирно клевали травку

за загородкой. А рядом стоял таинственный дом соседа. «Узнать бы, в чём тайна этого дома, и правда ли, как говорит Варя, там водятся привидения?!».

Костя мечтал о приключениях.

О них мечтала и Варя. Щурясь и сладко вздрагивая, она наслаждалась ярким солнечным светом и полным безмолвием, чувствуя, как стремительно растёт её уверенность в себе...

На утренней зарядке, которую дядя Володя проводил с ребятами прямо в саду, Костя ни о чём другом думать не мог. «Что же, в самом деле, творится в том доме? Ведь не привидения же в самом деле там обитают!» Он не боялся привидений, хотя и встречаться с ними не хотел.

После зарядки дядя Володя специальным черпаком вылил холодную воду на его спину. Костя умывался быстро, громко фыркая и визжа. Варя к таким процедурам привыкла. Но и она старалась побыстрее закончить их.

Вытираясь большим махровым полотенцем, Костя остановился возле кустов шиповника: «А может, там прячут клад? Или другую какую тайну?! А что, если он – шпион?! С войны остался здесь секретным агентом».

Он встревоженно вздрогнул и досадливо поморщился.

После завтрака Варя вышла во двор и поманила Костю за собой:

– Давай обсудим план нашего предприятия. Время у нас пока есть, хотя его и немного... Главное – добиться, чтобы никто раньше времени не узнал о наших намерениях...

Но её слова услышал дядя Володя.

– Чего ты ещё придумала? Всё в привидения играешь?

– Ни во что я не играю! – смутилась Варя. – И не игра это вовсе. Ты мне всё перебил! Я такую хорошую историю хотела сочинить!

– Обманывать нехорошо!

– А я вовсе не обманываю, я выдумываю! Ну, хорошо! Пусть это у нас будет такая игра! И вообще, нехорошо подслушивать!

Тётя Надя уехала на работу на целые сутки. Зато дядя Володя взял положенные ему за сверхурочную работу отгулы, чтобы уделить гостям больше времени.

Мама и дядя Володя дали команду: на море!

– Сегодня я буду тебя учить плавать, – заявила Варя и пошла переодеваться.

Прошло всего несколько дней, а гости ощутили, что живут не в городской квартире, а в прекрасном месте, откуда до моря – всего-ничего! По специально сколоченным деревянным лестницам они спускались к воде за пять минут. Назад же нередко шли по дороге. Чуть дальше, но зато не нужно подниматься по крутым ступенькам.

3. Костя сделал для себя настоящее открытие: оказывается, время здесь течёт с разной скоростью. Иногда оно долго тянется, особенно когда нечего делать и он не знает, куда себя деть. Но бывает, мчится быстро, и он не успевал по-настоящему насладиться морем или игрой, а нужно уже идти домой.

Через несколько дней Костя пересмотрел своё отношение к Варе. Как оказалось, она не такая уж плохая. Только выдумщица большая и любит командовать. Но он признавал за нею это право. Она действительно старше его, хорошо плавает, и... с нею интересно.

– Я нашу Мурку люблю! – сказала Варя, когда после обеда они стояли в саду и внимательно разглядывали дом соседа. – Та-скаю её на руках. Замучила, бедную. Поворачиваю лапами вверх и глажу по животику! А она мурлычет, песенки поёт. Ну, ты скажи, кому не понравится, когда его по животу гладят?! А вот с Шариком у меня взаимная неприязнь. Его я точно уж не поглажу. За

что-то он на меня обижается, и когда я к нему подхожу – рычит... Нет, с ним лучше не связываться! – Она передала бинокль Косте: – Погляди. В доме никого нет. Вот бы залезть туда, посмотреть, что же там за тайна. Может, и привидения встретим.

– А кто на другой стороне улицы живёт? Там домик совсем дряхлый и тоже никого не видно.

– Там бабка с морщинистым лицом и хриплым голосом живёт с дедом-алкашом. Бывшая фронтовичка. Говорит, что во время войны была снайпером... В День Победы прикрепляет на платье ордена и медали и едет в Севастополь. Одна. А в остальные дни роется в мусорных жбанах, собирает бутылки и пивные банки.

Костя внимательно рассмотрел домик напротив, но, так ничего и не увидев, передал бинокль Варю.

– Если и лезть в этот таинственный дом, нужно быть очень осторожным. А вдруг придёт хозяин? Что мы ему скажем? – рассуждал Костя.

– А представь, что ты – настоящий кот, – наставляла Варя, – каких много даже в нашем небольшом посёлке. Кот с коготками и хвостом! Мы должны передвигаться бесшумно, а если что – спрятаться, притаиться! К тому же этот тип уехал на своей тарахтелке, так что мы услышим, когда он приедет...

Но Костику было не по душе предложение Вари, и он постарался сменить тему разговора.

– Ты как-то говорила, что вы иногда с папой ходите на море ночью. Зачем? Ведь днём интересней. А ночью вода чёрная, всё вокруг тёмное, да и как подниматься ночью по лестнице. Можно и голову свернуть... И купаться, наверное, страшно: а вдруг какое-то чудище вынырнет из воды и утянет тебя?!

– Ничего ты не понимаешь! Ночью вода в это время года горит...

– Не придумывай! Как может вода гореть?

– Не знаю... Папа говорит, в это время года каких-то бактерий светящихся в воде много. Впрочем, увидишь сам. Папа

обещал сегодня вечером с нами пойти на море.

Костя представил себе, как горит вода и её нечем тушить, потому что огнём нельзя тушить огонь.

Так ничего и не поняв, он снова стал рассматривать загадочный дом соседа. Косте воображались страшные привидения, пираты, сундук с награбленным добром и Кашей Бессмертный, который стережёт его. И они с Варей – охотники за тайной этого Кашея. В доме том почему-то мебель всякая свалена в кучу, и они пробираются сквозь дебри домашней рухляди, как через замшелые валуны, буреломы, тропы хищного зверья. Здесь опасно и следует остерегаться...

Костя двигался бесшумно, как Варина сибирская кошка Мурочка, а она притаилась за каким-то шкафом и одобрительно ему кивает, мол, здорово, молодец!

После ужина, уступая настойчивым просьбам ребят, дядя Володя взял свой электрический фонарик, предупредил Варю и Костю, чтобы далеко в воду не заходили, и они направились к морю.

Стояла тихая лунная ночь. По просьбе Костиной мамы они пошли не по лестнице, а по дороге.

– Это чуть дальше, зато не так опасно, – объяснила Вера Николаевна.

Они медленно шли между деревьями и кустарником по извилистой дорожке, ведущей к морю. Стрекотали цикады. Вдоль дороги стояли домики, в окнах которых горел свет. Из полутёмных свинарников доносились томные свинячьи визжания и довольное хрюканье кабанов. Варя посмотрела на звёздное небо и улыбнулась. Ей казалось, что этот лунный свет наполняет её богатырской силой и храбростью. Она взглянула на брата. Он сосредоточенно шёл рядом.

Дядя Володя о чём-то разговаривал с Костиной мамой. Потом, уже подходя к пляжу, громко произнёс:

– Так. Слушай мою команду. Время пребывания в воде не более десяти минут. Далеко не заплывать. Я понимаю, что Костя уже уверенно держится на воде, но это касается не только его, но и тебя, дочь.

– Я уже и отдыхать на воде умею, – сказал Костя. – Ложусь на спину и лежу.

– Это прекрасно, но ночью будете в воде не более десяти минут, – повторил дядя Володя.

Наконец они спустились к морю. Варя недолго думая бросилась в воду, и в тот же миг искры огоньков отметили её след. Огоньки рассыпались при каждом взмахе её рук, и Костя зачарованно смотрел на это чудо природы.

– В это время года у нас вода фосфорится, – пояснил Косте дядя Володя.

Костя снял шорты и медленно пошёл к воде. Она была тёплой, и он резко присел, окунулся с головой, а потом поплыл, широко размахивая руками и старательно работая ногами. Огненные брызги разлетались в разные стороны.

– Красота! – воскликнул он, и ноги его коснулись скользкого камня, на который он и стал. – Здорово!

У Кости было прекрасное настроение, ведь они ещё совсем недолго здесь, а он уже научился плавать! Как это здорово, что у них есть такие родственники! У многих ли ребят в их классе есть дядя – капитан дальнего плавания?!

– А вы знаете, почему нашу бухту жители называют Красной? – спросил дядя Володя, когда они не торопясь возвращались домой.

– Потому что осенью листья деревьев здесь становятся красными, а летом много красных цветов? – высказал догадку Костя.

– Осенью листья здесь больше желтеют, впрочем, как и в других местах. И цветы растут везде, – возразил дядя Володя. – А ты что скажешь? – обратился он к дочери.

– Не помню, – смутившись, ответила Варя. – Назвали и называли! Этим словом называли многие места. Я смотрела по географической карте. Под Сочи есть Красная Поляна...

– А ещё Краснодон, Краснодар... – вставил Костя.

– Нет, ребяташки, – сказал дядя Володя. – Жители назвали эту бухту Красной потому, что во время Отечественной войны вода была в море у берега красной от крови наших моряков – защитников Севастополя.

Костя представил себе, как в море погибали моряки, отстреливаясь от фашистов. И как после этого в этом море плавать?! Может, здесь и погибли их прадедушки?

На следующий день с утра море было беспокойным. Поднялся ветер, и большие волны с грохотом обрушивались на скалистый берег. В тот день они на море не пошли. Сидели с Варей в саду. Делать было нечего, время тянулось медленно. Потом встали на бревно, лежащее у забора, и смотрели на беспокойное море. Вдалеке виднелась яхта, которая шла в сторону Ялты. Её раскачивало на волнах, и им казалось, что ещё немного, и она перевернётся. На яхте спустили паруса и поставили её носом к волне.

– Посмотри! Они спустили паруса! – воскликнул Костя.

Варя взяла бинокль, посмотрела и со знанием дела заметила:

– И правильно, а то ветер их может перевернуть. Теперь поплывут на моторе.

И действительно, вскоре яхта быстро скрылась за горизонтом.

– Два раза в день к нам заходит прогулочный катер, – сказала Варя, передавая бинокль Косте. – Он идёт из Ялты в Севастополь, а вечером возвращается в Ялту. По дороге заходит в разные посёлки. Ты видел у нас на пляже пристань. Туда он и пришвартовывается. Но мы с папой ещё ни разу не ходили на нём в Севастополь. Должно быть, классно! Люблю море. Когда вырасту, тоже буду плавать на кораблях. И моя мама плавала с папой. Она работала фельдшером на их судне.

– А как назывался корабль, на котором плавал твой папа? – спросил Костя.

– «Михаил Шолохов». Но я на нём никогда не была. Только на фотографии видела. Папа его называет сухогрузом. Они перевозили грузы в разные страны. На этом пароходе специальные краны, которые поднимают контейнеры, бочки, мешки с цементом... А на корме была надстройка, в которой рубка и каюты матросов.

– Я видел такие у нас на Дону. Их называли баржами.

– Так то – речные...

– Нет, – ответил Костя. – Мама говорила, что эти баржи могут ходить и по реке, и по морю.

– Так у вас же моря нет! – воскликнула Варя.

– Ничего ты не понимаешь! – ответил Костя. – Почему Москву называют портом пяти морей? И Ростов наш связан с морем. По Дону корабли идут в Азовское море, потом – в Чёрное. А отсюда – плыви хоть в Америку, хоть в Европу по Средиземному морю! Я по карте смотрел!

– Может, ты и прав, только папин сухогруз в вашей реке сел бы на дно.

– Так я говорю о специальных пароходах, которые могут плыть и по реке, и по морю...

Они ещё долго обсуждали преимущества таких судов, которые способны плавать и по реке, и по морю. Потом Костя мечтательно сказал:

– Хорошо бы и машину такую иметь, которая бы ездила по дорогам, а когда нужно, могла бы подняться в небо, как самолёт, или поплыть по воде, как катер! Такой машине никакие дорожные пробки не страшны!

Варя вынуждена была согласиться:

– Хорошо бы...

После обеда все уселись в гостиной. Внезапно стало пасмурно, небо заволокло низкими и лохматыми тучами, по-

слышались раскаты грома, заколыхались занавески на окнах. Протяжно и жалобно завыл Шарик.

Гроза обходила стороной; сверкало и громыхало южнее. Вершины деревьев гнулись от порывов ветра.

– Когда приехали сюда, – сказала тётя Надя, – как раз зацвели вишни, скворцы пели... Мне казалось, что я самая счастливая женщина на свете. Да только некогда эту красоту разглядывать. В прошлом году взяла полторы ставки. Считай, полмесяца провела на «Скорой». А придёшь домой – постирать нужно, сварить... Если мужика не кормить – сбежит! Так что – не до красот!

В комнате стало темно и прохладно, порывистый ветер колыхал портьеры. Тётя Надя встала и закрыла окна.

– У, как разыгралось... Ты помнишь, какая буря была, когда мы окончили училище и собирались устроить выпускной бал в парке Горького? Буря была такая, что пришлось устраивать вечер в какой-то забегаловке... Никогда не забуду...

– А я помню плохо. Так уж устроена у меня память, что плохое рано или поздно забывается. Иногда прошлое приходит ко мне во сне. Но это бывает не часто.

Костя сидел на диване и думал, что и ему что-то всегда снится, но утром он никак не может вспомнить, что именно. Но однажды, это было непосредственно перед поездкой в Крым, ему приснилось, будто он летит в безмолвном космосе и только звёздное небо вокруг. Ещё немного, и он должен превратиться в одну из звёздочек на чёрном небосклоне. Он летел в сторону Солнца, и звёзды своим светом указывали ему путь. Он тогда жалел, что в этом полёте был один! Было бы здорово, если бы рядом летела мама, все его друзья! Одному лететь неприятно.

Варя грустно смотрела в окно.

– Это надолго, – сказала она. – А завтра море будет грязным...

– Почему ты так думаешь? – удивился Костя.

– После дождя море всегда мутное. С гор стекают ручьи, которые несут с собой всякие коряги... И все они втекают в море.

– И долго оно будет грязным?

Варя пожала плечами, а за неё ответил дядя Володя.

– Дня два. Потом само очистится...

– Здорово! Море само умывается и становится чистым...

Костина мама села на диван, поджав под себя ноги.

– Что-то прохладно стало.

– Я сейчас тебе принесу плед. Укутайся! – сказала тётя Надя и вышла из комнаты.

И в это время раздался звонок.

– Кто бы это мог быть? – удивился дядя Володя. – В такую погоду что ещё делать, как не в гости ходить!

Он встал и пошёл открывать дверь.

В комнату вошёл высокий мощный мужчина лет сорока с гладко зачёсанными чёрными волосами, собранными резинкой в «хвост». Лицо живое, в зелёных глазах – насмешка. Массивный браслет из белого металла блестел на левой руке. На пальце – перстень с чёрным камнем. На шее – массивная цепь. Вид у него был, как у бандита с большой дороги.

– Мне бы такие волосы, – шепнула Костику Варя. – Это и есть наш сосед из дома с привидениями.

Костик смотрел на него и не понимал, как это взрослый мужчина не стесняется носить косичку.

Странное дело: на улице лил дождь, а мужчина был совершенно сухой.

– Здравствуйте, соседи дорогие! – сказал мужчина и улыбнулся. – Не знал, что у вас гости. Хотел продолжить наш разговор, но, видно, придётся его отложить...

– Отчего же, – сказал дядя Володя. – Присаживайтесь. С чем в этот раз пришли, Николай Сергеевич?

Костя понял, что дядя Володя хорошо знал соседа.

– Да всё с тем же, – откликнулся тот. – На южной стороне нашего посёлка продаётся хороший дом с большим участком. И к морю там не нужно спускаться по лестницам. Я готов

купить вам его, чтобы вы мне уступили свой участок...

– Так дом же у нас небольшой. Сами видите, – сказала тётя Надя. – Зачем вам понадобился наш дом?

– Дом мне не нужен, – ответил сосед. – Мне участок нужен. Хочу здесь построить часовенку с колоколами. Мой дед погиб здесь...

– Дорогой Николай Сергеевич! Я же сказал, что продавать свой дом мы не будем. Это решение окончательное.

– А почему бы вам на своём участке не построить эту часовенку? – спросила тётя Надя. Видно было, что ей неприятен этот разговор.

Сосед оглядел присутствующих и остановил взгляд на Костиной маме, точно пытаясь именно в неё найти сочувствие. В комнате воцарилась тишина, лишь часы на стене мерно отсчитывали секунды.

– Построить часовню я могу и на своём участке, – тихо ответил он. – Только для этого мне нужно будет сносить гараж и другие хозяйственные строения... Жаль. Мне казалось, что дом, который для вас приглядел, и больше, и участок расположен в удобном месте. Но нет так нет...

Он хотел уже встать, но его задержал дядя Володя:

– Да посидите вы! Дождь на дворе... Соседи, а почти ничего не знаем друг о друге!

– Соседи... – кивнул он. – Что вы хотите узнать обо мне?.. Бывают события, которые врываются в нашу жизнь и всё меняют. Смерть жены и сына изменили мою жизнь. После всего, что произошло, мне жить не следует. Но живу... в разорённой тишине. Раньше жил, придавал пустякам надуманную важность, боялся лишний раз сказать жене, как она мне необходима. Времени не хватало... Они погибли в автомобильной катастрофе. Машина, на которой ехали, не вписалась в поворот и сорвалась в пропасть. Сыну было шесть лет...

– Давно это случилось? – спросила Костина мама. В голосе её слышалось столько сострадания, что сосед взглянул на неё с благодарностью и ответил:

– Два с половиной года назад, зимой. Дорога была скользкой, а таксист – неопытный молодой парень.

– Он тоже погиб?

– Погиб...

– Мы этого не знали, – сказала тётя Надя. – Время лечит... Вы ещё молоды...

Николай Сергеевич с грустью взглянул на Надежду Николаевну и тихо сказал:

– Никого оно не лечит! Это всё сказки для утешения!

Чтобы сменить тему, дядя Володя спросил:

– А чем сейчас занимаетесь? Жить-то нужно!

– Нужно... Только не знаю, зачем, – ответил Николай Сергеевич. – Я – художник, реставратор. Пишу картины, реставрирую старые полотна, иконы. Вот уже два года работаю над панорамой обороны Севастополя. Работа меня и держит на этом свете... – Потом спросил у дяди Володи: – А вы откуда? Как попали в наши края?

– Я плавал капитаном. Потом получил инвалидность, списали на берег. Жили мы во Владивостоке, а жена с этих мест... ну, не совсем с этих... но там оставаться не хотела. Вот и приехали сюда... А это её родная сестра, живёт в Ростове. Они – близняшки.

– Понятно... – Николай Сергеевич снова взглянул на Веру Николаевну. – Отдохнуть приехали?

– Да... В Ростове моря нет... Да и разъезжать по границам и санаториям мы не можем... А здесь лучше любого санатория!

– Это правда! Если хотите, я вам такие места покажу!

– Вы же работаете! К тому же у нас в планах поехать в Севастополь. Здесь при обороне Севастополя и погибли наши душишки. Нужно положить цветы...

– Тем более! Я вам покажу то, что сами вы не увидите. Я ведь этим занимаюсь профессионально. А то, что вы не можете позволить себе поехать в санаторий, что же здесь удивительного? В мире всё поделили и жирные куски достались тем, кто способен на жестокость. И хотя они живут весело и богато, но недолго. Их убивают или конкуренты, или свои же от страха перед ними. А я... Что я?! Продаю свой труд. Рисую... А если и торгую, то не краденым бельём, а иконами. Раньше ходил по вернисажам, тусовался в богемной кутерьме художников... Но всё в прошлом. С большим удовольствием гоняю на мотоцикле. Навстречу ветру...

Как оказалось, Николай Сергеевич был весёлым, добрым и образованным человеком. Окончив исторический факультет университета и художественное училище, он работал реставратором в Ялтинском музее. Природа не обделила его талантом. У него профессия совпала с призванием. Он рисовал пейзажи – горы, лес, море. Но более всего увлекали его темы героической обороны Севастополя. Иногда он и сам не верил, что всё это вышло из-под его кисти. Он пользовался заслуженным авторитетом, не единожды организовывал выставки в Ялте и Симферополе. Для заработка иногда реставрировал старинные картины, иконы. К нему приходили разные люди, заказывали портреты. Как правило, он не отказывался от таких работ. Кроме этого увлекался ездой на мотоцикле. Вообще любил транспорт. Среди местных байкеров считался своим человеком. Когда ездил на мотоцикле, любил облачаться в кожаные одежды, на которых блестели его металлические украшения.

– Завтра покажу вам свой дом и то, над чем сейчас работаю, – сказал Николай Сергеевич и впервые за вечер улыбнулся. – Обычно я никому не показываю неоконченную работу, но для вас сделаю исключение. Мне будет интересно услышать ваше мнение.

4. Костя пребывал в плохом настроении. Болела голова так, что даже завтракать не хотелось. Всю ночь по окну стучал дождь, но утром небо было чистым. Ни облачка. Солнышко и лёгкий ветерок быстро высушили лужицы, как будто и не было той бури и дождя. К причалу пришвартовался прогулочный катер, направлявшийся в Севастополь, и Костя подумал, что если они катером будут ехать, придётся рано вставать.

С пристани доносились звуки музыки...

«Там у них весело, а у меня, как назло, голова болит», – подумал Костя.

Закончив умываться, Варя подошла к Костику.

– Как оказалось, наш сосед не такой уж и бандит, – сказала она с сожалением. – Но это ещё не значит, что в доме его нет привидений! Надо бы обследовать замок.

– Но он же сегодня обещал нам показать свой дом и мастерскую! Вот и посмотрим, где там могут прятаться привидения!

– Ты что, совсем ничего не понимаешь? – воскликнула Варя. – Привидения же невидимые! Где ты их обнаружишь?!

– Так что же ты хочешь посмотреть? – удивился Костя.

– Может, ты и прав. Только всё равно интересно! – сказала Варя, и они пошли в дом.

После завтрака Варя предложила поиграть «в города». Она называла город, а Костя должен был назвать следующий, который бы начинался с последней буквы названного Варей. Впрочем, Косте эта игра показалась скучной. Он не мог соревноваться с сестрой. Географию она знала лучше его.

Потом Варя принялась читать книжку, а Костя стал рисовать оборону Севастополя. На его картине, нарисованной цветными карандашами, было видно, как нелегко приходилось защитникам Севастополя. Стояла промозглая, дождливая и ветреная ночь. Бойцы, измотанные последними днями непрерывных боёв, спали кто где, а в самом низу, у моря, так же дремал

подбитый врагами катер, который не пошёл под воду, потому что был у самого берега. Дождь хлестал непрерывно уже с неделю, и никто не знал, когда он прекратится. По чёрному небу блуждали прожектора. Вдалеке слышны были уханье пушек, разрывы гранат. Где-то рядом шёл бой. У наполовину разрушенного дома, прижавшись к стене, стоял окровавленный матрос, сжимая в руках отобранный у фашистов автомат...

Костя всё это представлял настолько ясно, что готов был сейчас же броситься на помощь нашим морякам.

Он показал картинку сначала маме, потом дяде Володе и тёте Наде. Последней стала рассматривать Костину работу Варя. На удивление, она отнеслась к ней очень серьёзно, только заметила:

– Хорошо бы показать нашу уверенность в победе, веру в то, что она будет за нами.

– А как это показать? – удивился Костя. – На самом же деле наши сдали Севастополь. Победа будет потом. А здесь они просто героически защищают город.

– Не знаю, как показать, – сказала Варя, – может, смертельно раненный матрос держит знамя. Его поддерживает другой матрос и подхватывает знамя...

– Да, это было бы здорово, если бы получилось нарисовать. Я попробую...

Костик взял рисунок и направился в свою комнату дорисовывать на картине знаменосца.

– Ты покажи Николаю Сергеевичу, – крикнула вслед Варя. – Он – художник. Может, и правда у тебя талант?!

Часов в одиннадцать к ним пришёл сосед. Сегодня он был одет в синий спортивный костюм, на котором белой краской был нарисован волкодав с открытой пастью, а под рисунком что-то написано на иностранном языке.

– Добрый день, соседи дорогие! Я обещал показать свой дом и то, над чем сейчас работаю. Буду рад это сделать

и удовлетворить любопытство ребят. Я заметил, что они подолгу рассматривают мой дом...

– А что? – смутилась Варя. – Необычный дом. Такого я не видела в нашем посёлке. Не дом, а настоящий замок. В таком и привидения могут быть...

– Привидения? – удивился сосед. – Может, и есть, только я их не видел. А дом построен по моему эскизу. Хотелось сделать его красивым и удобным. Только тогда ещё не было таких строительных технологий, и все материалы у меня самые обычные. Так пойдём, что ли? Идти недалеко.

Все направились смотреть дом соседа.

Это был необычный дом. На огромных окнах кованые решётки. Большая стеклянная веранда. Мансарда с балконом.

В гостиной преобладали белые и чёрные цвета. В кадучке, украшенной чеканкой из меди, росла развесистая пальма. На стенах – картины. Живописные полотна были столь темны, что содержание их трудно было разобрать. Совершенно чёрной была мягкая мебель. В углу стояло огромное тяжёлое дубовое кресло с высокой спинкой, на которой блестел золотом оскал волкодава. Окна с сетками от мух были распахнуты, а тёмно-зелёные шторы задёрнуты. Антикварная мебель чернела по углам и вдоль розоватых стен. Старые картины тускло мерцали тяжёлыми рамами. Лишь потолок с лепниной был белым. Несколько дверей выходили из зала в смежные комнаты.

Они вошли в кабинет хозяина. Громадные стулья, массивный письменный стол и причудливый книжный шкаф удивили ребят. Вдоль стен стояли мягкие чёрные диваны и кресла; на потолке – хрустальная люстра. Кресло у стола вращалось и было украшено, подобно трону, изображением раскрывшего пасть волкодава. Тут же стоял компьютер с лазерным принтером...

Варя, молча взирая на Костю, уселась в дубовое кресло и почувствовала себя на королевском троне. В прохладном помеще-

нии из окон доносилось пенье птиц.

– Красиво, ничего не скажешь. Чувствуется стиль, – сказал дядя Володя.

– А мне кажется, что здесь всё очень мрачно. Действительно, всё шикарно, ухожено, но цветовая гамма совсем мрачная.

– Вы правы, но обустроивал я дом вскоре после гибели жены и сына. Так уж получилось...

– Ничего. Жизнь продолжается, – сказала тётя Надя. – Придёт новая хозяйка, и цвета можно будет поменять на более жизнерадостные...

Всё в доме было необычным. Зеркала в красивых рамках с позолотой, в шкафу – книги в тёмных переплётах с золотым тиснением, большие напольные часы с боем...

Костя и Варя с интересом рассматривали убранство мрачных комнат.

«Может, он и богач, даже олигарх, но со вкусом у него нелады. Ему бы нашу тётю Веру пригласить, она бы преобразила эту мрачную комнату!» – подумала Варя.

Подойдя к окну, она отдернула шторы и посмотрела на запущенный сад, на пруд с тиной и забор, отделяющий их участок от этого. У забора за домом видны сложенные и укрытые разной рухлядью кирпичи, доски. А вдалеке было видно море. Оно было тёмно-синим, а над ним голубое-голубое небо. На высокой мачте в углу двора трепетал флюгер, и высоко в небе летел самолёт, оставляя белый след за собой.

Ребята с интересом рассматривали каждую комнату, картины на стенах. Их охватило веселье, и захотелось озорничать, петь, прыгать. Ведь они всё-таки узнали тайну этого дома! Но они никому не будут об этом рассказывать, потому что тайна на самом деле оказалась совсем не тайной!

Широкая лестница вела на второй этаж, где и располагалась мастерская хозяина. В огромной светлой комнате с окнами, завешенными серебристыми портьерами, на стенах, на полу, на

мольбертах лежали и висели картины. На стеллажах стояли старинные иконы без богатых окладов и выглядели обыкновенными бурыми и коричневыми дощечками. Пахло масляными красками и олифой. . .

Все столпились у огромной картины, занимающей всю стену.

– Это и есть полотно, над которым я сейчас работаю. Это лишь фрагмент панорамы. С самого начала войны фашисты стали бомбить Севастополь, – стал рассказывать Николай Сергеевич. – Наши артиллеристы-зенитчики отбили атаку. Жители за короткое время организовали три рубежа обороны с дзотами и другими оборонными сооружениями.

– Вы так подробно знаете историю обороны Севастополя?
– удивилась Костина мама.

– Я около двух лет работаю над этой темой. Изучил множество материалов.

– Нам повезло с гидом.

– Повезло, – кивнул он и продолжал: – В конце октября было введено осадное положение. Тридцатого октября тысяча девятьсот сорок первого года началась героическая оборона Севастополя! Она продолжалась до четвёртого июля тысяча девятьсот сорок второго года!

– Восемь месяцев были здесь фашисты, – быстро подсчитала Варя. Костя молча смотрел на картину и представлял, как по дороге идут фашисты, а он, спрятавшись за скалой, стреляет по ним из автомата.

– Наши героически защищались. Например, краснофлотец Иван Голубец ценой собственной жизни спас боевые корабли и их экипажи в Стрелецкой бухте. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Рабочие под обстрелом врага ремонтировали корабли, сделали два бронепоезда, построили плавающую батарею, которая надёжно прикрывала город от налётов фашистов с моря. В горных штольнях на берегу Севастопольской бухты делали боеприпасы, шили одежду для защитников. Тут же

лечили больных и раненых, ели. В штольнях работали детские сады и школы!

Костя представил, как он бы ходил в школу, которая расположена в пещере. Там, наверху, идёт бой, а он под землёй решает задачку по арифметике!

– Наши корабли прорывались к осаждённым севастопольцам, доставляли пополнение, боеприпасы, продукты и увозили раненых, стариков, женщин и детей. Вели артиллерийский огонь по фашистам.

И снова Костя представил себе, как он на корабле стреляет из зенитки по фашистским самолётам, а на палубе стоят и сидят старики, старушки, дети, и все смотрят, как он геройски воюет с фашистами.

А Варя спросила:

– Я слышала, что город почти весь был разрушен. А где же жили люди, которые не смогли эвакуироваться? Не все же ушли в штольни?! И почему своевременно не вывезли из города ценности?

– Фашисты разбомбили панораму «Обороны Севастополя», – сказал Николай Сергеевич, – но живописное полотно спасли и вывезли на эсминце «Ташкент» на Большую землю. Что успели – из Севастополя вывезли.

– Но раз мы такие сильные, почему же сразу не прогнали фашистов?

– И фашисты, Костик, были сильны. Завоевали много стран в Европе. Но всё же здесь гитлеровцы понесли огромные потери. В честь защитников Севастополя сделали даже специальную медаль «За оборону Севастополя».

– А сколько советских людей погибло, – грустно сказала Варя. – Наши прадедушки тоже здесь где-то погибли.

– Да, ты права, – согласился Николай Сергеевич. – Во время оккупации фашисты уничтожили много наших людей: расстреливали, сжигали, топили в море, угоняли в Германию... Но

севастопольцы не прекращали борьбу. Освободили Севастополь от фашистских захватчиков в мае тысяча девятьсот сорок четвёртого года. А в тысяча девятьсот сорок пятом году Севастополь был назван городом-героем.

Они ещё долго смотрели на эту картину, а дядя Володя задумчиво сказал:

– Память времени – история. Потому-то мы не можем забыть ту страшную войну, унёсшую миллионы жизней. Она коснулась каждого: кто-то сражался с оружием в руках, кто-то перенёс ужасы оккупации, кто-то трудился в тылу, приближая нашу Победу, кто-то оплакивал погибших...

Костя был под впечатлением от увиденного и рассказанного. Он словно стал взрослее.

Мама Кости тихо сказала:

– Прошло столько лет... Мы с сестрой своих дедушек знаем только по фотографиям. Замечательно то, что вы делаете, чтобы сохранить память о тех, кто защищал нашу Родину. Это нужно не только нам, прямым потомкам, но и всем людям на земле. Наши деды погибли смертью героев, спасая нас...

– Потому и хочу построить часовню с колоколами... Снесу гараж, сарай и обязательно построю... – сказал Николай Сергеевич.

– В течение жизни человек сталкивается с трудностями и преодолевает их, – философски заметил дядя Володя. – Иногда мы проявляем слабость и тогда страдаем. Помните, как у Шекспира:

*С приливом достигаем мы успеха.
Когда ж отлив наступит, лодка жизни
По отмелям несчастий волочится...*

– Наверное, вы правы. К тому же великое благо – иметь хороших соседей, – ответил Николай Сергеевич.

– У человека всегда есть свобода выбора, и от того, какой выбор делает он, зависит, будет ли он счастливым или нет, – добавила мама Кости. Потом, уже, обращаясь к детям, продолжала: – Но для того, чтобы правильно прожить свою жизнь, вы должны знать, чего хотите. Нужно уметь ставить перед собою цель и идти к ней. Это важнейшее условие успеха. А пока ваша цель – хорошо учиться!..

Потом гости спустились снова на первый этаж и Николай Сергеевич пригласил всех к столу.

– Вы у меня первый раз в доме, и я приглашаю вас отметить это событие. У меня есть пара бутылочек настоящего французского каберне. Приятель презентовал. А детям – лимонад и фрукты.

– Как-то неловко, – замялась тётя Надя. – Да и полезно ли днём пить вино?..

– С древних времён этому вину приписывались лечебные свойства. В качестве лекарства оно применялось в Китае и Древнем Египте за две тысячи лет до нашей эры. Гиппократ им лечил своих пациентов. Употреблять вино нужно в разумных пределах. От двух бутылок будет только польза.

Все сели к столу, на котором уже стояли вазы с фруктами, лимонад и вино. На отдельной тарелке тонкими ломтиками нарезанный сыр..

Николай Сергеевич открыл лимонад и налил ребятам. Потом штопором открыл бутылки и разлил вино в фужеры.

– Я предлагаю выпить за дружбу, – сказал он. – Это большое счастье, что у меня такие соседи...

Все выпили и потом стали о чём-то говорить, но к разговору взрослых Костя уже не прислушивался.

Его занимали мысли о том, сможет ли он научиться рисовать так, как рисует этот дядя Коля? Прежде чем взяться за кисти и краски, он глубоко изучает всё, что хочет нарисовать... «Вот ведь и на моём рисунке Варя заметила важную деталь... Как же я сам до этого не додумался?!»

Потом взрослые стали говорить о последних событиях в России и в Украине. Дядя Володя сказал, что старается даже не думать об этом. Костина мама рассказала о том, что жить в России становится всё сложнее. После выборов народ разделился на сторонников и противников правительства. Общество поляризуется: между уровнем жизни богатеев и простых людей – пропасть! Но и оппозиционеры всё больше болтают. Говорят о повышении зарплат бюджетников, а при этом снимают все губернаторские надбавки, и люди стали получать меньше, чем получали. Говорят о сокращении аппарата, а, например, директор филармонии, получив должность, назначила себе семерых заместителей!

– Поэтому, – закончила свой рассказ Костина мама, – я стараюсь не слушать по радио политическую трескотню.

– Недавно мне мой приятель, школьный учитель математики Борис Вольфсон, рассказал анекдот, – улыбнулся Николай Сергеевич. – Летят навстречу друг другу стаи воробьёв. Одна из Европы, другая из России. Сели на провода передохнуть. Первая стая говорит: «В Европе клевать нечего, там настолько чисто убирают поля, что ни зёрнышка не отыщешь. Голодно». Вторая стая откликнулась: «В России жратвы – завались. Половину урожая на полях оставляют, а когда вывозят его на ток, вторую половину оставляют на дороге. Ешь – не хочу». – «Что же вы тогда летите в Европу?» – спросили первые. – «Да почирикать охота». Так что чирикают... хотя сейчас это небезопасно. Скоро станет не каждому воробью по карману чирикать. Могут и посадить в клетку. Соколом, увы, рождается не каждый! Борис Ильич – сокол, а я, скорее, – воробей. У меня есть любимое дело, которое стараюсь делать как можно лучше. Не до чириканья! Поэтому держусь подальше от политики...

– Напрасно вы себя так оцениваете, – сказал дядя Володя. – Каждый должен делать своё дело, и тогда чирикать не надо будет...

После того как было выпито вино, Николай Сергеич принёс мороженое. Этим он полностью покори́л Костика. Мороженое он очень любил!

Провожая гостей, Николай Сергеевич вдруг спросил Костину маму:

– Я слышал, что вы собираетесь поехать в Севастополь. Если не возражаете, я буду вашим гидом. Покажу вам много интересного.

Дядя Володя воскликнул:

– Вот хорошо! Мне завтра нужно быть на работе, и я не смогу составить компанию. Поезжайте на катере. Получите большое удовольствие.

– Я собирался их прокатить на машине. В Севастополе придётся много ходить... Впрочем, на катере так на катере. Только тогда вам нужно будет рано вставать. Катер отходит ровно в восемь утра.

– Конечно, на катере, – проголосовали за морскую прогулку Варя и Костя. – В восемь так в восемь. В половине восьмого мы будем готовы.

5. Когда на следующее утро Николай Сергеевич проснулся, он подумал: «Неужели это конец моей холостяцкой жизни? Дом построил. Живи – не хочу! Но мне всё время не хватало хозяйки в доме и сына, которому можно было бы передать себя!».

После прохладного душа он стоял перед зеркалом и придирчиво рассматривал белый просторный костюм, светло-голубую шёлковую сорочку и летние туфли из бледной телячьей кожи. «Так, наверное, и должен выглядеть жених, – подумал он. – Прости меня, Галочка, но жизнь моя продолжается».

Вдруг он услышал лай соседской собаки и выглянул в окно. «Вышли... Пора и мне выходить!».

Николай Сергеевич подошёл к Вере Николаевне и детям.

– Здравствуйте! Готовы? – спросил он. – Ну, что ж, тогда вперёд к пристани.

Они вышли со двора и направились по дороге к причалу. От вчерашнего дождя и следа не осталось. Приятный лёгкий ветерок развеивал волосы Веры Николаевны.

– Я бы ваш портрет написал. Уж очень вы мне нравитесь...
– Сказал и смутился.

Вера Николаевна действительно была очень красива. Одета в лёгкое платьице, на ногах – светлые босоножки. Русые волосы её ниспадали до плеч. Маленький ровный носик, большие серые глаза в обрамлении длинных чёрных ресниц, маленькие пухленькие губки. Рубиновые серёжки. Ногти её рук и ног были тщательно отполированы и покрыты розоватым маникюрным лаком. Но грима и макияжа не было на её лице. На левой щеке расположилось небольшое родимое пятнышко.

– Спасибо, – тихо проговорила Вера Николаевна. – И вас не смущает моя красная метка?

– Красная метка? – не понял Николай Сергеевич.

– Моя родинка, – пояснила Вера Николаевна. – Такая же точно есть и у моей сестры. Нас даже мать иногда путала.

– Ну что вы?! Она очень даже симпатичная. Знаете, как поётся:

*На щёчке родинка,
а в глазах любовь...*

Вера Николаевна весело рассмеялась.

– Ну и мастер же вы говорить комплименты! Но мне давно их никто не говорил. Честно признаюсь: очень приятно!

– Я не только комплименты могу говорить, – сказал Николай Сергеевич. Потом неожиданно предложил: – А давайте мы с вами перейдём на «ты»! Я не намного старше вас, а «ты», как мне кажется, сближает людей.

– Возражений нет, хотя и знаю я вас... тебя очень немного. Вы... ты же ничего не знаешь обо мне.

– Вот в этом путешествии мы с тобой и познакомимся ближе. Обо мне ты всё знаешь. Мне – сорок. Живу один. Художник, реставратор... Это ремесло даёт мне возможность жить. Построил большой дом, а хозяйки в нём нет... Не курю, пью умеренно. Увлекаюсь мотоциклами. Женщин к себе не вожу... Что бы ты хотела ещё узнать?

– Узнаю постепенно. Мне – тридцать семь. Работаю фельдшером на Скорой помощи в Ростове. Муж ушёл от нас, когда Костику был годик. Нашёл себе моложе и красивее... Живём скромно... даже очень скромно... Рассказала, кажется, всё.

– Для начала достаточно.

Потом, поняв, что они заговорились и совсем забыли про детей, Николай Сергеевич обратился к Косте:

– А тебе здесь нравится?

Но увлечённый своими размышлениями Костя не слышал вопроса и продолжал идти, о чём-то напряжённо думая.

– Костя, – окликнула его Вера Николаевна, – ты слышал, о чём тебя спросил дядя Коля?

– А? Что? Не слышал...

– Тебе здесь нравится? – повторила вопрос Вера Николаевна.

– Нравится... Кому же здесь не понравится?! Море, горы... Я читал про Крым. Здесь много интересного можно узнать...

– Да, только не в школе, – вставила Варя. – В российских школах учиться интереснее...

– Наверное, – поддержал её дядя Коля. – Здесь в учебниках можно такое прочитать, что волосы дыбом встают. Ты права, учиться лучше в России.

– А сюда приезжать на отдых, – добавил Костя.

Николай Сергеевич промолчал.

Николай Сергеевич купил в кассе четыре билета, и они прошли на палубу судна с незатейливым названием «Надежда».

Судно было двухэтажным. На первом этаже все окна были закрыты, и они по ступенькам поднялись на верхнюю палубу. Здесь, наоборот, все окна были открыты, и они расположились на свободных скамейках. Костя и Варя прошли ближе к носу и сели у окна, а Николай Сергеевич и Вера Николаевна расположились неподалёку от лестницы.

Пассажиров было мало, но на верхней палубе места были заняты.

Через минуту по радио сообщили, что они отправляются. Матрос убрал трап, и под марш «Прощание славянки» они медленно отошли от причала.

Костя смотрел на удаляющийся берег, на зеленоватую воду и наслаждался путешествием.

– Как ты думаешь, здесь глубоко? – спросил он.

– Конечно, – ответила Варя. – И берег уже далеко. Это только кажется, что он недалеко, а на самом деле уже километра два до него будет!

Варя была очень высокого мнения о своей проницательности, самонадеянно думала, что видит взрослых насквозь. Ей казалось, что она понимает, о чём беседуют дядя Коля и тётя Вера. А они, между тем, говорили и говорили, и всё больше предположениями и намёками, но каждый понимал всё.

– Сколько здесь живём, – сказала Варя Костику, – а я ещё ни разу не выходила в море! Здорово, что вы приехали и мы плывём! А так бы мне сидеть в нашем саду...

К ним подошёл Николай Сергеевич и спросил:

– Ребята, мороженое будете?

– Разве можно отказаться от мороженого? – воскликнул обрадованный Костя.

Дядя Коля спустился на нижнюю палубу и через несколько минут принёс мороженое.

Из радио неслась весёлая музыка.

– А купаться мы сможем? – робко спросил Костя. – Я и плавки специально надел.

– А я в купальнике, – добавила Варя.

– Будут зелёные стоянки. Можно будет и поплавать.

С большого расстояния крымский берег выглядел по-разному: местами величественно, местами угрюмо, а местами просто красиво. Косте больше всего нравился вариант берега с лесом на горах, голые скалы тоже производили впечатление, а вот горы, покрытые травой и редкими кустарниками, казались просто пустыней, которая почему-то вздыбилась над морем. Костя мысленно представлял себя прогуливающимся по такой гористой пустыне, и ему делалось не по себе.

Костина мама сидела в тёмных очках. Она как-то расслабилась и грустно смотрела на воду в то время, когда Николай Сергеевич общался с детьми.

Вскоре скамейка напротив их освободилась и ребята уселись напротив дяди Коли и Костиной мамы.

Николай Сергеевич любил детей и с удовольствием с ними общался.

– По большому счёту, – говорил он, – Крымские горы – это всего лишь продолжение Кавказа. Кавказский хребет не обрывается, как нам кажется, в районе Керченского пролива, а лишь в одном своём месте опускается ниже уровня моря, соединяя Азовское море с Чёрным, а дальше он снова продолжается, но эту его часть мы уже называем Крымскими горами. Вот это всё, что вы видите перед собой, – продолжение Кавказа.

– А что, – спросила Варя задумчиво, – хорошо ли это, что мы называем эти горы неправильно? Они Кавказские, а мы говорим, что они Крымские!

– Варюша, – ответил дядя Коля, – это ни хорошо и ни плохо. Вот этим горам, которые ты видишь, миллионы лет, и им глубоко

безразлично, как мы их называем и есть ли мы вообще на свете или нас нет.

Варю такой ответ очень огорчил, и она сказала:

– Вот же они какие противные, эти горы: мы есть, а они даже и знать нас не хотят! Эй, горы! – закричала она в сторону берега. – Привет! Вот они мы, проплываем мимо и смотрим на вас! Чего молчите?

– Я подозреваю, что они тебя не услышали, – сказал Николай Сергеевич.

А Костя поинтересовался:

– А вы у них спрашивали?

– Что мне у них спрашивать? – удивился дядя Коля. – Может быть, они всё прекрасно слышат и даже что-то знают о нас, да помалкивают.

– Почему вы так думаете? – спросила Варя.

– Это – крепость, – пояснил свою мысль дядя Коля, – которую природа словно специально создала для людей. Придём в Севастополь, и вы поймёте, какие героические события здесь происходили. А пока у нас впереди – мыс Сарыч. Это самая южная точка Крыма и Украины. За ним в пяти километрах – Форос. До Севастополя километров тридцать... Здесь обычно и делают «зелёную стоянку».

И действительно, через несколько минут их судно подошло к берегу и по радио сообщили, что стоянка – ровно час.

Берег был скалистый. Огромные камни разбросаны повсюду.

– А загорать можно и на камнях, – сказал Костя.

– Да, только такие же камни и в воде, так что нужно быть очень осторожным, чтобы не удариться, – предупредил дядя Коля.

Они подошли к берегу. Варя первая сняла своё платье и осторожно вошла в воду.

– Вода тёплая... Ого, какой огромный камень!

Варя присела, окунулась и взобралась на камень. Валун был настолько велик, что верхняя его часть была у поверхности воды и создавалось впечатление, что она стоит на воде.

– Костя, может, не стоит тебе купаться? – сказала Костина мама.

Но Костя смело пошёл в воду...

Потом они снова отправились в путь. Капитан осторожно вёл катер. С палубы берег казался диким и пустынным. Кое-какие туристы изредка мелькали то там то здесь.

– При советской власти сюда вход был закрыт, – сказал дядя Коля.

– Но и сейчас здесь людей немного, – сказала Костина мама.

– Это потому, что не все знают о существовании этих мест, – усмехнулся Николай Сергеевич.

Перед ними была каменистая равнина, поросшая редким лесом. Отходя от берега, равнина поднималась вверх, но где-то там, за деревьями, вдруг поднималась на дыбы, преобразуясь в гору, на вершине которой была скала...

– Может быть, так и надо: не пускать сюда никого, и пусть природа отдыхает от человека? – задумчиво сказала Костина мама. – Подумать только, когда-то на этот берег высаживались древние греки или римляне!

Николай Сергеевич ответил с усмешкой:

– Не думаю, Верочка.

– Это почему же? – удивилась Костина мама. Она всё ещё никак не могла привыкнуть называть Николая Сергеевича просто по имени и на «ты».

– Потому что берег меняется, – сказал Николай Сергеевич. – Берег в этих местах опускается всё ниже и ниже, и море здесь наступает.

– Значит, Крым уменьшается в размерах? – огорчилась Вера Николаевна.

– Нет, конечно. Берег опускается, а вот эти самые горы поднимаются. Тут всё в движении.

Первым делом, когда пришли в Севастополь, они купила цветы. Николай Сергеевич сразу же повёл их к монументу, посвящённому обороне Севастополя в 1941 году. Большие железобетонные блоки. В центре – фигура защитника Севастополя с автоматом в руках.

– Обратите внимание. Видите – три штыка. Они символизируют штурмы Севастополя. Два из них направлены в ладонь. Эти штурмы были отбиты. А третий штык направлен в грудь. Севастополь был повержен...

– Не повержен, – поправила его мама Кости. – Наши воины продолжали сражаться даже тогда, когда город был сдан.

Они положили цветы к основанию памятника.

Потом пошли к мемориалу, посвящённому защитникам города. На красных гранитных плитах были выбиты наименования частей и соединений Черноморского флота, Приморской армии и городских организаций, которые входили в состав Севастопольского оборонительного района. Правее – фамилии Героев Советского Союза, которые получили это звание за оборону Севастополя.

И здесь положили цветы.

– Я так давно мечтала это сделать, – сказала Вера Николаевна. – Теперь на душе стало легче.

Потом Николай Сергеевич повёл их на проспект Нахимова, оттуда на Матросский бульвар...

– Если честно, я уже немного устал, – сказал Костя. – Никогда так много не ходил...

– А я хотел вас завтра повести в поход в горы, – сказал Николай Сергеевич.

– В поход?! – воскликнула Варя. – Костя, ты что, не пойдёшь в поход? Там должно быть так интересно! Никогда ещё не

ходила в поход. С ночёвкой в горах?

– Без ночёвки, но с обедом, который сами же сварим на костре!

– На костре? – удивился Костя. – Я тоже хочу! А ещё на костре жарят шашлыки...

– Можно и шашлыки, только их жарят не на костре, а на углях.

– Как это? – не понял Костя.

– Дрова прогорят, и останутся угольки. Вот на них и жарят шашлык. По дороге домой я куплю мясо, замариную его, и мы пожарим шашлыки. Ты согласна? – обратился он к Костиной маме.

– Не много ли ты с нами возишься? Мы-то отдыхаем, а ты работаешь... – смущённо заметила она.

– У меня свободный график. А вы нужны мне для вдохновения! – ответил Николай Сергеевич.

Вера Николаевна совсем смутилась и посмотрела на сына. Он всё понимал и одобрительно улыбался.

Пообедали они в красивом кафе на Приморском бульваре. Во время обеда дядя Коля продолжал свой рассказ о Севастополе. Казалось, он знал об этом городе всё.

– Севастополь – город с богатой историей. Раньше здесь была древнегреческая колония Херсонес. В тысяча семьсот восемьдесят восьмом году по указу Екатерины Второй был основан город Севастополь.

– Костя, куда ты смотришь? Послушай! Это интересно! – сказала Костина мама.

– Я слушаю, – ответил Костя. – Ну и что, что я смотрю в окно. Так я лучше запоминаю!

– Севастополь прославился и в войне с Турцией в тысяча восемьсот пятьдесят четвёртом-пятьдесят пятом годах, и в годы Отечественной войны, – продолжал Николай Сергеевич. – У Графской пристани есть памятник затопленным кораблям

– символ мужества и славы севастопольцев.

Погуляв ещё немного по Приморскому бульвару, Вера Николаевна сказала:

– Для первого раза – достаточно. Впечатлений много, да и дети устали. Когда отходит наш катер?

– Катер ещё не скоро, но можно вернуться и автобусом, а он отходит в сторону Ялты чуть ли не каждые полчаса.

Решили возвращаться домой на автобусе. Дядя Коля купил билеты, и они сели в автобус, готовый уже отправиться в путь.

Костя сидел у окна и о чём-то думал. Задумчивой была и Варя. Потом она вдруг спросила у дяди Коли:

– Но, наверное же, где-то есть братские могилы защитников?

– В Севастополе есть мемориальное братское кладбище. Там похоронены и участники Крымской войны в девятнадцатом веке, и те, кто погиб во время Отечественной войны.

– Большое, должно быть, кладбище, – заметила Варя.

– Нигде в мире нет такого. Там стоит церковь Святого Николая Угодника. Если мне хочется помянуть моего дедушку, я, как правило, иду туда. Свечку ставлю... Постояю молча, и мне на душе становится легче.

– Ты веришь в Бога? – спросила Вера Николаевна.

– Ни в Бога, ни в чёрта я не верю, равно как не верю в ад и рай.

– Таких людей называют нигилистами, – вставила Варя. – Они всё отрицают и ни во что не верят.

– Хорошо понимаю, что отсутствие доказательств ещё не доказательство отсутствия! – продолжал Николай Сергеевич, никак не отреагировав на замечание Вари. – Многие постулаты разных религий принимаю, так как они являются отражением многовекового опыта людей.

– Жить в общезжитии очень не просто, и эти «правила игры» не признавать нельзя, – заметила Костина мама.

– И главным, как мне кажется, таким правилом является «Возлюби ближнего, как самого себя», – продолжал Николай Сергеевич, – то есть относись к людям так, как хотел бы, чтобы они относились к тебе!

Вера Николаевна с благодарностью взглянула на Николая Сергеевича. «Какой он интересный человек», – подумала она и чуть прижалась к его плечу.

– И что, исповедуя такую философию, тебе жить легче? – спросила она.

– Я понял, что, если хочешь добиться успеха, не обязательно ходить на всякие тусовки или иметь богатого покровителя... Главное условие успеха – нужно упорно работать! Тогда всё получится! Вот и тружусь как пчёлка...

– Да... – протянула Вера Николаевна. – Интересная у нас получилась поездка...

– Для меня не просто интересная, но и очень важная! Я, наконец, нашёл вас! Я так долго вас искал...

Вера Николаевна грустно взглянула на Николая Сергеевича и промолчала. Потом пояснила свою мысль:

– Поездка, я думаю, и детям полезна. Запомнят то, что слышали, увидели, станут лучше! – кивнула Костина мама. – В Ростове часто сын предоставлен самому себе. Я на работе, а он целыми днями во дворе. Хорошо, что учится ещё с интересом. Растёт без отца...

– Я хочу изменить ситуацию... – сказал Николай Сергеевич, как будто всё уже было решено. – Но ты права, им она особенно полезна. Память – это то, что остаётся после нас.

– Но и она со временем стирается, – кивнула Вера Николаевна, не отреагировав на слова о том, что Николай Сергеевич хочет изменить ситуацию. – Для нас важно, чтобы её хранили наши дети, внуки. Этим мы и обретаем бессмертие, так как малую частицу себя мы передаём им, а они передадут своим детям и внукам.

– Ты совершенно права. Я думаю так же...

Потом, не надолго замолчав, задумался о чём-то.

Когда они приехали, дядя Коля уточнил:

– Так что? Завтра идём в горы? Я даже возьму палатку. Хочу, чтобы ребята научились её ставить.

– Если мы тебе ещё не надоели, будем рады, – сказала Костина мама, весело глядя в глаза дяди Коли. – Может, и Володя с нами пойдёт... хотя вряд ли. Он же отгулял свои отгулы...

– Да и ходить папе по горам тяжело, – добавила Варя. – Но лично я пойду с удовольствием!

– А ты, Костя? – спросил дядя Коля.

– Что я? – удивился Костя. – Я всегда «за»! А что, в горы дороги нет?

– Как же нет. Все дороги ведут в горы...

– Так, может, на вашем джипе? – с надеждой взглянув на дядю Колю, спросил Костя.

– Нет, дорогой! Что же это за туризм?! Мы пойдём недалеко, но на весь день, так что нужно одеться соответственно... короче, как следует подготовиться.

– Я возьму бинокль, – сказала Варя.

– А я – фотоаппарат, – откликнулся Костя.

6. На следующий день в шесть утра они были уже в пути. Вышли рано, чтобы по холодку пройти часть пути. Николай Сергеевич нёс большой рюкзак. У Вари и Кости – ранцы. Кроме бутербродов, ребята уложили в них необходимые на их взгляд для дальнего похода предметы: Костя – фотоаппарат, а Варя – свой дневник, который вела с начала лета. И сейчас она намеревалась делать в нём во время привалов записи. Кто знает, может даже получится книжка. Она назовёт её «Путевые заметки» или «В походе». Костя, с которым она подружилась в последнее время, уже прочёл несколько страниц её дневника и сказал: «Клёво! Не хуже, чем у Жюль Верна!».

Варя родилась в семье, которая высоко ценила правдивость и порядочность. Поэтому с малых лет сама не лгала и не переносила, когда лгут ей. Увлекалась спортом, любила читать и считала себя если не красивой, то очень симпатичной девочкой. Говорила, что у каждого человека должна быть изюминка и она в ней есть! Костя честно пытался отыскать эту самую изюминку, но ему почему-то этого не удалось сделать.

Варя не любила хитрецов и ловкачей, скряг и единоличников. Таким говорила: «С тобой бы я в разведку не пошла!». Эту фразу девочка слышала от папы, и она ей очень нравилась.

В своём классе справедливо считалась лидером и очень дорожила этим «званием». К нему девочка привыкла.

Костя не мог понять одной её особенности. То ли свет так падал на Варю, то ли что-то ещё, но она ему казалась не то что привлекательной, но даже некрасивой. Её веснушки на щеках и у носа вызывали улыбку, и он едва сдерживался, чтобы не сказать ей что-нибудь обидное. Она имела привычку прищуривать глаза, что делало её ещё смешнее. Но глаза... О, глаза были огромными, как фары на автомашине дяди Коли. Они были внимательными и умными... По ним Костя мог сразу же понять, какое настроение у Вари, одобряет или нет она его действия. А ещё: сжатые плотные губы... Странное дело! Они были красными-красными, словно она их накрашила маминой помадой.

Варя любила разглядывать людей и пытаться додумать, что же они делают, чем живут и куда едут? Потом могла говорить о человеке, за которым наблюдала, так, словно знала о нём всё. Не любила молоко с пенками и манную кашу с комочками и обожала мамины макароны по-флотски и компот из изюма.

Костик же рос сам по себе. Привык быть один. Мама уходила на работу, а он оставался «на хозяйстве». С ранних лет у него были обязанности по дому: выносил мусор, мыл посуду, стелил свою кровать, приводил в порядок уголок. По мере взросления обязанностей становилось больше, но он не роптал. Понимал:

маме нужно помогать. Она работает, и помочь ей больше некому. Он беспрекословно выполнял всё, о чём она его просила, доверял ей все свои тайны и был убеждён: она – лучшая мама в мире!

Вера Николаевна надела голубой спортивный костюм и кроссовки, но предупредила, что после поездки в Севастополь у неё до сих пор болят ноги и ходить долго не сможет.

– Сначала хотел вас на мотоцикле прокатить. Ты на заднем сиденье, а ребята – в люльке. Но потом решил, что пешком будет интереснее. Мы много ходить не будем, – сказал Николай Сергеевич. – Поднимемся на эту гору, выберем полянку и разобьём лагерь.

– А я бы с удовольствием прокатилась на мотоцикле! – с сожалением сказала Варя, устраиваясь в тенёчек со своим дневником.

– И я, – поддакнул Костя.

– Не понимаю, – удивилась Костина мама, – солидный мужчина, и такое опасное увлечение. Сколько мотоциклистов на дорогах гибнет!

– Ну, что ты?! – воскликнул дядя Коля. – Я – опытный байкер. К тому же – везунчик, недаром меня друзья прозвали Ником-бессмертным!

– Как Кашеем? – удивлённо спросил Костя.

По узкой тропинке сквозь густые заросли они пробирались к вершине. Там, говорил дядя Коля, есть небольшая лужайка, а рядом – огромная скала со смотровой площадкой на самом верху. Оттуда открывается изумительный вид на море.

На эту гору они взбирались около двух часов. По дороге делали короткие привалы. Ничего интересного в этом походе Костик не видел. Шли молча. Варя приготовилась к длительному походу и старалась сохранить силы.

– Умный в гору не пойдёт! Умный гору обойдёт, – проворчал Костя на первом же привале.

– Умник! Не ной! У тебя совсем мышц нет! У папы бицепсы, как камень! Ты же будущий мужчина!

Варе самой не очень нравилась затея с этой горой, но показывать своё неудовольствие не хотела.

– Что значит будущий мужчина? Я уже – мужчина!

– До мужчины тебе нужно ещё дорасти! Ты мальчик!

Костя промолчал. Она, конечно, права. Вон, дядя Коля, тот тянет огромный вещмешок, и – ничего... молчит... И что он в нём несёт?

Но спрашивать не стал. Прислушался к разговору, который вели мама и дядя Коля.

– Зачем рассуждать о моём отношении к России, – сказала мама. – Это моя страна, и всё, что там происходит, конечно же, касается и меня. Мне больно, что мы занимаем последние места по уровню жизни, по развитию демократии, что учёба, лечение сейчас требуют огромных денег, что у нас продажные судьи и прокуроры... Но, повторяю, это моя страна, и другой у меня нет!

– Я же не о том, – пробовал объясниться дядя Коля. – Россия – богатейшая страна. И территория её огромна. Есть где сажать хлеб, растить леса. Природные богатства... А люди живут тяжело. Потому что все воруют! Я не понимаю, как ты справляешься?! Одна, без бабушек, без дедушек?

– Что я? Работаю по сменам. Мне пошли навстречу, так как Костик ещё мал: работаю только днём. Придёшь домой – не знаешь, за что хвататься: сварить нужно, постирать, погладить, убрать... да мало ли что?! Костя рос без мужского надзора, потому, наверное, такой впечатлительный. Придумает себе царство и живёт в нём... Рано выучил алфавит и годам к трём умел складывать по слогам отдельные слова. В садике был зайчишкой, так я думала, он до школы будет трусишка зайка серенький! И засыпал только после того, как я ему расскажу сказку. И неважно, что эту сказку он уже слышал много раз. Он словно возвращался в ту сказку... Сейчас-то он уже большой, засыпает без сказки. Но его фантазии меня иной раз просто поражают. А теперь, после того что он здесь увидел, впечатлений столько, что сможет фантазировать целый год!

– Хороший парнишка. Мне он нравится. На моего Ванюшку похож... Ему нужен отец... – сказал дядя Коля.

Костику не очень понравилось, что о нём в его присутствии говорили так, будто его и нет рядом. Да и что обсуждать то, что и без того давно известно. Он старался делать вид, будто что-то ищет в своём ранце.

– Да, проблем у нас много, и в этом ты прав, – ответила мама Кости. – Но что из этого следует? Уехать из России?! – Она по непонятной для Кости причине была возбуждена. – Знаешь, как писала Алигер:

*Родины себе не выбирают,
Начиная видеть и дышать,
Родину на свете получают
Непреложно, как отца и мать...*

Николай Сергеевич долго молчал. Потом тихо сказал:

– Понимаю. Ты не можешь сказать, почему живёшь там, но есть тысяча причин, почему ты не можешь жить нигде в другом месте.

– Я ненавижу политиков и политику, ненавижу существующее положение, нищету, нашу убогую жизнь, порядки, взяточников... но я люблю Россию и не смогу жить ни в каком другом месте! Это моя страна.

Костя не очень понимал, к чему в походе эти разговоры о том, где им с мамой жить. Он бы с удовольствием переехал сюда, если, конечно, можно было бы сюда перевезти его друзей... Здесь интересно... и море рядом. Но жить вдали от своей школы он бы не хотел... Подумал, что скоро новый учебный год! Ему вдруг очень захотелось оказаться в своём классе, чтобы рассказать, как здорово он провёл лето, показать сделанные фотографии. Светлана Георгиевна, их классный руководитель, говорила, что они будут писать сочинение на тему: «Как я про-

вёл лето». Его сочинение будет самым интересным!

Возле их школы в прошлом году разбили скверик. Сажали разные деревья. Костя раньше даже не представлял, как выглядят липы, тополя, берёзы, дубки, рябины и сосенки. Когда-нибудь, лет через десять, здесь будет очень красиво!

Дядя Коля срубил топориком ветку и сделал из неё палку. Теперь он шёл в гору, опираясь на эту самодельную трость. Косте тоже захотелось такую же, но сказать дяде Коле почему-то постеснялся.

Вдруг дядя Коля остановился и показал палкой на густые заросли, за которыми видна была скала.

– Здесь выход штольни, в которой прятались партизаны. Отсюда они выходили на задания.

– А можно хотя бы одним глазком взглянуть на неё? – спросила Варя.

– Отчего же нельзя? – откликнулся дядя Коля.

Они стали пробираться сквозь заросли и вскоре увидели пещеру, которая уходила куда-то в глубь скалы.

– Таких здесь много... – сказал дядя Коля. – Что было в этой, я точно не знаю. Знаю только, что здесь шли тяжёлые бои... Давайте сделаем небольшой привал. До вершины нам ещё минут двадцать ходу.

– А можно, мы заглянем в эту штольню? – спросил Костя. – Может, найдём там что-нибудь.

– Почему же нельзя. Только с вами пойду и я...

– Бога ради, никуда не ходите! – воскликнула Костина мама.

– Ну, мам?! Мы же недалеко и с дядей Колей.

– А у меня и фонарик есть, – сказала Варя и достала его из ранца. – Мы далеко ходить не будем. Тут посмотрим, у самого выхода...

Костина мама посмотрела на дядю Колю и сказала, что и она пойдёт, хотя и убеждена, что здесь они ничего интересного не найдут.

В скале зияла огромная чёрная дыра. Вплотную к входу прижимались густые колючие заросли ежевики. Было темно и сыро. Варя включила фонарик, и все медленно и осторожно направились в глубь пещеры. Под ногами мягким ковром лежала пушистая пыль. Никто со времени тех грозных событий, вероятно, здесь не бывал. Свод пещеры резко сужался и поворачивал влево. Вдруг Костя остановился, нащупав ногой что-то маленькое.

– Варя, посвети! Тут что-то есть. – Они присели и стали руками шарить по земле. – Гильза! – воскликнул Костя. – Здесь шёл бой.

– Наша... Это гильза от патрона винтовки, – сказал дядя Коля, бросив взгляд на Костину находку. – Ладно, пошли дальше. Здесь можно и не такое отыскать. Рассказывали, что и оружие находили...

Через несколько метров узкий ход снова расширился и образовывал большое пространство, из которого выходили в разные стороны ещё два узких хода.

– Дальше мы не пойдём. Здесь можно и заблудиться, – сказал дядя Коля и стал осматривать стены пещеры. – Посветите. Защитники, уходя на задание, часто оставляли на стенах свои имена. Вот, посмотрите, здесь что-то нацарапано.

Варя направила луч фонарика на тот участок стены, на который указал дядя Коля, и все увидели хорошо сохранившуюся надпись: «Умрём, но не сдадимся! 1-ХП-1941 года. Сергей Коновалов из Одессы».

– Вот вам и послание из прошлого.

Все молча стояли у этой надписи на стене. А Костя вдруг представил себе: матросы, из тех, кто укрылся в штольне, чтобы продолжать борьбу с фашистами, ночью пошли на задание. С ними был матрос, который хорошо знал эти места. Они шли по лесу, и с ними был Шарик. Он первый учуял фашистов и прижался к дяде Коле, который командовал отрядом. Матросы залегли за скалой. Дядя Коля велел скрытно обойти лагерь фашистов, ведь

их отряд получил приказ взорвать гостиницу с их офицерами.

Они подошли к оврагу, заросшему ольшаником, с крутым откосом, по которому нужно спускаться. На дне оврага журчит ручей. По ручью шли три часа, пока, наконец, не оказались у дома, где отдыхали фашистские офицеры. Они забросали их гранатами и бутылками с зажигательной смесью.

Матросы выполнили задание! Фашисты, не зная, где прячутся партизаны, наугад стреляли в темноту. Тогда и ранило дядю Колю. Его принесли в лазарет, который развернули в штольне. Медсестра перевязала ему голову. Когда он прощался с дядей Колей, тот улыбнулся и тихо сказал ему: «Ты не волнуйся! Я – бес- смертный! Только маму береги!».

Постояв недолго в пещере, дядя Коля дал команду возвращаться. Он продолжал рассказывать о героизме защитников Севастополя и говорил так, что Костя отчётливо представлял, будто бой проходил на его глазах: командует матросами дядя Коля. Его ранили. Теперь батареей командует дедушка Костя, в честь которого его назвали. Идёт тяжёлый бой. Матросы обороняют скалу с тайным входом в пещеру. Фашисты наступают. Боеприпасы у матросов на исходе. Дедушка Саша ползёт по склону и собирает у убитых фашистов автоматы, гранаты. Но его смертельно ранили. Вдруг и дедушка Костя, охнув, облокотился о скалу. Он ранен, но, теряя сознание, успевает прошептать: «Внук! Командование придётся принять тебе. Не робей! Ты должен выиграть этот бой!» Костя достаёт из откуда-то взявшейся маминой сумки бинты, перевязывает дедушку Костю, усаживает на землю и говорит: «Ты только дождись меня, не умирай! Я вернусь!». Костя поднимает упавшее из рук дедушки знамя и ведёт бойцов в атаку! Фашисты бегут с криками: «Гитлер капут! Спасите! Помогите! Ой, колет-колет!»

– Костя, заснул, что ли? – мама тормошила Костю, задремавшего было в тени. – Сбегай, сынок, посмотри, что это там

Варюша кричит? Слышишь: «Ой, спасите! Ой, колет!» В ежевичных кустах запуталась, должно быть.

Через полчаса туристы пришли на лужайку на самой вершине горы. Несколько в стороне возвышалась огромная скала.

– Всё. Я больше никуда не иду! – сказала Костина мама. Она расстелила коврик, сняла кроссовки и улеглась. – Здесь такая красота!

– Ну, что ж... Отдыхать так отдыхать. Ты лежи, а я пойду хвороста, сухих дров соберу.

– Присядь, отдохни! – попыталась остановить его Костина мама, но дядя Коля лишь улыбнулся, взял топорик и пошёл в лес.

– Я ненадолго. Отдыхай!

Как приятно было Костиной маме ощущать заботу этого человека!

– Тёточка Верочка, можно, мы с Костиком полезем на скалу? – спросила Варя. Костина мама хотела было запретить, но вмешался дядя Коля:

– Вам и лезть никуда не нужно. Там на верхнюю площадку ведёт тропинка. Только не обгорите. Солнце уже сильно припекает. Оставались бы здесь, в тени...

– Мы аккуратно. Не зря же я брала папин бинокль!

– А я – фотоаппарат, – добавил Костя, и они направились к скале.

Поднялись по тропинке на самый верх. Отсюда открывался изумительный вид на море. Костя то и дело щёлкал затвором фотоаппарата. Варя смотрела в бинокль. Море искрилось на солнце. Вдалеке белел одинокий парус.

– Всё-таки жаль, что лето такое короткое, – сказал Костя.

– Счастье не может длиться вечно, – откликнулась умная Варя. – В следующем году приедешь?

Потом они разложили свои подстилки и стали загорать, а Костя всё думал о том бое, в котором погибли героически оба его

прадеда. Теперь он знал, как всё было. Завтра они сядут в поезд и уедут в Ростов, нужно возвращаться домой, готовиться к школе. Впереди новый учебный год, уроки...

Внизу дядя Коля нашёл два камня, между ними положил сухие ветки и развёл огонь.

Ребята спустились со скалы и принялись помогать ему. Варя ломала ветки и подбрасывала их в костёр, а Костя пошёл в лесок, чтобы принести ещё немного сушняка.

– Мы, как те партизаны, будем готовить на костре? – спросил Костя.

– Дядя Коля вчера шашлыки обещал, – заметила Варя.

– Правильно! А раз обещал, значит, будут!

– Вот здорово! Я очень люблю шашлыки! Больше всего на свете!

– Кто же их не любит? – пробубнил под нос Костя, которому не очень понравилось её признание, что шашлыки она предпочитает даже родственникам. Ему, например.

Потом ребята пошли собирать ещё дровишки, а дядя Коля стал возиться с мясом. Он действовал как заправский шашлычник, а Костина мама лежала в тени и улыбалась.

– Счастлива будет женщина, которая станет твоей женой, – сказала она.

– Это верно, – согласился дядя Коля. – Я очень хочу, чтобы ты была счастлива.

Костина мама промолчала.

Пришли дети и приволокли огромную сухую ветку. Дядя Коля быстро её порубил топориком и подбросил в огонь.

– Всё думаю, сколько же в своей жизни наделала ошибок, – ни к кому не обращаясь, задумчиво сказала Костина мама.

– По-молодости мы многого не замечаем, не придаём значения тому, что становится определяющим нашего настроения с возрастом.

– Это точно. А потом начинаем это понимать, страдаем, нас

мучит совесть, что, не замечая, делали больно близким. В последнее время я об этом часто думаю...

Костя ничего не понимал из того, о чём говорили взрослые.

Потом дядя Коля вырезал четыре длинные веточки и на них нанизал куски замаринованного накануне мяса.

– Где ты этому научился? – спросила Костина мама. – Ведь ты – художник! Кстати, ещё вчера хотела спросить: почему тебя увлекла эта тема?

– Какая?

– Оборона Севастополя. Только потому, что твой дедушка погиб здесь?

– Не только. Просто я убеждён, что будущего нет без прошлого. Важно его правильно оценивать! И какое бы оно ни было, оно – наше прошлое! Его можно любить или проклинать, вспоминать с нежностью и ностальгией или с ужасом и отвращением, но помнить нужно, учиться на его ошибках необходимо!

Костина мама промолчала. Она была того же мнения и удивлялась тому, как во многом их мнения совпадают.

Потом она расстелила на траве клеёнку, нарезала овощи, хлеб, поставила разовые тарелочки и вилочки, а дядя Костя каждому дал по веточке, на которой были плотно нанизаны куски жаренного на углях мяса. Они издавали такой аппетитный запах, что Косте казалось, что одного шампура ему будет мало. Но, съев два кусочка, он понял, что переоценил свои возможности.

Варя же ела с таким аппетитом, что её руки и лицо были перемазаны жиром.

– Шашлыки у вас вкусные! Как у моего папы! Может, даже лучше! – сказала она, и в её устах это была очень высокая похвала.

Из огромного рюкзака дядя Костя достал котелок, налил в него воду и подвесил на специальной проволоке над огнём.

– Углей много. Сейчас и чай будем пить.

– А где ж вы воду взяли? – удивилась Варя.

– Набрал в речушке, когда проходили по дну оврага, – ответил дядя Коля. – Разве ты не видела?

– Не заметила... Наверное отвлеклась.

Чай из того котелка оказался таким вкусным, что Костя попросил налить ему ещё.

– Никогда бы не подумал, что простой чай может быть таким вкусным. А я мечтал ещё сделать несколько снимков общего плана.

– Кто ж тебе мешает? Залезай на скалу, и вперёд! Щёлкай! Ты знаешь разницу между планом и мечтой?

– План – это когда ты знаешь, чего хочешь! – сказала Варя.

– А разве, когда мечтаешь, ты не знаешь, чего хочешь? – удивилась Костина мама.

– Я думаю, мечтой называют планы, не соответствующие возможностям, – сказал дядя Коля. – А ты не мечтал о новых снимках, это было в твоих планах, потому что возможности, чтобы это сделать, у тебя есть!

– Вот и идите на скалу. Только поторопитесь, скоро будем собираться, – сказала Костина мама.

Костя и Варя поблагодарили за обед и снова полезли на скалу. А Николай Сергеевич стал говорить, словно продолжая прерванную мысль:

– Долгое время у меня не было цели... Всё рухнуло, и осталась только боль. Проходило время, и я понимал, что не могу без неё, иначе задохнусь, мне не хватит воздуха...

Вера Николаевна понимала, о чём говорит Николай Сергеевич, сочувствовала ему. Она, едва касаясь пальцами, погладила его руку и, глядя в его глаза, сказала:

– А утром... проснёшься и поймёшь, что всё ещё только начинается! И впереди ещё столько неизведанного... необъяснимого... и светлого... И ты, как Феникс, рождённый из пепла, вновь обретёшь жизнь и счастье. Я верю...

Николай Сергеевич молчал. Потом тихо сказал:

– Если бы ты только согласилась! Если бы ты...

– Не нужно сейчас об этом...

– Я понимаю. Хорошо, когда тебя любят, но настоящее счастье, когда любишь ты!

– Мы так мало знаем друг друга...

– Но вы же завтра уезжаете! – воскликнул Николай Сергеевич.

– А ты приезжай к нам в Ростов!

Николай Сергеевич снова замолчал, о чём-то напряжённо думая.

– А как же моя колокольня?

– А что колокольня? Ты её построишь. И мы будем приезжать сюда каждое лето, привлечённые ее звоном...

Николай Сергеевич протестующе взглянул на неё, хотел было что-то возразить, но со скалы спустились Варя и Костя, и он замолчал...

7. Спуск с горы занял значительно меньше времени, чем подъём. Дядя Коля тщательно заглушил костёр, залил водой ещё тлеющие угли. Вырыл ямку и сложил в неё использованную посуду разового пользования, остатки пищи.

– Вниз будем идти налегке, – сказал он.

– Вниз – не в гору, – буркнула Варя.

– Давно так не отдыхала. Впечатлений – море! – заметила Костина мама.

– Во сколько завтра отходит ваш поезд?

– В четырнадцать двадцать пять. Но ещё до Симферополя нужно доехать. В час выедем из дома. Володя специально с работы отпросился, чтобы нас проводить.

– А у меня, как назло, завтра важное совещание в Ялте. Но думаю, на вокзал успею. Хочу вас проводить.

– Спасибо. Впрочем, если не сможешь – обижаться не буду.

Работа есть работа...

Потом дядя Коля ещё раз внимательно оглядел место, где они отдыхали, спросил:

– Ничего не забыли?

– Нет! – дружно откликнулись Варя и Костя.

– Тогда в путь! Впереди – разведка: Варя и Костя. Варя назначается старшей группы. Мы идём за вами...

Ребята, гордые тем, что их определили в разведку, направились по тропинке в обратный путь. За ними пошли взрослые, не теряя их из виду.

– Не могу понять, к чему вам торопиться домой. До первого сентября ещё десять дней! А в Ростов я бы смог вас и на машине отвезти!

– При чём здесь первое сентября? – улыбнулась Костина мама, – у меня отпуск заканчивается!

– Да понимаю я, но очень обидно! И всё же я так рад, что мы встретились.

– А я не думала, что смогу снова кого-то полюбить... Была уверена... Всё так неожиданно...

– Я убеждён, что любовь – суть мироздания. Если хочешь – могу назвать её Богом! Куда бы мы ни пошли, о чём бы ни думали, к чему бы ни стремились – она всегда присутствует и движет нами... На мой взгляд, это чувство делает нас лучше.

– Но мы могли и не приехать в это лето... Или просто не встретиться! Не познакомиться...

– В том-то и дело! Могли и встретиться, но не объясниться, не заметить, пройти мимо...

Варя взяла палку, с которой дядя Коля шёл в гору, и теперь, словно землемер, шагала, отмеряя путь своим посохом.

– А как ты построишь, если дядя Коля и твоя мама поженятся? – вдруг спросила она Костю.

Костя и сам всё время об этом думал. А что?! С ним инте-

ресно. Можно будет попросить его научить на мотоцикле ездить!
И в походы с ним ходить можно!

– А что тут смотреть? – ответил он. – Пусть мама смотрит. Если он ей нравится, я возражать не буду! Он мне тоже нравится.

– Да, – согласилась Варя. – Он оказался вполне приличным человеком. И шашлыки жарить умеет... И дом у него хоть и большой, но без привидений.

– А как ты думаешь, часовню он построит? – спросил Костя.

– Думаю, построит. Да! Ещё одна неоспоримая польза от того, что они поженятся: ты же будешь здесь жить и учиться в нашей школе!

– А я не хочу здесь жить! Тут, конечно, классно: море рядом, горы. Но я привык к своей школе, к своему двору...

– Как привык, так и отвыкнешь...

– Нет, я лучше каждое лето сюда буду приезжать...

Проходя мимо входа в штольню, Костя хотел было сделать привал и снова зайти в пещеру, но мама твёрдо сказала, что привала не будет. Сегодня – последний вечер, и она хочет подольше побыть с сестрой и дядей Володей.

– Меня поражает, как часто моё мнение совпадает с твоим. Что ни говори, но такое встречается нечасто.

– А может, это потому, что ты – моя вторая половинка, – улыбнулся Николай Сергеевич. – Мы всегда одобряем соображения, высказанные кем-то, если думаем так же.

– Да, – продолжила его мысль Вера Николаевна, – восторгаемся мыслью, подкрепляющей наше мнение.

– Но вы уезжаете, а я остаюсь...

– Что за настроение?! Самое главное, что мы с тобой встретились! У нас будет всё хорошо!

– И всё же? Как ты видишь наше будущее? – настойчиво продолжал допытываться Николай Сергеевич.

– Как только сможешь, приедешь к нам. Посмотришь, как мы живём... Ближе познакомимся... Что я тебе ещё могу сказать?

– Но здесь у меня работа, дом... Часовню буду строить...

– Будем строить! А что – работа? Такую работу ты и в Ростове найдёшь. Да здесь и недалеко: если на машине – часов шесть езды А летом будем приезжать сюда!

Николай Сергеевич некоторое время шёл молча, обдумывая предложение Веры Николаевны. Потом тихо сказал:

– Хорошо. Я постараюсь к началу учебного года приехать. Хочу Костика в школу проводить!

Это были те слова, которые и хотела услышать Вера Николаевна. Она остановилась и, обняв его, поцеловала. Потом посмотрела на идущих впереди детей, повторила:

– Всё у нас будет хорошо! Я тебе обещаю!

Вечером за столом собрались все. Это был прощальный ужин. Тётя Надя утром должна была идти на дежурство и проводить сестру не могла. Дядя Володя подготовил машину. Договорились, что ровно в час дня они выедут на вокзал. Варя вручила Косте свой бинокль, говоря:

– На память... Я рада, что у меня есть такой брат.

– Спасибо, – смущённо ответил Костя, – только у нас нечего рассматривать. Оставь его у себя. Когда мы в следующем году к вам приедем, будем вместе смотреть в него.

Варя не возражала и положила бинокль обратно в тяжёлый кожаный чехол.

Потом был ужин. Тётя Надя, по просьбе Костика, сварила свои фирменные вареники. Дядя Володя открыл бутылку красного вина и разлил его взрослым в фужеры. В это время раздался звонок в дверь.

Дядя Володя догадался, кто пришёл, и пошёл открывать, говоря:

– Вот теперь, кажется, будет полный комплект. Я думаю, это Николай Сергеевич.

И правда. В комнату вошёл дядя Коля. Он был при параде: светлый костюм, белая сорочка, серебристый галстук. В руках держал розы и бутылку шампанского.

– Не помешаю? – спросил он, глядя на дядю Володю.

– О чём речь?! Проходите. У нас прощальный ужин. Завтра наши возвращаются в свой Ростов.

– Знаю. Потому и пришёл... – ответил дядя Коля.

Костина мама сидела, опустив глаза.

– Вера, чего ты смутилась? – весело спросила тётя Надя. – Мы вашему счастью только рады!..

Потом взрослые пили шампанское и о чём-то громко спорили, смеялись.

– Я хотел бы, – сказал дядя Коля, – подарить тебе картину. Я её принёс, но оставил за дверью. Одну секунду!

Он вышел и через минуту вошёл с картиной, завёрнутой в белое полотно. Снял полотно, и все увидели картину, написанную масляными красками. Сначала всем показалось, что это морской пейзаж. По небу плыли облака, а по морской глади – две лодки. И солнце... Много солнца. Золото его лучей пронизывало и небо, и море, и берег...

Все рассматривали картину молча с минуту-две. Первым прервал молчание дядя Коля:

– Картина с секретом. Вглядитесь. Неужели ничего не видите?

– Как же не видим. Всё видим. Хорошая работа. Чувствуется рука мастера. Чистый Айвазовский, – заметил отец Вари.

– Нет. Вы всё же не видите, – с досадой проговорил Николай Сергеевич.

– Мам, да это же ты!

– Где ты меня углядела? В лодочке? – засмеялась Варина мама.

– Да вот же ты: лодки – это глаза, лучи солнца – волосы твои. Ой, мам, как похоже-е-е...

Через мгновение, точно по мановению волшебной палочки, все видели на картине уже не море, а портрет красивой молодой женщины, очень похожей на одну из мам – Варину или Костика.

Дети даже заспорили, на чью маму больше похож этот портрет. В отличие от взрослых они так и не поняли, с кого именно он написан.

– Когда ты успел его написать? – тихо спросила Костина мама.

– Успел... – ответил дядя Коля. – В этой картине – всё. Здесь не обманешь! Всё, что хотел сказать, о чём думал, что чувствовал. Я дарю тебе частичку своей души – твой образ в моём сердце. – Потом, взглянув на всех, торжественно продолжал: – А ещё хочу сообщить, что мы с Верой решили объединиться. Хочу усыновить Костика, чтобы у нас была полноценная семья. Говорю это вам, как ближайшим родственникам.

Взрослые стали целовать, поздравлять Костину маму и дядю Колю...

– Вот здорово, – тихо сказала Косте Варя, – мы будем жить рядом! И папа у тебя будет настоящий художник!

– Я тоже хотел бы научиться так рисовать, – так же тихо ответил Костя...

На следующий день с утра зарядил мелкий дождик. Утомлённые походом Варя и Костя спали в своих кроватях, и взрослые решили их не будить рано.

Тётя Надя уехала на работу. Дядя Володя помог Костиной маме упаковать чемодан и картину.

Потом проснулась Варя и разбудила Костю.

– «Вставай, вставай, штанишки надевай!» – пропела она утреннюю побудку.

Костя сладко потянулся и спросил:

– Уже утро? Странно. Мне кажется, я и не спал... Так хочется ещё поспать.

Но услышал из другой комнаты голос дяди Володи:

– Ребята! Марш на зарядку.

– Пап, так дождик же идёт! – ответила ему Варя.

– А вы на веранде! Посмотри, который час!

Костик встал, надел шорты и пошёл с Варей на веранду делать зарядку.

После зарядки и, как обычно, умывания холодной водой по-пояс, сели завтракать.

Потом часы словно остановились. Время тянулось медленно, и Костя то и дело смотрел на циферблат, ожидая, когда же, наконец, наступит час и они на машине поедут в Симферополь.

– В Ростов мы приезжаем в половине восьмого утра. Хорошо. Ночь поспал, и утром уже дома, – сказала Костина мама.

– А Николай провожать не придёт? – спросил дядя Володя.

– Он на работе. Сегодня у него важное совещание в Ялте, но обещал, если сможет, приехать на вокзал.

– Понятно, – кивнул дядя Володя. – Мне он нравится. Нормальный мужик. Тебе с ним будет хорошо, да и Костику отец нужен.

– Нужен. Меня только пугает, что мне будет трудно ему соответствовать. Он много знает, образован, а что я?!

– Это ты брось! Мне кажется, вы идеально подходите друг к другу.

– Наверное, ты прав. Знаешь, мне показалось, что мы и дуем одинаково.

Дождь усилился, и по дороге потекли бурные ручьи.

– Наверное, нужно выехать чуть раньше. По мокрой дороге не погонишь, – сказал дядя Володя.

– Ну, что ж. Мы готовы, – откликнулась мама Кости.

Заседание экспертного Совета затягивалось, и Николай Сергеевич занервничал.

«Пора заканчивать эту говорильню, – думал он. – Этот Остапенко говорит правильно, только всё это очевидно, и никто ему возражать не будет. Старые кадры. Он ещё при Советах на партийной работе поднаторел...»

А председатель экспертного Совета запальчиво продолжал:

– На Земле живут разные народы. Их менталитет определяют воспитание и религия, уровень жизни и культура... Поэтому так важно принять общие правила общежития.

– Да, кто же с этим спорит? – удивился Николай Сергеевич.

– Вы должны знать, что сегодня у нас курс на национализацию... Должны знать...

– Всё знать невозможно! – перебил его Николай Сергеевич. – По окончании института нам говорили: вы ещё не специалисты, вы – люди, научившиеся читать специальные книги! Умение находить информацию, особенно сегодня, в век Интернета, – великое искусство! И хватит этого словоблудия. Работать нужно!

Он встал и направился к выходу.

– Вы куда?! – воскликнул Остапенко. Остальные члены Совета тоже встали со своих мест.

– Ну, о чём говорить, Степан Петрович? – заступилась за коллегу Мария Васильевна, старший научный сотрудник музея. – Всё и так ясно. А Николаю Сергеевичу нужно успеть ещё на вокзал в Симферополь, на дворе дождь...

Обескураженный таким завершением совещания, Степан Петрович собрал свои бумаги, разбросанные на столе, и проворчал:

– Вечно он куда-то торопится. Я думаю, у него звёздная болезнь начинается. Как только получил звание, стал позволять себе такое...

– Ну, что вы такое говорите. Он ещё утром мне говорил, что ему нужно проводить родственницу из России, – заступилась за него Мария Васильевна...

Николай Сергеевич вышел к машине, но вспомнил, что забыл книгу, которую ему принёс товарищ. Он дал её на неделю, так что нужно было взять, тем более что книга эта была нужна для работы. Он взглянул на часы, вернулся, взял со стола книгу и сел в машину.

Дождь лил не переставая. Дорога была мокрая и блестела.

«Поезд в половине третьего, – подумал Николай Сергеевич. – Нужно торопиться». День был каким-то сумасшедшим. С утра моросил мелкий дождик. Потом вдруг опустился густой туман. Сегодня они уезжают... и, как назло, он задержался на работе.

Николай Сергеевич нажимал на педаль газа. Потом подумал, что по мокрой дороге ехать с такой скоростью небезопасно. Но нужно торопиться. Он хотел ещё купить цветы, но, видимо, придётся обойтись без них.

Николай Сергеевич был опытным водителем и лихо правил машиной, накрываясь к запотевшему стеклу и не обращая внимания на очертания высоких пирамидальных тополей вдоль дороги.

«Всё-таки нужно будет поменять «дворники». При таком ливне они не справляются, – подумал он. – Вот сейчас на встречной полосе врежусь на лихом развороте в замызганный грузовик...» И эти воображаемые сцены собственной и скорой гибели меняли восприятие им реальности.

И вдруг он увидел собачку, выскочившую на дорогу. За нею побежал мальчишка лет десяти. По встречной полосе быстро ехал рейсовый автобус. И он понял, что если сейчас собачка и мальчик не погибнут под колёсами автобуса, то у них уже не останется шансов уцелеть. Он скорее почувствовал, чем увидел, как люди, ожидающие автобус, истерически ахнули, и его внедорожник со всего хода врезался в большую корявую акацию...

На какое-то время Николай Сергеевич потерял сознание, но вскоре очнулся. Увидел, что к нему подбежали люди.

– Мальчишка цел? – спросил он и, услышав успокоительный ответ, закрыл глаза. Очень болела голова. «Теперь я уж точно не смогу их проводить... Жаль!»

Примчалась «Скорая» и увезла его в больницу...

Лечащий врач Иван Васильевич Литвиненко строго-настрого приказал лежать.

– У вас тяжёлое сотрясение мозга, перелом трёх рёбер, ушиб грудной клетки... С этим шутить нельзя!

И он лежал. К нему в больницу приходили коллеги, соседи.

– А Вера всё волновалась, – сказал Владимир Леонидович Николаю Сергеевичу. – Переживала, что не пришли проводить.

– К ней и торопился, – ответил Николай Сергеевич. – Да, видно, не судьба.

– А вы ей не позвонили?

– Звонил, но не говорил ничего о случившемся. Зачем волновать? Не приехал, потому что был занят...

– Напрасно не сказали. Она – медик. В обморок бы не упала. А полуправда – это та же ложь!

– Да чего же даром тревожить? Подлечусь и, как обещал, приеду. Правда, к началу учебного года уже не успею.

– Ну да... ну, конечно, – кивнул Владимир Леонидович.

Прошла неделя. Николаю Сергеевичу не разрешали даже вставать. Ежедневные капельницы, инъекции.

Палата была на две кровати, но лежал он в ней один. Заведующий отделением хорошо знал его и сказал молодому врачу, который вёл больного:

– Заслуженный художник, лауреат разных премий... наше национальное достояние... Обрати на него внимание... Если что нужно – сразу же говори.

– Да я на всех обращаю внимание. При чём здесь чины и звания?

– Ладно, не закипай. Просто проинформировал, кто он есть...

Через неделю Николаю Сергеевичу стало значительно лучше, но вставать ему всё ещё не разрешали, и он целыми днями лежал на спине, уставившись в потолок, и думал о Вере и Косте. Представлял, как они будут жить вместе, как он будет учить рисованию Костика. У мальчишки несомненные способности. Он показывал свой рисунок о защитниках Севастополя. Неплохо-неплохо... И фантазия есть!..

Принесли обед. Николай Сергеевич съел его без аппетита. Понимал: кушать нужно...

После обеда в отделении разрешены посещения, но он никого не ждал. Кто к нему мог прийти? Он в этом мире – один как перст.

Читать врач запретил. Нельзя напрягать зрение... Вот и лежал, внимательно рассматривая потолок. Представил себе, что этот потолок – формат его полотна и он на нём пишет картину, на первом плане – Вера. Чуть поодаль скала со смотровой площадкой. И он возится с костром, над которым висит котелок с водой...

Вдруг в дверь кто-то тихо постучал.

– Войдите! – крикнул Николай Сергеевич, ожидая увидеть кого-нибудь из коллег, но в палату вошла Вера Николаевна.

Удивлению его не было предела.

– Ты?! Как узнала?

– Володя позвонил. Как же так?

– Ну, случилось... Зато мальчишку не задавил. Он выбежал на дорогу за своей собачкой, а навстречу шёл рейсовый автобус. Вот и пришлось свернуть в кювет. Хорошо, что не в обрыв!

– А я... что только не передумала!

– Что со мною может произойти? Ведь я – Ник-бессмертный и очень тебя люблю! – успокоил он её.

ДВЕ БОЛЬШИЕ РАЗНИЦЫ!

Рассказ

Октябрь. Холодные капли дождя тревожно стучали по тротуару, а ветер торопил, словно говорил: чего ты тянешь? Решайся!

Евгения Юрьевна, тридцатипятилетняя женщина, прикрыв голову капюшоном плаща, прошла по Малой Арнаутской до Преображенской, потом направилась в сторону Тираспольской и оказалась на углу Дерibasовской. Сейчас нужно повернуть на Пастера, и тут уже рукой подать... На трамвае не поехала специально: хотела всё ещё раз продумать. Нужно, наконец, что-то решать. Так бесконечно долго продолжаться не может!

Евгения Юрьевна работала ассистентом в терапевтической клинике. На последнем курсе института вышла замуж за врача поликлиники, в которой проходила практику. Огромного роста весёлый мужчина, демонстративно подчёркивающий свою принадлежность к одесситам, то и дело вплетающий в свою речь смачные выражения, сразу привлёк её внимание. Тогда ей в нём понравилось всё – и стать, и ум, и образованность, и профессионализм. Его любили больные, коллеги обращались за советами. Странно, но в те мутные времена распада страны Григорий Павлович казался белой вороной: взятки не брал, работал как вол, тянул полторы ставки. При скромных своих доходах он, тем не менее, производил впечатление человека, уверенного в себе. От родителей ему досталась двухкомнатная квартира на Малой Арнаутской и почти новый японский внедорожник.

Так случилось, что Григорий Павлович стал сиротой неожиданно и быстро. От обширного инфаркта умер сравнительно молодым его отец, а через восемь дней ушла из жизни и мать, не представлявшая себе жизни без мужа. Несколько лет назад они отмечали серебряную свадьбу и пили за то, чтобы жить долго и умереть в один день. Жить долго у них не получилось, но умерли всё же почти в один день...

Через год после их смерти Григорий решил жениться и завести наследника, продолжить фамилию. Об этом мечтал его отец. И он часто с досадой на себя думал, что не поторопился, не успел при жизни исполнить его самую заветную мечту. Обратил внимание на хорошенькую студентку из медуны, светловолосую девушку с милыми ямочками на щеках. Ей было двадцать один, ему – тридцать. Чем не пара?

Увлечь девушку для него никогда не составляло труда. Он блистал остроумием, выразительно рассказывал анекдоты, неплохо играл и пел под гитару давно забытые одесские песенки, самые последние куплеты, которые собирал и переписывал в специальный блокнот:

*...Выпускник одесского ОБИРа,
Я имею что-нибудь сказать.
Наши одесситы в этом мире
Кое-что сумели доказать...
...Меня с Одессы занесло
Сюда, в Нью-Йоркское село...*

Через месяц после встречи Женечка вошла в его квартиру хозяйкой...

Прошли годы. Евгения Юрьевна поступила в аспирантуру, родила сынишку, защитила диссертацию, а Григорий Павлович всё так же работал кардиологом в той же поликлинике.

Со временем её чувства поблёкли, появились другие

интересы, новые знакомые, иное представление о том, как нужно жить... А недавно в её жизни появился Любомир, и теперь ей казалось, что она встретила, наконец, человека, которого так долго ждала. Ну и что, что у него жена и маленькая дочь, а у неё Юрочка?! От детей никто отказываться не собирается. Но почему надо собственную жизнь подчинять им? Живём ведь один раз! Второй жизни не будет!

Дождь усиливался, и Евгения Юрьевна на него уже не обращала внимания. Шумно прогрохотал трамвай. Повернув на Пастера, она достала из сумочки мобильный телефон и набрала номер:

– Привет, родной!

– Привет...

– Я уже возле твоего дома...

– Жду тебя... Поторопись, ведь у меня лекция через полчаса.

Сердце её стучало, как большой барабан.

«Вот так, прячась от всех... Торопливо... Боже, когда это кончится?! Не хочу больше обманывать Гришу! Сегодня же ему всё скажу! Будь что будет...»

Вошла в подъезд и вызвала лифт. Стояла и молилась, чтобы ни с кем не встретиться. Быстро юркнула в кабину и нажала кнопку. Лифт загрохотал, отсчитывая этажи...

Потом были торопливые поцелуи, ласки, шёпот...

По стеклу стучали капли дождя, словно торопили: пора прощаться. Сейчас она уйдёт на работу, а через полчаса он... Чтобы их не видели вместе... Чтобы никто ничего не подумал... Хотя понимала: в клинике наверняка все давно всё знают. Ей даже казалось, что жалеют её. Не первая она у Любомира и, наверное, не последняя. Но упрямо, как мотылёк на свет, летела в его объятия, не думая, что обожжёт крылышки... Отказаться от возлюбленного не могла.

– Пора... – тихо проговорила она и прижалась к нему.

– Пора, любимая, – кивнул он.

– Когда я тебя увижу?

– Через полчаса, – пошутил он. – Сегодня после лекции общий обход.

Евгения Юрьевна понимала, что вряд ли когда-нибудь они с Любомиром будут вместе. Взглянула на него с укором, но он загладил неловкость:

– Я, может, больше тебя жду наших встреч... У нас всё впереди...

Вечером всё повторилось с обратным знаком. Она вошла в лифт и отсчитала четыре вдоха. Вот и их четвёртый этаж. Входная дверь, звонок... и она в объятьях мужа. Он помог снять плащ, поцеловал в шею.

– Мне хорошо, когда ты рядом.

Она осторожно отстранилась.

– Гриша! Нам нужно серьёзно поговорить...

– Здравствуйте, я ваша тётя! Снова неприятности на работе? Бросай ты свою клинику и переходи к нам. У нас как раз заведующая ушла. Ты же не просто квочка какая безмозглая! Ты у меня – Алла Пугачёва! Кандидат наук, врач высшей категории... И мне будет хорошо – жена рядом. Буду пажом!

– Ты знаешь, я не люблю твой одесский жаргон. Тоже мне – биндюжник с Привоза! Ты же врач! А сказать хотела совсем не это. Ты садись, садись... Гриша, я полюбила другого мужчину! Не хочу тебя обманывать. И быть с тобой больше не хочу и не могу! Я думаю, Юрочка нас поймёт...

Григорий взглянул на жену, не понимая, о чём это она? Он словно споткнулся, дотронулся до горячего... Нельзя сказать, что он этого не предчувствовал... но не верил. Вот и случилось то, чего не должно было случиться! Как же это произошло? Он так и не смог её удержать!

В глазах его отразилась боль, которую он впервые почувствовал в сердце. Увидев это, Евгения Юрьевна отвернулась. Он замолчал. Плечи его опустились, он почему-то боялся на неё взглянуть, чтобы не сделать больно ей...

Встал, прошёл к двери.

– Кто он? Твой любящий весь мир шеф? Без отрыва от производства... Что ж, неплохо придумано: дёшево и сердито...

– Гриша... зачем?

Григорий поискал сигареты, потом вышел из комнаты. Она как сидела, так и продолжала сидеть. Через открытую дверь было видно, как он надел плащ, достал сигарету. Уже у порога, не оглядываясь, сказал:

– Хорошо... Я уеду. Мне как раз положен отпуск, так что отрабатывать не придётся. Квартиру и всё оставляю – вам с Юрочкой. Себе возьму машину и одежду...

– Ты куда в ночь? – спросила жена, удивлённая, с какой лёгкостью согласился муж на развод.

– Пройдусь...

Уехал он через неделю. Выписался, оформил увольнение, получил зарплату... Старался не думать о случившемся. Благодарен был жене, что не лгала, не тянула... Сыну было уже четырнадцать. Он всё понял. Стоял и смотрел на отца глазами, полными слёз. Юра всегда старался ему подражать. И сейчас понимал, что отец поступает так, как и должен поступить сильный мужчина.

– Ты, сынок, теперь за старшего! Помогай маме, защищай её, не огорчай...

– А ты куда?

– Не знаю... Приеду – позвоню...

Решил уехать подальше от родного города, в другую страну, в Россию. В прошлом году на съезде кардиологов в Москве Григория Павловича поселили в одном номере с коллегой из Ростова.

«Дурак, не взял ни адреса, ни телефона, – ругал себя Григорий Павлович. – Помню только, что зовут его Борисовым Валерием Михайловичем и работает в какой-то больнице. Да ладно: человек не иголка! Найду! По крайней мере, морда знакомая . . .» Тогда этот Борисов показался ему нормальным парнем, а Ростов-папа это вам не Одесса-мама, но родственник. Правда и эта «пара» сейчас в разводе! Сволочи! И кому это в голову пришло резать по живому, делить народ, разводить по национальным квартирам?!

Дорога в сторону Николаева была перегружена транспортом. Но Григорий никуда не торопился, вёл свою «Ласточку» и курил. Думал: «Пройдёт ещё немного времени, успокоюсь и брошу!».

Тяжёлые машины вконец разбили дорогу, то и дело приходилось притормаживать перед очередной ямой.

Григорий старался не думать о том, что произошло, напевал одесские песенки. Но едва не каждая так или иначе возвращала его к недавно произошедшим событиям.

*На одесском на майдане шум-переполох,
Полицейстер Беловани проглотил свисток,
Потому что утром рано у его жены
Кто-то из моих жиганов позабыл штаны...*

Когда Григорий въехал в город, было уже светло, и он решил в первом же кафе позавтракать. Неприсязательный в еде, он строго следил за режимом и считал это важнейшим условием здоровья.

Куда он едет, к кому, он не знал. Жить в районе не хотел. Привык к большому красивому городу. Вот и направил свою «Ласточку» в Ростов.

Неспешно позавтракав в придорожном кафе, Григорий продолжил свой путь «в никуда».

Между Николаевом и Херсоном ровная, как стрела, дорога. Здесь и машин заметно поубавилось, и можно было разрешить «Ласточке» свободный полёт в своё удовольствие. Но, как ни старался он догнать горизонт, тот всё убегал и убегал.

Вдалеке на обочине «голосовал» мужчина в плаще и кирзовых сапогах, с корзинкой, наполненной грибами. Григорий притормозил.

– Вус трапылось? – спросил Григорий, разглядывая старичка.

– Подбрось до Херсона, мил человек. Так случилось, что знакомец мой уехал. Мы после дождей в лесопосадках грибы собирали. Правда, денег нет. Сразу говорю...

– А как же он вас оставил-то? До Херсона далеко...

– Так ему жёнка звякнула. Там что-то случилось. Вот и поехал. А я остался. Решил: свет не без добрых людей. Как-нибудь доеду...

– Ну, садитесь... Корзинку на пол поставьте.

Мужик поставил корзинку, с трудом взобрался в машину, и они продолжили путь.

Пассажир представился Матвеем Фомичом. Рассказал, что всю жизнь прослужил в ракетных войсках, но, выйдя в запас, не знает, куда себя деть. В небольшой квартире, в которой жил со своей женой, всё отремонтировал, покрасил. Дачи у них нет, транспорта – тоже. Вот и пристрастился к рыбной ловле, охоте и к походам по грибы.

– В октябре, особенно после дождей, в лесопосадках много маслят и белых...

– А что ж ваш приятель?

– Приятель ещё служит... Что-то у него случилось. Видать, серьёзное...

Григорий старался вслушаться в болтовню старика, отгоняя мысли о жене, но они всякий раз возвращались. Наконец, он пробормотал досадливо:

– Это мы уже проехали...

– Что проехали? – не понял Матвей Фомич, но, так и не дождавшись объяснения, продолжал:

– А вы слышали – учёные предсказали вспышку на Солнце и магнитную бурю на Земле?

– Мало ли что предсказывают учёные! – скептически откликнулся Григорий. – Вспомните Вангу, астрологов разных... Сколько уже предсказывали конец света! А живём пока!

– Во-первых, это не астрологи, а авторитетные учёные, – возразил Матвей Фомич. – А во-вторых, всё вполне может произойти. Выйдут из строя трансформаторы и электрические сети. Дома можно зажечь свечку, а если отключить свет в больнице?! Вы прикиньте, сколько людей могут погибнуть?! Выйдут из строя водопроводные сети, отключатся холодильники. Жизнь замрёт... Вот вам и мировая катастрофа, конец света!

– Ну и картину вы нарисовали! Ужас! Но выбросы раскалённых газов на Солнце происходят регулярно, и пока ничего ужасного не произошло.

Григорий был доволен, что мужик попался говорливый. Его болтовня всё же отвлекала от липких мыслей о его личной катастрофе.

– А что вы скажете на то, что к Земле приближается огромный метеорит? – спросил Григорий. – Астрономы подтверждают существующий риск столкновения его с Землей.

– Что я могу сказать... Страшно, и непонятно, как защититься?! Говорят, готовят ракету, способную уничтожить его на подлёте. – Матвей Фомич пожал плечами, понимая, что никакой ракетой большой астероид перехватить не удастся. – Нет... что-то в мире происходит, – грустно сказал грибник. – Вы посмотрите: торнадо, землетрясения, потопы... Чем не предвестники апокалипсиса?!

– Весёленькую картинку вы нарисовали... – почти на автомате произнёс Григорий Павлович, а сам снова и снова терзал

себя мыслями: «Чёрт побери, почему же всё же это произошло? Она – молодая. Я вкалывал на полторы ставки... не мог ей дать того, что она хотела... Взятки не брал. Голые полторы ставки... вот и потянулась к красивой жизни. И винить её не за что. Виноват я, но уже ничего исправить нельзя!».

Матвей Фомич замолчал. Он понял, что у этого великана на душе беспокойно и его болтовня ему мешает думать...

Подъезжая к Херсону, старик произнёс:

– Обедать ещё рано, но, может, зайдёте. Чаем напоят с пирожками. Моя Мария Никитична – мастерица их печь!

– Спасибо... но я, пожалуй, поеду дальше. Ещё на таможене неизвестно сколько придётся штаны протирать. А за приглашение – спасибо!

Грибник взял корзину, кивнул и пошёл к дому.

Стоит ли описывать рытвины и буераки на пути от Херсона до Мариуполя? Ничего на том участке пути не происходило, если не считать, что Григория пару раз останавливали милиционеры и без стеснения просили деньги.

– Гони сто баксов! – весело сказал младший сержант, помахивая жезлом.

– Это с какой радости?

– Если бы было с какой, я бы не просил, а взял у тебя, и не сто, а все триста! Ты что, нездешний? – Милиционер взглянул на номер и воскликнул: – Та це ж наш! Из Одесі? А я думав, москаль. Так не будь жмикрутом, дай сто баксів! Під як потрібно! – Милиционер провёл жезлом по своей шее.

– Ты что, не был на толкучке?

– А що я там не бачив? Я сьогодні вихідний. А в Одесі на товкучці, так це правда! Там цього добра до чорта! Мені корефан розповідав, що там все що хочеш є, і майже даром! Маму з татом можна купити...

Григорий от всей души рассмеялся.

– Это точно!

– Кто купе бакси, хто продає свій старий партквиток, ордена ... Все і на будь-який смак, як в борделі!

– Ты таки прав, но я не оттуда! Разбежались, и тебя здесь не было! Ты меня таки сильно смутил, чтоб я так жил! Я же не знал, что ты к тому же вышел на охоту не в своё рабочее время! Я погнался, а ты ещё посиди в засаде. Только целься лучше! Машин-то сейчас много шландают туда-сюда. Может, и повезёт.

Так и не добившись желаемого, сержант ДАИ, молодой белобрысый парнишка, вынужден был отпустить водителя «Лексуса».

Странно, но на таможенном посту Григория пропустили без проволочки. То ли проверяющие нагрязнули, то ли скопилось много машин, но, подписав декларацию и какие-то документы, ему открыли шлагбаум.

В девять вечера он въехал в Ростов, и направил свою «Ласточку» в центр города. Решил найти знакомого. На съезде кардиологов тот говорил, что работает в кардиологическом отделении городской больницы. Но сколько здесь городских больниц?! Подъехал к поликлинике. Время было позднее, и кроме уборщицы он никого не застал. В приёмном отделении, размещённом в соседнем с больницей здании, стоял такой гул от скопления людей, что Григорий Павлович понял: сегодня своего московского приятеля вряд ли увидит. За углом на первом этаже девятиэтажки обнаружил скромную вывеску «Просто аптека». Название чем-то неуловимо напомнило ему Одессу, и он направился к ней.

– Бога ради, извините, но у меня необычный вопрос. Я приехал из другого города, но приятеля, к которому ехал, пока не нашёл... – забормотал Григорий Павлович, хорошо понимая нелепость ситуации.

– Но мы здесь приятелей не ищем... – раздражённо проговорила худощавая женщина с усталым лицом. Потом взглянула

на Григория Павловича и, увидев, что это вполне солидный мужчина, изменила тон. – Чем я-то могу вам помочь?

– Может, вы знаете Борисова Валерия Михайловича... Кардиолог... Заведует отделением...

Фармацевт рассмеялась.

– Мужчина, вы с какого села приехали? Из Кундрючки? Это же Ростов! Большой город! Откуда мне знать вашего приятеля?

– Потом, увидев его искреннее огорчение, предложила: – Пере ночуйте, а утром в городское управление здравоохранения идите. Там точно знают.

– Понятно... Спасибо...

Григорий Павлович вышел на улицу. Было уже совсем темно. Он встал у машины и закурил. Что ему ещё оставалось делать? Искать гостиницу? Не спать же в машине, чёрт побери!

Не успел он выкурить сигарету, как из аптеки вышла та самая женщина, у которой он только что пытался узнать адрес Борисова. Взглянув на машину и стоящего рядом грустного мужчину, улыбнулась и подошла. Худая и высокая, она, тем не менее, была на голову ниже Григория Павловича.

– Всё ждёте приятеля?

– Не знаю, что делать.

– Вы и телефона его не знаете?

– В том то и дело, что не знаю... шапочное знакомство. На съезде кардиологов в одном гостиничном номере жили...

Женщина с любопытством взглянула на Григория Павловича.

– Вы врач?

– Врач. Что это меняет?

– А сколько вас?

– Не понял. Один я и моя «Ласточка».

– «Ласточка» – это машина?

– А кто же ещё?

– Надолго к нам?

– Не знаю... Нужно снять угол, устроить «Ласточку» на стоянку, найти работу...

– Семейю привезти... детей... – продолжила за него женщина.

– Некого мне привозить... Один я...

Женщина не стала расспрашивать, откуда приехал этот великан и почему он один, сказала просто:

– Есть вариант: живу я неблизко, но могу сдать вам комнату. И машину можно во дворе поставить. Возьму недорого...

Теперь Григорий Павлович с любопытством взглянул на женщину. Потушив сигарету и открыв дверь, пригласил её в машину.

– Ну, что ж, удачное предложение. Не беда, что живёте не на Дерибасовской. В таких случаях у нас в Одессе говорят: «Не берите в голову и перестаньте сказать!»! Садитесь, и поедем! К вам, разумеется! Но сначала разрешите представиться: меня зовут Григорием Павловичем. Фамилия – Беленький. Недавно разошёлся с женой и приехал сюда, чтобы устроить свою жизнь. Вот мои документы.

Он достал паспорт и подал его женщине. Та взяла документ, сравнила фотографию, пролистала. «Действительно, выписан из квартиры... Одессит...»

– А я – Людмила Ивановна Карпухина... Знакомиться продолжим дома. Поехали. На дорогах сейчас пробки, все возвращаются с работы.

Они подъехали к небольшому дому, стоящему на улочке, круто спускающейся к Дону. Во дворе – гараж. Людмила Ивановна открыла ворота, и он въехал на участок, аккуратно уложенный тротуарной плиткой. Дверь дома отворилась, и в светлом проёме показалась фигура парнишки. Он не делал попыток помочь матери, просто стоял и смотрел на въезжающий во двор внедорожник.

Людмила Ивановна закрыла ворота и, увидев сына, представила его:

– А это Дмитрий... Димочка, Григорий Павлович из Одессы, он доктор. Поживёт у нас несколько дней.

– Добрый вечер! – буркнул парнишка и ушёл в свою комнату.

Григорий Павлович достал из багажника небольшую сумку, в которой лежали спортивный костюм, зубная щётка, паста, бритвенные принадлежности...

Людмила Ивановна показала ему комнату.

Небольшая, с окном, выходящим в сад, деревянная кровать, письменный стол, этажерка с книгами, шкаф. Видно, семья жила очень скромно и эту комнату специально подготовили, чтобы при случае сдать квартирантам. Но желающих забираться в такую тмутаракань было немного.

– Вот ваша комната. Располагайтесь, а я пойду поставлю чайник, сейчас ужинать будем.

– Спасибо. Чаю выпью с удовольствием. К сожалению, вас мне нечем угостить. Я прямо с дороги и не знал, где буду ночевать...

– Рисковый вы мужчина...

Людмила Ивановна вышла и прикрыла за собой дверь. Григорий Павлович сел в кресло, стоящее у стола, и огляделся. Комнатка небольшая, но ему больше и не нужно. Постель чистая, словно хозяйка знала, что сегодня придёт постоялец. На этажерке – русская классика. Парнишка примерно такой же, как его Юрочка...

Переодевшись и приведя себя в порядок, Григорий Павлович вошёл в кухню, которая одновременно служила и столовой.

– Уважаемая Людмила Ивановна! Чтобы вы таки были здоровы, но вы не сказали, сколько будет стоить мне это удовольствие?

– Другой бы сказал, что жить в тиши, вдалеке от городской суеты, да ещё с такой хозяйкой, – большое удовольствие.

Людмила Ивановна переделалась и помолодела. Улыбка не сходила с её лица.

– Чтоб я так жил, вы таки правы! И всё же...

– Ну, если вы настаиваете... Нет, давайте вернёмся к этому вопросу позже... Вы же ещё твёрдо не решили, что останетесь в Ростове. Да и работу вам ещё нужно найти!

– Я таки на вас, Людмила Ивановна, удивляюсь! Но чтобы прекратить этот бесполезный спор, вот сто долларов за то, что вы дали нам с моей «Ласточкой» приют в эту хмурую октябрьскую ночь.

– Что это вас потянуло на одесский сленг?

– Простите... Это ещё будет некоторое время. Одесса... Да и настроение у меня хорошее. И всё же?

– Завтра об этом поговорим.

– Хорошо. Только, пожалуйста, верните мне паспорт, а то кто со мною будет разговаривать без него?

Людмила Ивановна протянула гостю его паспорт и стала разливать чай. К чаю были блины, варенье, мёд... В кухню вошёл Дмитрий и молча сел напротив.

За ужином Григорий Павлович многое узнал о семье Карпухиных.

Людмила Ивановна около двух лет назад овдовела. Живёт с сыном, учеником десятого класса. Из родственников осталась мать мужа и её родители, которые живут в станице в районе Новошахтинска. Приезжают редко. Дмитрий мечтает после окончания школы обязательно отслужить в армии и лишь потом продолжить учёбу... Любит технику... Людмила Ивановна ещё до замужества в Пятигорске получила образование фармацевта и вот уже много лет работает в одной из ростовских аптек. В частных аптеках заработки побольше, но и нервогрёпки хватает. Иногда приходится рисковать, продавать просроченные лекарства, «втюхивать» всякие БАДы, за что хозяин начисляет надбавки. Однако всё равно: зарплаты едва хватает...

– Вот и приходится крутиться... Конечно, вы можете найти себе пристанище и получше. Но я предлагаю вам то, что имею...

– От добра добра не ищут... Думаю, это именно то, что мне сейчас нужно. Что касается оплаты...

– Думаю, вы в обиде не будете, – продолжила Людмила Ивановна. – Кстати, могу взять на себя труд по уборке, стирке белья... Если захотите, с полным пансионом. Готовить вам могу... Правда, и стоять это будет долларов семьсот в месяц. Не меньше.

Людмила Ивановна взглянула на великана и опустила глаза. Ей был неприятен этот разговор.

Григорий Павлович достал из кармана деньги, отсчитал и положил перед хозяйкой:

– Здесь за три месяца. Думаю, за это время я найду работу, хотя слышал, что легче найти пульс на протезе, чем хорошую работу в Ростове. Но будем надеяться на лучшее!

Так Григорий Павлович и поселился на улице Портовой в домике Людмилы Ивановны Карпухиной.

Утром после завтрака он подвёз её на работу и по её рекомендации зашёл в ближайшую поликлинику. Заведующая, пухленькая миниатюрная женщина лет пятидесяти с неожиданно прокурненным голосом, внимательно оглядев Беленького, с явным сожалением произнесла:

– Вы же иностранец. У вас ведь нет даже вида на жительство... Не знаю, как вам помочь... Нам врачи нужны, но... – Она снова взглянула на паспорт. – А где же вы жить собираетесь?

– Снял комнату. Через пару дней буду прописан...

– Не так это просто... Но мы вот что сделаем. Оставьте мне ваши документы. Попробую помочь с видом на жительство...

– Я хотел бы получить гражданство. Понимаю, что это и дольше, и сложнее, но я...

– Об этом пока рано говорить. Не исключено, что расходы потребуются. Где вы устроились?

– Снял комнату на Портовой...

– Зачем же так далеко?!

Она снова оценивающе взглянула на великана.

– У меня машина... Нет проблем...

– Если не секрет, что произошло, отчего бросили свою Одессу?

– Разошёлся с женой. Правда, развод ещё не оформлен...

– Сочувствую... Но смотрите: гражданства нет, вида на жительство, прописки нет... Я просто не имею права вас принимать... но вы нам очень нужны, если, конечно, верить вашим документам. Но... не могу...

– А если нельзя, но очень хочется...

– Бросьте свои одесские штучки! – строго сказала главный врач, разглядывая трудовую книжку и диплом Григория Павловича. Потом достала сигареты и закурила. – Странно. Вы действительно врач?

– А что вас смущает? Кстати, мы весной с одним из ваших кардиологов встречались в Москве на съезде. К сожалению, я даже не знаю, где он работает. Вот кто мог бы подтвердить, что я – врач. Заверяю вас, я не алкоголик и не наркоман. Впрочем, вы обо мне можете узнать, позвонив в Одессу на моё старое место работы. Телефон могу дать.

Всё это время, пока Григорий Павлович уговаривал главного врача, она напряжённо думала: «Мужик – хоть куда и, считай, холостой! Неужели такое возможно?! Своими ногами пришёл. И искать не надо. Его нельзя упускать!». Потом, вскинув голову, спросила:

– Неужели вы и имени врача, с кем встречались на съезде, не запомнили?

– Почему же. Фамилия его – Борисов, а зовут Валерием Михайловичем. Знаю, что работает в какой-то городской больнице.

Главный врач вдруг расплылась в улыбке. Она вызвала секретаря и попросила соединить её с Борисовым.

Через несколько минут секретарь, миловидная девчушка, по громкой связи сообщила:

– Валерий Михайлович на связи...

Главный врач улыбнулась, снова взглянула на Григория Павловича, стараясь заметить замешательство или испуг, но, ничего подобного так и не увидев, сняла трубку.

– Валера? Зуева беспокоит. Помнишь, кажется, в апреле ты ездил на съезд кардиологов. Ты где жил? В гостинице «Космос»? Один снимал номер? Нет? С одесситом? Как его звали, не помнишь? Имени не помнишь, а фамилия Беленький? Не можешь мне что-нибудь сказать о нём? Понимаю, что за три дня... Водки-то попили? Нет?! Странно для одессита. Зачем? Потом как-нибудь расскажу. Ну, спасибо, дружок!

Она положила трубку, и в кабинете настала тишина.

Отпускать такого врача она не хотела, но и оформить на работу не могла. Потом, видимо на что-то решившись, сказала:

– Сделаем так. Пока я тебя оформлю временно по договору. За это время ты приведёшь свои документы в порядок, после чего и оформим как полагается.

Григорий Павлович не помнил, когда они с этой дамочкой перешли на «ты», но сообразил, что прошёл какой-то тест и теперь она обращается так, как ко всем своим сотрудникам: по-хозяйски и на «ты». Он не стал протестовать.

Главный врач вызвала кадровика и приказала составить договор о сотрудничестве, определив местом работы второе терапевтическое отделение. Потом по телефону вызвала заведующую отделением и представила ей нового сотрудника:

– Опытный врач... кардиолог... пока поработает у нас по договору. Он иностранец!.. Вместо Соколовой... Хоть одну дыру прикроем...

Григорий Павлович вышел из поликлиники часа в два. Зашёл в ближайшее кафе выпить чашечку кофе. Потом заглянул в магазин и купил баночку кофе, сахар-рафинад, галетное печенье.

До конца работы в аптеке было ещё далеко, и он, припарковав машину, пошёл на центральный рынок и удивился обилию овощей, фруктов, мяса, рыбы... Чего здесь только не было?! Подумал, что ростовский рынок вполне может конкурировать с одесским Привозом.

Сделав кое-какие покупки и уже возвращаясь к машине, у выхода увидел женщину, держащую за короткий поводок трёхмесячного щенка.

– Купите, – предложила женщина. – Чистопородная овчарка. И документы есть...

– Чего же продаёте? – спросил Григорий Павлович.

– Прожорливым уж больно оказался... А нам самим есть нечего... Вы посмотрите, какие у него зубы! Шерсть! Купите. Возьму недорого...

– Сучка?

– Сучка! И имя у неё красивое: Леди.

Когда Григорий Павлович подъехал к аптеке, из заднего окошка виднелась мордашка Леди, с любопытством следившая за дорогой.

– О, у вас прибавление? А говорили, что в Ростове нет родни, – проговорила Людмила Ивановна, подходя к машине.

– Родственники – дело наживное, – весело ответил Григорий Павлович, довольный удачным днём. – Вот через Леди мы и с вами породнимся! Я ей склочу будку, сухого корма накупил. Пусть сторожит дом!

Людмила Ивановна была рада, что квартирант заехал за нею. Посмотрела на щенка и сказала:

– Сын с детства мечтал о собаке... но муж всё время болел, так что нам было не до ребячьих капризов.

– Она ещё маленькая. Подрастёт – отдадим на дрессировку, чтобы был у нас пёс учёный ... Поехали?

Клавдия Алексеевна Зуева в тот вечер засиделась на работе. Уже надев лёгкое демисезонное пальто, она взглянула на себя в зеркало. «Да, Кикимора... Нет, баба Яга! По дороге зайду в “Камелию”. Пусть Верочка сделает укладку, ногти приведу в порядок... Совсем себя забросила! Нельзя так... тем более что завтра должен прийти этот одессит... Интересный типчик, и разница в возрасте не такая уж вызывающая!..»

Терпеливо ожидающему хозяйку водителю бросила:

– Коля! Свободен. Завтра как обычно...

Спустилась по мраморной лестнице и вышла на улицу.

Вечерний Ростов пестрел рекламой. По улице осторожно, словно на ощупь, ползли машины. Хорошо хоть, что этот осенний дождик прекратился.

Клавдия Алексеевна посмотрела по сторонам и направилась к салону красоты с нежным названием «Камелия». «Почему “Камелия”?» – подумала она. – Надо будет спросить у Верочки.

Пройдя квартал, оказалась перед залитыми холодным светом дверьми салона.

– Веруня! Сделай меня красивой! Понимаю, что сбросить мои года ты не в силах, но заретушировать морщины и мешки под глазами можешь! Постарайся... Очень нужно!

– Это можно! – весело сказала пышная блондинка в шёлковом халатике. Народа почти не было, и она обрадовалась своей постоянной клиентке. – Никак снова влюбились?

– И не говори! Но пока так, присматриваюсь. Вышла на охоту.

– А объект-то достойный?

– Хищник... тигр или барс... Бог его знает... Ты мне скажи, чего это ваш салон «Камелией» назвали?

– А кто его знает? Хозяйка повёрнута на Греции.

– Странно... – сказала Клавдия Алексеевна и уселась в кресло перед зеркалом.

– Она нам даже рассказывала легенду об этой камелии.

– Легенду?

– Будто Амур попросил мать найти ему новый предмет для обожания. Та предложила поискать ему возлюбленную в других мирах. На Сатурне у замёрзшего озера сидела прекрасная девушка и пела песню. Ничего подобного не приходилось сыну Венеры видеть раньше. Он выпустил в неё стрелу, но девушка была безучастна к его чувствам. Обиженный Амур вернулся к матери и заплакал. Венера решила наказать обидчицу. Богиня превратила её в прекрасный, но бездушный цветок – камелию. Чудные белые, розовые, ярко-красные, они не имеют ни запаха, ни нежности.

– Ты, Веруня, всякий раз меня поражаешь. Тебе бы книжки писать... Ну, хорошо...

– Мыть голову будем?

– Делай всё что хочешь, но я должна быть неотразима!

Через два часа Клавдия Алексеевна вошла в свою квартиру и включила свет во всех комнатах. Ей хотелось праздника... В огромной квартире она жила одна с тех пор, как муж ушёл к молодой вертихвостке. У взрослого сына своя жизнь... Когда-то многое зависело от неё. Но скоро ей стукнет полтинник... И на душе, как на дворе, холодно и сыро... А этот одессит... это ж нужно... как снег на голову, только что не из воды, а из Одессы, и не в чешуе, и без Черномора! Что это? Подарок судьбы или...

Достала из шкафа новый костюм. «Завтра надену, – подумала она. – Я должна быть в форме...»

Утром, по привычке выпив чашечку кофе, Клавдия Алексеевна внимательно рассмотрела себя в зеркале и, наконец, надев пальто, вышла к уже поджидавшей её машине. Странное дело, она шла на работу, словно на свидание!

За пятнадцать минут до начала рабочего дня Григорий Павлович поднялся к заведующей терапевтическим отделением. Та

проводила его в кабинет кардиолога, познакомила с медсестрой и, пожелав успешной работы, ушла.

Всё было как обычно. Медсестра, эффектная блондинка с соблазнительными формами в капроновом, почти прозрачном халатике, с интересом наблюдала, как работает новый врач. Больных было много, но новенький уверенно и неторопливо принимал их, читал кардиограммы, выписывал рецепты...

Во время приёма в кабинет несколько раз навевывалась главный врач с заведующей отделением. Понятное дело: новый кардиолог. Но так ничего и не сказав, уходили. Видно, не хотели смущать новенького.

Время смены давно прошло, а врач никуда не торопился. Что-то объяснял больной...

– Мне пора сынишку из садика забирать... – сказала медсестра, капризно надув губки, обидевшись, что за время работы этот орангутанг так и не взглянул на неё как на женщину.

– Вы можете идти, – кивнул Григорий Павлович, даже не поднимая глаз. – Спасибо. Там ещё трое больных. Приму без вас. А вообще нужно регулировать приём. Повторным выдавать талончики... Рабочий день оканчивается с последним пациентом.

Медсестра ушла. Когда Григорий Павлович закончил приём и собирался уже уходить, по телефону его пригласила главный врач.

– Как прошёл первый день? – улыбаясь, спросила Клавдия Алексеевна, приглашая его сесть.

– Всё нормально... Тяжёлых больных не было.

– Это хорошо... Больные – наши кормильцы. Важно только знать меру, понимать, кто и сколько может дать... У нас могут быть и вызовы кардиолога на дом. Но когда планируется такой вызов, у тебя, соответственно, будут снимать несколько талончиков на приём...

– Нет проблем... Хорошо бы иметь ещё полставки... Больных уж очень много...

– Понимаю. Подумаем... Тем более что торопиться, как я понимаю, не к кому... Или я ошибаюсь?

– Не ошибаетесь. Куда мне торопиться? Вот вчера щенка купил. Он один меня и ждёт...

– Зачем же так грустно... У тебя ещё всё впереди... Я тоже живу одна... Знаешь, иногда даже домой идти не хочется.

Клавдия Алексеевна привычно достала из пачки сигарету и ждала, что Григорий Павлович поднесёт ей зажигалку, но тот сидел напротив, даже не шелохнувшись. Тогда она сама прикурила и с видимым удовольствием затянулась. – Кстати, я уже связывалась со своим приятелем, передала твои документы. Обещал быстро сделать вид на жительство... Так что, думаю, скоро всё наладится...

– Спасибо...

– А как ты устроился?

– Нормально. Я непритязательный... Хочу познакомиться с городом. После Одессы пока не могу привыкнуть...

– Хочешь, я сегодня буду твоим гидом? Я – коренная ростовчанка. Познакомлю с интересными людьми...

Григорий Павлович взглянул на Клавдию Алексеевну и опустил голову.

– Спасибо... но как-нибудь в другой раз. Должен кое-что сделать для своего питомца, купить витамины, всякую ерунду...

Клавдия Алексеевна мысленно уже себя ругала, что форсирует события.

– Конечно-конечно... как-нибудь в другой раз. Да и погода совсем не для прогулок... Будем надеяться, что всё будет хорошо...

Григорий Павлович вышел от главного врача, снял халат, надел куртку. Посмотрел на часы. Скоро можно будет захватить за Людмилой Ивановной. Зашёл в «Кулинарию» и купил к чаю пирожные. Ему хотелось поскорее вернуться домой. Подумал, что быстро привык к новому месту и уже называет его домом.

Вечером всё произошло естественно и само собой. После ужина Дима взял на поводок Леди, предупредил, что погуляет с часок, потом должен ещё подготовиться к контрольной в школе.

Людмила Ивановна убирала со стола и что-то рассказывала. По предложению Григория Павловича, они перешли на «ты»:

– Мы с вами почти ровесники, живём одним домом. Чего нам друг другу «выкать», тем более, не буду скрывать, чувствую себя так, будто знал вас много лет...

– Пусть так... – согласилась Людмила Ивановна. – Только пить на брудершафт не будем. Ты лучше расскажи, как прошёл первый день?

– Нормально, только не нравится пристальное внимание ко мне моего главного врача. Я – битый заяц... понимаю, чего хочет эта хищница...

Людмила Ивановна покраснела. Подумала, что ведь и она – хищница. И ей нравится этот великан...

На замечание Григория о главном враче она никак не отреагировала.

Потом разговор зашёл о том, что сегодня болеть и лечиться накладно. Врачи берут взятки, лекарства дорогие, жулья развелось много.

– Напрасно ты так... Я не беру взяток. От благодарности не отказываюсь, но денег принципиально не беру. А у вас в аптеке какие взятки? Получил по накладной таблетку, отпустил... Вот и вся история!

– Странно... Ты, Гриша, наивен как младенец! То, что зарабатывают фармацевты, это вершина айсберга. Но если я тебе всё расскажу, ты меня считаешь сумасшедшей!

– Я умею слушать и обещаю: что бы ты ни рассказала, отнесусь к этому серьёзно.

– И не будешь смеяться...

– И не буду смеяться, – как клятву повторил Григорий.

– Но что такого ты можешь мне рассказать, чтобы я счёл тебя сумасшедшей?

– Не торопись... Для начала я хочу тебе напомнить Маркса.

– Карла Маркса?.. – Григорий подумал, что поторопился давать обещания.

– Именно его! Это он говорил, что нет преступления, которое бы не совершили за триста процентов прибыли. Процент прибыли в фармакологической промышленности превышает тысячу процентов! Ты-ся-чу!

Григорий пока никаких отклонений психики не заметил и серьёзно слушал.

Люда продолжала:

– Поэтому те, кто в этом бизнесе, готовы живьём сожрать всех, кто им будет противодействовать. Могут и в психушку запрягать, лишь бы не мешали им делать деньги!

Григорий пока ничего не понимал. Подумал только, что везёт же ему на умных баб! Жена мечтала открыть Америку. Познакомился здесь с другой, и та говорит уже загадками...

– Ну, хорошо. Бизнес есть бизнес. Каким боком это касается тебя? Ты же не хозяйка аптеки!

– А ты знаешь, сколько стоит химиотерапия онкологического больного? – вдруг изменила тему Люда.

– Насколько я помню, они получают препараты бесплатно.

– Это далеко не так. Здесь онкологи и делают свой бизнес. Говорят о квотах... Чтобы получить квоту, платят огромные деньги. Кстати, это не только в онкологии. Чтобы получить квоту на гемодиализ при почечной недостаточности, платят бешеные деньги. То же – на получение бесплатного лечения при рассеянном склерозе... Рекомендуют препараты, которые не входят в так называемый «бесплатный» набор лекарств...

– Да откуда тебе всё это известно? Наверное, так и есть. Но откуда ты-то об этом знаешь?

– Этим вопросом я заинтересовалась несколько лет назад, когда заболел муж. Вычитала в одном английском журнале...

– Ты читаешь по-английски?

– Так же свободно, как и по-русски... Так вот, прочла в журнале статью, которая перевернула многие мои представления. К сожалению, тот журнал мне попал на глаза, когда Серёжа уже ушёл из жизни...

– Если тяжело, может, не стоит об этом...

– Нет, мне нужно выговориться. Я тебе и комнату сдала, потому что ты врач. Должен понять...

– Должен? Но пока ничего не понимаю...

– В том журнале я прочитала, что в косточках абрикосов, в семенах яблока, персика, вишни, винограда есть вещество, способное убить раковую клетку...

Григорий взглянул на хозяйку и подумал: «Ну и попал же я! Здесь далеко зашло!». А она продолжала:

– Миллионы долларов тратят на исследования и продажи дорогостоящих противораковых химиопрепаратов... Но если будет найдено простое и дешёвое лекарство, это будет означать крах фармацевтической индустрии...

Григорий молчал. Пока всё, что говорила эта худенькая женщина, было логично.

– А теперь вспомни: когда-то люди тысячами гибли от цинги! Но стоило им начать питаться продуктами, богатыми витамином С, и её победили!

– Но нам говорили, что употреблять в пищу абрикосовые косточки, горький миндаль нельзя, там есть синильная кислота, и это очень опасно!

– После той статьи я стала целенаправленно искать сведения об этом. Оказалось, что в косточках абрикоса, миндаля и других плодов есть витамин бэ семнадцать! Он-то и обладает противораковыми свойствами. Биохимик из Сан-Франциско, выдвинул теорию, что рак, подобно цинге и пеллагре, является

болезнью дефицита витамина бэ семнадцать. Он содержится в семенах плодов миндаля, абрикоса, терновника, вишни, сливы, а также в кукурузе, просе... Раньше мы употребляли в пищу просяной хлеб...

– Но влиятельнейшие и богатейшие люди погибали от этого страшного заболевания, – возразил Григорий. – Неужели они не могли выступить единым фронтом против тех, кто мешал этим исследованиям? Если мы смогли победить цингу, почему бессильны против рака?

– Значит фармацевтические транснациональные корпорации сильнее! Они запугали всех цианидом, который действительно есть в ядрах этих косточек. Но витамин бэ двенадцать тоже содержит цианид, однако никто не убирает его из аптек. По мнению американцев, от пяти до тридцати косточек абрикоса, съеденные в течение дня, могут быть хорошей профилактической дозой.

– А как же цианид? – не выдержал Григорий, увлечённый рассказом.

– Каждая молекула этого витамина состоит из одного соединения цианида, упакованного в других соединениях глюкозы. Чтобы цианид стал опасен, в первую очередь необходимо освободить его, на что способен только особый фермент – бета-глюкозидаза. Его в тканях организма в сто раз меньше, чем в раковых клетках! Цианид освобождается только в раковых участках тела. Это и объясняет механизм противоопухолевого действия!

На какое-то время Люда замолчала. Молчал и Григорий. Потом, вскинув голову, спросил:

– Не понял. Так над чем здесь можно смеяться?

– Не над чем, а над кем, – поправила его Люда. – Я убеждена: рак – результат дисбаланса витаминов и минеральных веществ.

– У меня, наверное, дырявая голова, – проговорил Григорий. – Всё логично. Что дальше? Представь, что ты займёшься лечением опухолевых больных и что-то получится не так. Или

больной, поверив тебе, откажется от общепринятого лечения... Представляешь, какие последствия могут быть?!

– Но я не собираюсь лечить людей таким образом. Мне хотелось бы прошибить эту стену... Впрочем, наверное, я напрасно тебе всё это рассказала...

– Да нет, не напрасно... Только нужно глубже познакомиться с проблемой. Что уже сделано?

– Я где-то читала, что витамин бэ семнадцать выделили в чистом виде.

Люда вдруг замолчала. Григорий подошёл к ней. Истоковавшаяся по мужской ласке, она прислонилась к нему. На глазах её выступили слёзы.

– Всё будет хорошо, – произнёс Григорий.

– А как же твой главный врач? – тихо спросила Люда.

– Ну, об чём ты говоришь? Я похож на идиота? Даже сравнивать вас не хочу. Это – две большие разницы!

Успокоенная этими словами Люда прижалась к Григорию всем телом, и ей впервые за последние годы стало на душе тепло и спокойно.

ПРОСТИ МЕНЯ, ДЕДУШКА...

Рассказ

На дворе цвела многоцветьем осень, покрывая мягким ковром из жёлтых листьев больничный двор. Моросил мелкий холодный дождик, а у главного входа радовала посетителей огромная клумба алых, белых, жёлтых роз, по краям которой росли астры, хризантемы необычайных цветов, как будто это был не октябрь и до зимы ещё далеко. Обычно между корпусами старой городской больницы можно было видеть отдыхающих в этом райском уголке больных, сотрудников в белых халатах, но в эту дождливую погоду все попрятались в своих отделениях.

Карета скорой медицинской помощи подъехала к хирургическому отделению. Фельдшер и доктор бригады высадили худощавого седого старика в чёрном костюме и, подхватив под руки, осторожно повели в здание.

– Там сумка с моим барахлом... – сказал старик.

– Сейчас. Проводим вас в палату и принесём...

– Ну да... ну конечно...

Илье Григорьевичу Воробьёву выделили одноместную палату с душевой кабинкой и туалетом. В отделении таких было две. Их называли коммерческими и клали туда больных, способных платить немалые деньги за то, чтобы лежать в таких условиях. Но поступил приказ главного врача госпитализировать Илью Григорьевича бесплатно и на неопределённый срок.

Ни бригада скорой помощи, ни те, кто его принимал, не знали, с каким заболеванием кладут старика. Приказы начальства не было принято обсуждать. Между тем, когда-то Илья Григорьевич

заведовал этим отделением, но было это давно, и в отделении не осталось людей, кто бы об этом помнил. Много воды утекло с тех пор. Страна, в которой он тогда жил, исчезла. Постепенно ушли люди, с которыми работал. Времена стали другими. Когда-то врачам вменяли в вину, если они принимали в знак благодарности бутылку коньяка, коробку конфет, даже цветы, а сейчас... Другая страна, другие правила игры... Илья Григорьевич даже удивился, как легко пошёл на его госпитализацию новый главный. Он его уж точно не знал. Сколько после его ухода сменилось главных, и не сосчитать! Но, видно, всё же слышал о нём. Не отказал... Правда, Илья Григорьевич обещал больнице отписать свою трёхкомнатную квартиру. Главный обрадовался:

– Мы сделаем общежитие для медсестёр. Их у нас катастрофически не хватает...

Когда-то Илья Григорьевич был успешным и весёлым человеком, неплохим хирургом. В быту легкомысленный и расхлябанный, он менял жён как перчатки, так и не нажив с ними наследников. Прожив долгую и богатую приключениями жизнь, на старости остался совсем один. Какое-то время ещё легко и ненадолго сходилась с молоденькими сестричками, санитарочками. Об этом сплетничали, но никто жалоб не писал. Ему всё прощалось, потому что хирургом он был, как говорится, от Бога! Легко и с удовольствием делился опытом, знаниями, и многие считали себя его учениками... Но прошло время, и те врачи тоже постепенно ушли, а их ученики не знали даже имени доктора Воробьёва.

Много лет назад, после инфаркта, он вышел на пенсию. Его место занял молодой талантливый хирург из варягов. Главный познакомился с ним где-то на съезде и пригласил на заведование...

Как Илья Григорьевич провёл все эти годы, известно мало. Богатства не скопил, жил скромно. Родственников у него не было, многие друзья ушли из жизни.

В последние годы пытался экономить, копил деньги, прятал их так, что потом приходилось долго искать. Думал, что за деньги можно купить всё... Но, как оказалось, не всё!

Потом была последняя неудачная попытка создать семью... Вскоре он ощутил свою беспомощность. Накопления исчезли быстро. Нужно было покупать продукты, лекарства, цены на которые взлетели до небес. А когда стало невмоготу, он позвонил главному врачу. К удивлению, тот о нём слышал и быстро решил все проблемы. Вызвали нотариуса, оформили дарственную... Ему выделили палату в его родном хирургическом отделении...

Оставшись один, Илья Григорьевич внимательно огляделся. В его бытность таких палат не было. И что в ней хорошего? Маленькая, мрачная, с одним окном, затенённым огромным тополем. «Летом совсем темно будет, – подумал он. – Впрочем, до лета ещё нужно дожить!».

Медсестра, девушка лет двадцати, внесла его сумку и поставила у кровати.

– Вам помочь? – спросила она, равнодушно разглядывая старика и даже не представляя, что когда-то он здесь был полновластным хозяином. Но слышала, что кладут его сюда надолго... и он страдает неизлечимой болезнью: старостью.

– Спасибо... Я сам...

Первым делом он достал толстую тетрадь и шариковую ручку, положил на край стола, объясняя наблюдающей за ним медсестре:

– Старики любят писать мемуары, с высоты прожитых лет давать оценки происходящему. Одни пишут, чтобы оправдаться, другие – чтобы войти в историю. Но есть и такие, которые хотят просто рассказать о давно минувших событиях, чтобы молодые могли лучше понять прошлое.

– Потом вы издадите свои мемуары? – спросила девушка.

– Вряд ли... Но, может, кто-нибудь прочитает... Время безжалостно. Оно подобно прибою, стирающему узоры, написанные на песке. Остаются легенды, домыслы, фантазии.

– Но голую правду писать нельзя! – возразила девушка. – Разве у вас не было, что скрывать?

Илья Григорьевич внимательно взглянул на неё.

Совсем юная, в хирургическом халате, с косынкой на голове, на которой красными нитками был вышит крестик, девушка смотрела на него и улыбалась.

– Как звать-величать тебя, прелестное создание? – спросил он.

– Зовут меня Еленой. Так, может, всё-таки вам помочь?

– Спасибо, Леночка, – ответил Илья Григорьевич и сел на стул, чтобы передохнуть. – А что касается голой правды, так если врать, это будут уже не мемуары, а художественное произведение. Кто их сейчас читает? Сейчас телевизоры, компьютеры... да и жизнь пишет нам такие шедевры! Кто с ними может соперничать? А история, какой бы она ни была: ужасной или прекрасной, позорной или героической – неприкосновенна! Это то, чего можно стесняться или чем нужно гордиться, но нельзя забывать.

– Это правильно... – сказала Елена, заинтересованно взглянув на старика.

– Важно в любом возрасте и в любых ситуациях находить в себе силы оставаться Человеком, – продолжал Илья Григорьевич.

– Жить только воспоминаниями нельзя. Если такое происходит, значит, ты уже умер. Воспоминания должны облегчать душу, чтобы давать силы жить!

– Конечно, вы правы, – почему-то смутившись, произнесла девушка. – Так, может, что-нибудь принести?

– Ничего не нужно... А вот если будет свободное время, приходи... Мне будет приятно...

Потом Елена помогла старику разобрать и повесить в шкаф вещи. Илья Григорьевич с её помощью надел спортивный костюм, в котором привык ходить дома.

Наконец, сказал, что хочет отдохнуть, и прилёг на кровать.

Девушка потопталась ещё некоторое время, разложила туалетные принадлежности и ушла, предупредив, что в час она принесёт в палату обед.

И потянулись дни, похожие друг на друга. К старику никто не заходил, кроме Елены, которая по неизвестной причине взяла над ним шефство: приносила еду, помогала купаться, рассказывала о делах в отделении... Илья Григорьевич был рад: было кому излагать свои взгляды на происходящее в мире, о чём ещё недавно он узнавал по радио, висевшему у него на кухне.

Елена слушала старика и всякий раз убеждалась, что ни о каком склерозе сосудов мозга, старческой деменции говорить не приходится. «Дед многих наших индюков умнее! – думала она. – С ним интересно...»

Первое время Илья Григорьевич старался держать себя в тонусе: не вставая с постели, делал утреннюю зарядку, тщательно мылся и даже следил за своей бородкой-клинышком. После завтрака что-то писал в своей тетради. Зашедшему однажды врачу признался, что хочет попробовать написать воспоминания, и показал первые страницы, исписанные крупным старческим почерком. Врач взял в руки тетрадь и пробежал глазами.

– Да, это может быть интересно... – произнёс он, положил тетрадь на стол и вышел.

Но через некоторое время Илье Григорьевичу стало хуже: снова появилась загрудинная боль, слабость и головокружение. Его осмотрела анестезиолог, послушала, измерила давление, назначила какие-то таблетки и ушла, в коридоре сказав Елене, пригласившей её к больному:

– Сделала что могла. А старость лечить не умею...

Привыкший к одиночеству и тишине, Илья Григорьевич постепенно перестал обращать внимание на заходивших людей.

Мысли путались. Он лежал в палате, напоминающей ему одиночную камеру, в которой поселились полумрак и сырость. Казалось, солнце сюда никогда не заглядывало...

Персонал относился к его пребыванию в отделении с полным равнодушием. Он давно ничего ни от кого не ждал, и надежда, которая, как известно, умирает последней, для него уже давно умерла.

Однажды, зайдя к Илье Григорьевичу, Елена, встревоженная его состоянием, попросила дежурного врача пригласить кардиолога. Старая полная женщина долго слушала его, потом сняла кардиограмму и написала на листке назначения.

– Что толку. Ни у вас, ни в нашем отделении этих лекарств нет.

– Вы пишите, Валентина Львовна. Я сбегаю в аптеку и куплю...

Елена взяла у Ильи Григорьевича деньги и купила лекарства. Через несколько дней ему стало лучше и он с благодарностью смотрел на свою спасительницу, улыбался, когда Елена заходила в его келью. Вокруг его глаз собирались морщинки радости, но взгляд всегда оставался грустным. Он знал, что всё это ненадолго и когда-нибудь кончится. В мире не существовало слов, чтобы высказать чувства, которые переполняли его душу. Ему почему-то казалось, что это юное существо ему сочувствует так, как никто другой, что они понимают друг друга без слов и что она так же, как и он, – одинока!

Ночное дежурство проходило спокойно, и Елена механически клеивала в истории болезней результаты анализов, почему-то всё время думая об Илье Григорьевиче. В последнее время она многое узнала о нём: и то, что он когда-то заведовал этим отделением, и что был прекрасным хирургом. Ей было интересно с ним беседовать.

– Ты со своей птичкой уже себя забыла, – говорили её подруги. – Чего это ты к нему прибилась? Или наследство обещал?

– Какое наследство? Воробьёв – это мой крест, и я должна его донести до конца... Жалко старика. Умный дед. Оказывается, когда-то был хирургом и работал в нашем отделении...

Крест, который несла Елена, с каждым днём становился всё тяжелее и тяжелее. Илья Григорьевич, всю жизнь отдавший труду, человек деятельный, не позволявший себе лишний раз расслабиться, чрезвычайно требовательный, прежде всего к себе, перед лицом смерти оказался совершенно беспомощным. И беспомощность вместе с бездеятельностью сначала его выводили из себя, но потом он к этому состоянию привык и последнее время лежал в кровати, тупо уставившись в потолок, ни о чём не думая. Понимал, что угасает. Как свече: пламя уже погасло, но фитиль ещё дымит... Оживал только, когда в его келью заходила Елена.

– Ну, что у вас нового? Как себя чувствуете? Всё время смотрите в потолок. Вспоминаете что-то для мемуаров?

– Мысли путаются... не могу сосредоточиться... Голова пустая, память слабеет. Даже вспомнить недавнее прошлое не могу... Какие уж тут мемуары?!

У Елены сжималось сердце. Понимая, что дни его сочтены, она старалась скрасить унылую жизнь, приносила из дома только что испечённые булочки, пирожки, оладьи или печёные яблоки... Молила Всевышнего дать сил выстоять, не опуститься в конце пути!

Последние месяцы к нему никто не заходил, кроме Елены. Но, перекинувшись с ним парой фраз, она уходила, и он снова оставался один. В его потускневших глазах поселились страдание и страх. Это был вконец сломленный и одинокий старик. Он уже не мог даже думать на отвлечённые темы. Всё становилось конкретным и обыденным. Просыпался в холодном поту от жутких снов и долго вспоминал ночные кошмары. Вскоре ему показалось, что это вовсе не страшные сны, а реальность, в которой

ему приходится жить. И из этой реальности, как из могилы, выхода нет.

Он был благодарен Елене. Стараясь её не обижать нытьём и брюзжанием, пробовал шутить над собой, но у него это плохо получалось.

Как-то в один из весенних дней, когда деревья оделись листвой и пьянящий воздух разносил запах талой земли, Елена к нему в палату не зашла. Ужин принесла дежурная сестра. Молча поставила на стол тарелку с кашей и котлетой. Рядом – стакан с киселём. И вышла, так и не проронив ни слова, ничуть не тревожась, сможет ли старик сам справиться с этим делом.

В тот вечер Елена шла на первое своё свидание.

Олег пришёл к ним в отделение несколько месяцев назад. Во время совместных дежурств они вели долгие беседы, в которых выясняли взгляды друг друга на жизнь... Потом было объяснение, объятия, поцелуи... Всё как обычно.

– Ты счастлива? – спрашивал Олег, стараясь заглянуть в её глаза.

– Да! – она неумело целовала его, настороженно глядя на дверь. Вдруг в ординаторскую войдут?!

А вчера Олег пригласил её в ресторан. Елена никогда не ходила в ресторан с любимым парнем. И вот теперь...

На следующий день объяснила Илье Григорьевичу, что была очень занята.

– Конечно-конечно... Понимаю, – негромко проговорил Илья Григорьевич, и повернулся к стене... – Извини... ты иди, работай, я полежу...

На улице гроыхала весенняя гроза, сверкали молнии, гремел гром, и от этого в его келье становилось ещё неуютнее. Из окна был виден больничный двор, деревья, а поверх них вдалеке новые высотки. Корпус, где расположилось отделение нервных болезней и физиотерапия, казалось, от такого дождя

совсем развалится. Старое здание... Сколько себя помнил Илья Григорьевич, его не ремонтировали... «Впрочем, может, и не стоит ремонтировать! Все эти старенькие разваливающиеся корпуса снести, и на этом месте построить новую многоэтажную современную больницу! Жаль, только это уже будет не при мне. А хотелось бы посмотреть...»

Перед холодами нянечка старательно заклеила щели в окне, и келья практически не проветривалась. Тяжёлый воздух действовал, как хлороформ. Илья Григорьевич снова закрыл глаза и провалился в небытие...

Через несколько дней ему стало совсем плохо. В палату зашёл дежурный врач. Взглянув на старика, равнодушно пробормотал:

– Все мы смертны!..

Но когда он вышел из палаты, на него набросилась Елена:

– Но что-то же можно сделать!

Снова вызвали кардиолога, ввели сердечные средства... Дыхание стало легче, и Илья Григорьевич открыл глаза. Взгляд стал осмысленным. Увидев Елену, прошептал белыми губами:

– Зачем? Там было так спокойно...

Елена сидела у старика до глубокой ночи. Потом за нею зашёл Олег, и они ушли домой. Елена теперь жила у него. Ночью их разбудил её мобильный телефон.

– Смирнова! Твой дед просит тебя приехать... – кричала дежурная медсестра.

– Зачем?

– Не знаю... Полюбил, видно... Не спится ему...

– Так что случилось? Сделай ему что-нибудь... Растормоши доктора. Жалко... Хороший старик... Помогите ему, пожалуйста...

– Так ты не придёшь?

Елена посмотрела на часы.

– Сейчас половина пятого. В восемь буду в отделении...

– Ну ладно. Как знаешь...

Когда Елена и Олег пришли в отделение, из седьмой палаты на каталке вывозили труп Ильи Григорьевича Воробьёва, известного в прошлом хирурга и весёлого человека.

Больница организовала и оплатила похороны.

За гробом шли три старушки из других отделений. В катафалк поставили гроб, туда же сели старушки и Елена. Она не могла не проводить его в последний путь.

Не рассчитывая на выпивку, гробовщики торопились. Накрыв гроб крышкой, прибили её четырьмя гвоздями. Потом подвели под гроб брезентовые ремни, ловко опустили его в зияющую бездну могилы и дружно заработали лопатами. Мокрые комки земли стучали по крышке гроба, и Елене казалось, что это стучит её сердце. Она вдруг поняла, что Илья Григорьевич стал ей родным. Глаза затуманились от слёз, и сквозь слёзы она снова и снова повторяла только три слова:

– Прости меня, дедушка...

НОВОЧЕРКАССК. ИЮНЬСКИЕ ЗАМОРОЗКИ

Повесть

*Есть высшие ценности – это
жизнь, честь и свобода. Только
сохраняя их, человек остаётся
Человеком.*

Из переписки с другом.

*Пришлите мне книгу со счаст-
ливым концом...*

Назым Хикмет.

Пятьдесят лет назад я заканчивал ординатуру в Ростовском онкологическом институте и одновременно работал хирургом в Первой городской больнице Новочеркасска. Был свидетелем всего, что там происходило в первых числах июня. Много из того, что здесь описано, видел лично или слышал от людей, которым верю. Не написать эту повесть я не мог.

Аркадий Мацанов.

1. Белая скатерть накрыла город. Как по заказу, в ночь под Новый год выпало много снега. Он продолжал идти. Ветер стих, и на фоне вечернего неба кружащие в воздухе крупные снежинки делали картину сказочной. От звенящей

тишины, от всей этой белой красоты, от предстоящей бессонной ночи у Петра Курбатова, парнишки лет шестнадцати, было прекрасное настроение. По поручению матери он пошёл в магазин за хлебом, но по дороге встретил своего закадычного друга – Сергея Медведева, своей фигурой и неторопливостью напоминающего хозяина тайги. С пацанами из ремесленного училища они уже успели встретить Новый год. Выпили «по граммулечке», как любил говорить Петькин отец, и потому сейчас были навеселе.

– Э-ге-гей! А жить хорошо, и жизнь хороша! – кричал Сергей, бросая в друга снежком. – Нет, ты слышал, как Венька Коган на вопрос математички Мимозы, сколько будет семью восемь, ответил как всегда вопросом на вопрос: «А мы покупаем или продаём?». Хохмач этот Венька!

– Ты не перебрал, часом? – спросил Пётр. – Уж слишком разговорчив, как я погляжу.

Пётр был принципиальным противником пьянства, хотя отец привык перед обедом выпивать рюмку водки. Эта привычка повелась у него с войны. Фронтовые сто граммов для командира роты Николая Курбатова стали настолько привычными, что и сейчас после работы за обедом он продолжал выпивать «свои законные».

– Кто у вас будет? – спросил Сергей.

– Как всегда Васильевы. Иван Иванович – батин кореш ещё с войны. А у вас?

– Родичи... Будем телик смотреть... Прошли времена, когда к нам приходил Дед Мороз и приносил подарки...

– Прошли, – кивнул Пётр.

– Хорошо бы собраться: ты, я, Мишка Зотов, Венька Коган... и девчонки.

– Хорошо бы, – мечтательно протянул Пётр, – только где?! Ну, будь! Через несколько минут магазин закроется, тогда у меня будет ещё тот Новый год. Придётся в город мотать...

Он побежал в магазин. Едва успел. Продавщица Любовь Михайловна уже повесила табличку «Закрыто». Еле упробил её продать две буханки...

– Петька! Где тебя носило? Тебя только за смертью посылать! – набросилась на него мать.

Марии Сергеевне – пятьдесят. Невысокого роста, склонная к полноте, с удивительно правильными чертами лица и русыми волосами, она излучала доброжелательность и тепло.

Пётр схватил со стола жареный пирожок и сунул его в рот.

– Ну, ма-а-а! Чего ты ругаешься? Ты лучше скажи, Васильевы придут с Дашей?

Мария Сергеевна убрала от него пирожки подальше, ответила:

– С Дашей, и не только! К ним из Донецка племяш приехал...

– Что за гусь лапчатый?

– Говорят – врач! Представь, у Марковны сестру зовут Герой!

– Ну, что ж? Велик и могуч русский язык...

– При чём здесь это? У каждого народа имена могут звучать неблагозвучно для нас. А здесь всё нормально, только очень уж схожи: Геня и Гера!

– Да ладно! – Пётр доел пирожок и попытался достать следующий, но мать миску с пирожками забрала и поставила на кухонный шкафчик. – Ну, ма-а-а! – с укором протянул Пётр.

Не обращая на это внимания, Мария Сергеевна продолжала:

– Васильевы обещали принести салат, шампанское, а Марковна должна ещё как-то по-особому приготовить фаршированную рыбу. Говорит, что у них в Одессе делают не так, как мы на Дону.

– Ну, что ж, попробуем их фаршированную рыбу! А где Полинка?

– Спит. Она с ночной... Иди расставляй на стол посуду.

– На сколько человек?

– Ты до восьми считать не умеешь? Марш, балабол!

– Иду, иду... только ещё один пирожок...

Пётр подпрыгнул и достал из кастрюли пирожок, запихнул в рот и вышел из кухни.

В одиннадцать пришли Васильевы. Иван Иванович, высокий мужчина лет пятидесяти пяти, с седыми волосами и серыми смеющимися глазами, передал вышедшему навстречу Петьке сумки с бутылками, соленьями и громко скомандовал:

– А ну, солдат, тащи в кухню!

Им навстречу вышла Мария Сергеевна, которой Геня Марковна, словно особую драгоценность, передала блюдо с фаршированной рыбой:

– Осторожно, Мариша. И сразу на холод, а то расползётся... Кажется, получилась.

Она сняла пальто, пропуская вперёд Дашу, которая передала свою сумку выскочившему из кухни Петру:

– Давай, неси в кухню...

– Чего так много. И у нас не меньше. Вот будет обжираловка!

Пётр взял сумку и скрылся за дверью.

– А это наш племян, – торжественно произнёс Иван Иванович, пропуская вперёд Леонида, высокого мускулистого парня, который, казалось, не испытывал ни капли смущения.

– Добрый вечер, – сказал он, снимая тёплую куртку. – У вас настоящий Новый год. У нас часто Дед Мороз в резиновых сапогах ходит: снега нет, дожди... А здесь хоть на саночках катайся, в снежки играй!

– Здравствуйте-здравствуйте, – приветствовал гостей Николай Николаевич, пожимая мужчинам руки, обнимая и целуя женщин. – Проходите...

В комнате гостей с улыбкой встречала Полина. Она уже успела отдохнуть после ночной, привести себя в порядок. Знала,

что к ним должен прийти племянник Васильевых, врач, потому особенно тщательно выбирала платье и необычно долго стояла перед зеркалом. Среднего роста, с приятной фигуркой, с чёрными волосами, ниспадающими на плечи, и большими голубыми глазами, она выглядела королевой.

– Меня дразнят Леонидом, – сказал молодой человек, с торжогом глядя на Полину.

– Полина, – кивнула ему девушка. – Мне о вас уже столько понарасказывали, что, кажется, я знаю вашу биографию лучше своей.

– И кто же так постарался?

– Моя мама. А она услышала о вас от вашей тётки.

– Ну, что ж. Теперь мне нужно познакомиться с вашей биографией, и тогда наши шансы будут равными.

– Шансы на что?

– Сам не знаю! Но мне хотелось, чтобы наше знакомство не закончилось встречей Нового года.

– Это уж как получится, и не всё от меня зависит. А биография моя проста: окончила медицинское училище. Работаю операционной сестрой в медсанчасти НЭВЗа. Двадцать пять недавно исполнилась. Не замужем, детей нет...

– Ну что ж вы так? Я не хотел вас обидеть. Мне приятно наше знакомство.

Шестнадцатилетняя Даша была ровесницей Петра. Родители их близко дружили ещё с войны, и их дети сначала ходили в один детский сад, потом учились в одном классе. Но если Даша училась хорошо, то Пётр в учёбе отставал и после восьмого класса по настоянию отца пошёл в ремесленное училище.

– Если захочешь, – говорил Николай Николаевич, – учиться сможешь и после армии. Сейчас важно получить специальность! Программу десятилетки можно пройти и в ремесленном...

Даша училась в девятом, а Пётр в этом году после выпускных экзаменов пошёл на НЭВЗ токарем.

– Ты что такая весёлая? – спросил Пётр, отводя девушку к окну. – Или контрольную по математике хорошо написала?

– Да нет! При чём здесь контрольная? Просто Новый год! Шутка ли – потом финишная прямая.

– Ты не раздумала поступать в Ростовский университет?

– Нет, конечно. Хочу заниматься любимым делом.

– Счастливая ты, Дашка! Знаешь, чего хочешь... А у меня не так. Мне хочется то одного, то другого...

– Значит, ты ещё не определился...

– В любом случае связываю будущее с нашим заводом...

Иван Иванович Васильев участвовал в Отечественной войне с первых дней. Окончил краткосрочные курсы и принял первый бой в качестве командира сапёрного взвода под Киевом. Потом – долгое и унижительное отступление. Дважды был ранен. В сорок третьем командир сапёрного батальона майор Васильев, находясь в госпитале, познакомился с лейтенантом медицинской службы медсестрой хирургического отделения Геней Марковной Балиной и понял, что это его судьба. Там же в госпитале встретил земляка Николая Николаевича. Старший лейтенант Курбатов целый месяц лежал с ним в одной палате. На войне люди сходятся быстро. Они подружились, обменялись адресами и обещали после войны, если будут живы, обязательно встретиться в Новочеркасске.

Николай Николаевич, демобилизовавшись в сорок пятом, вернулся на родной завод. Здесь его ждала жена и дочь Полинка.

Иван Иванович приехал в Новочеркасск в звании подполковника и вскоре был назначен начальником механосборочного цеха, где Курбатов уже работал мастером. Так судьба снова столкнула фронтовых друзей. И квартиры они получили в одном доме, как участники Отечественной войны. С тех пор все праздники и семейные события встречали вместе. При этом Курбатов никогда

не позволял себе на работе демонстрировать свою близость к начальнику цеха. А Васильев не считал нужным скрывать, что хорошо относится к своему фронтовому другу. При этом не стеснялся и отчитать его, если было за что.

В квартире Курбатовых все чувствовали себя комфортно. Здесь они были не один раз, встречали не один праздник.

– Садись на своё место, – сказал Николай Николаевич другу. – Ты сегодня будешь у нас тамадой.

– Как будто в прошлый раз было иначе, – улыбнулся Иван Иванович и сел на стул в торце стола. – Пора за стол, молодёжь! Нужно проводить уходящий год...

Все шумно расселись. Иван Иванович разлил присутствующим водку (ребятам – компот) и посмотрел на часы.

– Полчаса до Нового года. Начнём, пожалуй. Уходящий запомнится нам и успехами, и грустными моментами...

– Иван, ты давай короче, – заметила Геня Марковна.

– Нет, о каких таких грустных моментах вы говорите? – спросила Мария Сергеевна.

– Уход на пенсию – разве весёлый? Я в этом году ушла на пенсию, – ответила Геня Марковна.

– Могла бы ещё поработать.

– О чём ты, Машенька?! – воскликнул Иван Иванович. – Никакая приходила с работы. А дома – дел невпроворот... Дашка ей мало чем помогает...

– Ну, вот, и до меня добрались! – фыркнула Даша. – Ты же произносил тост. Вот и говори: пусть всё плохое останется в уходящем году, а всё хорошее перейдёт с нами в Новый!

– Аминь, дочка, – радостно кивнул Иван Иванович и стал чокаться...

На некоторое время все сидящие за столом сосредоточились на еде, захрустели солёными огурчиками, потянулись за салатом и пирожками.

– А как вы оказались в Донецке? – спросил Николай Николаевич у Леонида.

– Куда ты торопишься? – с укором сказала мужу Мария Сергеевна. – Как-никак, а без кака никак у тебя не получается!

– А я что? Я же знал, что Генина сестра жила в Одессе, и вдруг приехал он из Донецка.

– У меня секретов нет, – улыбнулся Леонид. – В пятьдесят седьмом мы с братом окончили в Одессе медицинский и нас направили в Донецк. Братец работает в больнице шахтоуправления невропатологом, и уже получил квартиру. Женился. Даже успел малыша родить. Мама переехала из Одессы, живёт с ним, помогает нянчить внука. Я же пока в общежитии. Работаю хирургом в городской больнице. Ничего интересного.

– Почему же? Очень даже интересно!

– А почему бы тебе, Лёня, не переехать к нам? – вдруг спросил Иван Иванович. – Я слышал, у нас место хирурга вакантно. А здесь и квартиру получить проще. Завод выделяет больницы.

Леонид взглянул на Полину, потом поднял рюмку и весело произнёс:

– А что? Интересное предложение! Вполне возможно. – Он выпил водку и огляделся. – Эх, жаль, что у вас нет гитары! Я бы вам спел наши одесские песенки.

– А почему ты решил, что у нас её нет? – улыбнулся Николай Николаевич. – Вышел в другую комнату и через минуту вернулся с прекрасной семиструнной гитарой. – Я, чтобы ты знал, воевал в пехоте и с нею не расставался. Досталась она мне по наследству от комбата, с которым до Берлина дошёл. Убили его в мае сорок пятого. Вот кто был мастер, скажу я вам! А я только учусь. Держи! Спой нам что-нибудь!

– Как говорят у нас в Одессе, чтоб я так жил, даже не ожидал такого...

– Что, натрепался, что играешь на гитаре? – спросил Иван Иванович.

– Нет, отчего же... – сказал Леонид, принимая гитару из рук Николая Николаевича. Он отодвинул от стола стул, подстроил инструмент и запел:

*Шаланды, полные кефали,
В Одессу Костя приводил,
И все биндюжники вставали,
Когда в пивную он входил...*

Леонид, как оказалось, прекрасно играл на гитаре, и это очень понравилось Полине.

Песня была знакомой всем, и каждый, кто как мог, подпевал:

*Я вам не скажу за всю Одессу,
Вся Одесса очень велика,
Но и Молдаванка, и Пересыль
Обожают Костю-моряка...*

Леонид спел ещё несколько одесских песенок. Потом, под занавес, запел про Донецк:

*Я слышал много раз в далёком детстве,
Как кто-то пьяным голосом хрипел
Про море, про воров, про мать-Одессу,
И я от слова этого немел.*

*В Одессе, знаю, транспорт с перебоем.
У нас не лучшие, знаю, но зато,
Если захотим мы, то построим
В Донецке самое дешёвое метро!*

Он оставил гитару в сторону. Кукушка на ходиках в кухне громко стала куковать, отсчитывая полночь.

Иван Иванович открыл шампанское и торопливо разлил всем в бокалы.

– С Новым годом, дорогие! Пусть будем живы, говорили мы когда-то. Счастья нам всем!

Мария Сергеевна торжественно внесла блюдо с фаршированной рыбой. Геня Марковна, как автор этого кулинарного шедевра, встала и специальной лопаточкой разложила на тарелки.

Некоторое время все с аппетитом поглощали фаршированную рыбу. Потом заговорили разом. Каждый что-то рассказывал соседу. Ели, хвалили хозяек. Много не пили. В этом доме не принято было.

– Наконец, я попробовал твою рыбу, – сказал Николай Николаевич. – Мы столько лет дружим, столько раз слышал о ней, но ни разу не пробовал. Должен признать, что ты – мастерица!

– Думаешь, чем тогда в госпитале она меня покорила? – весело сказал Иван Иванович.

– Ну, не фаршированной же рыбой! – заметил Николай Николаевич. – Помню, как ты мешал мне спать, всё говорил о своей Генечке. К вашему сведению: она его могла держать в госпитале долго, но Иван рвался в бой!

– Да ладно тебе трепаться! – смутился Иван Иванович. – Хотел к своим, а то как тогда получилось? После госпиталя попадали в другую часть. Чужие люди, всё незнакомое...

Потом Пётр изловчился, взял бутылку шампанского и наполнил бокалы Даше и себе.

– Петька, не хулигань!

– Ма-а-а! Вкусно же!

– И Дашу не спаивай!

Иван Иванович строго посмотрел на дочь:

– А чего ж мы телик не включили? Сейчас там новогодний концерт.

Полина чувствовала внимание Леонида. То перехватит его оценивающий взгляд, то он, как галантный кавалер, положит в её тарелку хороший кусочек... Ей нравился этот весёлый доктор.

Но от родителей она слышала, что Леонид был женат и почему-то через год после свадьбы разошёлся. Что произошло? Есть ли у него дети? О чём он думает, когда так открыто проявляет к ней внимание?

– Так вы действительно можете сюда переехать? – спросила она, подняв на него глаза.

– Конечно... Меня ничто не держит в Донецке. Лишь бы здесь работа нашлась поинтересней... Кстати, вы работаете операционной сестрой. Что у вас за отделение?

– На сто двадцать коек. Операционная на два стола.

– Общая хирургия?

– Да. Но плановых больных немного. Острая патология, травмы. У нас пока специализированной хирургической помощи нет. Здесь и урология, и травматология. Но чаще всего к нам направляют с патологией брюшной полости. Аппендициты, грыжи, язвенная болезнь желудка... и, конечно, производственные травмы...

– Есть где разгуляться, – удовлетворённо кивнул Леонид. – И что, правда, что место хирурга вакантно?

– Наш хирург перешёл в лёгочно-хирургический санаторий...

– Ясно...

– Что вам ясно?

– Думал завтра возвращаться, но, видимо, задержусь. Нужно переговорить с вашим главным...

– Так вы решились?!

Радостный возглас Полины, её горящие глаза выдали девушку. Она смутилась, а Леонид просто сказал:

– Давай перейдём на «ты», а то как-то даже неловко... Я не намного старше...

– Нет возражений...

Геня Марковна делилась с подругой:

– Понимаешь, вчера в нашем магазине выбросили дефицит: любительскую колбасу, масло, даже мороженую рыбу. Мне посчастливилось, и я набрала всё что можно. Хорошо, что при мне деньги были. Видно, к Новому году?

– Повезло. А я возвращаюсь с работы – очередь в хлебном такая, что думала, Новый год будем встречать без хлеба. Хорошо, Петька сегодня купил.

– Чёрт-те что творится. Космос собираемся завоёвывать, а людям есть нечего...

Пётр с Дашей решили выйти во двор.

– Вы куда собрались? – спросила Мария Сергеевна.

– Пойдём проветримся. Жарко...

– Ты бы меньше курил, сынок.

– Да я и так немного курю. Правда, жарко.

– Надень куртку. А то простудишься. И Даша пусть наденет пальто.

– Ладно...

Они оделись и вышли из подъезда. Встали у детской площадки, продолжая разговор.

– Нет, ты прикинь: наша Мальвина задала на каникулы прочитать «Тихий Дон», «Молодую гвардию» и ещё дюжину книжек... Говорит, в десятом по этим произведениям чаще всего темы сочинения...

– А я, как правило, пишу на свободную тему. А что? Приготовил шпоры на тему: «СССР – оплот мира и демократии», и, считай, трояк у меня в кармане!

– Почему же тогда трояк? – удивилась Даша.

Пётр достал из кармана пачку «Беломора» и закурил. Потом сказал:

– Это хорошо, что вам Маяковского читать не задали. Не понимаю, чего его считали лучшим поэтом советской эпохи. То ли дело Симонов:

*Если дорог тебе твой дом,
Где ты русским выкормлен был,
Под бревенчатым потолком,
Где ты, в люльке качаясь, плыл...*

– Да что ты понимаешь?! – воскликнула Даша. – А это:

*Уважаемые
товарищи потомки!
Роясь в сегодняшнем
окаменевшем дерьме,
наших дней изучая потёмки,
вы,
возможно,
спросите и обо мне...*

Какая энергия? Какая сила! Что стоит твой Симонов с его даже лучшим стихотворением «Жди меня»?!

В это время к ним подошёл высокий парень в кроличьей шапке. Он жил в соседнем доме, был в сильном подпитии и в эту новогоднюю ночь явно искал приключений. Он пьяно улыбнулся и попросил у Петра закурить. Прикурил и, переведя взгляд на Дашу, ухмыльнулся:

– Милуетесь, голубки?

– Ладно, Дуся, иди куда шёл, – ответил Пётр.

Но Дусе некуда было идти. Он никуда не торопился. Пьяно взглянув на Дашу, криво улыбнулся и протянул:

– Ну, раз ты, Петруччо, такой нецелованный, подвинься! – Плечом отпихнул Петра от девушки и продолжал: – Даша, дашь, а?

Он сделал шаг вперёд к девушке и тут же получил прямым в нос.

Не обращая внимания, что из носа течёт кровь, со всего маха ударил кулаком Петра в лицо.

– Ну, что же ты руками махаешь? – пьяно проговорил Дуся.
– Я же только спросил! Нет так нет. Я не гордый, я согласен на медаль...

Он повернулся и пошёл к своему дому.

Ребята вернулись к себе.

– Боже ж ты мой, горе ты моё! – воскликнула Мария Сергеевна, увидев Петра с фингалом под глазом, – Коля! Иди посмотри на своего сына!

В коридор вышел Николай Николаевич. Взглянув на Петра, коротко спросил:

– Где уже успел?

– На дворе скользко...

– Что ж ты праздник нам портишь?

Из комнаты послышалось:

– Что там случилось?

– Ничего особенного.

В коридор вышел Леонид. Взглянул на Петра и сказал:

– Ничего страшного. Холод нужно приложить.

Мария Сергеевна намочила полотенце, отжала и положила сыну на левый глаз.

2. В кабинет главного врача Леонид Львович пришёл за трудовой книжкой.

– Ну, ты, Сонін, і людина! – сказал с сожалением главный, держа в руках его трудовую. – Не розумієш, що мене в міському відділі охорони здоров'я попередили. Може, потрібно буде посилати терміново лікарів у цю Курінёвку. Ти ж чув, що там сталося?

– Нет. А что там случилось?

– В районі Куренівки, що розкинулася на околиці Києва в районі Бабиного Яру, березня прорвала дамбу. Грязьовий вал заввишки чотирнадцять метрів понісся вниз, змітаючи на своєму шляху трамваї і великовантажні машини, будинки та стовпи високовольтних ліній, не кажучи вже про людей, повністю зато-

пивши стадіон «Спартак» і частину вулиці Фрунзе. Зруйновано сотні будинків, загинуло близько двох тисяч чоловік. Ситуацію посилило те, що вчасно не відключили енергопостачання, і тому багато хто загинув від ураження електричним струмом.

– Ну и дела... И всё же дайте, пожалуйста, мою трудовую книжку... Там меня невеста ждёт!

– Ну ладно! Чорт з тобою! Їдь. Тільки б не пошкодував. Чого тобі не вистачає?

Леонид собрал вещи, попрощался с матерью и братом и выехал в Ростов.

Первые дни апреля были тёплыми и солнечными. На газонах зеленела трава. Деревья оделись листвой. На клумбах адели тюльпаны. В воздухе запахло сиренью.

Леонид сел в первый же автобус, идущий в Новочеркасск, и поехал навстречу своей судьбе.

Умывшись и переодевшись в доме у тётки, сразу же пошёл к главному врачу МСЧ НЭВЗа.

Невысокий плотный седой мужчина встретил его с улыбкой:

– Приехали?! Вот и хорошо. – Он снял трубку и уважительно сказал: – Ахчи-джан, зайди на минутку.

В кабинет вошла худая высокая женщина лет сорока, в очках и с папкой в руках.

– Клавдия Юрьевна, дорогая. Познакомьтесь... Это... – главный врач открыл паспорт и прочитал: – Леонид Львович Сонин... хирург... на место Станислава Михайловича Долженко... Да, и ему нужно общежитие... С заводом я договорился. Васильев Иван Иванович помог, так что и направление в общежитие выдайте... Сегодня что у нас? Четверг? – Он взглянул на Леонида: – В понедельник ждём вас на работе. Я вас представлю коллективу. Мы работаем с восьми...

Зайдя в кабинет к начальнику отдела кадров и оформив-

шись, Леонид вышел на улицу и посмотрел на часы. Не прошло и часа, как его приняли на работу! Он держал в руках направление к коменданту общежития. Спросил, как туда пройти, и неспешно зашагал в указанном направлении. Ещё через час в его руках были ключи от комнаты.

«Что-то мне сегодня уж очень везёт. Не к добру это!» – подумал он и пошёл к родственникам. Дома была только Геня Марковна. Иван Иванович – на работе, Даша – в школе.

– Вот и всё, дорогая тётя Геня. Я уже работаю хирургом в медсанчасти и живу в комнате номер тринадцать общежития номер два!

– Как, уже? Не может быть!

– Чтоб я таки был здоров, как говорили в нашей Одессе. А когда дядя придёт?

– Ой, да откуда ж я знаю? Придёт! Он же знает, что ты должен сегодня приехать...

Вечером, когда все собрались за столом, Иван Иванович, видя, что племянник огорчён отсутствием Полины, послал Дашу к Курбатовым пригласить всех на чай.

– О том, что приехал Лёня, не говори. Скажи просто: есть повод.

– Что за тайны мадридского двора! Как будто никто не догадывается, что вы с мамой спите и видите женить Лёню на Полине...

Даша ехидно улыбнулась и с восторгом посмотрела на двоюродного брата.

– Не болтай лишнего, егоза. Давай, иди!

Через полчаса пришли Курбатовы.

– А Пётр-то где? – спросил Иван Иванович.

– На футбол пошёл. Наши играют с политехническим институтом. Как же без него?

– Ладно... Проходите в комнату!

В этот вечер Леонид ещё раз убедился, что сделал правильный выбор. Полина была именно такой женщиной, о которой он мечтал. Стройна, мила, хорошо воспитана. Должно быть, и хозяйка неплохая, судя по её маме.

Девушка подробно рассказала об их отделении, о сотрудниках. На вопрос Леонида о главном враче сообщила:

– Сурен Варганович Берберьян – прекрасный человек. Пользуется большим авторитетом на заводе.

– Кто он по специальности?

– Бог его знает. Организатор здравоохранения... Мне кажется, он всегда был, есть и будет. Когда в училище мы проходили практику, он уже был здесь главным. Хороший человек. Больше ничего о нём сказать не могу.

– А заведующий отделением?

– Ванин Павел Матвеевич. Неплохой хирург, но, на мой взгляд, перестраховщик. Впрочем, может, так и нужно. Формалист... Гоняет нас как сидоровых коз.

– Хорошо оперирует?

– Что я могу сказать? Мне ли судить? Оперирует. Недавно удалил жёлчный пузырь у женщины в двести килограммов! Мне пришлось подключаться: работала и за операционную сестру, и держала крючки...

– Ясно... А ты свободна в воскресенье?

– Свободна. Хочешь меня куда-то пригласить?

– Куда у вас можно пойти? – вопросом на вопрос ответил Леонид.

– Не знаю, – замаялась Полина. – В кино разве что или в клуб... так там ничего интересного... А давай лучше просто погуляем. Я тебя познакомлю с нашим посёлком...

– С посёлком?

– Наш район называют посёлком Будённого. Завод стоял далеко за городом, а вокруг строили дома. Теперь город вырос, и он стал частью Пролетарского района. Есть у нас и Октябрьский

посёлок. Он вырос вокруг завода синтетических продуктов...

– Интересная история с географией! Ладно, договорились. В воскресенье прямо с утра мы с тобой гуляем по широким проспектам и бульварам вашего посёлка... Пардон, нашего посёлка. Пообедаем где-нибудь в ресторане...

Леонид уже представлял себе эту прогулку по аллеям парка, а потом – ресторан, шампанское, звон бокалов...

– У нас ресторана нет. Нужно ехать в город.

– Долго? – удивился Леонид.

– Минут двадцать на трамвае или автобусом...

– Едем в город, обедаем в ресторане, а вечером идём в кино...

– В городе и театр есть...

– Нет, на первый раз идём в кино. Как тебе такой план?

– Утверждается, – улыбнулась Полина.

В понедельник к восьми Леонид пришёл на работу. На планёрке Сурен Варганович представил его коллективу. Потом они зашли в кабинет заведующего.

– Павел Матвеевич, – сказал главный, – по представленным документам и списку сделанных операций в прошлом году считаю Леонида Львовича вполне самостоятельным хирургом. Но прошу в течение месяца на серьёзные операции мыться с ним. Бумаги бумагами, но нужно посмотреть его в работе...

– Я вас понял. Кстати, завтра у меня запланирована операция по поводу опухоли сигмовидной кишки у рабочего нашего завода. Будете его оперировать? – спросил заведующий, проверяя «на прочность» нового врача.

– Хорошо. Но я хотел бы познакомиться с его историей болезни, анализами... посмотреть больного...

– Конечно, конечно...

– Только вы, Павел Матвеевич, будете ассистировать Леониду Львовичу.

Сурен Варганович был доволен тем, что Павел Матвеевич встретил нового сотрудника доброжелательно. Властный и эгоцентричный, обычно он ко всем новичкам относился настороженно, почти враждебно.

Так началась трудовая деятельность Леонида Сонины в хирургическом отделении медсанчасти НЭВЗа.

Во вторник сразу по приходе на работу он пошёл проведать больного, которого должны были оперировать.

Мужчина лет сорока пяти лежал и безучастно смотрел на суетящихся возле него медицинских сестёр.

– Как себя чувствуете, Олег Владимирович? – спросил Леонид, присаживаясь на постель. – Как спали? Что-нибудь тревожит?

– В том-то и дело, что ничего особенно не тревожит. Были запоры... А после обследования сказали – опухоль. Нужна операция.

– Нужна... и мы сегодня её вам сделаем. Ничего чувствовать не будете. Проснётесь, и всё!

Потом, обращаясь к медсестре, спросил, всё ли готово, и попросил ввести внутривенно тиопентал натрия, а уже в операционной перейти на эфирный наркоз.

Медсестра кивнула. Почувствовала, что новый врач знает своё дело.

Когда на операции была удалена опухоль, ассистирующий Леониду Павел Матвеевич попросил операционную медсестру тампоном вытереть пот с его лба, потом, обращаясь к Леониду, сказал, словно само собой разумеющееся:

– Теперь, коллега, накладывайте противоестественный задний проход, и всё. А через пару месяцев можно будет сделать и второй этап операции...

Леонид передал Полине ножницы, которые держал в руках, взглянул на заведующего и твёрдо сказал:

– Если мне вы доверили оперировать и сейчас я – хирург, позвольте продолжить операцию! Молодой мужик, рабочий... Я думаю, что в этом случае следует всё делать одновременно.

Заведующий не стал с ним спорить, тем более что в операционную вошёл, надев на себя шапочку и маску, главный врач.

Операция продолжалась чуть больше часа.

Выйдя из операционной, Леонид в ординаторской стал записывать операцию в историю болезни. Вскоре его пригласил к себе Павел Матвеевич.

– Поздравляю с хорошим началом. Обычно после операции я позволяю себе мензурку спирта. Составите компанию?

– У нас в Одессе говорили: об чём речь?! Сочту за честь... Мне было приятно сегодня работать с вами...

Заведующий достал мензурки, бутылку спирта.

– За вас, Леонид Львович! За ваш успех. Я думаю, мы сработаемся...

Потом Павел Матвеевич передал Леониду папки с историями болезней:

– Теперь это ваши больные... Вы опытный врач. Флаг вам в руки! Идите, ещё успеете познакомиться с ними.

– А я никуда не тороплюсь. Сегодня переночую в отделении.

– У нас так не принято. Да и негде вас уложить, разве что на диване...

– Вот и ладненько. У меня в общежитии пока ничего нет, да и никто не ждёт. А здесь я неспешно познакомлюсь с больными, да и за послеоперационным присмотрю.

– Да-да... Понимаю, – сказал Павел Матвеевич, вставая и давая понять, что их беседа затянулась.

Когда Леонид говорил, что его никто не ждёт, он ошибался. Его ждала Полина. Она была в восторге от того, как Леонид провёл операцию, как, сделав всё сразу, не выводя кишку в бок, не

побоялся возразить Павлу Матвеевичу. Наконец, как деликатно поблагодарил всех. Этого у них принято не было.

Но когда она перед уходом домой зашла в ординаторскую, Леонид был в перевязочной. Понимая, что он задержится надолго, положила завёрнутые в салфетку два пирожка и ушла домой. Надеялась, что вечером он к ней обязательно зайдёт.

А Леонид сидел у кровати артиста, которому предстояла ампутация левой голени по поводу развивающейся гангрены на фоне тяжёлого диабета. Мужчина лежал на высоких подушках и с грустью смотрел на молодого врача. Он уже не верил в то, что сможет выйти из больницы, увидеть внуков, взглянуть на родной театр, который безмерно любил. Мудрый, с седой головой и выцветшими глазами, он слушал утешения доктора и молчал. Потом вдруг тихо заговорил:

– Это же прекрасно, что никто не знает, когда наступит конец его света! В начале жизни мы не думаем о нём. Мысли об этом не тревожат нас и в зрелые годы. Но вот незаметно подкралась старость. Появились болезни... два века пока ещё никто не жил! А я всё надеюсь, что смогу изловчиться, увильнуть от старухи с косой. Но наступает момент Истины. И тут думаешь, как встретить его без морального груза, без грехов. Тут-то бывает жалко, что в молодости вёл себя не так, но исправить ничего уже нельзя. Гаснет свет, опускается занавес, зрители покидают театр. Вы, доктор, правильно сказали: надежда умирает последней. Если бы мы жили вечно, мы бы не дорожили каждым мгновением, совершали бы ошибки и никогда бы не жалели об упущенном времени.

– Но опускать руки нельзя. Жизнь – это борьба. Нужно, сколько есть сил, бороться за неё! Я верю... нет, я убеждён, что вы ещё и внуков помянчите, и театр, в котором проработали столько лет, увидите. Кстати, я здесь человек новый, но после нашего знакомства обязательно пойду в театр... Давно не ходил...

Вечером дежурному хирургу Митрофановой Ирине Владимировне принесли ужин. Она расположилась за своим столом в ординаторской и пригласила Леонида выпить с нею чаю. Леонид дописывал протокол операции в операционном журнале.

– Не столько дела, сколько писанины, – пожаловался он, подсев к столу Ирины Владимировны...

На следующий день Полина пришла на работу раньше обычного. Зайдя в ординаторскую, увидела Леонида.

– Привет! Ты что, здесь ночевал? – спросила она, пользуясь тем, что в ординаторской ещё никого не было.

– Хотел проследить за оперированным больным. Всё же – первый. Не хотелось, чтобы что-то произошло.

– Понятно. Вот, возьми, позавтракай. На наших больничных харчах ты скоро ноги протянешь.

– А какие у тебя планы на вечер?

– Для тебя я всегда свободна. Ты что-то хочешь мне предложить?

– Пойдём в театр? Уж очень хочется.

– Сегодня же среда.

– И что? Театр не работает по средам?

– Нет-нет. Хорошо. Спектакли начинаются в семь вечера. В шесть я буду тебя ждать...

День прошёл в суете. Леонид ассистировал на операции Павлу Матвеевичу, потом перевязал своих больных, сделал назначения и ровно в шесть позвонил в дверь Курбатовых.

– Я готова, – радостно сказала Полина, выходя ему навстречу.

Он взглянул на девушку, и сердце его сильно забилося. Она была прекрасна в своём простом ситцевом платице.

Потом они ехали на автобусе в город, Леонид всё время чувствовал аромат её духов, и у него кружилась голова.

Спектакль Леониду не понравился, но он не стал расстраивать Полину. То ли игра актёров была несовершенной, то ли пьеса слабой, но вышел он неудовлетворённый. Вспомнил свои редкие походы в театр в Одессе. Какой прилив сил и радости ощущал он всякий раз, когда ходил то ли в «русский», то ли в «украинский» драматический!

– А как ты смотришь, если мы с тобой домой пойдём пешком? – спросил он.

– Полоцательно, – весело откликнулась Полина.

– Это как понимать?

– Полоцательно это не отрижительно. Конечно, давай пройдемся. Только предупреждаю: идти придётся долго.

– Ну и прекрасно... А если устанем, сядем в автобус.

Они пошли по Московской до «Круга», потом спустились к мосту и дошли до Хотунка. Говорили обо всём: о спектакле, который Полине понравился, о делах в больнице...

– Расскажи мне о себе, о своей жизни в Донецке, – попросила Полина. – Ты был женат. Почему развёлся?

Леонид не хотел много говорить об этом, но понимал, что вопрос рано или поздно был бы задан.

– Что рассказывать? Приехал в Донецк. Познакомился. Она – учительница. Всё сначала было хорошо. Но однажды застал жену с другим. В тот же день ушёл. К чему разбирательства? Если я не верю человеку, я не верю и в счастье с ним.

– Если совместная жизнь не большое счастье, она, как правило, большое несчастье... Хорошо хоть, что у вас нет детей! – проговорила Полина.

Они некоторое время шли молча. Потом Леонид спросил:

– А у тебя как?

– Что как? Я не была замужем. В школе дружила с парнем. Он завалил экзамены в институт и оказался в армии. Служил сапёром в Тирасполе. Это в Молдавии. И однажды при разминировании случилось несчастье... Он погиб...

Пройдя Хотунок, они свернули на посёлок Будённого. Говорить не хотелось. Просто шли, и каждый думал о своём.

Уже возле дома, прощаясь, Леонид притянул к себе Полину и поцеловал. Она как-то обмякла и ответила на поцелуй...

Дни летели за днями. Леонид втянулся в работу и был доволен своей жизнью. Много времени проводил с Полиной и последнее время уже не представлял своей жизни без неё.

Ко Дню Победы на торжественном собрании некоторым медикам главный врач вручил ключи от квартир. Получил их и Леонид. Даже не заходя в свой новый дом, только имея на руках ордер и ключи, он поспешил к Курбатовым.

– Кто к нам пришёл! – воскликнул Пётр, открывая дверь и пропуская гостя. – Поль, это к тебе!

Из комнаты в коридор вышли Мария Сергеевна и Полина.

– Заходи, Лёня, заходи. Сейчас должен с работы прийти Николай Николаевич, будем ужинать.

Полина не была предупреждена о его приходе, понимала: что-то случилось.

Пришёл Николай Николаевич. Увидев Леонида, попросил ужин накрыть не в кухне, а в комнате.

– Ты чего сегодня такой смурной? – спросила Мария Сергеевна мужа.

– Нет, ты только представь: напортачил у нас Фомин. Есть такой. Прекрасный, надо сказать, мастер.

– Да знаю я вашего Виталия Валентиновича. Что он мог напортачить?

Мария Сергеевна работала на обмоточно-изоляционном производстве и за долгие годы хорошо узнала сослуживцев мужа.

– Нахамил секретарю парторганизации, – продолжал Николай Николаевич. – Ну, вызвали, как полагается, песочим его. А он плевать хотел на наши нравоучения. Говорит: «Чего вы ко

мне пристали? Жрать дома нечего! А если провинился, вынесите мне выговор по партийной линии!». Секретарь не выдержал и закричал: «И вынесем! Ты что думал?». Фомин плюнул и вышел из парткома, а я нашему секретарю говорю: «Кому ты выговор выносить собрался? Он же беспартийный!». Вот такая у нас манная каша получилась.

– Ладно, деятьель... Иди руки мыть. Я блинов нажарила...

Сели за стол. Николай Николаевич, обращаясь к Леониду, спросил:

– Может, по маленькой? Для аппетита.

– Можно и по маленькой, только не для аппетита, а для смелости.

Николай Николаевич открыл бутылку водки, разлил в рюмки.

– Что за дела? Не думал, что ты такой трусливый. По виду не скажешь!

Выпили. Леонид поставил рюмку и сказал:

– Дорогие Мария Сергеевна и Николай Николаевич! Я прошу у вас руки вашей дочери!

– Твою мать!.. – выругался Николай Николаевич. – Я уж думал, что приключилось. А что скажет Полина?

Он посмотрел на дочь. Та сидела, опустив голову, и плакала от радости.

– Совсем по-стародавнему. Сейчас выскакивают замуж и женятся, не спрашивая родителей, – радостно произнёс Николай Николаевич. – Что мы можем вам сказать? Мир вам да любовь!

– Сегодня я получил двухкомнатную квартиру. Ещё даже не был там. Сразу пришёл к вам...

Мария Сергеевна подошла и поцеловала Леонида. А Петя радостно закричал:

– Вот, наконец-то мы погуляем на Полькиной свадьбе и я займу её комнату...

– Тише ты, баламут... – цыкнула на сына Мария Сергеевна.

– А что? – оправдывался Пётр. – Думаешь, приятно спать в проходной?

На следующий день молодые подали заявление в загс. Через месяц их расписали. Даша была свидетелем со стороны жениха, Пётр – со стороны невесты.

В первых числах июня состоялась их свадьба в квартире Курбатовых. Приехала мама Леонида, как две капли воды похожая на Геню Марковну. Только волосы её были белыми, словно обесцвеченными перекисью водорода. Она привезла из Донецка всякие вкусности. Снабжение на Украине было существенно лучшим, чем в Новочеркасске. Одарила Полину красивой шубой, а сына – костюмом. Леонид ещё в загсе надел жене на палец обручальное кольцо.

Иван Иванович и Геня Марковна подарили молодым деньги.

– У вас квартира новая. Вам нужно её обставить. У меня как раз подошла очередь на кухонный гарнитур из Сальска. Через неделю должны привезти. Мы с женой дарим его вам! Этих денег хватит, когда будете выкупать... А вот и талон на него. Год стоял в очереди!

– А вы как же? Как-то неудобно даже, – смущённо сказал Леонид. – Тётя Геня!

– Берите, раз дают! А ты, Полюшка, помни: если будешь плохо кормить мужа своего, сбежит!

– Это я уже поняла, – откликнулась молодая жена.

После того как было выпито немало, Николай Николаевич вынес гитару и попросил Леонида спеть что-нибудь из его одесского репертуара.

Леонид не заставил себя упрашивать. Настроив гитару, запел:

*Вам хочется песен?
Их есть у меня.
В прекрасной Одессе,
Гитарой звеня,
Пройдись по бульвару,
Швырнись по садам,
Услышишь гитару,
Увидишь меня...*

Потом Леонид виртуозно (он был сегодня в ударе) сыграл проигрыш и продолжил:

*Ах, Одесса, мать-Одесса,
Ростов-папа шлёт привет!
Есть здесь много интереса,
И никому покоя нет...*

До глубокой ночи праздновали событие Курбатовы, Сонины и Васильевы. Хорошо, что следующий день был выходным. Под утро Леонид и Полина ушли в свой новый дом, Пётр с удовольствием растянулся на кровати сестры, а Васильевы с Герой Марковной ушли, обещая вернуться на завтрак.

3. Вскоре после свадьбы Леонид Львович назначил операцию старику-актёру с диабетической гангреной левой ноги. После того как на планёрке он зачитал историю болезни и результаты обследований при поступлении и после интенсивной подготовки больного к операции, рассказал о том, что намерен сделать, Павел Матвеевич, ведущий планёрку, встал и хотел было что-то сказать. Все чувствовали, что заведующий чем-то недоволен. Но он сдержался, ограничившись коротким:

– Леонид Львович, после планёрки зайдите ко мне!

Леонид приготовился к серьёзному разговору. Как и предполагал, заведующий настаивал на высокой ампутации. Между тем сахар в крови держался на невысоких цифрах. Оперировать на уровне бедра – значит обречь человека на пожизненные костыли. При ампутации ниже колена возможно будет сделать протез. А возраст больного... Так это лишь внешне он выглядит стариком. На деле ему ещё и пятидесяти нет!

После недолгого спора Павел Матвеевич согласился с аргументами Леонида. Он умел слушать и слышать оппонента.

Операция прошла без особых происшествий. Больного перевезли в палату интенсивной терапии. Это была новая придумка Леонида. В палату были подведены медные трубочки, по которым к трём кроватям постоянно подавался кислород. Там же был организован пост медсестры. Она переливала послеоперационным больным кровь, ставила капельницы, вводила лекарства... При таком уходе за послеоперационными больными хирург мог не волноваться, что медсестра что-нибудь пропустит, не заметит...

Потом Леонид и Полина сидели в ординаторской, ели пирожки с ливером и пили чай. Это был их обед.

– Что за жизнь! – жаловалась Полина. – За хлебом очереди. Молока не купишь. На рынке всё дорого...

– Я тебе не успел рассказать. Вчера звонил главному Первой больницы. Договорился, что с первого августа буду принимать в их поликлинике на полставки с пяти до восьми...

– Ты себя загонишь. Шутка ли, с восьми и до восьми!

– Не загоню! А ты знаешь, что мне сказал Кружилин, которому мы сегодня ампутировали голень? Говорит: только начал привыкать к старости, а она уже проходит! Я его как мог успокоил. Он уже с жизнью прощался. Мне всё время говорил, что всегда мечтал жить так, чтобы всем стало скучно, когда он умрёт... Интересный человек этот Кружилин.

– Ты мне зубы не заговаривай... Почему не сказал, что собираешься работать на полторы ставки?

– Что об этом говорить? Дело мужика – обеспечивать семью. А на мою зарплату мы даже приличной еды себе не можем позволить! А если дети у нас будут?!

– Пока не получают... Плохо работаешь!

Полина уже пожалела, что начала этот разговор.

– Виноват, исправлюсь!

– Ладно! Хватит об этом, – сказала Полина, отставляя свою чашку в сторону. – Тогда и я возьму ещё полставки! Подумаешь – четыре ночных дежурства!

– Ты меня обижаешь!

– Обида переносится легче, если ты её проглотить вместе с обидчиком, – так, кажется, говорят у вас в Одессе!

Жизнь становилась всё тяжелее. У хлебного магазина выстраивались огромные очереди. С прилавков исчезли молочные продукты, мясо, варёная колбаса. Постановление Правительства о запрете держать скот привело к тому, что и на базаре цена на молоко взлетела до небес. На полках продуктовых магазинов сотрудники выстраивали фигурные башни из кильки в томатном соусе. Все, кто имел хоть какое-то касательство к продуктам, старались изловчиться и что-то украсть. В городе прошли показательные процессы над так называемыми «несунами». В заводской столовой поймали заведующего производством, который поздно вечером вынес пищевые отходы. Ими он кормил свиней, которых завёл после того, как ему пришлось продать корову. У него было семеро детей, жил в станице Заплавской и каждый день ездил на своём мотоцикле с коляской на работу. Вот его однажды и задержали на проходной. Уволили, и он был счастлив, что не завели уголовного дела.

На заводе в горячих цехах организовали продажу продуктовых пайков. В городе появились талоны на некоторые продукты. Их выдавали в домоуправлениях, что вызывало массу неудобств,

так как работающие могли их получить только в воскресенье. И там тоже образовывались очереди.

Вообще все настолько привыкли к очередям, что если что-либо оказывалось в свободной продаже, то это, как правило, было никому не нужно. По лотерее хорошим выигрышем считался ковёр размером полтора на два метра или чёрно-белый телевизор. Те, кто имел транспорт (купить машину практически было невозможно!), ездили в колхозы и сравнительно недорого покупали картофель, овощи, фрукты, подсолнечное масло...

На заводе были случаи голодных обмороков.

Обычной едой в семье Сониных была жареная картошка с солёными помидорами, которые они приносили от родителей. Леонид и Полина похудели, но не поддавались отчаянию. Один раз в неделю ходили в гости то к Васильевым, то к Курбатовым, вкусно и сытно ужинали и что-то уносили с собой.

Прошло время. Леонид Львович Сонин пользовался большим уважением коллег, любовью больных, а руководители завода, если возникала нужда, старались попасть именно к молодому и талантливому хирургу. В благодарность за его врачебное искусство нередко оплачивали счета на оборудование, инструментарий, медикаменты. В медсанчасти денег всегда не хватало.

Первое время Павел Матвеевич даже ревновал Леонида. Уж очень скоро тот стал популярным. К нему хотели попасть все, что вызывало у заведующего раздражение. Потом, увидев, что Леонид не метит на его место и много сделал для отделения, назначил его старшим ординатором. Посмеивался:

– Зачем мне вас ревновать? Всё, что вы делаете, – делается в моём отделении. Провели успешно операцию, а говорят: «В отделении Ванина сделали...»

– «Сочтёмся славою, ведь мы свои же люди!» – шутил Леонид, а Павел Матвеевич весело кивал:

– Конечно-конечно... «и пусть нам общим памятником будет...» Но нам ещё умирать рано! А за то, что вашими стараниями мы смогли приобрести в отделение новейший наркозный аппарат, функциональные кровати – отдельное спасибо! За это и выпить не грех...

– Не могу. Завтра День Победы. Идём в гости к Васильевым и к родителям жены. Они прошли войну от звонка до звонка. Нужно поздравить... Да и давно у них не были...

– Ну да... ну да... – закивал Павел Матвеевич. – Ивану Ивановичу привет...

– Обязательно передам. А мы с вами после праздника отметим наше приобретение коньяком. Выписался Кружилин, презентовал...

Май в том году был необычайно жарким. На белом выжженном небе висело Солнце и безжалостно раскаляло Землю.

Вечером девятого мая Леонид и Полина пошли к Васильевым. День Победы друзья отмечали, как правило, у Ивана Ивановича. Даша и Пётр ушли в кино.

Николай Николаевич поставил на стол бутылку «Московской» и сел на диван.

– Николай, – спросил Иван Иванович, – что там за свалка на твоём участке была вчера?

– Ничего особенного. Борисов, наш токарь, то ли сделал какое-то приспособление, то ли резец по-особому затачивает, только вот уже неделю дает почти два плана.

– Ну и что? Молодец, – сказал Иван Иванович, так и не понимая, в чём проблема.

– Молодец-то он молодец! Только плохо, что никому не хочет рассказывать, как он это делает. Вот Сошников, тоже токарь неплохой, его в сердцах послал... знаешь куда. Сказал: «Из-за тебя нам снизят расценки!». Тот ему: «Не снизят!». – «Если делаешь две нормы, это значит что?» – в запале прокричал ему Сошников.

«Что?» – не понял Борисов. «Значит, норма маленькая!» – заорал Сошников и полез в драку. Еле разнял. Перевёл их в разные бригады. Но в чём-то прав Игорь Сошников. Если ты такой умный, поделись с товарищами... Как у нас на войне было?

– Самое интересное, что этот твой Сошников прав не только в этом, – сказал Иван Иванович. – Сейчас идут упорные слухи, что действительно нормы выработки будут менять. Но это, конечно, пока только разговоры, и не нужно загодя людей пугать...

Геня Марковна учила Марию Сергеевну варить постный борщ:

– Летом – милое дело. Без мяса... чуть поджарь лук на подсолнечном масле, заправь. И кушать его нужно холодным. В такую жару самый раз!

Потом, наконец, пришли Леонид и Полина и все сели за стол.

Пили за Победу, за память о тех, кто делал всё, чтобы она пришла, но так и не дожил до неё. Иван Иванович вспомнил своего друга, который погиб девятого мая сорок пятого года!

Ели картошку в «мундирах», селёдочку с подсолнечным маслом и лучком. Пили водку.

– Редуют наши ряды, – грустно сказал Николай Николаевич. – Уходят друзья. В апреле похоронил Митрофаньча. С ним проползал на пузе от Сталинграда до Ростова. Здесь его ранило и наши пути разошлись... Вот я и говорю: редуют наши ряды...

– А у вас как дела, молодые? – обратился Иван Иванович к Леониду.

– У нас всё нормально, если, конечно, это можно назвать нормальным. Работаем с Полюшкой на три ставки, но ничего себе позволить не можем...

– Ты, Лёня, улыбайся на всякий случай. Случай всегда найдётся... И не хнычь. Жизнь – сложная штука!

– Да я и не хнычу... Что толку? Только чувствую себя неуютно, когда в доме нечего жрать!

– Как говорит твоя мама, – сказала Геня Марковна, – ты ешь медленно и наедайся!

– Да знаю её: «тише ешь – дольше бушь!». Но я же серьёзно. Взятки не беру, а если больные и благодарят чем-то, то это, как правило, коньяк, конфеты. . .

– Почему же ты не принёс нам коньяка? – воскликнул Иван Иванович.

– Как не принёс? Принёс.

Леонид достал из сумки бутылку армянского коньяка и коробку конфет.

– Взятки брать до лечения нельзя, – весело проговорил Иван Иванович, рассматривая бутылку, – а после – это благодарность!

Потом снова возник разговор о заводских делах. Иван Иванович рассказал, что у него не складываются отношения с секретарём парткома. Он его считал бездельником и балаболкой. Говорил о том, что вмешивается куда не должен.

– Ему бы посмотреть, как дела у нас с молодёжью, как живут люди, а он только и делает, что назначает заседания и сам любит себя и своим красноречием.

Леонид рассказал, что недавно был в лёгочно-хирургическом санатории:

– Главным там Яков Григорьевич Розин. Медицина у него на столичном уровне, поверьте. Набрал прекрасную команду. . .

– А чего ты туда пошёл? – с тревогой спросила Геня Марковна. – Не уходить ли из медсанчасти задумал?

– Да нет! Хотел посмотреть, как они работают с наркозным аппаратом «Красногвардеец». В Первой больнице вот уже три года стоит этот аппарат без дела, а наркоз дают по старинке: капают эфир на маску Эсмарха. Купили, а применять боятся. Один энтузиаст на дежурстве использовал его, а утром выговор схлопотал. Заведующий был в гневе. Стучал на планёрке кулаком по столу. Но уже через два дня приказал работать с аппаратом. Человек он неплохой. Но очень уж боится всего нового. А у Розин-

нова проводят интубационное обезболивание, что и позволяет им оперировать на лёгких!

– Ты бросай нас грузить своей медициной, – сказал Иван Иванович. – Давай лучше выпьем!

Выпили. А Леонид продолжал:

– Нет, вы послушайте! Мало, что в магазинах ни черта нет, за хлебом очереди. Так в больницах бедность. Купить оборудование можно за доллары, а где их взять? Современные методики нам недоступны. За рубежом всё это есть. Потому и результаты у них лучше. Они могут себе позволить то, о чём мы можем только мечтать.

– Ты думаешь, у нас иначе? – спросил Николай Николаевич. – Станки допотопные. С программным управлением – редкость. А план требуют в расчётах на современное оборудование!

– Чего это вы сегодня разнылись? – Иван Иванович взглянул на присутствующих, сжимая кулаки. – Ты, Николай, не помнишь, с каким вооружением мы войну начинали? Да что – вооружение?! Одна винтовка на двоих, обмотки... не помнишь, что ли? Но воевали же! Вспомни Брестскую крепость, Одессу, Севастополь... Держали оборону с тем допотопным вооружением... Но держали!

– Сначала, правда, драпали до Волги... Да что вы завелись? – воскликнула Полина. – Знали бы, как трудно на голодный желудок стоять у операционного стола по несколько часов! Кто же что говорит против Советской власти?! Мы за! Понимаем, что трудности эти временные...

Николай Николаевич с любовью взглянул на дочь и произнёс:

– Нет ничего постоянного, чем временные трудности. Ты, Лёня, лучше спой что-нибудь. Я и гитару по этому случаю прихватил. Праздник всё-таки.

Леонид взял гитару, стал перебирать струны, размышляя, что спеть по такому случаю.

*Бьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза.
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.*

Леонид пел, и все, сидящие за столом тихо ему подпевали.

*Ты сейчас далеко, далеко,
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти – четыре шага...*

– Мой отец погиб при обороне Севастополя, – сказал Леонид. – Вот песня, которая всегда напоминает мне его:

*Холодные волны вздымает лавиной
Широкое Чёрное море.
Последний матрос Севастополь покинул,
Уходит он, с волнами споря.
И грозный солёный бушующий вал
О шлюпку волну за волной разбивал.
В туманной дали
Не видно земли.
Ушли далеко корабли.*

Все притихли, слушая знакомую песню.

*Друзья-моряки подобрали героя.
Кипела вода штормовая.
Он камень сжимал посиневшей рукою
И тихо сказал, умирая:
«Когда покидал я родимый утёс,
С собою кусочек гранита унёс –*

*Затем, чтоб вдали
От крымской земли
О ней мы забыть не могли.*

– Ты помнишь отца? – спросил Николай Николаевич.

– Помню... Мне было десять, когда началась война... Мы жили в Одессе. Его забрали на фронт, а мы эвакуировались в Казахстан...

Геня Марковна зажгла две свечи и потушила свет. И в полумраке вспоминали песни военных лет:

*Тёмная ночь,
Только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах,
Тускло звёзды мерцают...*

Потом, без перерыва:

*На позицию девушка
Провожала бойца,
Тёмной ночью простилася
На ступеньках крыльца.
И пока за туманами
Видеть мог паренёк,
На окошке на девичьем
Всё горел огонёк...*

И ещё:

*Дымилась роца под горою,
И вместе с ней горел закат,
Нас оставалось только трое
Из восемнадцати ребят...*

Потом пошли воспоминания:

– А помнишь?..

– А помнишь?..

Геня Марковна вспомнила, как прошла восьмимесячные курсы медицинских сестёр, как попала на фронт. Сначала служила в полевом подвижном хирургическом госпитале. Потом её направили в ПМП.

– Полковой медицинский пункт, – пояснила Геня Марковна. – А потом, уже в чине лейтенанта медицинской службы, оказалась в госпитале, в котором и встретила своего Ванюшу. Когда его привезли – удивилась: такой молодой, а вся грудь в орденах: Боевого Красного Знамени, Отечественной войны Первой степени, две Красной Звезды и дюжина медалей. Помню, это меня сразило наповал. Медали «За отвагу» считались почти что орденом, а у него их было две!

– А у Коли два ордена Славы, кроме других, – сказала Мария Сергеевна. – Это вам тоже не фунт изюма!

– Ладно вам хвастать нашими орденами, – сказал Николай Николаевич. – Что было, то прошло. – Он рукой погладил свою лысеющую голову. – Со временем и волосы мои, как друзья: сидеют и редеют. Вот и Митрофановича похоронил...

Телефонный звонок прервал беседу ветеранов. Иван Иванович снял трубку.

Он слушал, и лицо его становилось серым. Потом громко бросил в трубку:

– Мать вашу... Нужно же... Праздник испортил, мерзавец... Я сейчас буду...

Все смотрели на Ивана Ивановича, ожидая объяснений.

– В цехе токарь попал рукой в станок. Отрезало два пальца. Вызвали скорую... Мастер говорит, что токарь по случаю праздника был в лёгком подпитии...

– Кто? – спросил Николай Николаевич, вставая и тоже со-

бираясь идти на завод.

– Козин, чёрт бы его побрал.

– Григорий?! На войне не ранили даже, а здесь... Теперь нагрянут проверяющие...

Иван Иванович уже в коридоре попросил Леонида:

– Ты, Лёня, подойди в медсанчасть. Посмотри, что можно сделать. Жалко мужика, да и нам головы снесут если что...

Леонид и Полина тоже заторопились:

– Сделаем всё, что сможем...

4. Тот, кто думает, что начальству легко живётся, потому что оно только командует, а не работает, глубоко заблуждается. Огромный груз ответственности лежит на руководителе за судьбу дела, за всех, кто у него в подчинении.

В цехе на верхней площадке у кабинета Васильева стояли мастера смены и горячо обсуждали случившееся:

– Григорий – квалифицированный токарь и, как правило, не делал больших глупостей, – говорил один, вытирая руки ветошью.

– Точно, и соображал лучше начальства, – добавил второй.

– Да что вы такое говорите?! – включился в разговор третий. – Он всегда любил сваливать работу на других. Как-то я его попросил...

– Заткнись, Валера! Тебе бы говорить!

– Чего ты мне рот затыкаешь. Говорю: Козин придурок и сумасшедший!

– С больной головы да на здоровую. Ты всегда находишь того, кто выполнит твою работу. А Григорий пару раз взбрыкнул, вот ты на него и гонишь пургу.

Ещё немного, и началась бы свара, но Петрович, начальник первого участка, степенный седой мужчина, успокоил спорщиков:

– Помолчал бы ты, Валера. Мастер, а полсмены в курилке проводишь, да и рабочих туда сманиваешь. Увижу тебя больше

двух раз за смену в курилке – премии тебе не видать! Ходишь как сонная муха. Или голова болит после возлияний? Умеешь повести за собой. Рабочие ходят за тобой толпой, но только из любопытства. Задолбал ребят своими нравоучениями. . .

Недовольный Валера отошёл, но его остановил начальник участка:

– Постой. Хочу тебе одну байку рассказать, почему ты никогда не станешь начальником.

Все, столпившись вокруг мудрого и уважаемого Петровича, прислушались.

– Дело было давно, до революции. Подошёл к хозяину парень и говорит: «Почему такая несправедливость? Я работаю как вол, а получаю три рубля в месяц. Приказчик ничего не делает, а получает в тридцать раз больше».

Хозяин почесал затылок и говорит: «Вон, за холмом, видишь, пыль видна. Сбегай, узнай, что там».

Побежал парень, возвращается через четверть часа, докладывает:

«Обоз идет!».

Хозяин опять посылает:

«Сбегай, узнай, чего везут».

Возвращается парень ещё через четверть часа, кричит радостно:

«Зерно везут, хозяин! Ещё чего узнать надо? Ты скажи только, я быстро сбегая!».

«Ты устал, отдохни», – говорит ему хозяин. – Подзывает приказчика и отправляет посмотреть, что там за холмом. Возвращается тот и докладывает:

«Обоз с зерном. Везут три тысячи пудов. Едут на ярмарку. Хотели зерно продавать по пять рублей за пуд. Я с ними сел, подсчитал: им ещё три дня ехать, неделю на ярмарке терять да обратно возвращаться. На всё про всё деньги потратят. Мы и ударили по рукам: они нам зерно по три рубля продадут, так что мы

шесть тысяч рублей только на зерне сэкономили, да почти тысячу на том, что самим за зерном ехать не надо. Вон обоз уже к нам из-за холма поворачивает».

Выслушал его хозяин, поворачивается к парню и говорит:

«Ты всё понял? А теперь иди, займись своим делом, мешки таскай».

Именно потому тебе, Валера, не быть начальником. И с мастеров можешь вылететь, если так будешь работать.

Чуть в сторонке стояли женщины: учётицы, сметчицы, фельдшер медпункта. Они коротали время, жалуясь друг другу на тяжкую свою жизнь.

Одна говорила, что в заводской столовой есть невозможно. Воруют, сволочи!

– А мне в аптеке лекарство продали с «нагрузкой», – сказала другая.

– Это как?

– Разве не знаешь? Нужен тебе корвалол – возьми аспирин в нагрузку... Что за жизнь пошла?!

– Такое в нашем магазине давно. В нагрузку дают залежалые товары...

Иван Иванович работал на заводе более пятнадцати лет. За эти годы чего только не было в цехе. Сутками не выходили с завода. Рабочие отработали свою смену и возвращались домой, а начальник цеха, ближайшие его помощники должны были обеспечить людей работой. Кто-то привозил металл, проектировщики создавали техническую документацию, инструментальщики – добывали нужный инструмент... Цех был огромным и работал в три смены, круглосуточно. Завод перешёл на выпуск новой продукции. Вместо паровозов, с завода выходили шахтные и магистральные электровозы. Это требовало совершенно иных подходов. Но за многие годы, как говорится,

Бог миловал, серьёзного травматизма в цехе не было. Потому так разволновался Иван Иванович. Что будет с этим Козиным? Неужели останется инвалидом? А если да, можно ли ему найти какую-нибудь работу? Фронтовик всё же, трое детей, да и как сейчас без работы?!

В середине мая директор завода подписал приказ о снижении расценок. Это вызвало недовольство рабочих. В обмоточно-изоляционном цехе люди собирались группами, кричали, выражая своё недовольствие.

Тося Клюка, изолировщица, жаловалась подруге:

– Жрать нечего, дети голодные. Картошку муж привёз от родителей, тем и спасаемся. Теперь у нас вся еда – или каша перловая, или картошка... Что за жизнь? Сколько лет прошло после войны...

– Я не помню, чтоб так было когда-то, – кивала подруга. – Даже при немцах... Правда, я тогда малая была, голодали, но чтоб так...

К ним подошёл мастер и сказал укоризненно:

– Тоська! Ты снова за своё! Не отвлекай людей. Расценки снизили, а нормы повысили. Норму давать нужно! Иди на рабочее место!

Тоська не очень почтительно и на «ты» ответила мастеру:

– Чего ты раскричался? Мы не против Советской власти. Мы – «за»! Только и она бы была за нас! А ты, Михалыч, лучше организуй, чтобы ветошь у меня была... А то ходишь здесь, будто нечего делать... Надсмотрщик нашёлся...

Она была ровесницей мастера, с ним после войны пришла в цех... Фронтовичка...

Перед заводоуправлением стояли щиты, на которых регулярно вывешивали газеты «Правда», «Известия», городскую газету «Знамя коммунизма». Редко кто останавливался возле тех стендов. Проходя, зло бросали:

– «Правда», в которой нет ни слова правды. Когда же мы,

наконец, догоним эту Америку, будь она неладна?! Бежит как угре-
релая...

– Хоть бы денёк побывать в той Америке да нажраться до
отвала! – соглашался с ним другой.

Войдя в цех, Иван Иванович поднялся в кабинет и пригла-
сил к себе мастера.

– Инженера по технике безопасности вызвали? – спросил
Иван Иванович, даже не взглянув на вошедшего в кабинет пяти-
десятилетнего седого мужчину в синем халате.

– Вызвал...

– Как это произошло? Он что, был пьян?

– На работу пришёл трезвым. Его смена с четырёх до две-
надцати. В шесть вечера я с ним разговаривал. Всё было нормаль-
но. А в десять и случилось... И токарь ведь он опытный, не пер-
вый год работает. Как такое получилось, не понимаю!

– А чего же по телефону вы мне сказали, что он был выпив-
шим? – спросил начальник цеха.

– Так в том-то и дело: в шесть был трезв. По крайней мере,
я ничего не заметил. А когда «Скорая» его увозила, врач сказала,
что от него пахнет...

– Пахнет... мать вашу... – не сдержался Иван Иванович. –
Где же этот Матвеев? Живёт под боком, а добирается час!

В это время в дверь постучали и тут же открыли.

Вошёл невысокого роста полный лысый мужчина с пере-
пуганным лицом.

– Наконец! Почему так долго нужно вас ждать? – сказал
Иван Иванович, с неприязнью взглянув на инженера по технике
безопасности. – Принесите мне всю вашу документацию. Только
срочно: одна нога здесь, другая там!

Мужчина, ни слова не говоря, вышел из кабинета и через
пару минут вернулся, неся несколько журналов. Он пытался дать
пояснения начальнику цеха, но тот бросил:

– Сам разберусь.

Васильев стал просматривать журналы. Здесь всё было нормально. Пробурчал:

– Контора пишет... Написано, что все проходили инструктаж... Но так ли это?

– Напрасно вы, Иван Иванович, – подал голос инженер по технике безопасности. – Не первый год работаю... У нас первый случай производственного травматизма.

– Ну да! Если не считать, что в прошлом году Конюхов, разгружая бруски металла, сломал себе ногу! Или забыли?

– Не забыл, – оправдывался инженер по технике безопасности. – Но тот Конюхов был с другого цеха. Он не числился за нашим цехом!

– Ладно! Молитесь... Если Козин останется инвалидом, нам всем головы не сносить! – Иван Иванович набрал номер приёмного покоя медсанчасти. – Девушка! Вас беспокоит начальник механосборочного цеха. Васильев моя фамилия. К вам должны были привезти нашего рабочего... – Некоторое время Иван Иванович слушал дежурную медсестру, потом положил трубку и тут же набрал номер хирургического отделения. – Доброй ночи! Васильев из механосборочного. Сонины можно пригласить?

Он выслушал ответ и, поблагодарив медсестру, осторожно, словно боясь кого-то потревожить, положил трубку.

– Ну, что? – спросили мастер и инженер по технике безопасности.

– Ну что, ну что... Нашего Козина пятнадцать минут как взяли в операционную. Говорят, пальцы отрезаны, но хирург Сонин собирается их пришить!

– Что?! Отрезанные пальцы? Пришить? – воскликнул мастер.

– А хрен его знает. Так говорят. Он вызвал заведующего отделением, а пока с дежурным хирургом начал операцию. Козину дали наркоз... Короче, молитесь.

В кабинет без стука вошёл Курбатов. Садясь к столу, сказал:

– Разговаривал с рабочими, чьи станки стоят недалеко от станка Григория. Кошкин говорит, что в половине десятого они с Козиным выпили «по маленькой» за Победу, а через несколько минут это и случилось. В десять здесь была «Скорая»...

– Ну, правильно. Мне медсестра сказала, что в половине одиннадцатого Леонид взял его на операцию!

– Не ошибается тот, кто ничего не делает, – сказал мастер, будто это могло как-то оправдать то, что случилось.

– Ты брось! Спасительную формулу себе нашёл!

Иван Иванович злился не только на мастера, но и на себя. Придёшь в парикмахерскую, а там тебя так обкорнают, что и собаки на улице не узнают.

– Или зубной врач, вырвавший не тот зуб, – добавил инженер по технике безопасности.

Сказал и склонил голову. Понял: не ему здесь говорить!

– Это уместно лишь по отношению к делам житейским, – продолжал Иван Иванович, даже не взглянув на инженера по технике безопасности. – Наступая на грабли, мы набираемся опыта. Только не так и не здесь нужно набираться опыта. – Иван Иванович никак не мог успокоиться. – Я всю войну сапёром воевал. Расскажи это сапёрам, хирургам, судьям. Если ты профессионал... – Он круто выругался матом, что делал крайне редко.

– Все ошибаются. Каждый хирург имеет своё кладбище, – упрямо проговорил мастер.

Эти слова напомнили Ивану Ивановичу о Сонине, и он снова стал звонить в хирургическое отделение, включив громкую связь.

– Простите, это вас снова Васильев беспокоит. Полчаса назад вы мне сказали, что Сонин взял нашего рабочего в операционную...

– Ну да... Больному дали наркоз. Операция началась. Пришёл заведующий отделением. Он помылся и ассистирует Леониду Львовичу.

– Только началась! Я думал, она уже закончилась! Это же только пальцы пришить!

– Не знаю... Позвоните через час. Сколько длится такая операция – не могу сказать. У нас это первый случай, чтобы отрезанные пальцы пришивали! – сказала медсестра и положила трубку, не дожидаясь ответа.

На некоторое время в кабинете начальника цеха повисла тишина.

– Разрешить? – спросил Николай Николаевич и достал из кармана пачку «Примы».

Иван Иванович взглянул на Курбатова, кивнул и достал из ящика стола пачку «Беломора».

Задымили.

– Этого Кошкина отстрани от работы! Уволил бы гадёныша, да работать некому! Не дай Бог, попадёт и он в станок!

На часах было два ночи, когда Иван Иванович снова снял трубку.

– Васильев, – отрекомендовался он. – Как там наш Козин?

– Оперируют, – снова ответила дежурная сестра.

– Да сколько может длиться эта операция, – возмутился Иван Иванович, – уже три часа прошло. Два пальца отрезало! Или он оперирует другого больного?

– Леонид Львович оперирует травмированного на заводе Козина Григория...

Иван Иванович в недоумении бросил трубку и нервно заходил по кабинету.

В операционной медсанчасти было тихо. Шла необычная операция. Никто до этого даже не пытался делать подобное. Два пальца левой руки травмированного висели на лоскутах кожи.

Кости были раздроблены... Несколько раз Полина, подхватив тампон кохером, вытирала пот со лба хирурга. Все работали молча и сосредоточенно. Собрали обломки фаланг пальцев, прошили и соединили перерезанные нервные волокна. Делали попытку сшить кровеносные сосуды. Мало кто верил в успех, но продолжали своё дело. Все понимали – это операция отчаяния. Никто из них такого никогда не делал, но читали, что возможно. Такие операции описаны, но не в наших же условиях!.. Сосуды сшивали тончайшими шёлковыми нитками...

На часах была половина четвёртого, когда больному наложили гипсовую лангету и на каталке перевезли в палату.

Леонид вышел из операционной и пошёл в ординаторскую – записывать протокол операции в историю болезни, потом, добравшись до дивана, снял туфли, прилёг и провалился в сон.

Полина, закончив свои дела в операционной, зашла в ординаторскую и, увидев, что Леонид спит на диване, посмотрела на часы. Было четыре ночи. Она кипятильником вскипятила воду, сделала себе чай. Полина привыкла к бессонным ночам.

Около пяти Иван Иванович снова позвонил в хирургическое отделение.

– Ещё оперируют? – спросил он.

– Операция закончилась. Больного перевезли в палату. Он спит после наркоза. Есть надежда, что всё будет хорошо... Ему пришили пальцы!

– А хирург... Леонид Львович... можно его к телефону?

– Спит он в ординаторской на диване, – ответила сестра. – Будить не буду! Пять утра, а ему ещё завтра работать.

– Да-да! Конечно. Пусть отдыхает!

Иван Иванович посмотрел на людей, которые, как и он, ждали результата операции, и улыбнулся:

– Спит...

Совещание у директора завода Бориса Николаевича Курочкина, невысокого худенького человека лет сорока пяти, было посвящено анализу работы завода за последние три месяца и тому, что ещё предстоит сделать, чтобы не провалить план.

За столом для совещаний узкого круга руководителей сидели секретарь парткома, председатель профкома, начальники некоторых служб и два-три начальника цехов.

Иван Иванович сидел в самом конце стола и дремал. Бессонная ночь далась ему нелегко.

Секретарь парткома что-то говорил об отставании от плана. Руководители служб жаловались на трудности. Иван Иванович слушал вполуха.

Секретарь парткома, мужчина лет сорока, пришёл на завод из обкома партии, где был инструктором промышленного отдела. Человек резкий, самовлюблённый, но трудоголик. До глубокой ночи пропадал на заводе.

– О чём вы говорите! – воскликнул он, обращаясь к начальнику производственного отдела. – Падает производительность труда! А вот этого мы не можем допустить! Что вы мне всё время киваете на экономистов? Экономисты пусть в бумагах копаются, а нам план нужно давать!

– Ну, зачем же вы так?! – обиделась худенькая близорукая женщина, начальник планового отдела. – Мы и раньше предлагали повысить норму выработки. Только теперь прислушались!

Начальник производственным отделом возмущён. Почти кричит:

– Вместо того чтобы оснастить цеха современным оборудованием, купить новые станки, освоить новые методы и так повысить производительность труда, мы снизили расценки! Чушь собачья! Это вызовет недовольство рабочих. И так им трудно объяснить, что делается в стране, почему в магазинах хлеб трудно купить, нет ни молока, ни масла... Что, у нас голод в стране? Тогда так и скажите народу!

– Фёдор Михайлович, – перебивает его директор завода. – Знаешь ведь, что сегодня мы не можем купить необходимое количество станков-автоматов, станков с ЧПУ, и не от хорошей жизни нам пришлось снижать расценки. В обсуждении этого вопроса ты принимал участие!

– Но, если вы помните, Борис Николаевич, я был категорически против! Решение было принято не на нашем совещании, а гораздо выше...

Потом заговорили все, но Иван Иванович уже никого не слышал. Он спал с открытыми глазами. Этому научился на фронте, когда, бывало, по несколько суток приходилось не спать.

Проснулся, когда секретарь парткома заговорил о работе подсобных подразделений: столовых, детских садах, медсанчасти. Потом заговорил о производственном травматизме и рассказал о случае в механическом цехе.

«Уже успели доложить, сволочи!» – подумал Иван Иванович. Он окончательно проснулся и рассказал, что в медсанчасти была сделана уникальная операция. Хирурги смогли пришить два пальца рабочему Козину.

Этого секретарь парткома ещё не знал. Поинтересовался, кто оперировал. Предложил отметить хирурга в приказе.

Из кабинета директора все выходили в пасмурном настроении.

Начальник производственного отдела ворчал:

– Говорильня она и есть говорильня. Что изменится? Какие решения приняты? Болтовня всё это! Только от дела отрывают!

Его поддержал начальник сборочного цеха, бывший моряк:

– А море штормит... Как бы бури не было. Я своих едва сдерживаю!

У двери Борис Николаевич Курочкин остановил Васильева:

– Задержись на минутку, Иван Иванович!

«Ну, началось», – подумал он.

– Так, что там у тебя произошло?

– Токарь Козин в десять вечера левой рукой попал в станок. Отрезало два пальца. «Скорой» доставлен в медсанчасть. Хирург Сонин пришил пальцы. Работу инженера по технике безопасности проверял, считаю его невиновным. Инструктаж проводился регулярно, о чём есть соответствующие записи...

– Понятно, – грустно сказал Борис Николаевич. – Слышал, что случилось в прошлом году на электродном? Один алкаш курил под стрелой крана с грузом. Груз сорвался и на-смерть задавил пьяницу. Кто виноват? Этот алкаш проходил инструктаж, понимал, что стоять под грузом на кране нельзя... Начальнику цеха – выговор. Начальника участка под суд! Но не поставишь же к каждому крану, к каждому станку над-смотрщика!

– Слышал. Но у нас не смертельный случай.

– Не смертельный... – Борис Николаевич грустно взглянул на Васильева. – Молись, чтобы всё обошлось, а то беды не миновать... Тебе бы уехать на месяц. Когда отпуск?

– В этом году в июне. В шестьдесят первом я ходил в сентябре.

– Уходи в конце мая... Сегодня двадцатое? Чтобы через неделю тебя на заводе не было! Ты куда поедешь? Хорошо бы туда, где тебя не скоро смогут найти.

– Куда я могу поехать? Дочь в институт поступает! Так что – буду где-то поблизости.

– Поезжай на Дон. А что? И купаться есть где, и рыбку половить. Повторяю, чтобы двадцать пятого я тебя на заводе не видел! И к телефону не подходи... Оставь за себя Ковалю. Он дело знает...

Ранним утром Иван Иванович вывел из гаража свою «Победу», которую ласково называл «Антилопой», уложил вещи и удочки, попрощался с родными и поехал через посёлок

Донской на хутор Калинина, где на зелёном берегу Дона раскинулась база отдыха электровозостроителей.

5. Пётр зашёл за Сергеем, и они вместе подошли к подъезду Даши.

– Обещала на час выйти, – сказал Пётр. – Зубрит. Хочет в медицинский поступать.

– В медицинский? – удивился Сергей. – Раньше об университете мечтала.

– Под влиянием братца, мужа Полинки, наверное, решила.

– А что? Медицинский это для девчонки нормально.

– Как будто для нас не нормально. Только нам он не светит.

Пётр подумал о Леониде. Он был уже наслышан о его успехах и гордился, что состоит с ним в родстве.

– А что светит? – спросил Сергей.

– Армия! Ать-два, левой! Или ты тоже будешь прорываться в медицинский?

– Нет. Во-первых, я крови боюсь. Во-вторых, у меня аттестат даже хуже, чем у тебя. Одна пятёрка, три четвёрки, а остальные – тройки!

– Да, с таким аттестатом можно напрямиком в Бауманку!

– Ладно тебе, хохмач доморощенный. И у тебя не намного лучше, – обиделся Сергей.

– Согласен. Потому и пойду маршировать. А вернусь – и обязательно поступлю или на механический нашего политеха, или в институт железнодорожного транспорта. Может, даже заочно.

– Понятно... Сегодня без корочек никуда!

Пётр, конечно, с превеликим удовольствием пошёл бы с Дашей вдвоём, но она стеснялась гулять «один на один с парнем», и сколько ни убеждал, что её взгляды устарели, согласилась лишь после того, как Пётр обещал пригласить и Сергея.

Вскоре из парадной выпорхнула Даша. Пётр смотрел на неё и удивлялся. Знал с детства, но сейчас она казалась ему необычайно красивой! Светлое ситцевое платье, белые босоножки. Пётр знал, что платье это Даша сшила сама.

– Привет! Уже девять вечера! Сколько можно зубрить? – сказал Пётр, разглядывая Дашу, словно первый раз её видел.

– Столько, сколько нужно. У меня ещё в плане повторить тему по физике.

– Так можно и грыжу заработать, – подал голос Сергей. – У нас с Петром на заводе проще. Отработал, и гуляй!

– И как же вы гуляете? – спросила Даша.

Вопрос поставил Сергея в затруднение. В самом деле: как они гуляют? Просто слоняются по посёлку. Редко ходят в кино или что-нибудь читают. Но чтение ведь не гуляние. Он взглянул на Дашу и пожал плечами:

– Гуляем и гуляем... Как можно гулять?

– По-разному, – ответила Даша. – Если хотите знать, я даже немножечко вам завидую. Вы уже во взрослой жизни, работаете. И дело у вас серьёзное. А если у тебя голова на месте, обязательно пойдёшь учиться дальше...

– Зачем? – не понял Сергей.

– Чтобы стать профессионалом, – ответила Даша.

– А я так яростно борюсь с моей врождённой ленью, что когда, наконец, побеждаю, то уже нет сил идти на работу, – сказал Пётр и первый же улыбнулся своей шутке.

Гулять в посёлке Будённого было негде, и ребята подошли к детской площадке. Даша предупредила, что вышла на час. Пётр уселся на скамейку рядом, а Сергей ухватился за трубу, которую специально сделали в виде турника, и повис.

Разговор не клеился. Обычно ребята были весёлыми, а сегодня... Тогда Даша продекламировала:

– Дело было вечером, делать было нечего. Галка села на заборе, кот забрался на чердак. Тут сказал ребятам Боря просто

так: «А у меня в кармане гвоздь...». Чего это сегодня вы такие кислые? Так неинтересно.

Пётр понимал, что Даша может и уйти. Чтобы этого не произошло, стал рассказывать анекдоты:

– У меня два новых. В школе учитель говорит ученикам: «Кто из вас считает себя тупицей? Встаньте. – После долгой паузы поднимается один ученик: – Так ты считаешь себя тупицей?» – «Как-то неловко, что вы стоите один».

Даша улыбнулась, а Сергей спрыгнул с турника и подошёл ближе.

– А второй? – спросил он.

– Второй это реальный случай, который я запомнил. Мальвина спросила нашего Венечку: «"Я красива" – какое это время?» А тот, известный хохмач, ехидно улыбаясь и глядя ей прямо в глаза, ответил: «Прошедшее, Валентина Васильевна».

– Ты это напрасно, – вступалась за Мальвину Даша. – Она и в свои годы прекрасна! И литературу знает как Бог!

– О чём ты?! – воскликнул Сергей. – Старуха! Ей уже сорок. Я как-то у неё заметил седину... Конечно, прошедшее!

– Ничего вы не понимаете, – возмутилась Даша. – Возраст здесь ни при чём. Можно быть уродливым в семнадцать, и красивым в шестьдесят! А как вам такая история? Наша англичанка всегда отличалась косноязычием. Однажды она спрашивает Зюзюкина. Помните его? «Ду ю спик инглиш?» – а он смотрит на неё и ничего не понимает. «Чаво?» – спрашивает. «Садись, Зюзюкин, горе ты наше!». Потом Кислицину, та ей: «Чаво?». Наконец, очередь дошла до Цыганкова, и на её вопрос «Ду ю спик инглиш?» он выпалил: «Yes, my teacherin, i'm good speak English». Англичанка на него смотрит с удивлением и автоматически повторяет: «Чаво, чаво?». Весь класс целый урок хохотал!

Пётр рад, что Даша сидит рядом. Понимает: ей нужно отдохнуть, переключиться, расслабиться.

– А я недавно слышал по телику Утёсова, – сказал он. – Пел про золотую рыбку на разные мотивы. Потом у Веньки я переписал слова. Вы послушайте!

Он достал из кармана листок и стал петь. Слуха у него не было, и он пел, перевирая мотив, но и Даша, и Сергей слушали с интересом.

*Раскинулось море широко,
И волны шумят всё сильнее,
У берега жил одиноко
Старик со старухой своей...*

Потом, меняя мотив, продолжал:

*И часто сорилась эта семья,
Пой песню, пой!
Если один говорил из них «Да»,
«Нет» – говорил другой...*

Заканчивалась песенка так:

*Напрасно бабуся ждёт деда домой.
Ей скажут, она зарыдает.
А дед всё сидит над пучиной морской
И рыбку свою поджидает...
Так сидел он, может, час, а может, два.
Надоело, заболела голова.
Это значит – надо сказку прекратить.
Так, значит, так тому и быть!*

Даше было легко и весело. Ей казалось, что она любит Петра...

К ним подошли знакомые ребята. Они были навеселе. Выкурив по папиросе, ушли, как выразился Сергей, «искать приключения на свою голову».

Без пятнадцати десять Сергей, сославшись на что-то,

попрощался и ушёл, оставив друга наедине с девушкой.

– Ты за лето даже на Дон не поедешь? – спросил Пётр.

– Почему же? Четвёртого у меня экзамен по физике. Сдам и поеду. Отец на нашей базе отдыхает...

– Так ты мне свистни... Я тоже подтянусь. В этом году ещё не был на Дону.

Даша улыбнулась:

– Свистну! – Она встала, оправила платъице. – Пошли, что ли?

Встал и Пётр. Медленно пошёл за Дашей к её парадной.

Даша остановилась в тени огромного ветвистого тополя, ожидая, наконец, того, чего так желала.

Пётр взял её за плечи, притянул к себе и поцеловал в губы.

– Ты что?! А если кто увидит? – прошептала она, приближаясь к любимому.

– Да что ты всё время боишься?! Я ведь серьёзно тебя люблю! Лю-блю! – повторил он и стал целовать девушку.

– Мы поженимся, как только мне исполнится восемнадцать... Раньше не распишут, – с сожалением сказала Даша.

– Формалисты! Сколько было Ромео и Джульетте, когда они полюбили друг друга?!

Пётр целовал её лицо, шею...

– Ты не слышишь меня... или просто не любишь! – прошептала Даша, на мгновение отстраняясь от Петра. – Я всё время о тебе думаю... Никакая учёба не идёт на ум. Нет, ты меня не любишь!

– Ерунду говоришь! У тебя в голове всё перемешалось: физика с химией... Кто тебя любит так, как я?! Я же тебе говорил: окончу вечернюю, отслужу и пойду в институт.

– Когда это ещё будет?

– При чём здесь это? Кто нам мешает любить?

Он снова обнял девушку и крепко поцеловал. Она замерла в объятиях, полностью подчиняясь его воле...

– У меня всё клокочет...

– У меня никого ближе тебя нет! И главное – у меня есть ты, а я есть у тебя...

Краткая справка

Освоение целинных и залежных земель поначалу обнадёживало. Получили богатый урожай зерновых. Но очень скоро плодородие земель стало резко падать. Как результат – эрозия почвы после пыльных бурь. Огромные траты средств на строительство дорог и инфраструктуру ещё больше обострили ситуацию.

Возможности административных методов стимулирования экономики ослабевали, руководство страны искало новые подходы для решения проблемы.

Н. С. Хрущёв поставил задачу – догнать и перегнать Америку по производству на душу населения к 1970 году. Но при этом ресурсы страны были направлены на развитие промышленности, укрепление мощи армии и флота, покорение космоса. Достаточно назвать лишь несколько объектов, которые были построены в эти годы: Череповецкий металлургический и Омский нефтеперерабатывающий заводы, Новосибирский завод тяжёлого машиностроения. Начала работу первая в мире атомная электростанция в Обнинске, открыт Институт ядерных исследований в Дубне, спущен на воду первый в мире атомоход-ледокол «Ленин». Построены Куйбышевская, Сталинградская ГЭС. Начато строительство Братской ГЭС.

Появились и начали развиваться газовая и алмазная отрасли.

Вместо паровозов по дорогам страны пошли тепловозы и электровозы.

Запустили первый искусственный спутник Земли, облетели Луну и сфотографировали её обратную сторону. Наконец,

запустили человека в космос! Всё это потребовало колоссальных затрат.

Но всё это мало затрагивало сельское хозяйство. Деревня по-прежнему продолжала нуждаться в технике. Колхозам предложили выкупить парк машинно-тракторных станций, что стало для них дополнительным финансовым бременем. Получившие технику колхозы не имели специалистов, что привело к трудностям в использовании техники и частым её поломкам.

Хрущёв предложил людям продавать крупный рогатый скот колхозам или государству, а взамен покупать у них мясо-молочную продукцию. При этом запрет на содержание скота в личной собственности распространялся и на жителей городов и рабочих поселков, что обострило решение продовольственной проблемы. А газеты, радио и телевидение постоянно твердили о том, как успешно труженики села догоняют Америку по производству мяса и молока на душу населения.

Продуктов же в магазинах становилось всё меньше и меньше. Пропали из продажи товары, которых, если слушать радио, становилось всё больше и больше, – мясо и молоко. Затем вдруг дефицитом стали растительное масло, хлеб, крупы. В городах у магазинов с ночи выстраивались длинные хлебные очереди, которые провоцировали антиправительственные настроения. Пришлось ввести прикрепление покупателей к магазинам, списки потребителей, хлебные карточки, раскрыть закрома госрезервов, которые сохранялись даже в годы войны. Формальным выражением неудачи сельскохозяйственной политики стало постановление ЦК КПСС и Совмина СССР о повышении цен на мясо-молочные продукты от 31 мая 1962 года.

ЦК партии решил организовать очередную кампанию по сокращению стоимости производства. Практически это означало понижение заработной платы рабочим примерно на десять процентов.

6. Начало

В пятницу первого июня Пётр работал в первой смене. Наспех позавтракав, они с отцом вышли из дома и направились на завод. Нужно было свернуть за угол жёлтого дома с колоннами, в котором располагалась школа. За школой шёл пустырь, где обычно дети гоняли в футбол. По его краям рос бурьян с натоптанной тропой к заводу. Чуть дальше возвышались пятиэтажки, которые народ окрестил «хрущобами». Потом детская площадка с качелями: два столба, железная труба между ними и дощечка на прочных верёвках...

По дороге встретили Антона Присяжнюка. На голову выше Петра, большелобый, темноглазый, в морской тельняшке с короткими рукавами и наколками на обеих руках, он словно поджидал их. Спросил:

– Вы ничего не знаете? В газете напечатали, что повышают цены на мясо-молочные продукты!

– Ты что, с дуба рухнул? – не поверил Николай Николаевич.
– Сейчас, когда норму выработки повысили?!

– Так, может, мясо и молоко появится в магазинах? – предположил Пётр, обычно не вмешивающийся в разговор взрослых.
– Всё ж будет дешевле, чем на базаре.

Николай Николаевич промолчал. Антон шёл молча, криво улыбаясь и сверкая чёрными глазами из-под выгоревших широких бровей. Он работал мастером на участке Курбатова, всегда рьяно отстаивал интересы своей бригады, кричал, ругался трёхэтажным матом. Сейчас его сдерживало только присутствие Петра.

У проходной, где стояли щиты с газетами, столпились люди. Никто не торопился в цеха на свои рабочие места. Они были возбуждены и что-то кричали, проклиная всё и вся.

– Вы идите, – бросил Антон. – Я узнаю, что там случилось, и догоню.

Он подошёл к клокочущей толпе, но спрашивать ничего не стал. Всё было понятно и без того. Какой-то парень из сталелитейного сорвал газету и громко, чтобы все слышали, сказал:

– На кой х...й нам такая правда?! Догнали Америку... Теперь кого будем догонять?!

Вокруг него собирались такие же отчаянные головы. Другие боязливо старались поскорее уйти, чтобы их не заметили среди протестующих.

Кто-то крикнул:

– Нужно бастовать! Только всем!

– Твой протест им до фени! Ты думаешь, решение Правительства отменят?

– Нет. Но нормы выработки могут изменить!

– Айда в цеха!..

– Гордеев, ты там у себя подсуепись... Пусть бросают работу и все идут на митинг. Мы скажем им, что думаем по этому поводу, а то у них получается, что они шли навстречу пожеланиям трудящихся!

– Каким, к хренам, пожеланиям?! Ты этого желал? А может, ты?! Мы же не полные дураки! Как работать на голодный желудок, когда всё время о жратве думаешь?!

– Я о другом думаю: как накормить детвору, – добавила тётя Клава, нормировщица из механического. – У меня двое, мал-мала, и жрать хотят. Им до лампочки все наши разговоры...

– Вот я и говорю: бастовать нужно!

Этот забияка вызывал у Антона чувство брезгливости. Полоски грязи под квадратными ногтями, выгоревшие кудри, совсем не по моде короткие брюки, босоножки на босу ногу... Молодой, а говорил таким поучительным тоном и, казалось, радовался, что может выделиться, что его заметили.

– Да брось ты дурить! Новой революции захотелось?

Толпа бурлила. Потом постепенно стала уменьшаться. Люди шли в свои цеха.

Рабочие горячо обсуждали происходящее. У металлургического цеха стояла грузовая машина. Кто-то опустил борта и вскопчил в кузов, чтобы оттуда его лучше было видно.

– Когда же это кончится?! – кричал выступающий, стараясь перекричать толпу. – Увеличили нормы, повысили цены! Кто о нас думает?! В магазинах ни хлеба, ни молока! Чем детей кормить?!.

Его сменил вихрастый парень с голым торсом. Он был только с ночной и не успел ещё привести себя в порядок.

– Нужно объявить забастовку в знак протеста, – кричал он в толпу. Видимо, в цехе успел накричаться – голос его срывался, и часть слов он просто хрипел.

Образовался стихийный митинг. Сюда стекались рабочие и из других цехов. Пожилые и молодёжь, только что окончившая ремесленное училище. Женщины, больше похожие на мужчин: в брючной робе и с вымазанными маслом руками, в косынках или кепках. Никто здесь на внешний вид не обращал внимания. Среди митингующих были и девушки в платьицах, в белых халатах, в фартуках. Это подтянулись к митингу работницы столовой, медпунктов, заводоуправления.

Толпа быстро росла и очень скоро заняла всё свободное пространство перед металлургическим цехом. А народ всё прибывал и прибывал...

Пётр вместе со своим закадычным другом Сергеем Медведевым тоже были здесь. Они протиснулись к импровизированной трибуне и слушали, что говорили рабочие с кузова грузовика. Наконец, друзья оказались возле самой машины.

– Ты чё? Выступать надумал? – спросил Сергей.

– Выступил бы, да тям не хватит. Послушать хочу, что умные люди говорят.

Постепенно солнце стало припекать. Митинг продолжался уже больше двух часов, но никто не собирался расходиться. Люди отходили от своих рабочих мест и слушали выступающих.

Часов в десять к митингующим в сопровождении нескольких мужчин пришли секретарь парткома и директор завода. Они никак не ожидали такой реакции. Обычно все постановления Правительства принимались спокойно.

На борт машины легко вскочил секретарь парткома. За ним последовал Борис Николаевич Курочкин. Он взглянул на море рабочих и растерялся. Кочкин, секретарь парткома, привык горланить. А он – что? Он – инженер, организатор производства, и разве виноват, что в магазинах нет хлеба, молока и мяса? Наверное, нужно было всё-таки, чтобы хозяйственники теснее задружили с колхозами и хотя бы на заводе организовали продажу этих продуктов, да кто же такого ожидал? В жизни ведь нет сослагательных наклонений. К тому же и в колхозах голодно, может, даже ещё больше, чем в городе! Но к чему всё это? Ведь ничего не добьются!..

Секретарь парткома поднял руку, призывая к вниманию. Постепенно стоящие у импровизированной трибуны люди успокоились. Хотели услышать, что скажет их партийный руководитель. В толпе среди митингующих было много членов партии. Они как могли успокаивали разгорячённые головы:

– Тише! Давайте послушаем, что скажет Кочкин...

Когда стоящие у машины люди стихли, секретарь хорошо поставленным голосом прокричал:

– Товарищи! Прекратите смуту! Вы же понимаете, что меры, которые предприняло наше Правительство, – временные!

Ему не дали договорить. Какой-то парень, засунув два пальца в рот, резко засвистел. Свист подхватили и другие. Раздались крики возмущённых рабочих.

Пётр и Сергей стояли у самой машины и видели растерянные лица директора и секретаря парткома.

Директор вышел вперёд и, стараясь перекричать толпу, стал что-то говорить. Но его уже никто не слышал.

Гул, словно волны прибоя, то усиливался, то ослабевал, и

в тот момент, когда стало чуть тише, все услышали слова директора:

– Чего даром кричать?! Смена давно началась! Идите по своим рабочим местам! И так плановое задание под угрозой срыва! В конце концов, не будете есть пирожки с мясом, будете – с капустой!

В сторону выступающих полетели камни, бутылки, палки...

Пётр пригнулся. В него чуть не попал брошенный кем-то камень.

Увидев дерево, секретарь парткома ловко схватился руками за ветку. Она сломалась, и он оказался среди возбуждённой толпы.

– Слезайте! – крикнул он директору.

Тот присел и спрыгнул с кузова.

Не разбирая дороги, ломая кусты, высаженные у цеха, по траве газона они, не оглядываясь, поспешили в сторону заводоуправления. За ними последовали ближайшие их помощники. Уходили под свист и улюлюканье рабочих.

Сергей легко прыгнул на борт грузовика и крикнул в толпу:

– Айда к заводоуправлению! Пусть послушают, что мы о них думаем!

Кто-то закричал:

– Сначала – по цехам. Пусть прекращают работу. Мы начинаем всеобщую забастовку против нашей скотской жизни.

Из механического цеха какие-то парни вынесли нарезанные куски арматуры и раздавали желающим.

Первый день июня был тёплым, но не очень жарким.

Николай Николаевич зашёл в цех и удивился. Ни один станок не работал. Все рабочие были на митинге. Заместитель начальника цеха Александр Коваль заперся в кабинете и не выходил.

Пётр шёл по заводскому двору и чувствовал, как бьётся его сердце. Такого он не мог себе представить и в страшном сне. Нет! Конечно, он не мог пропустить ничего из того, что сейчас происходит.

Толпа отхлынула от грузовика и потекла в сторону заводоуправления. Протиснуться вперёд было трудно, и они с Сергеем шли в потоке возмущённых рабочих.

– Бросай работу!

– Хватит горбатиться задарма!

– Нужно, наконец, показать, кто здесь гегемон!

– Разве это дело – жрать нечего!

– Дети голодные!

Около одиннадцати толпа заполнила площадь у заводоуправления. По пути к ней присоединялись рабочие других цехов.

Кто-то ещё стоял в нерешительности, ожидая, что к ним выйдет кто-нибудь из начальства, успокоит, пообещает, разъяснит. Но никто так и не вышел. Наиболее воинственные пошли по цехам, призывая к забастовке.

– Как жить дальше? – кричала обмотчица трансформаторов электроцеха? – Детей нечем кормить!

– Что ж вы делаете, мать вашу за ногу! – ругался рабочий кузнечного цеха.

– Да что их спрашивать?! Им из спецмагазинов рябчиков возят, а я вчера час стояла в очереди за хлебом! Хорошо, достался, а за мной стояла старушка, так она ушла несолоно хлебавши!

– Эй! Чего вы попрятались от народа! Выходи! Дай ответ, раз народ требует! – кричали из задних рядов молодые голоса, напирая на впереди стоящих.

Какой-то длинный лысоватый мужчина в светлом костюме и галстуке, жестикулируя, объяснял, как нужно добиваться правды. Его слушали, но мало верили. Уж слишком он был не похож на рабочего человека.

На площади перед заводоуправлением народа становилось всё больше.

Со всех сторон Петра теснили люди. Никого из них он не знал. Подумал: «Если бы и хотел – не выбрался бы отсюда. И Сергей куда-то делся».

Он посмотрел на небо, потом стал разглядывать окна заводоуправления. Здесь он никогда не был.

В одном окне штор не было и просматривалась комната, но никого из людей в ней не было.

И вдруг открылась форточка крайнего окна с синими шторами на последнем, третьем этаже и оттуда высунулась тёмная голова:

– Нас закрыли, и мы не можем выйти, – крикнули оттуда. Из толпы раздался крик:

– Колян! Открой окно и прыгай! Мы тебя словим!

Всем была понятно, что это шутка.

Лицо мужчины выражало растерянность. Он не знал, что делать.

– Не дрейфь! На землю не упадёшь. Везде люди!

Мужчина закрыл форточку и скрылся за портьерой.

А рядом стоящий парень примирительно сказал:

– Шутка ли, с третьего этажа! Было дело, я пробовал. Две ноги сломал...

– Муж застал? – ехидно спросил сосед.

Толпа гудела. Требовали, чтобы к ним вышли и сказали, как же жить дальше?

Николай Николаевич вышел из цеха, но добраться до заводоуправления было уже трудно. Бушующее, штормящее море народа занимало практически всю площадь и прилегающие к ней свободные участки земли. Понимал, что не может оставаться в стороне, что недовольство рабочих справедливо, что нужно что-то менять. Он не знал, что и как нужно сделать, но что так больше

жить нельзя – понимал хорошо.

Он присоединился к бастующим и, услышав призыв идти к заводууправлению, пошёл вместе со всеми.

– Хватит молчать! – кричали в толпе. – Терпению пришёл конец! Покажем им, как издеваться над рабочим классом!

Николай Николаевич тревожился за сына. Знал, что эта горячая голова полезет в самое пекло. Но найти его среди этого бушующего моря народа не мог и полагал, что у Петра хватит ума не лезть на рожон.

Курбатов понимал, что после всего этого наступит время похмелья. И тогда полетят головы. Он давно жил на белом свете и знал, откуда ноги растут. Хотелось закрыть глаза и раствориться в этом июньском дне.

– Где же этот сорванец? Увижу – дам ему...

Что он ему даст, как накажет, Николай Николаевич додумать не успел. Толпа подхватила его и увлекла в сторону заводууправления.

Надо было что-то делать: идти туда, где его рабочие. Быть с ними. А как иначе?!

И он, подчиняясь воле волн, поплыл вперёд.

Оказавшись на площади перед заводууправлением, Курбатов, конечно, ничего не слышал. Только видел, как и сюда подогнали машину. Люди взбирались на борт и бросали в толпу опрометчивые, но выстраданные слова.

Николай Николаевич не верил, что что-нибудь можно изменить. Он прожил уже немало и понимал, что все, кто сейчас выступает, будут органами взяты «на карандаш». Но грузовик-трибуна был далеко, и он ничего не слышал и мало что видел.

А Пётр думал о Даше. «Хорошо, что она дома готовится к экзаменам в институт. Здесь бы её точно затолкали».

Директор завода Борис Николаевич Курочкин едва передвигал ноги. Его шатало, знобило. Он вошёл в свой кабинет. За

ним последовал секретарь парткома. Курочкин упал в своё кресло и оглядел затуманенными глазами кабинет. Всё здесь по-старому, только портреты Первых секретарей меняли время от времени. А так: модель электровоза, в книжном шкафу – полное собрание сочинений Ленина... Какие-то сувениры от электровозостроителей Чехословакии, тепловозостроителей Ворошиловграда... Полированная мебель из Буковины...

Взглянул на секретаря парткома и, поняв, что тот ничего дельного предложить не может, снял трубку и набрал прямой телефон Первого секретаря горкома.

Рассказав о ситуации на заводе, просил помочь успокоить людей и вернуть их к работе. Секретарь горкома уже был проинформирован о настроении рабочих не только на НЭВЗе, но и на других промышленных предприятиях города. Успокоил Бориса Николаевича, сказав, что будет звонить в обком.

Вскоре на завод приехал Первый секретарь обкома, другие ответственные работники области и города. Сергей, работая локтями, добрался до заводоуправления. Какой-то парень подсадил его, и он, ухватившись за портрет Хрущёва, сорвал его. Огромный портрет в тяжёлой, покрытой лаком деревянной рамке рухнул на землю.

В это время друга увидел Пётр. Подумал: «Точно, у Серёги голову снесло! Зачем? Что это даст?»

Тем временем кто-то поджёг промасленную паклю и подпалил портрет. Люди вокруг этого костра расступились и притихли. Многие понимали, что этого никому не простят.

Кто-то призывал штурмовать заводоуправление, кто-то кричал, что нужно послать людей, чтобы они призвали рабочих других заводов поддержать забастовку электровозостроителей. Раздавались выкрики совсем обезумевших от безнаказанности молодых ребят:

– Нужно захватить почту, телеграф, банк и милицию! Даёшь июньскую революцию!

Молодые рабочие, по большей части ремесленники, пытались ворваться в здание заводоуправления. Они повалили на пол двух милиционеров, пытавшихся им помешать, избили. Потом пошли громить кабинеты сотрудников на первом этаже. Но на выручку милиционерам со второго этажа спустилось несколько человек и постепенно вытеснили возбуждённых рабочих.

Наконец, Пётр смог приблизиться к первым рядам. Он видел, как какие-то люди устанавливают на балконе громкоговорители.

Видимо, связист забыл выключить микрофон, и над площадью разнёсся отборный мат.

– Ты что же, мать твою... Чего в штанишки наделал с самого начала?

– Я инженер, – оправдывался Борис Николаевич. – Кто мог подумать...

– Ты на то директором поставлен, чтобы предвидеть и вовремя реагировать!

На мгновенье на балконе мелькнуло гневное лицо. А над площадью продолжал звучать голос секретаря обкома.

К горлу Николая Николаевича подступила тошнота, закружилась голова, сердце выскакивало из груди. Он протиснулся к дереву и опёрся на ствол.

«Сейчас всё пройдёт... Нужно отдышаться...» – подумал он, вглядываясь в небо.

Ноги ослабели, и он сполз на землю.

Как его не затолкали, никто не знает. Но нашлись добрые люди, вытащили из толпы, вызвали «Скорую».

Приехавший врач осмотрел больного и бросил людям, сопровождавшим Николая Николаевича:

– Скорее всего – инфаркт. Шутка ли, что творится.

– Куда вы его? – спросил рабочий, вытащивший Курбатова из толпы. – Это начальник участка из механического. Его бы в медсанчасть...

– Туда и повезём. Сегодня как раз Свиридова дежурит. Людмила Дмитриевна – прекрасный кардиолог...

Тем временем митинг продолжался. Звучали требования: послать делегацию на электродный завод, отключить подачу газа с газораспределительной станции, выставить пикеты у заводоуправления.

Группа особенно активных ворвалась в кабинет директора завода синтетических продуктов. Один, наиболее смелый, выступил вперёд и громко произнёс:

– Мы, рабочие НЭВЗа, объявили забастовку в знак протеста против тяжёлой жизни. Хотим, чтобы нас поддержали наши товарищи с других предприятий. Остановите завод!

Директор, плотный седой мужчина, неторопливо встал, надел пиджак, на котором поблескивал значок депутата Верховного Совета, постоял, словно раздумывая над требованием рабочих, затем вышел из-за стола и спокойно произнёс.

– Я не возражаю, чтобы рабочие поддержали вас. Сила рабочего класса в единении. Направьте своих людей, пусть идут по цехам и призывают рабочих идти с вами... Кто пойдёт – пусть идёт! Только без рукоприкладства. Но останавливать завод нельзя! Это военное и химическое предприятие, и при несанкционированном отключении электроэнергии и остановке завода произойдёт взрыв с тяжёлыми последствиями.

Или потому, что директор завода говорил с ними уважительно и спокойно, или ещё по какой причине, но рабочие попятились и вышли из кабинета.

Кто-то с этого завода и пошёл с забастовщиками, но завод синтетических продуктов в целом к забастовке не присоединился и продолжал работать.

Весть о том, что рабочие НЭВЗа ходят по предприятиям и требуют прекратить работу, быстро разнеслась по городу. У боль-

ших ворот электродного завода дирекция выставила несколько бравых парней, которым на подкрепление пришли и двое вооружённых работников Комитета Госбезопасности. Все были убеждены, что толпа не сможет прорваться на территорию завода. Но, учитывая слухи, что избивают руководство, которое противостоит их намерениям остановить производство, директор электродного завода, секретарь парткома и другое начальство заблаговременно организовали свой штаб... в бомбоубежище и закрылись изнутри. Они слонялись по длинным подземным коридорам, не зная, что предпринять, как успокоить людей. Что они могли сказать своим рабочим, когда сами в глубине души сочувствовали электровозостроителям?

Зинченко, директор электродного завода, был уверен, что бастующие к ним на завод не попадут. Но не тут-то было!

Когда разгорячённая толпа подошла к воротам электродного завода, охрана куда-то подевалась. Возмущённые рабочие открыли ворота и вошли на территорию. Они пошли по цехам, требуя, чтобы электродчики прекратили работу и присоединились к забастовке.

В цехах начальства тоже не было. Молодые ребята, держа в руках обрезки арматуры, требовали:

- Кончай работу!
- Вырубай электричество!
- Останавливай станок!

Одни останавливали станки и присоединялись к бастующим. Другие боялись и продолжали оставаться на своих местах.

Когда они зашли в цех графитации, их встретил невысокий плотный седой начальник цеха. Когда-то он приехал из Москвы и строил этот завод. Яков Лазаревич Брук пользовался большим авторитетом у рабочих.

– Во! Наконец-то хоть один начальник нашёлся! – воскликнул радостно парень, заноса над ним обрезок арматуры, чтобы обрушить на его голову, но руку перехватил огромный мужчина.

– Ты чего?! С дубу рухнул? Это же наш Яков! Он – свой! Размахался тут!

Группа рабочих разобрала рельсы проходящей вблизи железной дороги Москва – Ростов и устроила завалы. Женщины сидели на рельсах, рассуждая о своей безрадостной жизни.

– Эта сволочь мне снова недосчитала, – жаловалась пожилая работница, сидя на рельсах. – Э-хе-хе, жизнь моя пропащая...

– Кто такая? – спросила молодуха, присаживаясь рядом.

– Бухгалтерша наша Эльвира Митрофановна, будь она неладна.

Молодая работница рассмеялась:

– Почти как у Ильфа. У него – Гарпина Ивановна Чижик.

– Вот и у этой птичья фамилия. Сорока-проститутка... – И женщина выругалась матом так, как обычно ругаются моряки или биндюжники в Одессе.

– А почему – проститутка? – не поняла молодуха.

– Как почему? Не помнишь, что ли? Сорока-воровка этому дала, этому дала, а этому не дала!..

– Скажете тоже, тётъ Маш! А почему – воровка?

– А как же не воровка? Живёт в центре, к заводу приезжает на такси, или хахали её на машине привозят. Причём каждый раз разные! Те, кому дала...

А рядом другая работница в брюках и в майке, из которой вываливались две полусферы, говорила подруге:

– Ты, Нюрка, думаешь, я здесь для удовольствия? Мне лучше в цехе за станком стоять, чем здесь...

Она подошла к сидящим на рельсах женщинам и присела рядом.

– Так кто что говорит? – серьёзно ответила ей подруга. – Не загораем же на пляжу. Протестуем...

Перекрыли железнодорожную магистраль, остановив пассажирский поезд Ростов – Саратов. На остановленном локомотиве кто-то написал: «Хрущёва на мясо!». Разъярённая толпа, видя, что ей пока всё сходит с рук, стала избивать всех, кто пытался её успокоить. Избили главного инженера завода, но несколько рабочих защитили его.

Целый день НЭВЗовцы давали гудок. Он призывал всех поддержать забастовку. Рвал сердце. Кто-то от этих надрывных звуков ещё глубже втягивал шею, боясь того, что может произойти. Кто-то радовался: «вот, мол, какая мы мощь!».

Ближе к вечеру удалось уговорить горячие головы пропустить поезд, но машинист побоялся ехать через толпу, и состав вернулся на предыдущую станцию.

А на НЭВЗе при ясном летнем небе продолжала бушевать буря народного возмущения.

На балкон заводоуправления вышел первый секретарь обкома, плотный мужчина среднего роста с круглым лицом и властным видом. Было около пяти, когда секретарь постучал пальцем по микрофону, призывая к вниманию.

– Товарищи, сейчас, когда наша партия и Правительство прилагают усилия...

Затихшая было толпа вдруг снова взорвалась. Свист, крики, ругань заглушили голос оратора, многократно усиленный динамиками. В его сторону полетели камни, палки, пустые бутылки...

Уворачиваясь от камней, секретарь обкома и председатель исполкома скрылись за дверью.

– Это чёрт знает что! – ругнулся секретарь. – Где здесь телефон? – Он подошёл к телефону, бросив: – Оставьте меня одного!

Все, толкая друг друга, поспешно вышли из кабинета.

Секретарь сначала позвонил командующему Северо-Кавказским военным округом, требуя направить на завод войска.

Тот заявил, что на это должна быть специальная директива его начальства. Тогда секретарь связался с Москвой.

Что уж говорил перепуганный насмерть секретарь обкома, трудно сказать, но к вечеру в Новочеркасск была направлена группа членов Президиума ЦК, а министр обороны отдал приказ при необходимости задействовать танковую дивизию Северо-Кавказского военного округа.

Секретарь обкома отвалился на кресле и вытер пот со лба. Неприятный разговор, что ни говори. Трудно было признаться, что ситуация уходит из-под контроля.

В это время разгорячённая толпа продолжала напирать. Кто-то пытался выключить радиотрансляцию. Сергей хотел прорваться внутрь здания, но его оттеснили рослые парни в белых рубашках. И всё же несколько человек прорвались на первый этаж и стали громить всё, что попадалось им под руки, круша мебель, разбивая стёкла, разбрасывая документы. Всех, кто пытался им помешать, избивали.

Вышедшего на балкон Бориса Николаевича Курочкина забросали камнями и палками.

Секретарь обкома снова взял трубку и соединился с командующим Северо-Кавказским военным округом.

– Что же вы медлите?! – кричал он. – Они нас держат в заложниках! Избивают людей! Вводите войска!

К девятнадцати часам к заводууправлению были подтянуты сводные части милиции. Они попыталась оттеснить митингующих, но были смяты толпой.

К двадцати часам на завод подъехали машины с солдатами и несколько БТРов.

Сергей метался в толпе, стараясь найти кого-то из своих. Увидев солдат, понял, что сейчас начнут стрелять и тогда...

Но солдаты не стреляли. Она выстроились у машин, держа автоматы в руках. Их задачей было отвлечь внимание, чтобы

переодевшиеся в гражданское спецназовцы и группа офицеров КГБ вывели из здания блокированное руководство во главе с первым секретарём обкома.

Вскоре солдаты сели в машины и в сопровождении БТРов уехали.

Поняв, что их обхитрили, люди ещё долго не расходились. Кто-то крикнул:

– Они думают, что умнее нас! А хрен им! Будем здесь ночевать!

Ночью у здания заводоуправления толпа поредела, но многие остались, имея твёрдое намерение не уходить и утром, чтобы, как и договорились, колонной двинуться в город к горкому партии.

– Нас голыми руками не возьмёшь, – хорохорились одни.

– Нужно добиться, чтобы отменили приказ директора и оставили прежние нормы выработки, – говорили другие.

Вернувшись на завод, Пётр, наконец, увидел друга.

– Ты куда подевался? – спросил Сергей. – Я тебя всюду искал.

– Ходил на Семнадцатый. Хотели, чтобы и они присоединились к забастовке.

– Ну и как?

– Ни хрена не получается! – сплюнул Пётр. – Если остановить завод, произойдёт взрыв. Это же военный завод. Предусмотрена самоликвидация.

– Ну и чёрт с ними! Ты заходил в цех?

– Нет. Когда?

– И я не был. Да что толку туда ходить. Никто не работает... Ты домой пойдёшь?

– Не знаю. А ты?

– Буду ночевать здесь. Правда, жрать охота да ночью будет прохладно...

– Возле кузнечно-прессового я видел пустые ящики. Можно притащить и устроить костёр!

У Сергея загорелись глаза.

– Ну и голова у тебя, Петруччо! В батяню!

– Дома будут волноваться. Нужно бы как-то дать знать, что у нас всё в порядке.

– Я тоже об этом думал... Есть идея: пошлю Миху из ремесленного. Он практику проходит у нас. Пусть зайдёт к твоим и моим. Скажет, что у нас всё нормально и что будем здесь ночевать. Жрачку принесёт.

Так и сделали. Сергей разыскал небольшого шустрого паренька, дал ему «важное поручение», и ребята успокоились.

Через некоторое время перед заводоуправлением остались самые непримиримые и стойкие. Пётр организовал молодых ребят, и они притащили пустые ящики, разбили их, положили под сухие сосновые дощечки промасленную паклю и подожгли.

Сергей обхватил за плечи вернувшегося после поручения Миху, который сел на ящик и грелся. Ночь была прохладной.

– Ну что, страшно? – спросил он. – Придется привыкать. Запомни: это мы – гегемон! И пусть они нас боятся!

– Да не страшно. Чего здесь бояться-то? Просто холодно. Днём жарко, а ночью холодно...

– Заморозки, – сказал Пётр.

– В июне заморозки?! Брось заправлять!

Миша был горд тем, что выполнил «важное поручение» и теперь как равноправный мог здесь сидеть вместе со всеми.

– Заморозки могут быть в любое время, – нравоучительно добавил Сергей. – Разве ты не слышал про град летом?

– Да брось трепаться! Просто холодно, и всё!

Никто с ним не стал спорить.

Возле костра собралось много народа. У всех было боевое настроение.

– Завтра пойдём в город. Пусть знают наших!

– А я вспоминаю, как гуляла в прошлом году по полю, –

сказала девушка из изоляционно-обмоточного цеха, одна из немногих, которая осталась здесь ночевать. Она приехала из станицы Багаевской и при каждом удобном случае ездила к родителям, чтобы привезти что-нибудь съестное, привести себя в порядок и, самое главное, досыта поесть. – Вспоминаю, как рожь уже почти поспела, колосья жёлтые, высокие, а между ними васильки. Красота...

Ребята, стоящие и сидящие вокруг костра, по-доброму улыбались этим воспоминаниям. Многие знали, что Катюша осталась, потому что её Василёк решил здесь коротать ночь.

А девушка продолжала:

– Вокруг тишина, и только колосья и небо голубое... Вот это было счастье! Голова кружилась от запаха жасмина! И мокрые от росы ноги!

– А помните День Победы в прошлом году? – сказал Миша и улыбнулся. – Мой дед при орденах и медалях. У него знаете сколько?! Как иконостас в нашей церкви. На дворе теплынь, а он при кителе. Вечером до глубокой ночи, чуть подвыпив, пели песни военных лет:

*В бой за Родину,
В бой за Сталина,
Боевая честь нам дорога,
Кони сытые
Бьют копытами,
Встретим мы по-сталински врага!*

Дед мой в авиации воевал. Был механиком...

Миша вдруг замолчал. Ожидал, что его поднимут на смех, мол, нашёл, что вспоминать, но все слушали его с интересом, и он раскраснелся. – Костёр хорошо греет. Жарко даже...

На чёрном бархате неба мерцали звёзды и медленно плыла луна.

Чуть в стороне от костра люди стояли группами и продолжали живо обсуждать минувший день.

– Когда это кончится? – обречённо говорил рыхлый парень из сталелитейного. – Что делать?

Рядом стоящий пожилой рабочий резко ответил:

– Протестовать! Не гнуть спину! Не забывать, что мы – люди! Нам никто не поможет, если мы сами себе не поможем!

Он не сказал ничего нового. Все были согласны с ним. Понимали, что их звали на протест против рабского труда за копейки, против голода. В этом они видели своё спасение.

А Катя вдруг достала небольшую книжонку и, совершенно не смущаясь, сказала:

– Вы только послушайте:

*Цена свободы, как известно, – жизнь.
Без чести воля – словно жизнь без Бога.
Ты выбрал бой, мой друг?
Тогда держись!
Честь – не в чести...
Война, как и дорога –
лишь способ созерцания пространств.*

*Когда вокруг – мороз, и дождь, и гать,
собой быть – и честно, и – свободно.*

– Здорово! Чьи стихи? – басом спросил Василий, огромного роста парень из сталелитейного, положив на плечо девушки свою руку и взяв у неё книжонку.

– Какой-то Одинокий Путник. Видно, псевдоним. Мог бы и не скрывать своего имени. Стихи мне нравятся. В них правда!

Никто не спорил. Все чувствовали, что, когда они – вместе, – они непобедимы!

– Нельзя привыкать к тому, к чему привыкать нельзя, –

глубокомысленно сказал парнишка в очках.

– Ты что имеешь в виду? – спросила Катя.

– Нельзя привыкать к бесправию и голодухе, к страху за стариков и детей.

Несколько раз во двор пытались войти небольшие группы военнослужащих, но их встречали агрессивно и изгоняли со двора.

– Что за чёрт... Никак не успокоятся, мудозвоны! – ругнулся пожилой мужчина, машинист с испытательной станции. Он круто выругался, кому-то грозя кулаком.

– Ты что, охренел? Здесь же женщины, – пытался его урезонить товарищ.

– Достали уже.

Машинист взял пачку «Примы» и закурил.

К вечеру в Новочеркасск были стянуты войска и милиция. Движение по городу было запрещено. Автобусы в сторону Ростова и в сторону города Шахты не ходили. Останавливали мотоциклистов, проверяли документы и разворачивали назад. Боялись, что забастовка перекинется на Ростсельмаш, охватит шахты.

Даша весь день дома готовилась к экзамену, сидела в своей комнате, отключив радио. Только вечером узнала о том, что творится. Она побежала на завод, но во дворе было столько народа, что найти Петра не смогла. Зашла в механосборочный, где работал отец. Станки сиротливо стояли, а в цехе никого не было. Девушка по-настоящему испугалась. Зашла к Курбатовым, но в их квартире никто на звонки не отвечал. Решив, что все Курбатовы на заводе, и не имея больше сил их искать, вернулась домой и снова засела за учебники. Но учёба на ум не шла.

«Так можно и завалить экзамен», – подумала Даша, снова и снова пытаясь вникнуть в третий закон Ньютона.

В это время Николай Николаевич лежал в палате интенсивной терапии с обширным инфарктом. Возле него суетились медики. Здесь же были Полина, Леонид и Мария Сергеевна. В палату их не пускали, и они сидели в коридоре. Полина как могла успокаивала мать, отпаивала её валокордином.

– Мам, – говорила Полина, – иди домой! Что толку, что ты будешь здесь сидеть? Тебя к нему не пустят, да и чем ты можешь помочь. А мы с Лёней здесь побудем. Мало ли что? Может, нужно какое лекарство привезти. Утром придёшь!

– Нет! Я здесь посижу.

– Тогда пойдёте к нам в хирургию, – сказал Леонид. – Мы там вас чаем напоим. А потом спустимся в терапию...

– Нет, – упорствовала Мария Сергеевна. – Я буду здесь... А вы идите...

Ночью людей перед заводоуправлением оставалось много. Собирались группами, говорили, спорили. Горячие головы фантазировали, мечтая поднять на протест всю страну. Все ругали Хрущёва и директора.

В ночь с первого на второе июня в город вошло несколько танков и солдаты. Танки, разрывая гусеницами асфальт, вползли в заводской двор и стали вытеснять ещё остающихся там рабочих, не применяя оружия.

– Вы что, решили нас танками давить, сволочи?! – орал пожилой мужчина, стуча по броне обрезком арматуры.

– Эй, ты! Куда прёшь? Не видишь, здесь люди стоят?! – кричала женщина, барабаня по танку. – Или война началась?

Ночью стали распространяться листовки, резко осуждающие нынешние власти.

Министр обороны доложил Хрущёву:

«Нежелательные волнения продолжают иметь место.»

Примерно к трём часам ночи после введения воинских частей толпу, насчитывающую к тому времени около четырёх тысяч человек, удалось вытеснить с территории завода. Завод был взят под военную охрану, в городе установлен комендантский час».

Появление на других предприятиях солдат возмутило людей, которые отказались работать «под дулом автоматов». Утром многочисленные толпы собирались во дворах своих предприятий и заставляли рабочих, иногда силой, прекращать работу. Опять было заблокировано движение поездов и остановлен состав.

Путь в город

Рано утром к заводу потянулись люди. Собирались у ворот, встречали незнакомых, как близких друзей.

– Привет! – сказала девушка Петру, проведшему ночь у завода. – наших не видел?

– Привет! наших здесь много...

– Как ты?

– Нормально. Ночью танки пригнали... Мы выставили со двора. Немного зябко, да и жрать охота. А так – нормально!

– Возьми подкрепись. – Девушка протянула завернутые в промасленную бумагу пирожки.

К ним подошёл Сергей.

– Ты откуда такая красивая? – спросил он, подходя к другу.

– Третий месяц как у вас нормировщицей работаю. Зовут Леной. А ты меня только сейчас заметил? – спросила девушка.

– Везунчик ты, Петруччо. Дома тебя Даша дожидается, а здесь...

– Дурак ты, – сказала девушка. – Бери пирожки. Специально для наших купила.

Сергей не заставил себя долго упрашивать.

Когда собралось много народа, кто-то крикнул:

– Пошли, что ли?! По дороге примкнут работяги с нефтемаша и электродного... Обещали поддержать.

Толпа медленно направилась в сторону Хотунка. По пути к ним стали присоединяться рабочие других заводов, случайные люди, в том числе женщины с детьми. Это была демонстрация, на которую не принуждали приходиться.

– Мы не против Советской власти, – говорил старый рабочий, идущий в первых рядах. – Я за неё кровь проливал. Но мы против нашей скотской жизни!

– Правильно, – откликнулась какая-то женщина в светлом платье. – Я и портрет Ленина взяла! Пусть знают, что мы «за»!

У Хотунка колонна остановилась, поджидая опоздавших. Наконец, двинулись дальше.

Сергей и Пётр шли в первых рядах. Сергей, вообразивший, что именно так раньше рабочий класс организовывал демонстрации протеста, тихо запел:

*Вставай, проклятьем заклеймённый,
Весь мир голодных и рабов!..*

Но слов никто не знал, потому несколько голосов подхватили мелодию и запели сразу припев:

*Это есть наш последний
И решительный бой;
С Интернационалом
Воспрянет род людской!*

На середине моста дорога, ведущая в город, была перекрыта. Впереди виднелись очертания танков с поднятыми к небу стволами пушек. Чуть поодаль деловито ползали, как жуки, ещё

танки. У машин солдаты с удивлением наблюдали, как на них надвигается огромная толпа людей. На обочине толстый полковник растерянно смотрел на надвигающуюся толпу и нервно курил.

– Вот невезуха. И что теперь? – спросил рабочий, идущий в первых рядах.

– Пошли! – упрямо сказал парень в белой сорочке.

– Чего вырядился как на парад? – спросил его сосед.

– Как в бой. Батя рассказывал, что всегда брился и надевал свежую гимнастёрку перед боем.

Утреннее солнце зашло за тучу. Вдруг стало темно.

– Сволочи! И здесь танки! Да что же это такое! – воскликнул старый рабочий. Он подошёл вплотную к стальной громадине и остановился в нерешительности.

Кто-то спустился с откоса и подошёл к берегу. Разделся до трусов и вброд перешёл мелководную в это время речушку. За ним последовали другие.

– Вот суки! – выкрикнул парень в белой рубашке. – А ещё говорят, что народ и армия едины!

В руках у него был обрезок арматуры, словно он действительно шёл в бой. Подойдя к танку, парень начал колотить по броне. Но то ли в танке никого не было и солдаты стояли чуть дальше у бронетранспортёров, то ли им приказали не отвечать на провокации, но на его удары никто не откликнулся. Увидев это, подошедшие стали колотить по броне палками, камнями, кричать и ругаться. Но никто так и не вылез. Тогда какой-то парень, запрыгнув на танк, подал руку товарищу.

Воодушевлённый этим примером, на танк вскочил Сергей и подал руку девушке, угостившей его пирожком.

– Давай руку! Осторожнее! Теперь прыгай!.. А где твои, Леночка, предки? – спросил он у девушки.

– Не знаю, – ответила та. – Где-то здесь идут.

– Странно, лето на дворе, а меня всего колотит, – заметил долговязый парень, залезая на танк.

– Это нервное... Пройдёт! Ты же видишь: солдатам никто не давал команду стрелять. Приказали преградить дорогу на мосту, они и преградили. Им до фени, что потом будет.

Чуть дальше стояли бронетранспортёры. Солдаты возле них с удивлением смотрели на этих смельчаков и никакой враждебности не проявляли. Один сержант даже помог женщине перелезть через его машину.

– Приказа применять оружие мы не получали, так что – вперёд! Мы за вас болеем, – сказал он, подавая руку женщине.

– Странно, ни батю, ни мать со вчера не видел, – пожаловался Пётр, когда они оказались по другую сторону преграждающих путь танков. – Мать вчера была во второй смене, а с отцом мы вместе пришли на завод. Но потом я его потерял.

– Да сколько народу было! Как в той толпе кого-то найти?! Он где-то здесь, – успокаивал друга Сергей. – Дядя Коля не может быть сейчас дома!

Сомкнувшись на противоположном берегу, колонна продолжала движение. В это время Пётр заметил чуть в стороне очень уж шумных ребят. Среди них были и две девушки.

– Сволочи! По ним обо всех будут судить. Скажут, пьяные собрались искать правду! – сказал он Сергею, указывая на подвыпившую компанию.

А те пили водку прямо из горлышка бутылки, ругались и что-то кричали.

– Придурки, – улыбнулся Сергей. – Что с них взять!

Навстречу демонстрантам вышел полковник и потребовал прекратить шествие, но его никто не слушал. Многотысячная толпа обошла его и пошла вверх к Триумфальным воротам.

На лицах людей была решимость. Правда, были и такие, кто призывал захватить телеграф, почту, банк, милицию...

– Идиоты! – в сердцах плюнул пожилой рабочий. – Начитались... Революцию собрались совершить! Кто такие, Максимыч, не знаешь?

– А кто их знает? – ответил рабочий, идущий рядом. – Может, подвыпили хлопцы.

– Ох, и беду они накличат, попомни моё слово.

– Могут... А как их утихомирить?

Когда первые ряды добрались, наконец, до Круга, пожилой мужчина крикнул, чтобы все остановились. Колонна растянулась, и нужно было подождать отставших.

От Круга отходили три дороги. Одна вела в Ростов. Другая, с широкой аллеей посередине, к памятнику Ермаку и собору. Наконец, третья и была главной улицей города Московской. Можно было сократить путь и пройти по прямой через скверик, но колонна пошла по дороге.

В конце сравнительно короткой Московской стояло двухэтажное здание горкома и горисполкома, перед которым раскинулась площадь с памятником Ленину. Сюда и направлялась колонна. Но только выйдя на главную улицу, все увидели, что и здесь стоят танки.

– Что за хрень! – воскликнул Пётр.

– Не знаю... – испуганно отозвалась Лена, которая после того, как Сергей ей помог перелезть на мосту через танк, старалась держаться возле ребят.

– Вы разве не видели камень, когда мы проходили Круг? – шутил Сергей. – На нём написано: кто в сторону Ростова пойдёт, ни хрена не найдёт, кто к Ермаку направится, тоже не прославится. А вот, кто прямо пойдёт, смерть свою найдёт!

– Дурак, – испуганно сказала Лена. – Не смешно.

Колонна обтекала танки и приближалась к площади перед горкомом.

У городской библиотеки какой-то парень из тех, кого Пётр видел в беснующейся пьяной компании, изловчился, подпрыгнул и ухватился за ствол пушки. Потом он повис и стал раскачиваться, истошно крича. Его примеру последовала подвыпившая девица.

Водитель развернул башню, и парень, немного пролетев вместе с нею, спрыгнул. Девушка же продолжала висеть, крепко ухватившись руками за ствол.

В тот же момент, крича и ругаясь отборным матом, на танк залезла девица в светлом платье. Сначала она пробовала танцевать на броне, но у неё это плохо получалось.

К ней подошёл пожилой рабочий и, перекрикивая гул, крикнул:

– Что ж ты делаешь, лярва! Это же танк! Слезай, иначе я тебя палкой огрею!

– Да пошёл ты, старый хрыч, – пьяно ругнулась девица, потом присела, сняла трусы и пописала.

В это время раздался выстрел.

Орудие было направлено вверх, стрелял танк холостым снарядом. Стёкла окон близстоящих домов и поликлиники Первой городской больницы, в которой в это время вёл приём Леонид Сонин, посыпались. Девиц как ветром сдуло с брони, а танкист, видимо теряющий терпение, завёл двигатель и, сильно газуя, исторгая из-под машины клубы чёрного дыма, медленно пополз к площади по ходу колонны, словно сопровождая её.

– Господи, кошмар какой, – Лена поёжилась. – То-то я почувствовала смерть.

– Тоже мне, ясновидящая нашлась, – фыркнул Пётр. – Почувствовала она...

– Что делать будем? – спросила девушка, не обращая внимания на насмешливый тон Петра. – Страшно...

– Что делать? Идти вперёд! – упрямо произнёс Пётр, а Сергей взял за руку девушку и увлёк за собой. Они были полны решимости ворваться в горком и показать всем, кто здесь гегемон.

– Не запугаете, сволочи! Чего ты остановилась? Пошли!

Как только колонна вышла на Московскую, члены Президиума ЦК и другие руководители из Москвы и Ростова круж-

ным путём по старой ростовской дороге через дачи в сопровождении нескольких милицейских машин и бронетранспортеров с солдатами поехали в танковый полк, расположенный на выезде из города за высоким кирпичным забором. Здесь до войны размещались курсы командного состава (КУКСы). Сюда была переключена телефонная и радиосвязь. В городе все телефоны были отключены и работали только номера экстренных служб.

Огромная толпа людей заполняла площадь, а люди всё прибывали и прибывали. Над площадью стоял гул голосов. Все были возбуждены. Кто-то принёс красное знамя. Чуть поодаль стояла женщина с мальчиком лет пяти. Никогда никакие прошлые демонстрации и митинги не собирали столько народа.

Председатель горисполкома Замула, коренастый мужчина с редкими волосами, всё время вытирал платком вспотевший лоб. Выйдя на балкон, он подошёл к микрофону, заблаговременно установленному связистами, и снова стал убеждать толпу разойтись:

– Не поддавайтесь провокациям, не слушайте подстрекателей! Наша партия...

Раздался свист. В оратора полетели камни и пустые бутылки.

– Пустите нашего представителя к микрофону!

Особенно отчаянные оттеснили милиционеров, стоявших у входа, и ворвались в здание горкома. Кто-то ворвался в кабинеты сотрудников на первом этаже и, увидев, что там никого нет, начал громить мебель, бить стёкла. Разбили люстры, сорвали со стен портреты руководителей партии и правительства. Кто-то попытался прорваться на второй этаж, на балкон к микрофону, но сделать этого не дали вышедшие на помощь милиционерам парни атлетического сложения.

Расстрел

К тому времени на площади собралось столько народа, что, казалось, яблоку некуда упасть. Сергей и Пётр стояли в первых рядах и старались не пропустить ничего важного.

Солнце спряталось за тучу, стало темно, как перед грозой. Откуда ни возьмись подул ветерок. Стало тревожно. К чему эти природные предзнаменования?

Какой-то парень упорно пытался залезть на памятник Ленину, но его сгоняли.

– А ну, кыш! – орал старик, замахиваясь клюкой.

Кто-то ругался, кто-то свистел. Шум на площади стих только когда на ступеньки вышел мужчина в рабочей робе и бросил в толпу:

– Хлеба! Достойной зарплаты! Сколько можно...

Его слова потонули в одобрительных криках и свисте толпы.

К зданию горисполкома прибыл начальник Новочеркасского гарнизона генерал-майор Олешко с солдатами, вооружёнными автоматами, которые, оттесняя людей от здания, прошли вдоль его фасада и выстроились в две шеренги.

Олешко с балкона обратился к собравшимся с призывом прекратить погромы и разойтись. Толпа ответила свистом и криками возмущения.

Тогда солдаты произвели предупредительный залп в воздух.

Толпа отхлынула от здания. Многие хотели уйти, но людей было столько, что сделать это стало совсем не просто.

– Не дрейфь, стреляют холостыми! – кричал кто-то, и толпа снова приблизилась к зданию.

И здесь произошло то, что вызвало крики ужаса. Раздались автоматные очереди по толпе. Люди как подкошенные падали там, где стояли, оставаясь лежать на площади, истекая кровью.

Через них переступали бегущие с площади. Крики, визг, вопли разносилось повсюду. А залпы всё повторялись, казалось, нет от них спасения.

Мальчишка лет пятнадцати, в ссадинах и царапинах, перемазанный грязью, расталкивая руками людей, пробирался подальше от этого страшного места. Его нога была кем-то наспех перемотана тряпкой. Он плакал, кулаками растирая по щекам слёзы. Ему было страшно, больно и стыдно, что оказался таким трусом. Он уже не реагировал на короткие автоматные очереди.

Рядом мужчина склонился над раненым товарищем. Он снял с себя ремень и пробовал им перетянуть, как жгутом, руку. Парень, которого он поддерживал, был бледен как полотно. Голова запрокинута, и он что-то тихо говорил.

Чуть в стороне люди окружили упавшего рабочего. Он уже был мёртв, и никто не знал, что с ним делать, куда нести... Но вскоре появились какие-то люди, уложили тело на носилки и понесли к пожарной машине, стоящей неподалёку.

Трупы увозили или на «Скорой», или на пожарных машинах.

Какой-то парень, обезумевший от горя, рвался в сторону горкома, чтобы расправиться с теми, кто стрелял в людей.

– Вот вам и новое Кровавое Воскресенье, – кричал он. – Пусти... Нужно же что-то делать!

– Да что ты будешь делать? – пытался успокоить его товарищ. – Ляжешь под гусеницы или, как Матросов, закроешь собой амбразуру? Так стреляет эта сволочь с крыши. И неизвестно ещё, сколько их там. Да и не пройти туда... А они не промахнутся!

После первых выстрелов с деревьев посыпались подстреленные дети, которые наблюдали за происходящим сверху.

Пётр ничего не успел сообщить. Что-то толкнуло его, и он упал, а через него переступали люди. Подбежал Сергей. Он оттащил друга подальше, прочь от этого страшного места, оставил проезжающую машину и попросил отвезти в медсанчасть

НЭВЗа. Водитель, ни слова не говоря, уложил Петра на заднее сиденье. Пётр еле дышал. Рядом с водителем сел Сергей, и они поехали.

– Петруччо... Потерпи...

Пётр вдруг захрипел, что-то булькнуло, и изо рта пошла кровь.

Когда его привезли в приёмный покой МСЧ, он уже не дышал.

Сергей Николаевич Правдин всю жизнь служил на границе. Не раз смотрел смерти в глаза. Ушёл в запас в звании полковника и стал работать на небольшом заводе заместителем директора по кадрам.

Первого июня они с директором как могли успокаивали разгорячённые головы, объясняли, упрасивали, обещали... Завод продолжал работать и забастовку не поддержал. Директор приказал всем руководителям оставаться на местах. Нужно было быть начеку.

А утром Сергей Николаевич попросил разрешения уйти на часок. Надо было узнать, как жена и сын. Тот мог полезть куда не следует. Переходный возраст. Да и курево нужно было купить.

Он вышел с завода и медленно пошёл по улице в сторону Московской. Вдали чернела толпа. Народ к площади прибывал и прибывал... Потом раздались одиночные выстрелы, и Сергей Николаевич подумал: «Ну, вот, и до стрельбы добунтовались... Теперь беды не миновать... Да и Надежде работы прибавится...»

Надежда Николаевна Цыбина, его родная сестра, работала старшей сестрой хирургического отделения Первой городской больницы. Именно к ней в дом приехал Сергей Николаевич, когда вышел в отставку, и теперь ждал квартиру. Обещали к октябрьским сдать дом...

Он шёл по улице осторожно, словно проходил по границе. Толпа на площади и на улице, примыкающей к ней, как взволно-

ванное море, то устремлялась к зданию горкома партии, то откатывалась от него.

Сергей Николаевич приблизился настолько, что можно было увидеть разгорячённые лица бастующих. Обычные лица рабочих и служащих, мужчин и женщин... Были среди них и совсем молодые... «Горячие головы», – подумал Сергей Николаевич. Проходя мимо касс Аэрофлота, прошептал: «Улететь бы куда... Как уже это всё мне надоело!».

И в это время что-то толкнуло его к стене дома, мир стал меркнуть... Он упал... Подбежали какие-то люди и отнесли к машине «Скорой помощи»...

Так от шальной пули закончил свою жизнь пограничник, отставной полковник Сергей Николаевич Правдин.

Одновременно у городского отдела милиции молодые рабочие отгеснили охранявших здание военнослужащих и попытались ворваться, чтобы освободить задержанных. Один, наиболее бесстрашный и ловкий, вырвал из рук солдата автомат. Но прозвучала очередь, и он упал. При этом были убиты ещё четверо нападавших.

7. Пётр лежал в морге медсанчасти, и Полина в ужасе думала, как сказать матери. Мария Сергеевна второй день не отходила от постели мужа. Но держать Петра в морге нельзя. Главный настаивал, чтобы его забрали.

– Вы же понимаете, что сейчас это небезопасно.

– После восьми приедет муж и мы его заберём, – ответила Полина, упрямо сжав губы.

В это время в больницу проведать фронтового друга пришёл Иван Иванович. Его заместитель послал к нему на базу рабочего, который рассказал обо всём, что произошло в эти два дня.

Встретив Полину, Васильев спросил:

– Как он?

– Обширный инфаркт. Возле него – мама.

– Всё будет нормально, – попытался успокоить Полину Иван Иванович.

– Ничего уже хорошего не будет, – сказала Полина и расплакалась.

– Ну, ну... Успокойся! У скольких был инфаркт, но потом проходило время, и человек снова возвращался к нормальной жизни!

– Вы ничего не знаете, – сквозь слёзы сказала Полина. – Петю убили.

Иван Иванович подумал, что ослышался. Не понял.

– Как убили? Зачем? Кто?

– Он был там, на площади перед горкомом, когда стали стрелять по толпе... Боже, как это мне сказать маме?! К тому же главный врач настаивает, чтобы его забрали из морга. У него могут быть большие неприятности. Трупы там, на площади, куда-то увозили и родственникам не отдают. Это Серёжа Медведев как-то смог его увезти. Говорит, что он был ранен и умер в машине.

Иван Иванович побледнел, опустил голову и долго молчал. Закурил. Потом, видно, на что-то решившись, произнёс:

– Я свяжусь с цехом. Мы его утром похороним. Они боятся, что похороны убитых ещё больше взбудоражат народ. Ни отцу, ни матери ничего не говори. Потом придут на могилу, попрощаются с Петей.

Он ушёл.

К половине девятого вернулся с работы Леонид. Не застав Полину дома, пошёл в медсанчасть. Думал, вызвали на срочную операцию. Нашёл её в ординаторской.

– Что случилось? Что-то с отцом? – спросил он, внимательно глядя на заплаканную жену.

– Нет... С папой всё так же. Возле него мама.

– А что?

– Петю убили...

Леонид ждал всего, но не этого. Он сел на стул, не зная, чем утешить Полину.

– И где он сейчас?

– У нас в морге. Друг его смог увезти.

– Нам приказали в дневниках приёма отмечать всех раненных. У старшей сестры брат погиб. Шальная пуля. Всю жизнь служил на границе, а здесь... Но его труп куда-то увезли, и сколько она ни просила, куда бы ни обращалась, ей его не выдают. А здесь вдруг Петя...

Он не знал, чем утешить Полину. Понимал, что ей нельзя сильно волноваться, она была беременной.

– Ни отцу, ни матери сейчас нельзя говорить, – сказал Леонид, мучительно думая, что нужно сейчас делать.

– Иван Иванович приехал, обещал дать грузовую машину, всё организовать, – тихо отозвалась Полина.

В ординаторскую вошла молоденькая сестричка.

– Полина Николаевна, вас какой-то парень спрашивает.

– Что ему нужно? Не могу я сейчас никого видеть. Скажи, чтобы приходил в понедельник.

– Он назвалсЯ Сергеем и говорит, что он друг вашего брата.

– Серёжа! – всполошилась Полина. – Это он привёз Петю.

Потом, обращаясь к медсестре, попросила, чтобы она пропустила его и провела в ординаторскую.

Вошёл Сергей. Он хотел узнать, когда будут хоронить друга.

Полина подошла к нему, обняла и снова расплакалась.

Леонид вышел и через минуту принёс Полине корвалол.

– Выпей и немного успокойся. Так нельзя...

– А как можно? – спросила Полина и снова заплакала.

В ординаторскую вошёл Сурен Варганович. Увидев Леонида, объяснил ему ситуацию.

– Если мы его увезём сейчас, – ответил ему Леонид, – будет ещё хуже. Увидят соседи... Я обещаю, что рано утром мы его заберём... Только нужна справка...

– Пишите, – бросил главный, – я подпишу.

Утром к больнице подъехал небольшой автобус, в котором стоял гроб. В него положили тело Петра. В машину сели Иван Иванович, Полина, Леонид, Сергей, и автобус на полной скорости поехал на кладбище.

Иван Иванович организовал всё. Могила была вырыта. Гробовщики опустили гроб в яму и, быстро работая лопатами, засыпали её землёй. Подровняли холмик, уложили на него цветы, укрепили табличку.

Иван Иванович расплатился.

– Помянем Петра у нас дома... – тихо сказал он.

– Как мне скрыть от мамы, что Пети уже нет? – простонала Полина.

– Пока разговоры веди с нею об отце. Сейчас нельзя ей ничего говорить! Человек не железный!

В квартире Васильевых поминали Петра. Сергей подробно рассказал, как на заводе всё начиналось, как шли в город.

Потом пили «чтоб земля Петру была пухом». Полина снова плакала, но теперь её успокаивала Геня Марковна.

– Дураки, – с сожалением сказал Иван Иванович! – Неужели вы надеялись чего-то добиться?! Тоже мне, правдоискатели... С вами и врагов не нужно иметь! Разве непонятно, что и правители наши хотят, чтобы народ был сытым и довольным. Да пустились догонять Америку и сели в лужу! Э-хе-хе!

Он налил себе водки, взглянул на Полину и выпил.

– А Даша где? – спросил Сергей.

– Так первый экзамен сегодня сдаёт. Не знаю, как ей-то сказать. Ведь она с Петром дружила с садика. Вместе на горшках сидели...

Вечером приехала из Ростова Даша. Весёлая, довольная.

– Отлично! – громко объявила она, входя в комнату. – Потом взглянула на странные лица родителей, даже обиделась: – Вы что, недовольны?

– Довольны, Дашенька, очень довольны, только у нас...

Даша, словно что-то почувствовав, внимательно посмотрела на родителей.

– Только что? – спросила она. – Что-то с дядей Колей?

– Нет, родная. Беда случилась с Петей!

Даша побледнела и требовательно посмотрела на отца.

– Что случилось? Да говорите же вы, наконец!

Иван Иванович, набрав воздух, словно собираясь прыгать с моста в реку, сказал:

– Нет больше Пети...

– Как нет? – не поняла Даша.

– Убили...

Кровь отхлынула от головы девушки. Она стала бледной как полотно. В глазах потемнело, и она рухнула на пол.

Геня Марковна уложила дочь на диван, дала понюхать нашатырный спирт, растёрла виски, приговаривая:

– Дашенька... девочка моя... так случилось... Мы его уже похоронили. Завтра с тобой пойдём на кладбище...

– Я хочу знать, как это произошло... Позовите Серёжу. Они дружили и были вместе... Я хочу видеть Серёжу. Пусть он мне расскажет, как всё было.

– Дочка, уже девять вечера. Удобно ли? К тому же я не знаю, где он живёт.

Иван Иванович понимал дочь и не знал, как ей помочь.

– Он живёт в доме напротив. Первый подъезд, третий этаж. Квартира двадцать один... Папочка, позови, пожалуйста, Серёжу...

И Даша заплакала.

Иван Иванович пошёл в дом напротив и позвонил в двадцать первую квартиру. Он знал Медведевых. Здесь жили все, кто каким-то образом был связан с электровозостроительным заводом. Мама Серёжи работала инженером в НИИ при заводе, а отец – в конструкторском бюро.

Дверь открыла Вера Васильевна. Вид у неё был такой, что Иван Иванович пожалел, что пришёл.

– Бога ради, простите меня, но мне очень нужен Серёжа, – сказал он, и вдруг в ответ на его слова Вера Васильевна расплакалась.

В коридор вышел отец Сергея. Увидев Ивана Ивановича, поздоровался и сообщил:

– Два часа назад приехали комитетчики и арестовали сына. Сказали, во время следствия он будет находиться в заключении. Потом суд...

– Да что ж он натворил?! – воскликнул Иван Иванович.

– Ничего... Ходил на площадь перед горкомом. Может, ещё что. Я-то не знаю... Слышал, что Петра Курбатова убили... Жаль парня. Они с Серёжей дружили...

– Понятно... Извините меня... До свидания...

Иван Иванович вышел из дома Медведевых и закурил.

«Что сказать Даше? – подумал он. – И скольких рабочих цеха мы недосчитаемся?»

Выступления в городе продолжались и на третий день. По городу поползли слухи о людях, расстрелянных из пулемётов чуть ли не сотнями, о танках, давящих толпу. Продолжал действовать комендантский час, и стали транслировать записанное на магнитофон обращение А. И. Микояна. Он говорил с сильным акцентом, понять его было трудно. «К нам, – говорил Микоян, – пришли ваши представители с требованием разрешить хоронить убитых. А если мы разрешим хоронить погибших солдат? К чему это может привести?! Мы понимаем ваше возмущение... Думали,

что это обычный провинциальный городок, но теперь видим, – это город рабочих и студентов... Были допущены ошибки... Но сейчас важнее всего – вернуться на свои рабочие места...».

Выступление не успокоило, а вызвало только раздражение.

Потом по радио выступил Ф. Р. Козлов. Он возложил всю вину за произошедшее на «хулиганствующие элементы», «застрельщиков погромов». Как и Микоян, признавал, что были допущены ошибки, и обещал, что снабжение города будет улучшено.

Члены правительства, сопровождаемые местными чиновниками, ездили по заводам и фабрикам, предприятиям и больницам и как могли объясняли политику партии...

Лёгочно-хирургический санаторий расположен в роще на въезде в город у самого стадиона. В небольшом здании лечили тяжёлых больных с туберкулёзом лёгких. Дежуривший в тот день Михаил Стрельников встретил высокую комиссию без смущения. Показал, в каких условиях они работают, какие операции делают. Речь свою перемежал шутками, что вызвало одобрительные улыбки высоких гостей.

– Должно быть хорошо там, где хорошо, а не там, где нас нет, – говорил он. – Конечно, бастующих можно понять. На голодный желудок много не наработаешь. Но всё же хотелось бы лично убедиться, что не в деньгах счастье!

Так смело говорить мог только Стрельников, который редко бывал трезв. Прекрасный хирург, он не боялся на этом свете никого, кроме своей жены.

Высокие гости кисло улыбались, кивали. Впервые за эти дни кто-то шутил с ними.

– Но всё проходит, так, кажется, говорится в Библии, – продолжал Михаил. – И это пройдёт! А нам бы новый корпус, другие условия, оборудование, мы бы ещё не то здесь делали!

Правители в те дни были щедры на обещания. Микоян позвал секретаря обкома Басова:

– Хорошие ребята, да?! Нужно им построить новый корпус!

– Мы это имели в виду и даже внесли в план...

– Ты здесь не распетукивай. Через год должен стоять новый корпус... оснащённый современным медицинским оборудованием... Через год, слышал? Проверю!

Через год отмечали новоселье в новом хирургическом корпусе. Вскоре санаторий стал одним из передовых учреждений страны по хирургическому лечению туберкулёза лёгких.

Четвёртого июня утром Иван Иванович зашёл к Курбатовым. Понимал, что рано или поздно, но сказать матери о смерти сына придётся. Хотел повезти её на кладбище.

Дверь открыла Мария Сергеевна. За эти дни она стала седой. На голове её был повязан чёрный платок, и Иван Иванович понял, что она уже всё знает.

– Заходи, Ваня, – сказала она, пропуская его в квартиру. – Что так рано?

– А ты почему не спишь... Считай, двое суток не сомкнула глаз.

– Привычная... Сейчас соберусь и пойду на кладбище.

– Я с тобой... Хочу ещё раз попрощаться с Петей.

Мария Сергеевна взглянула на него, и в её глазах было столько горя, столько боли...

– Навестим...

– Только Николаю пока нельзя ничего говорить...

– Коля сильный, он уже знает...

– Что знает? – не понял Иван Иванович.

– Всё.

Иван Иванович сидел, словно поражённый громом. Достал папиросы и просительно взглянул на хозяйку.

– Да кури уже... Чего там...

Говорят, что всё проходит и любая боль – тоже. В этом

Соломон был прав. Но боль не проходит бесследно. Иначе невозможно было бы движение вперёд. Такие уроки забыть нельзя! Хотя, к сожалению, история плохо учит, и люди снова и снова повторяют ошибки.

Чем измерить боль и страдания родителей, у которых погиб сын?!

...Если бы мы не могли забывать, как бы жили тогда те, кто видел, как падали люди, требующие не власти, не денег. Требующие права на жизнь, на достойную оплату труда, на счастье своих детей! Никто, ни одна мать, ни один отец не хочет такой участи своим детям. Они готовят их для другой жизни. Мечтают, как сын выучится, будет работать. Как женится и подарит им внуков. И каждый из них с радостью взял бы на себя его вину и вместо него пошёл бы под пули. И эту боль ничем не измерить. Потому так мудро и правильно сказал однажды поэт: «Куда бы ни летела пуля, она всегда попадает в сердце матери»...

Великое счастье, что мы умеем забывать. Но разве можно всё забыть?!

Нет. Ничто не забывается. Только со временем нивелируется на другие уровни нашей памяти, чтобы потом периодически всколыхнуться в сердце уже пережитой болью.

Краткая справка

Информация о Новочеркасских событиях в СССР была засекречена. Первые публикации появились в открытой печати только в конце 1980-х годов. Многие документы, посвященные Новочеркасскому восстанию, остаются до сих пор засекреченными.

Было установлено, что часть документов пропала, никаких письменных распоряжений не обнаружено, а истории болезней многих пострадавших исчезли.

Позднее прошёл суд над «зачинщиками беспорядков». Они были вымоявлены благодаря агентам, специально делавшим

фотографии протестующей толпы. Тех, кто на этих снимках шёл в первых рядах и вёл себя наиболее активно, вызывали в суд. Им были предъявлены обвинения в бандитизме, массовых беспорядках и попытке свержения Советской власти.

Семеро из «зачинщиков» (Александр Зайцев, Андрей Коркач, Михаил Кузнецов, Борис Мокроусов, Сергей Сотников, Владимир Черепанов, Владимир Шуваев) были приговорены к смертной казни и расстреляны, остальные сто пять получили сроки заключения от десяти до пятнадцати лет с отбыванием в колонии строгого режима.

Реабилитация всех осуждённых произошла в 1996 году, после указа Президента РФ от 08.06.1996 г. № 858 «О дополнительных мерах по реабилитации лиц, репрессированных в связи с участием в событиях в г. Новочеркасске в июне 1962 г.».

ПО УЛИЦЕ МОЕЙ...

Воспоминания

*... И вот тогда из слёз, из темноты,
Из бедного невежества былого,
Друзей моих прекрасные черты
Появятся и растворятся снова.*

Б. Ахмадулина

Эпидемия страха

Дело было в 1940 году. Отец только что вернулся из тюрьмы, где по доносу отсидел год. До этого он был кадровым военным, командовал батареей в одной из частей Одесского военного округа. Мы – мама, я и старший брат – жили в небольшой квартире, состоящей из двух смежных комнат. Вместе с нами жила тётя Оля и её двое детей: Марлена, ученица девятого класса, и Лёня – он только готовился пойти в школу.

Помню глаза отца, полные страха. Убедившись на собственном горьком опыте, что далеко не все его знакомые – порядочные люди и вокруг много «стукачей», он старался вообще ни с кем не разговаривать, а всё больше молчал. По рассказам мамы, он был весёлым и энергичным человеком, а теперь выглядел угрюмым и запуганным. Год тюрьмы сломал его.

Отца осудили «за недоносительство». Он присутствовал при разговоре, когда один из командиров усомнился в том, что Блюхер и Якир и в самом деле были врагами народа. Отец не донёс на него.

Какие методы применяли следователи, стараясь доказать его вину, я не знаю, только из тюрьмы он вышел совершенно другим человеком: запуганным и подозрительным. Тюрьма отучила его улыбаться. Больше того, чтобы выказать свою лояльность к властям, отец заказал художнику большой портрет Сталина. Живописец изобразил вождя одетым в зелёный френч и раскуривающим трубку. Когда портрет был готов, его повесили в первой комнате, и усатый горец улыбался каждому входящему, прищурив правый глаз.

Страх заставил отца придумывать всё новые и новые доказательства своей лояльности. На лацкане пиджака он носил серебряный значок с профилем вождя, старался не обсуждать с коллегами международное положение, а если уж был вынужден высказывать своё мнение, то слово в слово повторял передовицу «Правды».

Он устроился в школу преподавать математику. Я часто бывал в той школе. На перемене отец ходил с деревянным циркулем, которым рисовал окружности на доске, пальцы у него были всегда испачканы мелом, и он тщательно вытирал их платком, прежде чем взять меня за руку.

Работал он с утра до пяти часов дня. Потом шёл домой и до ночи просиживал за кухонным столом, проверяя школьные тетрадки или готовясь к очередному уроку.

Это сейчас, с высоты прожитых лет, я понимаю всю драматичность ситуации и могу себе представить, что творилось в душе моего отца. Тогда же всё виделось мне иначе. Мальчишками мы не замечали, что вокруг творится неладное: гоняли по переулку, играли в войну, в которой непременно побеждали красные, или строили башни из конструктора, который по случаю приближающегося праздника подарили нам родители.

Однажды Марлена попросила меня посмотреть в окно, не идут ли её подружки в школу. Я с трудом забрался на высокий подоконник и выглянул на улицу.

– Нет, никого там нет! – сказал я и вдруг увидел, что на подоконнике лежат деньги, какие и сколько – не помню, да и видел их я мельком.

– А здесь деньги лежат! – крикнул я.

– Ладно, слезай, – сказала Марлена, продолжая собираться в школу.

На следующий день выяснилось, что деньги исчезли. Когда меня спросили, не видел ли я их, с наивностью семилетнего мальчугана я сказал, что видел, когда смотрел в окно, не идут ли подружки Марлены в школу. У меня спросили, не брал ли я их? Я сказал, что не брал. Но мне не поверили – ведь деньги исчезли! И у меня стали выпытывать, куда я их дел. Сначала меня уговаривали по-хорошему, укоряли, просили, чтобы я вернул деньги. Но я не мог их вернуть, поскольку не брал и понятия не имел, куда они делись. Потом родители окончательно вышли из себя и принялись кричать на меня, требовать признания в краже и, наконец, бить!

Я ревел как резаный и, чтобы прекратить хоть на время побои, «признался», что дал их соседскому мальчику – Жорику Мажарову, который жил этажом ниже. Вся наша разгневанная семья пошла к соседям. Надо ли говорить, что Жорик был возмущён и оскорблён! Ведь я от страха перед болью оговорил не только себя, но и ни в чём не повинного приятеля! Я очень боялся побоев, страх сжимал моё детское сердце, но меня продолжали истязать, требуя, чтобы я «честно признался», куда дел деньги. Мой правдивый рассказ не вызывал у взрослых доверия, и я придумывал всё новые и новые версии пропажи, называл всё новых и новых товарищей, которым якобы отдал украденное.

Когда все поняли, что добиться от меня «правдивого признания» и искреннего раскаяния невозможно, меня оставили, наконец, в покое, сказав, что в наказание не возьмут на первомайскую демонстрацию. Я, конечно, плакал, но потом смирился.

Когда наступило праздничное утро, меня всё-таки пожалели и взяли на демонстрацию. Мы шли по праздничному

городу, размахивая алыми флажками и бумажными цветами. Но когда мы проходили мимо лотков с различными лакомствами, выставленных на улицу в честь Первомайского праздника, мама мне говорила:

– Вот если бы ты не забрал денежки, мы бы всё это купили! И маме, и папе, и тёте Оле, и Марлене, и тебе... Всем!

Мне было так больно это слышать! Но я уже ничего не мог сделать: я боялся, что, начни я опять оправдываться, меня снова примутся бить.

Прошли годы. Теперь я думаю, что мы все, и взрослые, и дети, в те времена пережили некую психологическую эпидемию. Жестокость мучителей, истязавших моего отца, беззащитного перед их властью, породила в его сердце жестокость по отношению ко мне, ребёнку, беззащитному перед властью взрослых. В этой цепочке безжалостности здравый смысл, правдивость, искренность оказывались бездейственными. Прав был не правый, а сильнееший. Интересно, что реакция моя на ложное обвинение и «допрос с пристрастием» (а мне было всего семь лет!) была такой же, как и у взрослых там, в застенках, когда от них добивались нужных свидетельских показаний, ложных доносов и самооговоров.

Будучи уже взрослым, я однажды напомнил моей сестре Марлене эту историю. Она была несколько обескуражена моей памятью и ловко перевела разговор на другую тему. Я не стал настаивать на обсуждении моих детских впечатлений.

В эвакуации

Сегодня это Цахкадзор, долина цветов, курортное место. А тогда это селенье называлось Дарачичаг. Здесь в годы Отечественной войны были развёрнуты эвакогоспиталь и воинская часть, которая готовила молодых красноармейцев к ведению боевых действий в горах.

Помню, как мы, мальчишки, на своих самодельных лыжах забирались на вершину крутого склона, где тренировались молодые бойцы, и с улюлюканьем и свистом стремглав спускались вниз, показывая приехавшим из Рязани и Воронежа конопатым светловолосым ребятам, как нужно стоять на лыжах. Мы гордились своим умением, придумывали новые и новые «аттракционы»: то перепрыгивали через поваленное дерево, то с оледенелого сугроба, словно с трамплина, выскакивали на дорогу, проходившую у самого основания склона, и мчались дальше вниз – к горной речке, не замерзающей зимой.

Однажды мы с товарищем, проделывая все эти трюки, не обратили внимания на колонну военных автомашин, приближающуюся к участку дороги, который нам нужно было пересекать. А когда заметили, тормозить было поздно. Мы пролетели буквально перед самым носом машины и помчались дальше. Водитель, совершенно не понимая, что произошло, остановил машину. За ним встала вся колонна. Бойцы ещё долго что-то кричали нам вслед, как я представляю, не очень ласковое. С тех пор я всегда старался останавливаться, не доезжая до дороги. Даже дух у меня захватывало при мысли, что могло случиться, если бы на полном ходу мы столкнулись, например, со «Студебеккером». Ему, во всяком случае, пришлось бы худо.

Лыжи свои мы делали сами, загибая концы хорошо остроганных и отшлифованных дощечек над горячим паром. Направляющих бороздок на их скользящей поверхности не было, но мы прекрасно обходились и без специальных мазей, креплений и палок. Мы чувствовали себя на своих самодельных лыжах легко и свободно.

Селение стояло на крутом склоне горы. По главной улице, идущей вверх, мы любили кататься на сани, и тоже со свистом и улюлюканьем. И сани мы делали сами. В два бруска забивали строительные скобы или прикручивали к ним коньки-снегурочки, и сани готовы. Потом ватагой, друг за другом, мчались вниз. Спуск был длинный, метров восемьсот. Скорость – большая. Мчишься,

а ветер хлещет по лицу, захватывает дыхание. Потом приходилось долго подниматься вверх, чтобы повторить всё сначала.

Однажды какой-то мальчишка, проехав полдороги, упал. И на него стали наезжать те, кто мчался за ним. Шишек набили много, но никто не жаловался. Все смеялись, наперебой рассказывая друг другу, как они старались объехать вдруг появившееся препятствие, но из этого ничего не вышло.

А летом мы ходили в лес, собирали ягоды, черемшу, хвост. Заготовливали топливо на зиму.

Когда выдавалось время, шли с мальчишками к речушке. Это был приток большой горной реки Зангу. Для того чтобы сделать её пригодной для купания, мы расчищали дно, делали запруды из камней, и в результате наших трудов образовывалось пространство, где можно купаться. Плавать тогда я не умел. Касаясь руками дна, кричал товарищам:

– Я плаваю! Я совсем не дотрагиваюсь до дна!

Мои товарищи были такими же «пловцами», и потому все охотно друг другу «верили».

Вообще должен сказать, что мы дружили с местными ребятами. Среди них были и армянские мальчишки, которые плохо говорили по-русски, и местные молокане, говорившие на своём наречии. Но все мы прекрасно понимали друг друга. И не было между нами вражды.

Мальчишки постарше стремились теснее общаться с ранеными из госпиталя, расспрашивая о том, что происходит на фронте. Потом собирались группами, курили, ругались и строили планы, как убегут на фронт. Фантазии были такими же смелыми, как и трудновыполнимыми. Мой брат со своими друзьями попытался удрать на фронт, но их сняли с эшелона, уходящего на передовую, и в сопровождении милиционера отправили домой.

Почта к нам приходила редко. Конвертов тогда не было, и письма сворачивали особым способом: так, что получался треугольник. Это было и письмо, и конверт одновременно.

Помню, как все боялись получить извещение о гибели близких.

У входя в эвакогоспиталь на столбе висел громкоговори- тель в форме огромного рупора. Люди с замиранием сердца слу- шали сводки с фронтов. В начале войны они были малоутешительными. Сводки «от советского информбюро» слушали все, и взрослые, и дети. И никто не шумел, не баловался. Все понимали значимость этой передачи.

Когда в 1942 году мы узнали, что Севастополь пал, то каж- дый день с ужасом ждали почту, но извещение о гибели отца не приходило, и у нас уже затеплилась надежда: а может быть, ему удалось выбраться?.. Но нет, не удалось. Извещение мы получили осенью. Когда мама прочла его, то упала без чувств. Она тогда работала в госпитале, но в тот день на работу не вышла. Её на- чальник, пожилой майор медицинской службы, несмотря на стро- жайшую дисциплину военного времени, не сказал ей ни слова. Маме было тогда двадцать девять...

С тех пор прошло много лет, и уже давно нет и моей мамы. Вспоминаю её часто и всегда терзаюсь мыслью, что недодал ей своего сыновнего тепла, внимания... По молодости и по глупости не понимал, что именно это ей от меня и нужно. А когда навещаю её на кладбище, в мыслях всегда одни и те же слова: «Прости меня, родная, что не уделил тебе больше внимания... не всегда понимал... Прости!..»

В читальном зале

Читальный зал районной библиотеки открывался в де- вять часов утра. Обычно к этому времени я был уже там. Заве- дующая читальным залом Розалия Львовна, пожилая, чуть сгор- бленная, сидела на своём старом стуле, подложив на сиденье шерстяной платок, и посматривала на первых читателей. Чаше

всего это были школьники или студенты. Случайные люди заглядывали сюда редко. По тому, какие книги брал незнакомец, как он работал с литературой, Розалия Львовна старалась определить, кто это, чем занимается и что ему здесь нужно.

В большой светлой комнате стояло десять столов, возле которых, как правило, всегда на одном и том же месте располагались постоянные посетители этого царства книг и журналов. В читальный зал я приходил ежедневно, как на работу. В понедельник, когда библиотека была закрыта, не знал, куда себя деть. Так привык к обстановке читального зала, что нигде не мог сосредоточиться так, как здесь.

Сюда мы приходили не только посмотреть свежие журналы, прочитать и законспектировать критические статьи о произведениях Гоголя, Маяковского или Фадеева. Здесь было самое подходящее место для того, чтобы встретиться с друзьями, поделиться свежими школьными новостями, договориться о совместном посещении театра или филармонии. Здесь мы знакомились, влюблялись, обменивались идеями и в конце концов так привыкли к этому месту, что без него не мыслили себе жизни.

В библиотеке иногда проводили встречи с прозаиками и поэтами. Выставлялись книжные новинки, делались тематические подборки газет и журналов.

Однажды, в серый осенний день, я как обычно сидел в читальном зале и просматривал последние номера «Иностранной литературы». Привычную обстановку нарушило появление девушки с каштановыми волосами. Раньше я её здесь не видел и, оторвавшись от чтения, стал наблюдать за незнакомкой. Она подошла к стойке и тихо, чтобы не мешать, попросила у Розалии Львовны какую-то книгу. По всему было видно, что Розалия Львовна сразу оценила посетительницу.

Девушка взяла книгу, поблагодарила библиотекаря, чего мы, кстати, никогда не делали, и села за мой стол.

Читать я уже не мог. Меня интересовала книга, которую

взяла незнакомка. Но ещё больше – кто она, чем занимается, почему раньше не видел её здесь? Девушка так меня заинтриговала, что я не заметил, как в зал вошёл старый мой приятель Оська Убогий. Фамилия его никак ему не подходила: высокий, спортивного вида, прекрасный знаток музыки и литературы. Достаточно сказать, что в те непростые годы он окончил школу с медалью.

– Привет! – поздоровался он. – Что это с тобой? Ты сегодня какой-то не такой. Что случилось?

Не мог же я ему сказать, что за моим столом сидит девушка, которая меня очень заинтересовала и о которой мне бы хотелось всё разузнать! Ведь она сидела рядом и могла услышать мои слова.

Приятель, не получив вразумительного ответа, пожал плечами и подошёл к стойке. Он взял сборник критических материалов на произведения советской литературы, которые мы проходили, и вернулся к нашему столу. И здесь я ещё больше удивился. Он бесцеремонно дотронулся до плеча незнакомки и сказал:

– Привет, Нелля! Ты что это так внимательно читаешь?

– Да вот просматриваю, что написал Андре Моруа о Тургеневе. Ты знаешь, очень интересно!

Я был шокирован. Значит, этот везунчик Оська знаком с ней! А может, они учатся в одной школе или даже в одном классе? Тогда почему она никогда не приходила сюда раньше?

На первом же перерыве, когда мы с Оськой вышли «подышать свежим воздухом», я подробно расспросил его о незнакомке. Оказалось, что Неллю он знает давно. Она учится в параллельном классе, но обычно ездит в городскую библиотеку. Поэтому я здесь её мог и не видеть. Мы договорились, что при случае он меня с ней познакомит. Оська понимающе улыбнулся:

– У тебя недурной вкус. Но и ты должен соответствовать, потому что Нелля – девушка особенная.

– Это какая же? – не понял я.

– Я бы сказал, несовременная. По крайней мере, я знаю

нескольких ребят, которые очень набивались ей в друзья, но у них ничего не вышло.

– В друзья я набиваться не собираюсь, но уж очень любопытно, что это такое: «несовременная»? А мы с тобой современные? Это что, очень плохо?

Мой вопрос повис в воздухе.

Парк у дома

Наш парк раскинулся у подножья холма, названного «Чумкой», потому что здесь когда-то хоронили людей, умерших во время эпидемии чумы. На месте старого парка в прежние времена было кладбище. Его закрыли, надгробные плиты вывезли, а на месте бывших могил посадили деревья, кустарники, разбили аллеи и построили зверинец и аттракционы. Вот и зазеленел недалеко от знаменитого одесского рынка со звучным названием «Привоз» настоящий большой парк!

В школьные годы мы с другом часто ходили сюда готовиться к экзаменам. Расстилали на траве подстилку и, раздевшись до пояса, загорали, подставляя спины немилосердно пекущему солнцу. А потом, укрывшись в тени дерева, брались за книги – учили химию или историю... Нам никто не мешал, мы ни на что не отвлекались, и только когда надоедало валяться и зубрить, принимались бегать и прыгать у баскетбольного кольца на лужайке, стараясь попасть в него мячом.

В городе про наш парк рассказывали множество романтических и страшных историй. Например, про то, как во время войны бомба попала в зоопарк, расположенный за невысоким забором, и разрушила клетки диких зверей. Оказавшись на свободе, они перебрались через низкую ограду и спокойно гуляли по парку, наводя ужас на жителей. Ещё передавалась из уст в уста история о влюблённом юноше, который, увидев в укромном уголке парка

свою возлюбленную в объятиях соперника, выхватил нож и вонзил его прямо в сердце обидчику. Говаривали также, что вечерами на тёмных аллеях одесские хулиганы частенько поджидают незадачливых прохожих, чтобы ограбить их или напугать до смерти. Катя Егорова, жившая в нашем переулке, была храброй девушкой и владела приёмами самбо.

– Чтобы я таки боялась эту шваль?! Да ни в жисть, такого не было и не будет никогда!

Однажды в парке на неё таки напал верзила, но Катя повалила его на землю и исхитрилась связать ему руки его же ремнём. А потом отвела хулигана в отделение милиции, располагавшееся здесь же в парке.

У нас была своя жизнь, а у парка – своя. Мы выросли, а парк хорошел и преображался. В разных его концах строились павильоны, спортивные площадки и детские аттракционы. Целая армия работников «зелентреста» вместе со служителями парка регулярно подсаживали новые деревья и кустарники, вырубали сушняк, следили за клумбами.

Вечером на подиуме под ажурным навесом духовой оркестр играл вальсы, полечки, марши, выступали самодеятельные коллективы, певцы пели песни, поэты читали свои стихи. Возле эстрады толпился народ, в тени деревьев жались друг к другу парочки.

Помню, как однажды из темноты дальней аллеи вдруг вышел совершенно голый парень. Его остановили дружинники. Оказалось, что это хулиган районного масштаба Жорка по кличке Бешеный. Он проигрался в карты и не имел чем расплатиться. Партнёры по игре придумали для него такой способ компенсации карточного долга. У него не было выхода. Карточный долг в его среде – дело серьёзное. Дружинники дали Жорке пару раз по шее и отпустили.

В парке мы назначали встречи друзьям, выясняли отношения с недругами, гуляли с девушками, играли в баскетбол,

готовились к экзаменам, да это и не удивительно – он находился на пересечении всех моих дорог: в институт – через парк на Преображенскую; в еврейскую больницу – через парк на Госпитальную; на Мясоедовскую к родственникам...

С тех пор прошло много лет. И вот, приехав как-то в Одессу, мы собрались навестить места, знакомые с юности и дорогие моему сердцу. Вечером мы отправились, конечно же, в мой любимый парк. Как вдруг, к великому удивлению, обнаружили, что вся территория обнесена забором: мы не смогли найти ни одного входа! Закрытым оказался даже центральный вход. Это производило неприятное впечатление. Говорили, что в парке, то ли на месте аттракционов, то ли прямо среди посадки, стали оседать и проваливаться могилы и что при сооружении нового павильона был вскрыт склеп, в котором обнаружены бациллы чумы!..

– Вы откройте свои уши! Это вам не бычков на «Привоже» ловить! Вы это таки себе представляете! Чтоб я так жил...

И паникёр начинал рассказывать такие страхи, причём везде он был свидетелем и «слышал своими ушами», как говорил об этом сам Семён Наумович! «Это вам не тру-ля-ля, а, чтоб я так жил, дело серьёзное!»

Но через несколько дней выяснялось, что в парке проводили «капремонт»: подогнали технику, и – закипела работа! Построили новые павильоны для игры в шахматы, домино, площадки для игры в лапту, волейбол, теннис. Всё это выросло как грибы среди газонов и клумб нашего старого парка. У стены, отгораживающей парк от зоопарка, построили бильярдную. Парк, словно невеста, прихорашивался. И на сердце становилось легче, и на душе было светло и тепло, словно это не парк, а я становился красивее и моложе.

Дружба народов

В нашем классе собралось почти всё наше советское «политбюро»: за одной партией со мной сидел Андрей Жданов. На галёрке развалился и дремал после ночной смены Антон Маленков, а из соседнего ряда внимательно смотрел на доску Сергей Ворошилов. Я учился тогда в вечерней школе рабочей молодёжи. Ребята у нас подобрались бывалые, прошедшие войну. За нашей «русачкой» ухаживал Жора-морячок, а после уроков Николай Хрущёв провожал домой преподавательницу по химии. Справедливости ради нужно сказать, что это не мешало им получать двойки, так что никто не мог заподозрить, что они таким образом обеспечивали себе спокойное существование. Таких как я – малолеток – в классе почти не было.

Занятия начинались в семь вечера и заканчивались около одиннадцати. Мы старательно писали сочинения, решали задачи и зубрили химические формулы. Всё шло своим чередом, но однажды случилось неприятное происшествие: преподаватель украинской литературы Николай Михайлович Бойко оскорбил Михаила Белого, назвав его жидом. Ни больше, ни меньше. Что уж там произошло, сказать не могу, потому что был занят списыванием домашнего задания по математике. В классе, как обычно, стоял гул. И вдруг наступила гробовая тишина. Я посмотрел вокруг и ничего не понял. Увидел только, как Михаил встал из-за парты, куда он с трудом втискивался по причине крупных габаритов, подошёл к преподавателю, мужчине лет сорока с большими усами и пышной шевелюрой, и со всего маха залепил ему пощёчину. Звук её напомнил выстрел. Николай Михайлович что-то закричал, схватившись за щёку. Он был старше Белого лет на десять, но вдвое мельче, и потому только размахивал руками и грозился жаловаться.

– А тебя, недобитая фашистская сволочь, чтоб я больше в школе не видел! – прошипел Михаил. – Вон из класса!

Где это было видно, чтобы ученик выгнал преподавателя из класса?!

Потом Николай Михайлович оправдывался, что его якобы неправильно поняли, но, мол, уж это-то факт, что «все евреи воевали в Ташкенте»! На что Мишка ответил, что это так же несправедливо, как утверждение, что, мол, «все хохлы помогали Гитлеру» на том основании, что среди украинцев были выродки, записавшиеся в полицаи...

– Чтоб я так жил, никогда бы не поверил, что Мишка – еврей, – сказал Андрей Жданов. – Это, таки да, правда?

– Еврей. Командир разведроты. Воевал с сорок третьего. Полная грудь орденов, как иконостас, – ответил я.

Я смотрел на Белого с восхищением.

Обиженный учитель убежал к директору жаловаться, но тот, узнав об инциденте, посоветовал ему подать заявление об уходе, если не хочет иметь ещё больших неприятностей.

У Бойко хватило ума последовать этому совету.

После печального инцидента никаких разговоров на эту тему не было. И вот однажды девятого мая в школе отмечали годовщину великой Победы. На дворе стояла весна. Пьянящий запах сирени, яркое тёплое солнце – всё это способствовало бы праздничному приподнятому настроению, если бы не предстоящие выпускные экзамены.

В небольшом зале школы собрались ученики и учителя. На трибуну вышел директор. Инвалид войны, он, прихрамывая и громко стуча деревянным протезом, подошёл к трибуне, встал возле неё, и все увидели его награды и нашивки, свидетельствующие о ранениях.

– Дорогие друзья! – сказал он. – Сегодня мы отмечаем День Победы, самый дорогой для нас праздник. К сожалению, многие не дожили до этого дня. Дорого заплатил наш народ, чтобы приблизить этот день. И я хочу особо сказать, что победа стала возможной потому, что все народы, населяющие нашу страну, встали

на защиту своей Родины. Под руководством партии большевиков, ведомые великим Сталиным, мы смогли не только защитить Родину, но и спасти человечество от коричневой чумы, освободить народы Европы от фашизма. И я рад, что в этом году нашими выпускниками являются кавалер орденов Отечественной войны и Красной звезды старший лейтенант медицинской службы Николай Хрущёв, кавалер орденов Отечественной войны и Славы третьей степени, артиллерист, старший лейтенант Андрей Жданов, кавалер орденов Боевого Красного знамени, Отечественной войны и Красной звезды, разведчик, капитан Михаил Белый...

Это было поразительно! Целый год мы проучились вместе, и ни разу никто из наших славных ребят, наших одноклассников, не хвастал своими военными подвигами! Я был счастлив, что судьба хоть ненадолго свела меня с такими замечательными людьми. Конечно же, помогла нам выстоять и победить в ту войну прежде всего дружба народов!

Алексей Кулёв

Самое напряжённое время на скорой помощи – с одиннадцати вечера до двух часов ночи, когда больше всего хочется спать, но нельзя. Все бригады на выезде и, не заезжая на базу, выполняют подряд несколько вызовов.

Я тогда работал фельдшером. На ставку нужно было отработать восемь суточных дежурств, все воскресенья и ещё восемь ночных, с семи вечера до семи утра. Ведь днём учился в «медине». Так мы тогда называли Одесский медицинский институт. К тому же, увлечённый хирургией, часто оставался в дежурной клинике, чтобы только постоять на операции, обработать рану... Короче говоря, дома почти не бывал. Ходил всегда голодный и всё время куда-то спешил: то в институт, то в клинику, то на работу...

Сейчас не могу понять, как выдерживал такой темп? Я всем интересовался, был редактором газеты «Товариш», участвовал в хирургическом и драматическом кружках, выполнял какое-то исследование... И везде успевал! Домой приходил только, чтобы искупаться, обнять маму и брата и съесть чего-нибудь горячего. Но какой бы ни напряжённой, ни тяжёлой не была тогда моя жизнь, вспоминаю её часто... своих сокурсников, проблемы...

С высоты прожитых лет оглядываюсь на прошлое и с удивлением, и с сожалением. Какие же мы были неучи и неумехи! Давно ушли из жизни многие мои товарищи, которых помню молодыми, пришедшими только с войны, в шинелях, сапогах, с орденами и медалями на груди. Постарели и мои одноклассники. Время не щадит никого...

И медицина в те годы была иной. Сейчас она мне кажется едва ли не средневековой.

...Приехали на вызов. У женщины гипертонический криз. Давление зашкаливает... Пожилая врач даёт команду: сделать кровопускание, граммов этак четыреста! И сделали же!

Сейчас с ужасом вспоминаю те методы лечения.

Помню, как-то под утро к старшему врачу ворвалась группа мужчин, волоча за собой заплаканную девушку. Это были цыгане. Они кричали, спорили друг с другом. Наконец, один из них объяснил:

– Вчера вышла замуж за сына моего, но утром за порог комнаты не выбросила окровавленную простынь! Значит, и не девушка вовсе! Проверьте, доктор!..

Врач уложил несчастную на кресло, посмотрел, потом вышел к возмущённой толпе и сказал, что она была девушкой. Что такое бывает...

Успокоенная толпа с благодарностью ушла. Доктор не обманывал. Эта женщина, безусловно, когда-то была девушкой!

Приходилось оказывать помощь и больным, и травмированным...

Вспоминается ещё один курьёз. Некий мужчина проводил свою жену на вокзал и на радостях по дороге домой пригласил к себе девуцу. Но так случилось, что жена что-то забыла дома и неожиданно вернулась. Квартира их была на четвёртом этаже, балконы в том доме ремонтировали. Было жаркое лето, и открытая балконная дверь была завешена занавеской, за которой не видно было, что балкона-то и нет! Испугавшаяся девушка ринулась к открытой двери и... полетела. Это счастье, что рядом росла огромная акация. Перелетая с ветки на ветку, она грохнулась о землю. Вызвали Скорую. Мы застали женщину с переломами, но... живую и в полном сознании...

Я знал все дежурные клиники города, был знаком со многими врачами, научился ориентироваться в диагностике острой патологии, чувствовал себя увереннее, чем многие мои товарищи, не прошедшие такой школы...

Одесская станция скорой помощи располагалась в Медицинском переулке сразу за корпусами института. У входа висела мраморная табличка, говорящая о том, что станция носит имя профессора Я. Ю. Бардаха. Молодыми мы были тогда, шутили, что наша Скорая под фонарём с красным крестом – не что иное как бардак!

Но при этом мы уважительно относились к нашей Скорой, гордились тем, что это старинное медицинское учреждение города со своими традициями и богатой историей.

Входишь под арку. Направо – четыре ступеньки, ведущие в диспетчерскую, комнату старшего дежурного врача, перевязочную и процедурную. Если же пойти по ступенькам влево, можно попасть в длинный коридор с множеством дверей. Здесь и кабинет главного врача станции, и комнаты отдыха. В них стояли кушетки, тумбочки, стол, стулья. Когда долго не было вызовов, можно было сыграть партию в домино. Играли, как правило, на деньги. Не на большие, но чтобы «был интерес».

Были на станции и устойчивые бригады. Кого с кем поставят дежурить, зависело от старшего врача, вот и договаривались. Денди и лихач Игорь Быховский обычно дежурил с крашеной блондинкой Людмилой Сергеевой. Все знали, что он с нею «крутит любовь». Оба – люди семейные, но ответственный врач входил в их положение и ставил в одну бригаду. Молодость!

Быховский всегда в гимнастёрке, в военной фуражке. Зимой в шинели. На груди четыре ряда орденских колодок, а в салоне машины кроме всего прочего – любимая семиструнная гитара. На станции, после вызова, Игорь брал её в руки и, перебирая пальцами струны, тихо пел:

*Ах, Одесса, жемчужина у моря,
Ах, Одесса, ты знала много горя!
Ах, Одесса, родной любимый край,
Живи, моя Одесса,
Живи и процветай!*

Игорь был коренным одесситом, нарочито говорил на одесский манер, справедливо считая, что это ему придаёт своеобразный шарм.

*Я за Одессу вам веду рассказ,
Там драки есть и с матом, и без мата.
И если вам случайно выбьют глаз,
То этот глаз оставит вам Филатов...*

Каждое утро, где-то около семи, санитары тщательно мыли салоны машин, а фельдшера шли в станционную аптеку пополнять по нормативам ящик с медикаментами. Обычно у аптеки собиралось много народа. Все хотели скорее получить недостающие препараты и сдать сменщику, так как занятия в институте начинались в восемь утра и некоторым нужно было добираться

чуть ли не на другой конец города, если, например, первая пара была где-нибудь на Слободке в Областной больнице.

В то хмурое утро мне не везло. Я уже был близок к окошку, чтобы пополнить запасы медикаментов, как вдруг станционное радио прохрипело: «Бригада номер тринадцать, на выезд!».

Делать было нечего, и я, закрыв ящик, вышел к машине, возле которой стоял Алексей Кулёв, невысокий коренастый парень. Он учился уже на шестом курсе и часто на вызовы выезжал без врача.

Мы поздоровались. Он сказал, что пришёл принимать у меня смену.

– Так у нас вызов...

– Да ладно, не бери в голову! Тебе же в институт!

– Я не пополнил аптеку...

– Дико извиняюсь, ты против?

– Ни боже мой! Вот тебе ящик, и считай, что я твой должник!

Они уехали на вызов без меня...

Прошло уже много лет, но я снова и снова вспоминаю, как справедливо наблюдение классиков о том, что судьба играет человеком, а человек играет на трубе!

Так случилось, что тот вызов был к психическому больному. Он гонялся с кухонным ножом за женой, грозясь её убить. Со слов соседей решил, что она изменяет ему. В доказательство приводил рассыпанные во дворе окурки, которые, по его мнению, свидетельствовали о тайных переговорах. Три окурка – значит, встреча назначена на три часа. Четыре, брошенные в сторону ворот, по его мнению, говорили, что встреча должна состояться в четырёх кварталах отсюда у кинотеатра «Победа».

Врач, молодая девчушка, недавно пришедшая на станцию, просто боялась заходить в квартиру, где буйствовал больной.

Алексей, взглянув на неё, махнул рукой:

– Вы не выходите из кабины. Я как-нибудь сам...

В сопровождении санитары поднялся по металлической лестнице на второй этаж и позвонил.

– Это твой хахаль спасать тебя пришёл? – воскликнул больной.

Увидев мужчин в белых халатах, он на какое-то мгновение смутился.

– Вы кто?

– Скорая помощь... Нам позвонили, что вы чем-то сильно возбуждены...

– А как вы хотели, когда жена отращивает мне рога?! Строитель, мать её... Голова болит! Вот пощупайте! Чувствуете выступы на черепе?! – Больной наклонил голову: – Видите, шишка!

– Но не стоит ругаться. В квартире же ваша дочурка...

Больной смущённо взглянул на Кулёва и согласился.

– Проедем-ка мы с вами в больницу. И жена ваша поедет. Там поговорим с профессором. Он ей объяснит...

– Нужен мне ваш профессор, как собаке пятая нога! Я сам профессор кислых щей!

– Посоветоваться никогда не вредно.

Говоря это, Алексей медленно подходил к нему, надеясь схватить за руки и вместе с санитаром связать агрессивного психического больного, но стоило ему приблизиться, как вдруг этот сумасшедший резко вытянул руку и воткнул острый кухонный нож прямо ему в сердце. Белый халат, надетый на голое тело, сразу же окрасился в красный цвет. Алексей, хватаясь за стенку, сполз на пол. Вперёд бросился санитар и, схватив больного за руку, вырвал нож. Потом крикнул:

– Позовите срочно доктора. Она в машине!

Но когда в квартиру вбежала врач, было уже поздно. Алексей, бледный как стена, лежал на полу в луже крови. Он был мёртв.

Позвонили на станцию, прислали другую бригаду, и психического больного увезли. Потом приехали милиционеры, что-то

расспрашивали, записывали, измеряли. Доктору дали сердечные средства, напоили валерианой.

Алексея забрали милиционеры для судебно-медицинского исследования.

Через день Алексея Кулёва хоронил весь город. Студенты института, просто горожане всё шли и шли к станции скорой помощи, где на столе, порытом ковром, установили гроб, обитый красным крепом. Оркестр из соседней воинской части играл траурный марш Шопена. Зал был в цветах...

Я не умею плакать. Даже когда хоронил маму – не плакал. Во мне всё как будто обледенело. Вот и тогда стоял у гроба и смотрел на бледное лицо Алексея, который с той минуты стал для меня немым укором на всю жизнь... На его месте должен был быть я...

Наконец, гроб с телом вынесли и поставили в кузов грузовой машины со спущенными бортами. Вслед за нею выстроились одна за другой все свободные от вызовов машины.

Рвал сердце оркестр. Проезжая по улице Пастера возле клиник медицинского института, кареты своими гудками дополняли звуки оркестра.

Я шёл за гробом и думал, что хоронят меня, что я должен был лежать на его месте и мне теперь нужно жить и за него тоже.

Ферзевый гамбит

Брат учился на механическом факультете мукомольного института без всякого интереса. Он записывал лекции, чертил курсовые проекты, готовился к семинарам по марксистско-ленинской философии, а сам мечтал, чтобы всё это, наконец, скорее закончилось, и тогда он снова окажется у своих друзей-шахматистов.

– У меня от этой философии уже голова беременная! Нужна она мне, как зайцу стоп-сигнал! – ворчал он.

Он до самозабвения любил шахматы, мог часами сидеть за доской, разбирая хитроумную индийскую защиту, решая задачи или воссоздавая по книге знаменитые партии Алёхина. С друзьями он говорил только о шахматах, о событиях в шахматном королевстве.

– Нет, ты слышал? Моня сделал-таки ход на це четыре! Он что, совсем не имеет слуха, как тот скрипач в нашем театре оперетты?

– А зачем ему слух? Он же не слушает, а играет. За ходом на це четыре следует ход слона на дэ шесть...

Кто у кого выиграл и как ответил на интригующий ход конём на d-4?

Его друг Алик Гельфельд, кандидат в мастера, в очередной раз показал, кто чего стоит. Он уходил в дальнюю комнату. В первой сидели брат и Илюшка – перворазрядники, и я, играющий на уровне второго разряда. Алик играл с нами «вслепую», то есть перед ним не было шахматной доски. Он кричал нам из другой комнаты, какой сделал ход, и мы за него передвигали фигуры на своих досках. Не было случая, чтобы Алик проиграл!

– Ты таки голова, чтоб я так жил! – грустно признавал Илюшка, обращаясь к Алику. – Мне казалось, что я таки в этот раз тебя заману на аш пять, но факир был пьян и фокус не удался!

Илья Кирзнер тяжело переживал проигрыш. Он вообще не любил проигрывать.

А ещё брат любил джаз. Тогда не только джаз, даже танго считалось растлевающей музыкой загнивающего капиталистического общества! Поймав далёкую зарубежную станцию, в полной темноте он сидел до глубокой ночи, склонившись к старенькому приёмнику «Рекорд», и слушал, слушал, покачиваясь в такт музыке. Звучание приёмника он приглушал, чтобы никому не мешать.

Все в доме уже спали. Звуки джазовых импровизаций давали ему глоток свободы. По большому счёту он мало понимал в музыке, но, сидя за очередной шахматной задачкой, часто мурлыкал себе под нос запомнившуюся мелодию.

Окончив институт, брат стал работать инженером-конструктором на заводе имени Январского восстания, а в свободное время встречался со своими приятелями и играл в шахматы, что выводило маму из себя.

– Чего ты сидишь дома? Что ты так высидишь? Пойди куда-нибудь! Тебе уже скоро тридцать, а у тебя до сих пор нет девушки! Ты что, евнух?

Мама беспокоилась за брата.

Много лет назад он полюбил свою одноклассницу, но она отдала предпочтение курсанту артиллерийского училища. С тех пор для него женщины перестали существовать. Он их побаивался и, вместо прогулок с девушками, предпочитал разбирать партии Ботвинника или Геллера.

И вот однажды моя коллега, которая какое-то время жила в Одессе у нас дома, решила познакомить брата со своей двоюродной сестрой.

– Напрасная это затея! – говорил я, не веря в успех предприятия. – У брата только шахматы на уме.

– Ничего! Моя кузина – настоящая «королева»! И к тому же неплохая шахматистка! Посмотрим, что он ответит на её дебют!

Через пару месяцев в Одессу приехала, вроде бы погостить, двоюродная сестра моей приятельницы. Брат спрятался в свою раковину, как улитка, демонстрируя полное безразличие к происходящему. Но девушка и вправду оказалась отличной «шахматисткой», моя приятельница не шутила. С трудом отличая ладью от ферзя, она лихо взялась за дело, и через несколько дней брат уже сопровождал московскую гостью в театры и кино, на пляж и в парк. У них нашлось много тем для разговоров, и он с удивлением узнал, что хотя гостя мало разбирается в шахматах, но

историю этой древнейшей игры знает неплохо.

Когда заканчивался месяц отдыха, брат вдруг сообщил маме, что намерен жениться!

Он уволился с завода, мотивируя это переездом в другой город, положил в чемодан несколько сорочек, пару белья, шахматы и вместе с невестой поехал к нам в Новочеркасск.

Здесь они подали заявление в загс, и вскоре их «расписали».

Свадьбу отпраздновали в нашей квартире. За столом были близкие родственники. Пили вино, кричали «горько».

– Да, дорогой, – сказал я брату, – хоть и неплохо ты играешь в шахматы, но ещё не придумал защиты против ферзевого гамбита.

– А может, я играл в поддавки?! – улыбнулся брат.

И здесь его молодая жена всех сразила своими знаниями шахматной теории:

– Нужно быть ферзём, чтобы своевременно лечь! Белые начинают и выигрывают!

– А я себя проигравшим не чувствую! – заметил брат.

Куркуль

В 1959 году я был направлен в Львовский медицинский институт на курсы усовершенствования. Мне дали место в общежитии. В нашей комнате жили восемь таких же слушателей. Это были врачи из разных районов и городов Украины. С утра до трёх мы работали в клинике, потом занимались в институтской библиотеке и лишь к шести возвращались в общежитие. Народ у нас собрался самый разный, но запомнился мне почему-то один врач из Ужгорода. Невысокий, худощавый, светловолосый и рябой, он говорил только на украинском языке, хотя и на русском умел разговаривать хорошо. Делал он это, потому что люто ненавидел москалей и советскую власть, и не особенно это скры-

вал. Мы его почему-то прозвали куркулём, то ли потому, что он работал в участковой больничке и имел своё подсобное хозяйство, то ли потому, что раз в две недели ему привозили из дома чемодан с продуктами и он его держал запертым под кроватью. Годы были голодными, мы с коллегами кооперировались друг с другом и питались сообща: сегодня я дежурю по кухне, завтра – мой напарник, а я в это время могу и книгу почитать.

Наш «куркуль» был одиноличником, ни с кем объединяться не хотел, никогда за стол не садился. Вытаскивал из-под кровати свой деревянный чемодан, открывал его и ел, стараясь не слишком демонстрировать своё богатство. А у нас слюнки текли. То он, громко чавкая, ел кусок сала с луком, то жарил на сале яичницу из трёх яиц! Потом в комнате такой аппетитный запах стоял, хоть уходи на улицу!

И вот однажды ребята договорились проучить его. Когда он был на занятиях, они припрятали чемодан в небольшой комнатке, служившей нам кухней.

Пришёл этот парень из клиники, взглянул под кровать и не увидел своего чемодана! Тут началось настоящее светопреставление.

– Де мій чмодан, москалі прокляти?!

Мы, словно ничего не произошло, продолжали заниматься своими делами. В отчаянье он стал заглядывать под кровати, открывать тумбочки, пытаясь в них найти свои продукты, а может быть, и чемодан. Наконец, он сел на кровать и посмотрел на Николая, врача из Харькова, которого особенно ненавидел.

– Ось я зараз піду в міліцію, тоді подивлюся, як ви будете посміхатися!

– А чего ты на меня смотришь? – возмутился Николай. – Я вообще после тебя пришёл с дежурства.

И тут в комнату вошла тётя Варя, неся злополучный чемодан.

Уборщица была пожилой женщиной и нас считала детьми.

– Мальчики! Никто не знает, чей это чемодан? На кухне лежал. Может, кто из вас потерял?

Наш «куркуль» подбежал к тётке Варе, выхватил чемодан и злобно посмотрел на нас.

– Москалі і е москалі! Це мій чмодан. Всі шахраї і бандити!

После этого случая парень ещё больше замкнулся и старался реже бывать в комнате.

И вот однажды в хирургическую клинику профессора Георгия Георгиевича Карованова привели тракториста с тяжёлыми ожогами. Ему проводили противошоковые мероприятия, переливали плазму, физиологический раствор, вводили антибиотики, но крови не хватало. Мы, растерянные, стояли у постели обожжённого и не знали, что делать.

– А яка група крові? – вдруг спросил наш «куркуль».

Ему ответили.

– У мене така ж! Візьміть у мене. Я – донор. Їму вона дуже потрібна!

Руководитель курса доцент Фаина Абрамовна Спектор одобрительно и с интересом посмотрела на коллегу, проверила совместимость групп крови, уложила его на стол и тут же сделала прямое переливание.

После этого случая никто в комнате больше не задирали ужгородца, все стали разговаривать с ним уважительно, а Николай даже как-то вечером отважился обратиться к нему с вопросом:

– А что вообще происходит при ожоге? Тебе, Фёдор, с этим приходилось сталкиваться?

Тогда мы впервые услышали, что его зовут Фёдором. И вот «куркуль», который никогда ни с кем из нас не разговаривал, принялся подробно излагать всё, что знал о механизме интоксикации и обезвоживания при ожогах, делился опытом, рассказывал, как ему приходилось иметь дело сразу с несколькими ожоговыми больными и как он потом им делал пересадку кожи. Все слушали его с уважением, а Фёдор, расчувствовавшись, открыл свой чемодан и пригласил попробовать сало, которое он сам солил, на что с нашей стороны отказа не последовало.

Женька Беликов

С Женькой Беликовым я был знаком с давних послевоенных лет, с тех пор, когда после эвакуации жил в Новочеркаске. Но судьба разбросала нас, и вот, много лет спустя, случай снова свёл меня с ним.

Новый 1960 год мы встречали в одной компании. Женька выделялся своей необыкновенной энергией, изобретательностью и весёлостью. Он играл на пианино, пел шуточные студенческие песенки, рассказывал смешные истории и вообще был душой компании.

Тот Новый год мы встречали у него в доме. У входа висел красочный плакат: «Без безобразий не входить!», под ёлочкой припрятаны подарки, причём не обычные, а весёлые, с выдумкой, и всюду для гостей были приготовлены сюрпризы. Пошёл, например, гость в туалет, потянул за цепочку сливного бачка, и вдруг раздаётся громкий хлопок и на него дождём сыплется конфетти. На стене в зале висел нарисованный на картоне бледнолицый оракул с большим открытым ртом. Женька вытаскивал из его пасти фантики, вслух зачитывал, что на них написано, и заставлял гостей выполнять разные смешные задания.

Короче говоря, новогоднее застолье прошло весело и интересно. Когда под утро утомлённые гости расположились отдохнуть (благо места в доме было много), Женька подменил все вещи и обувь. Проснувшись, мы никак не могли сообразить, почему вдруг возле меня стоят вместо ботинок женские «лодочки», а возле Зиночки Сергеевой вместо её платья лежат мои брюки?!

Короче, Женька был, как говорится, в своём репертуаре.

Наутро во дворе он устроил стрельбу по мишени из помпового ружья, потом, когда сели завтракать, привесил к люстре над столом рулон туалетной бумаги, так как салфетки, впрочем, как и туалетная бумага, были в дефиците.

Женька работал инженером-электриком на электродном заводе и пользовался авторитетом и уважением. А когда-то был пер-

вым на заводе разгильдяем: то собрание сорвёт, оставив зал без света, то прогуляет и не выйдет на работу, потому что всю ночь рыбалил на Дону. Изобретательности ему было не занимать: как-то, возвращаясь ночью с рыбалки на своём выдавшем виды мотоцикле, пробил колесо. Запасной камеры не было. Недолго думая, плотно набил колесо соломой, да так и доехал домой.

Инженером он был толковым, и, по мнению комсомольской организации, его нужно было «спасать», поскольку уж очень много с ним было хлопот.

Одной хорошенькой русоволосой девушке было дано комсомольское поручение, чтобы она соответствующим образом действовала на Женьку. Девушка рьяно взялась за выполнение комсомольского поручения и... вышла за своего подопечного замуж, наверное, чтобы и дома продолжать его воспитывать.

Прошли годы. Женька изменился, стал благовоспитанным. Мы виделись не часто – уж очень разные у нас были интересы, но всегда встречались с удовольствием. Однако как-то я узнал, что Женька, оказывается, стал сильно выпивать. Причём как напьётся, так словно чёрт в него вселяется. Выпив, он дома устраивал такие концерты, что все домашние не знали, куда деться.

Парня и его близких мне было искренне жалко. Не единожды я предлагал ему помощь. Уже работая в Ростове, просил довериться мне, предлагал организовать лечение так, чтобы об этом никто не узнал. В больничном листе можно было проставить совсем другой диагноз. Но всякий раз Женька отказывался, уверяя, что сам сможет справиться со своими проблемами, если только захочет.

Через некоторое время до меня дошли слухи, что Женька разошёлся с женой и теперь живёт со старухой-матерью. Больно мне было за приятеля, но я не знал, чем ему помочь.

Вскоре и с завода он ушёл. В самом деле, кто станет на серьёзном производстве долго терпеть его художества?!

Прошли годы. Однажды в нашей квартире раздался звонок. Открываю дверь – Женька Беликов. Я его сразу и не узнал.

Похудевший, постаревший, улыбается беззубым ртом, и только глаза напомнили мне нашего доброго приятеля Женьку. Он рассказал, что был в Ростове и решил заглянуть, узнать: «как мы тут без него?».

Мы пригласили его в дом, угостили. Он ел с аппетитом, похваливая кулинарные способности жены, с удовольствием пил крепкий чай, помешивая сахар серебряной ложечкой.

– Как ты? Может, теперь согласишься на лечение? – спросил я без всякой надежды.

– Поздно... Уже очень поздно, – ответил грустно Женька.

Когда он ушёл, мы обнаружили, что пропала серебряная ложечка, которую много лет назад подарили нашему сыну.

Эмиль Айзенштарк

В ординаторской Ростовского онкологического института было тихо. Я записывал в историю болезни манипуляцию, которую проводил тяжёлому больному с лёгочным кровотечением. За окном уже смеркалось, и окна превратились в огромные чёрные зеркала. Палатная медсестра, полная Прасковья Матвеевна, принесла и поставила на стол ужин: кашу, кружку чаю и два сырника.

– Поужинайте... потом будете писать, – сказала она.

– Спасибо... Как там Макаров?

– Задремал...

– Если что, сразу ко мне... – сказал я и принялся за ужин.

На дворе стояли тёплые осенние дни. Закончив ужинать, я подошёл к окну и посмотрел во двор областной больницы.

Онкологический институт теснился в небольшом двухэтажном здании. На первом этаже – поликлиника, лаборатории, отделение лучевой терапии, экспериментальный отдел, кабинет директора. На втором – стационар, ординаторская, операционная, перевязочная...

Вдруг в чёрном квадрате зеркала я увидел, как бесшумно открылась дверь ординаторской и вошёл кто-то в чёрном костюме, держа в руках солидный портфель.

Я обернулся и увидел улыбающегося, круглолицего, почти лысого мужчину.

– Вы дежурный врач? – спросил он, внимательно разглядывая меня.

– Я. А вы кто? Уже достаточно поздно для визитов...

– Я вас долго не задержу. Меня зовут Эмилем Абрамовичем. Фамилия моя Айзенштарк...

Мне стало всё понятно. Я слышал, что из Ростовского онкологического диспансера он переехал в Новочеркасск, где намерен строить онкологический диспансер. Зная, что я из Новочеркаска, хотел поближе познакомиться...

Я пригласил его сесть на диван. В тот первый вечер проговорили почти до утра. Говорили о строительстве, о практических шагах, которые нужно сделать в первую очередь, чтобы добиться выделения помещений переехавшего в Персиановку ветеринарного института... Мы сразу же перешли на «ты». Эмиль обладал неимоверным даром увлекать собеседника своими идеями, которые рождались у него легко и естественно.

Часа в четыре он собрался уходить.

– Куда же ты? Приляг на диване, покемарь пару часов, потом и поедешь.

– Да нет... У меня в Ростове есть куда идти. Да и семью я ещё не перевёз... Но я рад, что мы познакомились. – Он посмотрел на меня и продолжал: – Ты молоток! Воспринимаешь всё в целом и потому не так зависишь от обстоятельств. С тобою легко!

Мне приятно было это слышать, а он между тем продолжал:

– Не люблю чванливых, задирающих нос.

– Но нельзя проповедовать людям то, что мы считаем единственно верным, ведь люди разные! – возразил я, взглянув на него.

Странно: была глубокая ночь, а усталости у него я не замечал. Он по-прежнему был энергичен и возбуждён встречей.

– Совершенно верно! – словно обрадовался Эмиль. – Если мы считаем, что познали Истину и требуем от людей её разделять, – это грубая ошибка. Ты прав: люди разные и ещё не готовы осознать полученную информацию, но могут подчиниться ей слепо, не осознав до конца её сути.

Пройдёт время, и Эмиль будет поступать совершенно иначе. Но тогда он был весёлым, остроумным, демократичным и я верил ему...

После окончания ординатуры я вернулся в Новочеркасск, но место онколога был занято, и я некоторое время преподавал хирургию в Новочеркасском медицинском училище и одновременно участвовал в строительстве онкологического диспансера. Эмиль добился, и помещения ветеринарного института отдали нам. Теперь нужно было искать спонсоров, проектантов, подрядчиков, которые дёшево (а иногда и даром) отремонтируют обветшалые здания, где должны были разместиться отделения диспансера. К нашей команде присоединился приехавший из Сибири Пётр Григорьевич Беликов. Все работали с энтузиазмом, не считаясь ни со временем, ни с тем, что нужно делать. Во время коротких перерывов мы пили чай, заедая купленными на углу пирожками, и мечтали, как будем работать в нашем диспансере! Инициатором всех идей был Эмиль. Он умел подбодрить, когда уже опускались руки, придумать остроумный ход. Ходил в исполком, горком, рассказывал анекдоты, байки, смешные истории. Властным женщинам дарил цветы, конфеты, рассказывал страшные истории о раке, консультировал родственников... и, как правило, добивался поставленной цели.

Первых больных мы приняли 25 декабря 1965 года. К тому времени в диспансере работали: Басина Анна Ароновна, опытный онколог-гинеколог, Лохманов Юрий Михайлович, которого

Эмиль уговорил переехать из Ростова в Новочеркасск. В морфологической лаборатории – чета Збановских... Была и клиническая лаборатория... Стены коридоров, столовой для больных бесплатно оформили студенты архитектурного факультета Новочеркасского политехнического института... Здесь для больных были изготовлены фрески с яствами, о которых можно было только мечтать...

В диспансере широко использовалась научная организация труда. Дневники обходов, назначения врачей, протоколы операций врачи надиктовывали на магнитную ленту, а машинистка потом печатала и вкладывала распечатки в соответствующие истории. Это существенно освобождало время врачей, да и не нужно было разбирать заковыристый почерк медиков. Для отбора групп риска использовали анкеты, которые заполняли больные. По ним сразу было понятно направление необходимого обследования после профилактического приёма. Применяли анкеты и для обучения больных самообследованию молочных желёз. В диспансере с успехом использовали витаминно-кислородные смеси... Да разве всё можно перечислить?! И во всех этих начинаниях чувствовалась выдумка Эмиля. Он был ярким, интересным, весёлым человеком. Начитан, прекрасно говорил по-английски, знал множество анекдотов, стихов, баек... Впрочем, ему было нетрудно и сочинить какую-нибудь историю, если того требовали обстоятельства. И мы старались ему подражать. Приведу только несколько примеров того, как я пытался соответствовать своему главному врачу. Своими руками выложил ступени в отделение лучевой терапии и положил плитку. Привёз из Таганрога терапевтический аппарат, причём из-за того, что водитель был уж очень неопытным, а на дворе была дождливая осень, сам сидел за рулём тяжёлой грузовой машины... В отделении использовали различные технические придумки, чтобы точнее рассчитывать дозу облучения на глубине залегания опухоли. Удлинили тубусы, позволившие в ряде случаев заменить rad.терапию... Всего и не перечислить.

Но наступило время, когда наши с Эмилем взгляды существенно разошлись. Впрочем, это уже совсем другая история. По прошествии времени острые углы противоречий сглаживаются и всё видится в ином свете. Так или иначе, но Эмиль в моей памяти остаётся умным, изобретательным и интересным человеком, у которого я многому научился...

Русалка Алиса.

Много лет назад мы часто во время отпуска ездили к Чёрному морю «дикарями». Брали с собой палатку, надувные матрасы, и везде нам был «и стол, и дом».

Вот как-то мы заехали на песчаный берег, где отдыхали наши друзья из Новочеркасского политехнического института. Они сюда ездили из года в год и весело проводили время. Это были спортсмены-аквалангисты. Они увлекались подводной охотой, были непритязательны в быту, изобретательны на весёлые выдумки и славилась своим гостеприимством.

Душой компании был доцент кафедры теоретических основ электротехники Стас Хлебников. Он сам, его жена Алиса и их маленькая дочка Ладочка добирались в эти южные края «на перекладных». Так как каждый год они разбивали свой лагерь в одном и том же месте, то всякий раз перед отъездом прятали в глубокой песчаной яме утварь, необходимую для нормального «дикарского» существования: алюминиевые ложки, миски и кастрюли. А приехав в следующий раз, откапывали свой «клад» и пускали в дело.

Каждое утро Стас надевал ласты, маску, брал подводное ружьё, прыгал в воду и вскоре исчезал за горизонтом. Возвращался он через час-полтора с куканом, на котором бились две-три большие рыбины. Стас сам их чистил с необычайной ловкостью, а его жена Алиса, инженер-химик по профессии, жарила рыбу и приглашала всех к столу.

Позавтракав, Стас брал акварельные краски, бумагу и рисовал «этюды», стараясь запечатлеть наиболее яркие и интересные картины окружающей природы. Он был замечательным художником. Не единожды устраивал выставки в Новочеркасске и Ростове, с удовольствием дарил свои картины друзьям и был счастлив, что они кому-то приносят радость. И мне он подарил несколько своих акварелей, заправленных под стекло и окантованных белыми рамочками. На одном из своих этюдов он сделал надпись: «Пусть этот Ленинград напоминает ростовчанину Аркадию о Новочеркасске». Мне всегда приятно смотреть на эти картины и вспоминать своих друзей.

Но то лето, о котором я рассказываю, запомнилось мне одним событием. Алиса, жена Стаса, была, как говорят, умелицей. Всё в её руках спорилось. Она и вязала, и вышивала, и меховые шкурки выделывала, однажды даже шубу себе сшила... Но ещё она была первоклассной пловчихой.

В тот день море было беспокойным. Белые «барашки» на поверхности воды предвещали шторм. Небо заволочло тёмными тучами, но Алиса собиралась в воду, и не подумав отложить морское купание! Дело было часов в десять, сразу после завтрака.

– Ты когда вернёшься? – спросил жену Стас.

– К обеду буду, часам к трём, – ответила Алиса, и я подумал, что они меня разыгрывают. Но прошёл час, другой, а Алисы всё не было видно. Стас на берегу рисовал «волнение на море», а сам был при этом совершенно спокоен.

– Стас, – обратился я к нему, – мне кажется, что с Алисой что-то не так. Её уже нет около двух часов.

– И напрасно тебе так кажется, – сказал он, не отрываясь от своего занятия. – Разве ты не знаешь, что она – русалка?

– Да брось шутить! Я серьёзно.

– А который сейчас час?

– Скоро двенадцать.

– Ну вот! А ты волнуешься! К трём она будет. Часы у неё есть.

Он продолжал рисовать взволнованное море. Рядом в песке возилась их двухлетняя дочь. Она уже тоже неплохо плавала. Только я не мог успокоиться. Ходил по берегу, всматривался в даль. Потом достал бинокль и стал внимательно изучать горизонт, надеясь увидеть Алису.

Когда мои часы показали три, Алисы всё ещё не было.

– Что же ты сидишь? – возмущался я равнодушием моего приятеля. – Ты же видишь, уже три, а её всё нет!

– Да успокойся ты, – отмахнулся от меня Стас. – Лучше подложи в костёр дров, а то она вернётся, а обед у нас не готов!

Едва сдерживая беспокойство и негодование, я пошёл к костру. Но через полчаса, к моему великому облегчению, Алиса, наконец, вышла из воды!

Я ожидал увидеть её усталой, измученной, возможно перепуганной, а она как ни в чём не бывало сняла ласты и с гордостью и удовольствием показала нам кукан. На нём было несколько крупных рыбин.

– Чего так долго? Ты заставила нас волноваться! – набросился я на неё. Она меня как бы не поняла:

– С чего ты вздумал волноваться? Я же предупредила, что буду к обеду. И вот я здесь.

– Но прошло столько времени! От переутомления ты могла потерять контроль над ситуацией...

– Переутомление? В воде?..

– Что же, по-твоему, в воде человек не устает?

– Человек? Ну, человек, возможно, и устает. Но я – русалка! Разве ты не знал?

– Теперь, похоже, знаю. Только всё равно не понимаю, как это ты совсем не боишься воды... Но, между прочим, считается, что риску утонуть подвержены именно те, кому кажется, что они хорошо плавают!

– Я в воде не плаваю. Я в ней живу!..

И Алиса отправилась к костру жарить только что пойманную рыбу.

Испытание.

Однажды, много лет назад, мне позвонил из Москвы брат и сообщил, что подошла его очередь на покупку «Запорожца». Так как денег у него не было, он предложил мне воспользоваться его правом.

Мы с приятелем поехали в Москву. Оформив все документы, рано утром отправились в обратный путь. Небо было серым, дул северный ветер, но это не внушало нам серьёзных опасений: на дворе – март!

Дорога бежала под колёса, строения плыли навстречу, монотонно жужжал мотор. Всё это укачивало, и скоро мне захотелось спать. Видимо, сказывалось волнение последних дней.

Приятель сел за руль, а я, счастливый обладатель новенького «Запорожца», удобно примостившись на заднем сиденье, впервые уснул спокойно.

Разбудил меня шум двигателя. Машина шла на подъём, и её двадцати семи сил едва хватало. Я взглянул в окно и обомлел: вокруг всё было белым-бело. Крупные хлопья снега висели в воздухе, резко ограничивали видимость, быстро делая дорогу едва различимой. Щётки не справлялись со снегопадом, и приходилось время от времени останавливаться и тряпкой чистить стёкла.

В Мценске мы остановили машину у придорожной чайной, в сомнении размышляя: не вернуться ли обратно. Но тот факт, что на дворе март, а не декабрь, склонил нас к решению продолжить путешествие.

Пополнив канистры бензином и перекусив, мы отправились в путь.

С каждым часом погода становилась всё хуже. Небо, серое и тяжёлое, давило к земле, и «Запорожец» едва двигался вперёд. Огромные белые хлопья налипали на стекло, позёмка скрыла ленту дороги, и мы ориентировались только по грузовой машине, следующей непосредственно перед нами, стараясь не отставать от неё. Вскоре дорога стала совсем непроезжей. То и дело один из нас выходил и добавлял свою силу к двадцати семи лошадиным. Грузовики буксовали, встречных машин не было. Нас предупредили, что снежные заносы парализовали движение. Между тем наступила ночь, и мы стали решать, как быть с ночлегом. Пока в баке хватает бензина, можно сидеть в машине. Но топливо нужно экономить, так как мы не знаем, что нас ждёт впереди. Всю ночь попеременно с приятелем мы прогревали двигатель. Незадолго до отъезда из Мценска мы слышали, что где-то в степи от угарного газа в машине погибли люди. Несмотря на непогоду, мы беспрерывно открывали дверь, чтобы проветрить салон. В одно мгновение становилось холодно, и нужно было снова включать печку. После ужасной бессонной ночи мы решили вернуться в Орёл. Там жили мои родственники, и мы надеялись переждать непогоду у них. Тогда я не знал, что испытание снежной бурей – ничто по сравнению с тем, что нам пришлось вынести у моего гостеприимного дядюшки.

Дядя Зосим работал директором столовой, отлично готовил всякие вкусности и буквально силком заставлял их поесть. Угощая, он получал огромное удовольствие, и никакие наши возражения, – мол, мы уже наелись и больше не можем, иначе просто лопнем, – на него не действовали. Он выставлял на стол всё новые и новые кулинарные изобретения, подробно рассказывал, что входит в их состав, на что следует обратить внимание и что каким вином нужно запивать. Это была целая наука, а говорил он с таким воодушевлением, что отказать ему было невозможно. Больше того, любой отказ он воспринимал как личное оскорбление. Иногда на короткое время он умолкал, дегустируя очередные

плоды своих творческих усилий, но вскоре всё повторялось снова и снова и он опять принимался потчевать нас разными кулинарными изысками.

Первый вечер мы как-то выдержали, хотя ночью не могли спать из-за переедания. На следующий день появился новый набор яств: печёные крендели и множество самых разнообразных пирогов: с капустой и мясом, с рисом и яйцами, с изюмом и курагой. А также: фаршированный перец и голубцы, фаршированная рыба по-еврейски и по-казачьи, мясо тушёное с черносливом и грибами, грибы жареные, маринованные и варёные, голуби в сметане, целая батарея различных соусов, которые были совершенно необходимы к различным блюдам... Нет, у меня никогда не хватит сил даже просто перечислить всё, что нам предлагалось на завтрак, обед и ужин. Я был доведен до того, что при одном лишь упоминании о еде вздрагивал, начинал заикаться и у меня появлялось страстное желание оказаться где угодно, хотя бы и в машине на заваленной снегом ночной дороге, только не за обеденным столом.

Наши мучения продолжались два дня. Одни блюда сменялись другими, буря и снегопады не прекращались, и наши надежды на то, что мы сможем выбраться из радушных объятий дяди Зосима, таяли на глазах. От безысходного и нешуточного беспокойства за своё физическое и психическое здоровье, мы вынуждены были принять жёсткое решение: оставить машину в Орле и уехать домой на поезде. Через месяц, когда снег растает, а мне удастся привести в порядок пищеварительную систему и нервы, я смогу вернуться за своим «Запорожцем».

Мы так и сделали. Дядя Зосим, провожая нас, не уставал сокрушаться, что мы так и не попробовали его творожный торт и печёного карася. В поезде всю дорогу из Орла в Ростов мы и думать не могли о чём-либо съестном и только спорили, какое испытание суровее: снежные заносы на дорогах или радушное гостеприимство дяди Зосима, одержимого «гастрономией»?

Как всё начиналось.

Конец восьмидесятых не сулил ничего хорошего. Жить становилось всё труднее, денег хронически не хватало. Сначала я пробовал заниматься частной практикой. Это было очень непросто и не решало материальных проблем. Но наш сын руководил швейным цехом известного в городе бизнесмена Михаила Парамонова и предложил помочь ему в реализации теннисок, которые они шили.

– Как ты себе это представляешь? – спросил я его.

– У тебя машина. Рано утром мы нагружаем её товаром, едем в Краснодарский край или на Украину и там реализуем его на базаре.

– Ты шутишь? И как же я, врач, кандидат медицинских наук, доцент, буду выглядеть на базаре?!

– Тебя там никто не знает!

Делать нечего. Ранним субботним утром мы с сыном поехали на рынок в Свердловку. Успели к открытию. Поставили машину, выгрузили товар, разложив его на капоте, и стали ждать покупателей. Подходили мужчины и женщины, внимательно рассматривали тенниски, проверяли качество, пробовали мять ткань, примеряли на глазок: по размеру ли? В тот день мы их продали более сотни! При этом две у нас украли. Я очень переживал и винил себя за то, что недосмотрел.

И вспомнился в связи с этим случай из моего детства, когда во время Отечественной войны мы эвакуировались в Армению. У нас была пересадка в Баку. День был пасмурный и дождливый. Мы с братом сидели на двух чемоданах и держали в руках свёртки. Мама пошла выяснять, когда подадут наш эшелон. Рядом на своих чемоданах, баулах, тюфяках сидели люди.

Вдруг мы с братом видим: идёт слепой человек в чёрных очках и громко стучит по асфальту металлической палкой. В руках он держит книгу, и из неё прямо на наших глазах в лужу падает

тридцатка. До обмена денег была крупная купюра в тридцать рублей, красная, очень больших размеров.

Слепой, как видно, почувствовал, что деньги выпали, и принялся искать их подле того места, где стоял. Он неуклюже наклонялся и, ощупывая землю руками, пытался обнаружить исчезнувшую бумажку.

Полная пожилая женщина, сидевшая поблизости от места происшествия на своём чемодане, прониклась состраданием к инвалиду.

– Сынок, да вот же она! – женщина приподнялась, чтобы подать слепому купюру. Тот с благодарностью принял деньги, женщина снова опустилась на свой чемодан и... оказалась в луже! Воришкам хватило доли секунды, чтобы унести чемодан, который она так тщательно охраняла. Женщина закричала, поднялся шум, всеобщая суета... Но жулики с чемоданом исчезли в неизвестном направлении, а «слепого» и след простыл.

Когда мы ехали из Свердловки, я вспомнил этот случай и подумал, что, вероятно, точно так же кто-то отвлек наше внимание, примеряя, рассматривая товар, а в это время его сообщник делал своё грязное дело.

И я сказал сыну:

– Ты знаешь, сынок, я буду ездить с мамой, и мы поработаем вдвоём: один предлагает и показывает товар, а другой смотрит за тем, чтобы никто ничего не украл.

Через месяц мы так наловчились торговать, что чувствовали себя на базаре как рыба в воде и неплохо зарабатывали.

Рынок жил по своим законам. Там были свои рэкетеры и своя милиция, которая мало чем отличалась от рэкетиров, но порядок подерживала. Мы познакомились с соседями-торговцами, которые продавали кто – обувь, кто – меховые шапки. Цеховики тогда почувствовали вкус свободы и безбоязненно выносили свой товар на рынок.

–Тенниски, недорогие тенниски! Не мнутя, не пачкаются, легко гладятся, отлично стираются! Вы только пощупайте,

примерьте – снимать не захочется! Подходите, взгляните, и вы не уйдёте с пустыми руками! Прекрасный подарок любимому! – громко, как настоящий базарный торговец, выкрикивал я, демонстрируя различные расцветки и размеры теннисок. Народ улыбался моим байкам, а многие подходили, шупали и... покупали!

Через месяц я совершенно привык к своей новой роли торговца. Всю неделю принимал больных, а в выходные превращался в продавца. Это был способ выжить.

Мой опыт обычного розничного реализатора, торговца, не пропал даром. Через некоторое время, объединившись с сыновьями, мы создали свою собственную фирму «АГАТ». Выкупили оборудование бывшего швейного цеха, арендовали помещение, разработали лекала для раскроя тканей, и закипела работа. Торговать ездили тогда только по субботам и воскресеньям. Часть товара давали реализаторам. На вырученные деньги закупали ткань, начисляли зарплату, платили налоги, оплачивали аренду... Нужно ли говорить о том, что в бизнесе мы были слепыми котятками. Законы, которые менялись почти ежемесячно, деньги, которые обесценивались день ото дня, – всё это создавало впечатление, что мы оказались на утлой лодке посреди бушующего океана. Но мы упрямо гребли, следуя к своей заветной цели, и если бы перестали работать вёслами изо всех сил, невзирая на отупляющую усталость и кровавые мозоли, наше маленькое судёнышко неминуемо разнесло бы в щепки. В борьбе с разбушевавшейся экономической стихией мы научились заделывать пробоины, удерживать лодку на плаву, крепко держаться друг за друга, работать слаженно и целенаправленно. Мы крепили, мы мужали...

Видимо, зарождение капитализма всегда сопряжено с таким явлением, как рэкет.

Однажды к нам в офис зашёл долговязый парень со злоеющим выражением лица и оплатил «девятку». Но через две недели после покупки он приехал в конце рабочего дня и стал громко

ругаться, обильно пересыпая речь матом, растопыривая пальцы и грозя разделаться с нами.

– Что вы мне продали?! (непечатное), эта машина (непечатное) не заводской сборки! Она собрана из (непечатное) старых деталей!

– Этого не может быть! Машина новая, заводской сборки! У нас солидная фирма, мы отвечаем за...

– Значит, я говорю неправду?! Пойди посмотри! Выхлопная труба от восьмой модели!

– Этого не может быть! У нас...

– Так вот! Через неделю вы пригоните мне другую «девятку»! А за ваш «прокол» я хочу новую машину с люком, компьютером и стеклоподъёмниками!

Мы понимали, что это «наезд», но ни опыта, ни «крыши» у нас тогда не было. Честно сказать, мы испугались: парень пришёл в сопровождении двух громил весьма внушительного и колоритного вида, не оставляющего сомнений в том, с кем нам придётся иметь дело, если не выполним его условий.

Перезаняв деньги, мы пригнали другую машину в соответствии с его требованиями, оформили все документы, и он уехал, пообещав через день вернуть нам первую машину. Но прошла неделя, другая, но наш свирепый «клиент» не появлялся.

И вот в один из хмурых вечеров, когда мы подсчитывали свои потери и искали варианты, как расплатиться с долгами, к нам в офис зашёл коренастый черноволосый парень. Его сопровождал один наш знакомый.

Познакомив нас, знакомый спросил:

– Что там у вас произошло с...?

И он назвал имя мордоворота, который так пока и не вернул нам машину. Мы подробно рассказали, как было дело, в надежде что, может быть, наш гость подскажет что-нибудь. Тогда заговорил Камал. Голос у него был тихий, говорил он неторопливо.

Видно было – этот человек привык, что его слушают внимательно и лишних вопросов не задают.

– Такие ситуации у вас будут происходить постоянно. Вам нужна «крыша». Я защищаю справедливость и согласен взять вас под свою «крышу». Наши условия: двадцать процентов от прибыли.

– Двадцать процентов?!

– Да. И ни процентом меньше! Зато вы сможете спокойно работать и никто вас больше не потревожит.

– А что с первой машиной? Вы сможете её нам вернуть?

– Завтра она будет вам возвращена!

Мы договорились, что о своём решении сообщим через два дня. На следующий день нам подогнали первую машину с её родной выхлопной трубой, вымытую, готовую к продаже.

Что делать? Соглашаться на эти грабительские условия? Это значит – навсегда попасть в кабалу. С такого крючка нам потом просто так не соскочить. И мы решили обратиться в милицию, хотя понимали, что это небезопасно: сам Камал, как нам говорили, был капитаном милиции и как борец выступал за «Динамо».

В Управлении нас направили в отдел по борьбе с организованной преступностью.

В небольшом кабинете сидел высокий худощавый человек с усталым лицом. Он внимательно выслушал нас, потом пригласил следователя из соседнего кабинета и они вместе записали всё, что мы рассказали.

– Ничего не бойтесь. На этого Камала у нас уже толстая папка заявлений. Не вы первые. Очень скоро он должен будет объяснить своё поведение...

Из Управления мы вышли с ещё большей тревогой на сердце. А что, если «защитнику справедливости» станет известно о нашем визите? Тогда нам следует беспокоиться не только о нашем бизнесе, но и о сохранности нашей жизни.

Ночь мы провели в ожиданиях и тревоге. Но ни на следующий день, ни через неделю Камал не появлялся. Никто из его

компании к нам тоже не пришёл. А вскоре мы узнали, что банду Камала захватила группа по борьбе с организованной преступностью. Была перестрелка, но всех членов группы, кроме Камала, удалось арестовать.

Мы напряжённо ждали развития событий. Исход этой истории был для нас чрезвычайно важен. Через месяц до нас дошли слухи, что Камал убит при бандитской разборке. Смерть человека – не повод для торжества, но, признаться, на душе у нас стало легче.

Да, заниматься бизнесом, скажем, в Германии или Америке сложно, потому что в этих цивилизованных странах процветает жёсткая конкуренция. Но у тамошних бизнесменов и предпринимателей сегодня нет, пожалуй, и десятой доли наших проблем. «Дикий Запад» теперь существует только на страницах художественной литературы и используется в качестве сюжетов вестернов. А мы жили не на экране телевизора, а в реальности и ощущали себя маленькими и незащищёнными.

На Маныче.

Ранным утром меня разбудили лягушки. Я вышел во двор послушать их концерт. На фоне едва уловимого звенящего звука донской степи, то слева, то справа раздавалось громкое кваканье. Пройдя по мостику ближе к воде, я услышал, как недалеко от берега плещется рыба, как испуганная дикая утка встрепенулась, забила крыльями. И снова звенящая тишина. Что это звенит? То ли провода на столбах, то ли трава в степи, только ясно слышал я тот мотив, который потом попытался передать в симфонии № 2 «Тихий Дон».

Большая круглая луна почти белая. Она спустила на воду серебряную дорожку, которая едва заметно плескалась в воде, словно приглашая прогуляться по ней.

Постояв немного на мостике и насладившись красотой, я собрался было снова зайти в комнату, когда из домика вышел Костя. Он неспешно вытащил из брюк пачку сигарет, чиркнул зажигалкой и закурил. Потом, увидев меня, направился в мою сторону.

– Батя, ты чего не спишь? – спросил он.

– Не спится. А ты?

– Хочу на утренней зорьке половить с мостика. Люблю, когда тихо и никто не мелькает.

– Я тебе мешать не буду.

– Да нет, ты мне не мешаешь...

Вспомнил, как много лет назад он с товарищем на перекладных добирался сюда рыбалить. Это не так-то близко, километров сто пятьдесят. В жару, на попутных машинах, они ехали сюда, чтобы постоять с удочкой на утренней зорьке. Потом также на перекладных, возвращались домой. Весь их улов годен был только для кошек, но это их не останавливало. Манила природа, красота, тишина.

Костя неспешно пошёл в сарай, выбрал удочку, взял приготовленную с вечера банку с червями и отправился на мостик. Он сел на стульчик, насадил на крючок червяка и далеко забросил леску. Всё. С этого момента мир перестал для него существовать. Можно было спокойно подумать о делах, о жизни, о музыке. Он снова достал из пачки сигарету и закурил.

Поплавок стал нырять в воду, образуя расходящиеся круги. Клюёт. Костя умело подсёк и поднял удилище. На крючке извивался крупный лещ. Он поднял леску к себе и снял с крючка рыбёшку, бросил её в ведро, до половины наполненное водой. Снова надел червячка на крючок, поплевал на него и, забросив удочку, стал ждать.

Вчера это место он «прикармливал», и теперь надеялся на хороший улов. Через минуту снова вытянул леща сантиметров на двадцать пять!

– Иди сюда, миленькая, – приговаривал Костя, снимая с крючка попавшуюся рыбёшку.

Я смотрел на сына и радовался. Потом пошёл в сарай и тоже взял удочку. Но сколько ни забрасывал, сколько ни приговаривал : «ловись рыбка большая и малая» – ничто не заставляло мой поплавок волноваться. А Костя вытягивал из воды рыб одну за другой. Вот уже ведро полное, и он стал опускать рыбу в сетку, которую держал в воде.

– Ты, когда наживляешь червяка на крючок, поплюй на него, – советует сын и улыбается. Я понимаю, что это шутка. А он настаивает:

– Нет-нет. Я серьёзно. Поплюй!

Я покорно выполняю всё, что говорит мне сын, и снова забрасываю удочку. Каково же моё удивление, когда у меня рыба начинает клевать! Конечно, мне ещё далеко до результата сына, но в то утро я всё-таки поймал трёх рыбёшек и был этим очень доволен.

База постепенно просыпается. Из дома вышел Сергей Гордеев. Он сладко потянулся и побрёл в сторону туалета. Потом, умывшись под краном, пошёл к катеру. Они с Костей договорились проверить перемёты. Костя оставил удочку на мостике и пошёл к Сергею.

– Как спал, Серый?

– Нормально. Вчера, видно, переработал. Руки до сих пор болят.

– А что ты думал? Ты же на рыбалку приехал, а не в санаторий!

Они садятся в катер, заводят мотор и, разрывая тишину, направляются к острову, который чернеет вдалеке.

Серая дымка окутала базу. Утренняя прохлада освежает, дышится легко и приятно. Едва уловимый запах рыбы, камыша, лягушек, лёгкое дуновение ветерка делают эту сказку реальностью, и я удивляюсь тому, что это не сон.

ОЧЕВИДНОЕ И ВЕРОЯТНОЕ

Миниатюра

***Жаль только – жить в эту пору
прекрасную
Уж не придётся – ни мне, ни тебе.***

Н. А. Некрасов

Все знают, что глава нашей районной администрации – взяточник и «отмывает» деньги. За короткое время меняет бордюры перед администрацией и в скверике. Но ему всё сходит с рук, так как жена мэра города владеет производством, которое делает бордюрный камень и тротуарную плитку.

Все знают, что врачи и педагоги, чиновники всех рангов и милиционеры, прокуроры и судьи берут взятки, да и как не брать, когда все берут, а не пойман – не вор! Ты сначала поймай его на взятке!

Все знают, что муж и жена – одна сатана. Одна, да не одна! Бывший мэр большого города демонстрировал свою декларацию о доходах, и мне хотелось даже ему чем-то помочь: у бедолаги старенькая прошлого века машинка... Но потом узнал, что жена его, та, что половинка и сатана, богатейшая женщина России, прямо-таки мистер Твистер какая-то, делец и банкир, владелица заводов, газет, пароходов... Впрочем, и начальство его знало, но почему-то молчало. Интересно, почему?

Все знают, что наши высокие чиновники и олигархи, депутаты разных уровней покупают дворцы и яхты, острова и спортивные команды, банки и предприятия за границей, получают вид на

жительство и гражданство других стран, таким образом инвестируя их, а не нас, платя налоги там, а не здесь, строя себе запасной аэродром. Но как же с этим бороться, когда сам такой! Попробуй с этим бороться: посадят в психушку или тихо прибьют в камере предварительного заключения. Потом все будут громко сожалеть, причитать, но проблемы у них с этим вопросом не будет.

Получается почти как по великому Гансу Христиану Андерсену в сказке о новом платье короля. Все видят, что король голый, то бишь что воруют или берут взятки все. Кричат, что борются с коррупцией, но это – очень трудное дело, так как «не пойман – не вор». Как здесь не вспомнить нашего Ивана Андреевича Крылова: «А я бы повару иному велел на стенке зарубить: чтоб там речей не тратить по-пустому, где нужно власть употребить!». Но говорят: как же так?! Что же, прикажете вернуть сталинские времена, когда могли без суда и следствия?! К тому же, если пересажать всех взяточников и коррупционеров, кто же нами будет управлять?!

Все знают, как легко можно справиться с этой бедой. Достаточно внести в закон несколько добавлений:

1. Считать мужа и жену, а также ближайших родственников одной сатаной.
2. Требовать не декларацию о доходах, а отчёт о расходах. Откуда взял деньги на дворец или остров в Средиземном море?
3. Конфисковывать всё несправедно нажитое и не сажать воров в тюрьму, а налагать большие штрафы.

Но кто на это пойдёт, когда самим придётся писать такой отчёт? К тому же: а судьи кто?

Потому-то все знают, что все знают, и ничего не боятся!

И эти размышления вызывают у меня грусть.

СОДЕРЖАНИЕ

НАХИЧЕВАНЕЦ. <i>Повесть</i>	5
БАКИНЦЫ. <i>Повесть</i>	85
КРЫМСКИЕ КАНИКУЛЫ. <i>Повесть</i>	141
ДВЕ БОЛЬШИЕ РАЗНИЦЫ! <i>Рассказ</i>	217
ПРОСТИ МЕНЯ, ДЕДУШКА... <i>Рассказ</i>	244
НОВОЧЕРКАССК. ИЮНЬСКИЕ ЗАМОРОЗКИ. <i>Повесть</i>	254
ПО УЛИЦЕ МОЕЙ... <i>Воспоминания</i>	351
ОЧЕВИДНОЕ И ВЕРОЯТНОЕ. <i>Миниатюра</i>	397

Литературно–художественное издание

**Аркадий Константинович
Мацанов**

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том XXIII

Издательство ООО «Ковчег»

Подписано к печати 5.09. 2012 года.

Формат бумаги 84x108/32. Бумага офсетная.

Гарнитура «Newton C». Усл. печ. л. 22,33

Заказ № 1234. Тираж 500 экз.